

“

Законы должны идти рука об руку с прогрессом человеческой души.

Томас Джефферсон

Пермяков Ю. Е.

**Упразднение актуальности
или возвращение к современности:
две траектории теории права**

Ветютнев Ю. Ю.

О понимании абсолютных ценностей в праве

Синченко Г. Ч.

**Мысленный эксперимент «доска спасения»
в истории философии и юриспруденции:
Карнеад, Пуфендорф и другие**

Алова Д. Г., Лушникова В. А.

**Право и мораль: диалектика отношений
в позитивистской концепции**

№ 4(26)

2025

ISSN 3034-2813

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

РАЗУВАЕВ Николай Викторович, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГРИШКОВЕЦ Алексей Алексеевич, профессор, доктор юридических наук, Институт государства и права Российской академии наук, Москва

ЕСКИНА Людмила Борисовна, профессор, доктор юридических наук, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург

КОМАРОВА Валентина Викторовна, профессор, доктор юридических наук, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, Москва

КНЯЗЕВ Сергей Дмитриевич, профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры административного и финансового права, судья Конституционного Суда РФ, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ЛУКОВСКАЯ Дженевра Игоревна, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

МАНИН Ярослав Валерьевич, кандидат юридических наук, федеральный судья в отставке, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва; представитель Science Publishing Group (Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии; Соединенные Штаты Америки) в Российской Федерации

МОГИЛЕВСКИЙ Станислав Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор, директор Института права и национальной безопасности, заслуженный юрист РФ, Москва

МОЛОТНИКОВ Александр Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва

ПОВОРОВА Елена Александровна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник центра судебного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва

ПОЛЯКОВ Андрей Васильевич, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ПОПОНДОПУЛО Владимир Федорович, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

СЕРГЕВНИН Сергей Львович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург

ХОХЛОВ Евгений Борисович, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Феликс Вакас ФЕРНАНДЕС, доктор философии в области права (специализация в области прав человека), доцент публичного международного права и международных отношений, Университет им. Карлоса III, Мадрид, Испания

Кармен Перес ГОНСАЛЕС, доктор философии в области права, профессор публичного международного права и международных отношений, заместитель декана по международному сотрудничеству и академическим обменам, Университет им. Карлоса III, Мадрид, Испания

Киммо НУОТИО, профессор уголовного права, Университет, Хельсинки, Финляндия

Бъярн МЕЛКЕВИК, профессор Университета Лавала, Квебек, Канада

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, 2025. Оформление.

© Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2025. Оформление.

© Все права защищены.

CHIEF EDITOR

Nikolay V. Razuvaev, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Saint Petersburg

EDITORIAL COUNCIL

Aleksey A. Grishkovets, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Institute of State and Law of Russian Academy of Science, Moscow

Lyudmila B. Eskina, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Saint Petersburg

Valentina V. Komarova, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Kutafin Moscow State Law University, Moscow

Sergey D. Knyazev, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

Dzhenevra I. Lukovskaya, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honorary Professor of Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg

Iaroslav V. Manin, PhD in Jurisprudence, federal judge in retirement, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow; publisher representative of the Science Publishing Group

Stanislav D. Mogilevsky, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Institute of Law and National Safety, Moscow

Alexander E. Molotnikov, PhD in Jurisprudence, Lomonosov Moscow State University, Moscow

Elena A. Povorova, PhD in Jurisprudence, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow

Andrey V. Polyakov, Professor, Doctor of Science (Jurisprudence), Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg

Vladimir F. Popondopulo, Professor, Doctor of Science (Jurisprudence), Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg

Sergey L. Sergevin, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Science (Jurisprudence), North-West Institute of management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint-Petersburg

Evgeniy B. Khokhlov (Hohlov), Professor, Doctor of Science (Jurisprudence), Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg

Bjarne Melkevik, Professor, Faculty of Law, University Laval, Quebec, Canada

Felix Vacas Fernandez, PhD in Jurisprudence (specialization in human rights), Associate Professor of Public International Law and International Relations, University Charles III of Madrid, Madrid, Spain

Maria Carmen Pérez González, PhD in Jurisprudence, Professor of Public International Law and International Relations, University Charles III of Madrid, Madrid, Spain

Kimmo Nuotio, Professor of criminal law, University of Helsinki, Helsinki, Finland

Содержание

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Разуваев Н. В.

Современный правопорядок на границах частного и публичного права 6

СТАТЬИ

Пермяков Ю. Е.

Упразднение актуальности или возвращение к современности:
две траектории теории права 10

Синченко Г. Ч.

Мысленный эксперимент «доска спасения» в истории философии
и юриспруденции: Карнеад, Пуфендорф и другие 25

Зыков Д. В.

Система правовой коммуникации: эмерджентная реальность 39

Ветютнев Ю. Ю.

О понимании абсолютных ценностей в праве 49

Алова Д. Г., Лушникова В. А.

Право и мораль: диалектика отношений в позитивистской концепции 58

Ломакина И. Б.

Значение мифологем в конструировании образа права 69

Пишикина Н. И.

Образовательный суверенитет как элемент суверенитета государства 79

Зацепа О. О.

Правовой анализ особенностей реализации принципа народного суверенитета
в федеративном государстве 91

Тесленко А. А.

Теоретико-правовой подход к оценке результативности и эффективности
государственного управления в сфере научно-технологического развития России 102

Шабанов М. Х.

Зарубежный опыт правового регулирования общественных отношений
в сфере защиты репутации публичного лица 115

Чуева А. С.

Контроль финансовой деятельности публичной администрации
как субъекта финансового права: теоретические и правовые аспекты 128

Изотов Ю. Г.

Монополия Банка России на эмиссию денег: правовой аспект 142

Олейников М. А.

Альтернативные *lex rei sitae* способы регулирования трансфера
права собственности в международном частном праве 157

Бурнос Е. Н., Ошуева В. В.

Исполнение судебных актов в упрощенном производстве: проблемы защиты
доброповестных ответчиков 169

Чобитько М. Б.

Проблема квалификации отступлений от норм УПК РФ: «допустимая погрешность»
или существенное нарушение? 183

Нижник Н. А.

Российский правовой реализм: новая парадигма осмысления права и средство
преодоления кризиса в праве? Рецензия на книгу: Тонков Е. Н. Российский
правовой реализм 195

ОБЗОР

Тонков Е. Н., Тонков Д. Е.

«Верховенство права, справедливость и будущее демократии»: обзор XXXI Всемирного
конгресса Международной ассоциации по философии права и социальной философии
в Сеуле 208

Content

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Razubaev N. V.

The Modern Legal Order at the Boundaries of Private and Public Law 6

ARTICLES

Permyakov Y. E.

The Abolition of Relevance or a Return to Modernity: Two Trajectories of Legal Theory 10

Sinchenko G. Ch.

The "Salvation Plank" Mental Experiment in the History of Philosophy and Jurisprudence: Carneades, Pufendorf, et al. 25

Zykov D. V.

The System of Legal Communication: An Emergent Reality 39

Vetyutnev Yu. Yu.

On Understanding Absolute Values in Law 49

Alova D. G., Lushnikova V. A.

Law and Morality: The Dialectics of Relations in the Positivist Concept 58

Lomakina I. B.

The Significance of Mythologems in Constructing the Image of Law 69

Pishikina N. I.

Educational Sovereignty as an Element of State Sovereignty 79

Zatsepa O. O.

Legal Analysis of the Specifics of Implementing the Principle of Popular Sovereignty in a Federal State 91

Teslenko A. A.

Theoretical and Legal Approach to Assessing the Outcome and Efficiency of Public Administration in the Sphere of Scientific and Technological Development of Russia 102

Shabanov M. Kh.

Foreign Experience of Legal Regulation of Public Relations in The Field of Public Person's Reputation 115

Chueva A. S.

Control of the Financial Activities of the Public Administration as a Subject of Financial Law: Theoretical and Legal Aspects 128

Izotov Yu. G.

The Bank of Russia's Monopoly on Money Issue: Legal Aspects 142

Olynykow M. A.

Alternative to Lex Rei Sitae Means of Regulating the Transfer of Property Rights in Private International Law 157

Burnos E. N., Oshueva V. V.

Enforcement of Judicial Acts in Simplified Proceedings: Problems of Protecting Bona Fide Defendants 169

Chobitko M. B.

The Problem of Qualifying Deviations from the Norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: "Permissible Error" or a Substantial Violation? 183

Nizhnik N. S.

Russian Legal Realism: A New Paradigm for Understanding Law and a Means of Overcoming the Legal Crisis? Book Review: E. N. Tonkov, Russian Legal Realism 195

OVERVIEW

Tonkov E. N., Tonkov D. E.

"The Rule of Law, Justice and the Future of Democracy": Review of the XXXI World Congress of the International Association for Philosophy of Law and Social Philosophy in Seoul 208

СОВРЕМЕННЫЙ ПРАВОПОРЯДОК НА ГРАНИЦАХ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

The Modern Legal Order at the Boundaries of Private and Public Law

Николай Викторович Разуваев,
главный редактор журнала «Теоретическая и прикладная юриспруденция», заведующий кафедрой гражданского и трудового права СЗИУ РАНХиГС, доктор юридических наук

(ЕГПНИ), новый научометрический показатель, призванный систематизировать издаваемые в России журналы, дифференцировав их по степени значимости и месту, занимаемому среди научных изданий.

Идея создания ЕГПНИ возникла в последние годы в качестве ответа на предпринимаемые за рубежом попытки принудительно отрешить российских ученых, в том числе ученых-юристов, от международного исследовательского сотрудничества, ведущую роль в котором они всегда играли. Невзирая на заведомую безуспешность подобных попыток, ибо дух, как известно, «дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит» (Ин. 3:8), приходится констатировать, что они стали очередным шагом на пути возведения искусственных барьеров, разделивших людей, в данном случае людей науки, которым довелось жить в нашу и без того разобщенную эпоху. Невольно встает вопрос, об этом ли думалось всего десять-пятнадцать лет назад, когда строились оптимистические сценарии будущего постсовременного человечества, мыслившегося единым в своем многообразии?¹

Но нет худа без добра, и ситуация разделения научной общественности, о которой идет речь, стала вызовом, способствовавшим внутренней консолидации отечественной гуманитарии, ее сосредоточению на темах и проблематике, которые традиционно находились в центре внимания ее лучших представителей (таких, прежде всего, как В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, Л. П. Карсавин, Н. С. Трубецкой, М. М. Бахтин, С. С. Аверинцев, Ю. М. Лотман). Нет никакого сомнения в том, что исследования этих и многих других авторов, чей список можно продолжать до бесконечности, придадут новый импульс развитию правовой мысли в ближайшие десятилетия, указав выход из ситуации пагубной зависимости от

© Разуваев Н. В., 2025
© Razuvayev N. V., 2025

¹ Относительно единства в многообразии хочется заметить, что данная характеристика, примененная к всемирно-историческому процессу в качестве условной цели, определяющей его закономерности и общую направленность, оказалась более универсальной, чем я изначально предполагал, на что обратил внимание А. В. Поляков в своей весьма содержательной статье, опубликованной в предыдущем номере журнала «Теоретическая и прикладная юриспруденция», посвященном актуальным проблемам постклассической теории и философии права. См.: Поляков А. В. Современные правовые исследования: единство в многообразии // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 3 (25). С. 7–10. EDN: NAYLAC

западных интеллектуальных стандартов, переживающих в настоящее время очевидный кризис. Ярким подтверждением последнего обстоятельства стал поток однотипных и поверхностных текстов, заполонивших страницы иноязычных журналов и создавших ту научную конъюнктуру, в чьи узкие рамки никак не вписывается российская наука (при всех поистине титанических усилиях, прилагавшихся на протяжении десятилетий ее отнюдь не худшими представителями), что и стало причиной вопиющего к ней небрежения со стороны так называемого цивилизованного мира.

Теперь становится ясным, что пришло наконец время вернуться к развитию того исторического наследия, которое составляет идеиную основу российской научной мысли, предопределяя ее уникальный духовный облик и цивилизационную специфику. Необходимым шагом в указанном направлении как раз и становится создание единого перечня научных изданий, который должен создать институциональные предпосылки для накопления и приумножения знаний, в том числе знаний юридических. Создание Единого государственного перечня научных изданий призвано послужить надежным критерием отбора всего лучшего, что есть в отечественной периодике, отделив его от безбрежного моря различного рода «мусорных» изданий, и включение «Теоретической и прикладной юриспруденции» в этот перечень является признанием несомненного качества журнала и его исследовательских заслуг.

С данным событием, заслуживающим особого упоминания, совпало по времени и проведение Седьмых Баскинских чтений, тема которых как нельзя лучше соответствует одной из наиболее актуальных тенденций в развитии современного правопорядка, наметившихся в последнее время. Речь идет о взаимодействии публичного и частного права, их взаимовлиянии и взаимопроникновении, которые происходили на протяжении всей второй половины прошлого века, но стали особенно заметными в первые десятилетия нынешнего столетия. В этом смысле оно выступает и диалектическим развитием, и одновременно своеобразной логической антитезой минувшему столетию, что вообще характерно для хода истории, в том числе истории правовой. Последнее обстоятельство, уже применительно к XIX в., отмечал Н. Я. Эйдельман, соотносивший в своей образной яркой манере «век нынешний (девятнадцатый)» с «веком минувшим», то есть с восемнадцатым уже веком². Представляется далеко не случайным, что соответствующая проблематика, как в историческом, так и в юридико-догматическом ее аспектах, стала предметом обсуждения в рамках очередных Баскинских чтений.

Именно в работах Ю. Я. Баскина были глубоко и всесторонне исследованы основные закономерности эволюции права и политico-правовой мысли на огромном отрезке времени — от поздней Античности, когда создавалась юридическая доктрина Отцов христианской церкви, до Нового времени, когда окончательно сложились черты современных национальных и международного правопорядков³. Вслед за такими своими выдающимися современниками, как М. Фуко и М. К. Мамардашвили⁴, работавшими с общим историко-культурным материалом, Юрий Яковлевич на материале юридическом наглядно продемонстрировал неразрывную связь между так называемым объективным правом как упорядоченной совокупностью институтов и норм, с одной стороны, и системой представлений о праве, формируемых в контексте правового мышления и правового познания — с другой.

В итоге получила развернутое обоснование идея, согласно которой в основе любых трансформаций правового порядка и юридического мышления в широкой исторической ретроспективе лежит смена «исторических априори» (пользуясь терминами М. Фуко), которые разными исследователями именуются по-разному: «парадигмами», «эпистемами» или «типами рациональности». Именно эти базовые для человеческого мышления, в том числе мышления правового, категории предопределяют эволюцию правового порядка в масштабах долгого времени, обусловливая те хорошо известные особенности, которые отличают античное и средневековое право (например, римское право, являющееся наиболее характерным примером данного исторического типа) от правовых систем классического модерна, а их, в свою

² См.: Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия. М.: Мысль, 1986.

³ См. подробнее: Лебедев К. К. Значение трудов профессора Ю. Я. Баскина для развития юридической науки в России // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 4 (14). С. 92. DOI: 10.22394/2686-7834-2022-4-90-96. EDN: FZFRNQ

⁴ См.: Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-cad, 1994; Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеал рациональности // Мамардашвили М. К. Необходимость себя: лекции, статьи, философские заметки. М.: Лабиринт, 1996. С. 229—249.

очередь, от современных правопорядков, развивающихся в тесной связке с международным правом, изучению которого посвятил многие годы своей творческой деятельности Ю. Я. Баскин⁵.

Приходится, однако, признать, что, несмотря на все приложенные усилия, эти «исторические априори», равно как и их динамика, по-прежнему остаются загадкой. В частности, вызывает известные сомнения их трактовка в качестве типов рациональности, получившая широкое распространение в отечественной науке. В самом деле данное понятие, с одной стороны, представляется предпочтительным в сравнении с другими категориями (такими как «парадигмы», «эпистемы» и прочими), поскольку, будучи свободным от не проясненных философских предпосылок, оно является интуитивно и рефлексивно наглядным, а потому наиболее пригодным для того, чтобы составлять теоретико-методологический фундамент специальных научных исследований. С другой стороны, акцент на рациональности мышления в значительной степени ограничивает восприятие как самого этого последнего, так и производных от него социальных порядков, и правовые порядки здесь исключения не составляют.

В самом деле, представлять себе правопознание как единственно и исключительно рациональную работу — значит по-прежнему находиться в пленах у изжившей себя идеологии Просвещения с ее либеральными мифами, представляющими умственное, духовное развитие человечества в качестве поступательного освобождения мышления от иррациональных его элементов и восхождения к торжеству разума во всех сферах действительности. Между тем исторический опыт свидетельствует как об ограниченной эффективности разума, так и о неустранимости иррационального, особенно явно проявляющего себя в аксиологии, образующей фундамент правовой реальности⁶. Правовые ценности (прежде всего справедливость, свобода, гуманизм, милосердие, ответственность и иные традиционные духовно-нравственные ценности) опосредствуются и преломляются не только разумом, оказывая на поведение людей мощное эмоциональное воздействие, без чего немыслимы их регулятивное и воспитательное значение⁷.

Соответственно, и конструирование правовой реальности осуществляется не только интеллектуальными (понятийными) средствами, но и с помощью образов, в том числе образов художественных. Вот почему проблема взаимодействия права и литературы, проблема, по-настоящему еще даже и не поставленная, становится все более актуальной, например, в связи с правовой наукой, в которой вполне уместно видеть один из жанров литературного художественного творчества. Именно благодаря тому обстоятельству, что все правопорядки имеют ценностную основу, глубоко укорененную в мире эмоциональных переживаний и чувственных образов, становится возможной их историческая преемственность в рамках правовых традиций.

Причем, как показали исследования современных компаративистов (в частности, К. Цвайгерта и Х. Кетца), каждая правовая традиция обладает совокупностью уникальных особенностей, которую с достаточным на то основанием можно назвать стилем соответствующей традиции. По словам Цвайгерта и Кетца, «определенный стиль имеют как семья, так и отдельные правовые системы. В сравнительно-правовом исследовании надо стремиться к тому, чтобы научиться распознавать правовые стили и определять правовые семьи и входящие в них отдельные правопорядки в соответствии с индивидуализирующими элементами стиля, другими факторами, отражающими стилевые особенности правовой семьи или правопорядка»⁸. Как известно, важной стилевой особенностью той правовой традиции или, говоря шире, особенностью культурной традиции, поскольку право является важным компонентом духовной и материальной культуры, к которой принадлежит и российская правовая система, принято считать ди-хотому частного и публичного права.

⁵ См., например: Баскин Ю. Я. Новый Завет и становление нового международного права // Управленческое консультирование. 2006. № 4 (24). С. 155–168. EDN: KXTFZH

⁶ В этой связи представляется совершенно справедливым проницательное замечание американского социолога Н. Смелзера, писавшего о «неукротимости примордиального в обществе» (Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. С. 13).

⁷ См. подробнее: Поляков А. В. Конституция России, традиционные ценности и основной принцип права // Конституция и общественный прогресс: материалы международ. научно-практич. конференции / Отв. ред. М. С. Саликов, О. А. Заячковская. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. С. 13–23. EDN: GFBDRW

⁸ Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. I. Основы. М.: Международные отношения, 2000. С. 108.

Есть основания предполагать, что указанная дихотомия характеризует не только западную (романо-германскую) ветвь данной правовой традиции, восходящую своими истоками к римскому праву, но и восточную ее ветвь, обладающую исторической преемственностью с византийским правом, цивилизационно связанным с римским, а также с древнегреческим и с ближневосточным правом, входившими в культурный ареал Римской (а затем и Византийской) империи⁹. Однако констатация указанного обстоятельства представляется явно недостаточной, ибо в разные исторические периоды и в различных правопорядках не только по-разному прокладывались границы между публичным и частным, но и сами эти категории воспринимались принципиально различным образом, в зависимости от особенностей социального и культурного контекста эпохи и не в последнюю очередь в зависимости от господствующего типа рациональности.

Так, рассматривая правопорядок античного Рима, нетрудно заметить, что содержательно римское частное право далеко не тождественно современному частному праву, выделяемому, в том числе на доктринальном уровне, по признаку обособления от права публичного и противопоставления ему. Вместе с тем нельзя не заметить, что такое противопоставление, имеющее не столько юридический, сколько формально-логический характер, является продуктом весьма поздним, проложившим себе дорогу лишь в Новое время, когда окончательно восторжествовала классическая рациональность с ее ориентацией на естественные науки и функционирование изучаемых ими механических систем¹⁰. Между тем для исторически аутентичного римского права, а не для его абстрактно-невременной версии, сконструированной Савини и другими германскими юристами первой половины XIX столетия (*des heutigen römischen Rechts*), характерно скорее внутреннее сущностное единство частного и публичного права. Последнее виделось римским юристам как особая сфера частного права, имеющая своим предметом отношения с участием римского государства, которое, в свою очередь, обладало историческим своеобразием и представляло собой коллектив частных лиц. В этом сущностном единстве частного и публичного нельзя не заметить проявления доклассического правового мышления, характеризующегося синкретизмом эмоционально-образных и понятийных элементов.

В наши дни снова изменяются границы, отделяющие частное и публичное, и формируется новый синтез, обеспечивающий диалектическое единство частноправовых и публично-правовых компонентов правопорядка. Разумеется, даже в силу своего профессионального кредо мне весьма трудно было бы утверждать, что это единство означает полное и безоговорочное господство публичного права, приводящее к ликвидации частного права как такового. На мой взгляд, ситуация обстоит сложнее и опять-таки «диалектичнее». Речь идет не о стирании границ, но о движении правопорядка и правового мышления поверх этих границ, «на их стыках и пересечениях», что, собственно, и является характерной особенностью постклассической рациональности, на которую обращал внимание М. М. Бахтин¹¹. Полагаю, что это движение российского правопорядка на границах частного и публичного (и поверх этих границ) станет основной тенденцией его развития в нашей стране на ближайшую, а возможно, и на более отдаленную перспективу. Хотелось бы также надеяться на то, что оно получит всестороннее рассмотрение на страницах журнала «Теоретическая и прикладная юриспруденция» в следующем году.

⁹ См. подробнее об этом: Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV–VIII вв. Л.: Наука, 1976. 300 с.

¹⁰ См.: Степин В. С. Классика, постклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура: коллективная монография / отв. ред. Л. П. Киященко и В. С. Степин. СПб.: Издат. дом «Миръ», 2011. С. 252.

¹¹ Бахтин М. М. Проблема текста // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5: Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. С. 307.

EDN: IXGRSI

Дата поступления статьи: 24.07.2025

Дата поступления рецензии: 11.08.2025

Дата принятия статьи к публикации: 02.09.2025

Упразднение актуальности или возвращение к современности: две траектории теории права

Пермяков Ю. Е.

Независимый исследователь (Самара, Российская Федерация)

E-mail: permyakov54@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме актуальности в современной теории права и философии. Актуальность науки понимается как ее способность отвечать вызовам времени, устранять препятствия и решать неотложные задачи. В юридической науке наблюдается разрыв между традиционной догматикой и изменяющейся правовой реальностью, что требует переосмыслиения ее методологии и обращения к философским основаниям права.

Рассматривается историко-философский контекст, в котором право перестает быть неизменной сущностью и становится средством коммуникации между субъектами, которые поставлены перед практической задачей юридической защиты своих интересов. Автор анализирует кризис правовой системы в XX веке и ставит вопрос об ответственности как методологическом принципе философии права. В заключение подчеркиваются принципиальные особенности современной правовой догматики, основаниями которой послужили идеи о субъекте, разрабатываемые в постклассической философии.

Ключевые слова: актуальность науки, современность, кризис права, философия права, правовая догматика, методология юриспруденции, онтология права, субъект права.

Для цитирования: Пермяков Ю. Е. Упразднение актуальности или возвращение к современному: две траектории теории права // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 4 (26). С. 10–24. EDN: IXGRSI

The article was submitted: 24.07.2025

The article approved after reviewing: 11.08.2025

The article accepted for publication: 02.09.2025

The Abolition of Relevance or a Return to Modernity: Two Trajectories of Legal Theory

Permyakov Y. E.

Independent researcher (Samara, Russian Federation)

E-mail: permyakov54@mail.ru

Abstract

This text is devoted to the problem of relevance in modern legal theory and philosophy. The concept of "relevance" goes beyond simple innovation and is associated with the need to respond to the challenges of the time, remove obstacles and solve urgent problems. In legal science, there is a gap between traditional dogmatics and changing legal reality, which requires rethinking its methodology and turning

to the philosophical foundations of law. The article considers the historical and philosophical context in which law ceases to be an unchanging entity and becomes a means of communication between subjects who are faced with the practical task of legal protection of their interests. The author analyzes the crisis of the legal system in the 20th century and raises the question of responsibility as a methodological principle of the philosophy of law. The rethinking of legal concepts and the purpose of legal institutions is not in all cases subordinated to the interests of the law itself, which in the implementation of political projects sometimes loses its fundamental properties. In conclusion, the fundamental features of modern legal dogmatics are emphasized, the basis of which were the ideas about the subject developed in postclassical philosophy.

Keywords: relevance of science, modernity, crisis of law, philosophy of law, legal dogmatics, methodology of jurisprudence, ontology of law, legal subject, legal practice, case proceedings.

For citation: Permyakov, Yu. E. The Abolition of Relevance or a Return to Modernity: Two Trajectories of Legal Theory. *Theoretical and Applied Law*. No. 4 (26). Pp. 10–24. (In Russ.)

Введение

В теории права давно назрел серьезный разговор о том, что такая актуальность как элемент научной методологии. Пока ясность есть лишь в том, что поиском оптимальных формулировок, которые бы устроили членов диссертационных советов, дело не ограничивается¹. Необходимо ориентировать науку на поиски нового языка и методологии, отвечающей запросам современности, и тогда актуальное, которое в настоящее время служит синонимом нового и интересного, обретет свой первоначальный и, как представляется, подлинный смысл: актуально то, что отвечает сложившейся ситуации, устраняет препятствие и требует безотлагательного решения. Исходным пунктом последующих рассуждений о том, как понимать актуальность отечественной философии и теории права, выбрано понятие «современность». Без перспективы, задаваемой прошлой культурой и траекторией философской мысли, методология юридической науки в осмыслении актуальных задач ущербна: ее инструментарий, рассчитанный на анализ феноменов в границах их юридических значений, не располагает возможностью для обстоятельного ответа на вопрос о том, что происходит с самим правом. Соответственно, тенденции, обнаруживаемые в самой юридической науке, также остаются без объяснения, поскольку ее судьба и достоинства целиком определяются состоянием изучаемого ею права. Наука о праве не может полагаться на произвольно выбранную ею «методологию», если само право не дает к этому оснований.

Связь между состоянием права и юридической науки была особо отмечена еще в XIX в. Джоном Остином, полагавшим, что юриспруденция «разъясняет то, что существует всеобщим образом как право»². Из онтологического допущения существования права следует задача его научного описания и объяснения. Эта мысль может показаться тривиальной, если игнорировать процессы, в силу которых существование права оказывается событием, подлежащим описанию и осмыслинию. Невозможно усилием воли заставить себя мыслить о праве и тем более мыслить так, как это предписано научной концепцией, — мысль о нем рождается сама из недоумения: что происходит?

Ответ на вопрос «что происходит?», подразумеваемый при каждом разговоре о современности, предполагает не описание уже происшедшего, а предугадывание возможного с опорой на целостное видение предмета. Эта мыслительная деятельность располагается в сфере компетенции философии, лишь ей позволительно задаваться вопросом о целостности, служащей образом и не имеющей собственного материального субстрата и свойств объекта, хотя язык принуждает говорить обо всем существующем так, что наделяет это «всё» признаками воспринятого факта или длящегося события. Однако «целостность»

¹ В отдельных отраслях знания проблема актуальности обретает важность преимущественно при поиске удачных формулировок в работе над текстом диссертации. См. напр.: Полонский В. М. Актуальны ли актуальные темы? // Педагогика, 2024. Т. 88. № 11. С. 33–42. EDN: PHSYVL

² Остин Дж. Определение области юриспруденции. СПб.: Алетейя, 2022. С. 442. EDN: TINRBB

не дана в опыте восприятия, описанием чего занимается наука³. Возникнув из представлений о совершенстве и соизмеримости, целостность не покидает область представляемого, оставаясь принадлежностью индивидуального сознания, в котором ей надлежит исполнить роль интегрирующего начала мысли и действия, поэтому рассуждение о ней составляет прерогативу метафизического мышления, в котором человек узнает себя в создаваемой им смысловой картине мира и предваряет в разумном целеполагании образ собственных действий и бытия. Любые перемены он наделяет значением, производным от собственного миропонимания. Без этого он бы никогда не смог констатировать исполненность замысла, завершенность сделанного, ущербность или отсутствие чего бы то ни было. Иначе говоря, вопрос о том, что происходит с правом, — а это именно тот вопрос, ответ на который предваряет понимание актуальных проблем общей теории права и отраслевых юридических наук, — следует адресовать философии, которая способна обосновать должное и представить право и правовое долженствование как область социальной жизни, в которой реализуются правовые притязания и достигается соизмеряемое единство личности и ее правового статуса. Когда наука ищет решения философских проблем, она, ориентированная на получение нового знания и информации об известном ей предмете, не подозревает о возможной его подмене. Ей всегда найдется, что сказать про изучаемый предмет, коль скоро он аксиоматично задан в качестве условия самой науки. Поэтому теория права, наблюдая изменчивость правовой материи, не способна констатировать отмену права, предпочитая именовать правом любую дисциплинарную практику, санкционированную властью или международным сообществом. То, что в политической истории привычно именуют историческим развитием, а то и прогрессом, может представлять собой попятное движение, архаизацию права, девальвацию правовых принципов и аксиом. Однако теория права этих опасностей не замечает, она всегда констатирует наличие своего предмета и происходящие в нем перемены. Если ей приходится наблюдать его существенную деформацию, то даже в этом случае право не исчезает из повествования о действительности, подобно тому как врачебная диагностика недомогания и болезни пациента подтверждает наличие длящейся жизни, атрибутами которой они являются. Точно так же утверждения о превышении полномочий или о нарушении гражданских прав косвенно подтверждают наличие этих полномочий и прав, которым полагается государственная защита. Социологически подтвержденное снижение эффективности права, недовольство уровнем правовой культуры и защищенности от произвола также говорит о его неустранимом присутствии в общественной жизни.

Достижение ясности в понимании актуальных задач теории продиктовано мыслью об исторической изменчивости права и возможной утрате им тех свойств, без которых оно теряет собственную сущность и превращается в нечто иное. Чем бы ни было это «иное», ясно, что в прежние правовые сценарии внесены корректизы и, говоря словами Ницше, при старых кулисах уже разыгрывается другая пьеса. Этот скепсис не был характерен для старой метафизики, которая приучила к мысли о тождественности и преемственности всякой сущности. Отметим этот момент, прежде чем рассуждать дальше: философия права актуальна в той мере, в которой определяет и раскрывает опасности, грозящие праву и препятствующие его развитию.

Человек задает вопросы о том, что есть, каков мир и, соответственно, что должно делать, чтобы воспроизвести предметную среду, в которой он обретает и сохраняет смыслы, то есть понимание собственной причастности хорошему делу. Без этой необходимой работы сознания ему не выбраться из круговорота случайных и бессмысленных событий. М. К. Мамардашвили определил форму такого мышления так: это мысль о спасении. Сама жизнь устроена таким образом, что «приходится спасаться»⁴, то есть преодолевать какие-то препятствия, бежать от абсурда и устранять угрозы собственному существованию.

Переосмысление правовых понятий и назначения правовых институтов далеко не во всех случаях подчинено интересам самого права, которое в реализации политических проектов иногда теряет свои

³ «Целостность — это не свойство, не атрибут, а специфический взгляд, который позволяет находить общее, связанное, нерасторжимое». (Тронина Л. А. Философско-антропологические и естественно-научные аспекты целостности человека // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 18 (156). С. 32. EDN: KUXXXD).

⁴ Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте. М.: Ad Marginem, 1995. С. 11.

фундаментальные свойства, например, нормативность в смутное время («приказное право») или гарантированную мощью государства принудительную силу («парад суверенитетов»), и временами конфликтует с моралью и религиозными убеждениями. Рассматривая право как упорядоченную систему норм и порой достаточно жестко комментируя нововведения, теоретики-юристы тем самым на протяжении нескольких десятилетий содействовали мифу о научном обеспечении неуклонного совершенствования законодательства и практики правоприменения. Он и поныне сопровождает безудержное законотворчество. И потому авторские заверения теоретиков права об актуальности предпринятого ими исследования смахивают на выданные самим себе похвальные грамоты, доверия они не вызывают.

В свете вышесказанного ответ на вопрос о том, что происходит с правом, предполагает осведомленность относительного того, способны ли участники правовых отношений сохранить себя в новых обстоятельствах, не растерять те смыслы, вне которых им невозможно мыслить собственную жизнь, деятельность и карьеру. Высокая текучесть кадров в правоохранительных органах и профессиональное «выгорание» юристов наглядно подтверждают эти опасения. Теоретическая же проблема заключается в том, чтобы понять, действительно ли рассуждения об опасностях, угрожающих праву, отличаются от констатации его кризиса и от обывательского недовольства установленными властью законами, которые встречаются практически во все времена. Достаточно ли размытия фундаментальных понятий права, чтобы сделать вывод о новых временах, когда порываются с традицией уважения к праву и всецело полагаются на силу в деле сохранения международного и национального правопорядка?⁵ Как возможна констатация утраты или отсутствия права?⁶ Способно ли само право идентифицировать опасность собственными средствами, или же философские предупреждения обречены прочитываться юристами как ставшая привычной в XXI в. алармистская риторика?

Результаты исследования и их обсуждение

К исходным идеям современной доктрины права

Античному человеку и средневековой культуре понятие современности было неведомо. Там, где единожды созданный мир устойчив, а времена циклично, современниками, то есть теми, чьи мысли и настроенияозвучены благодаря пребыванию в круге схожих событий, могут оказаться мыслители всех предшествующих поколений. Тогда универсалии и мудрость предыдущих эпох востребованы при осмыслинии и решении любого вопроса, и требуется изрядная доля смелости на то, чтобы обосновать отличие собственных рассуждений от речей знаменитых философов. Следование традиционным способам мышления служит гарантней если не истинности, то, во всяком случае, права на суждение: не ты первый вошел в эту реку, не тобою первым затронуты темы и определены принципиально важные для познания опорные категории. Приобщение к культуре в таком случае есть невыдуманное и не присвоенное одной лишь собственной прихотью основание права на вступление в философский диалог. В том, что таким правом обладают не все желающие, которым «есть что сказать», даже если они посвящены в тайны Вселенной, сомневаться не приходится.

⁵ Эта озабоченность, в частности, высказана известным специалистом в области международного права В. А. Карташкиным: «Не только ученые выступают с идеей о кризисе и девальвации современного международного права, но и государственные деятели и дипломаты, которые в последнее время к ним присоединились и призывают де-факто к отмене нынешнего международного права и создания нового мирового порядка». (Карташкин В. А. Устарело ли международное право: мифы и реальность // Государство и право. 2022. № 8. С. 138. DOI: 10.31857/S102694520021586-5. EDN: ANCNOX).

⁶ Представьте себе, что при обсуждении кризиса государственности констатируют убывание признаков государства, например, подмену должностных обязанностей клановыми отношениями. Есть ли уверенность в том, что государство отмирает, превращаясь в диктатуру, меняет или утрачивает свою сущность, становится, как выражался В. И. Ленин, «полугосударством»? Или, напротив, государствоведы имеют дело не с отклонением власти от собственной сущности, а с ее трансформацией, развитием, новым типом государственности, с которым следует считаться так же, как ранее считались с прежней политической формой? В обсуждении права ведутся аналогичные дискуссии: правоведы наблюдают нечто аномальное в жизни права, его архаизацию, возвращение к примитивным формам и процедурам, — имеются ли в этом случае основания для вопроса «что происходит с правом»? И когда юристы констатируют утрату некоторых функций права или отсутствие его свойств, например, общественность нормы, закономерен вопрос рефлексирующего сознания о том, что дает им основания полагать, что право непременно должно обладать этими качествами.

Для профессионального мыслителя рассуждение о социальном мире начинается с признания того, что он «мыслит уже помысленное» другими⁷. Это обстоятельство объясняет необходимость преемственности в философском споре и исключает легкое решение проблемы невниманием к позиции оппонента. Какой бы смелой и оригинальной ни была мысль, найти своего адресата ей удается лишь при условии, если она вплетена в смысловой контекст культуры. Ткань философских рассуждений — это не метафора, а специфическая особенность философского труда: интеллектуальное ткачество, плетение смысловых узоров и проговаривание пока еще неясных идей составляет непрерываемое повествование об устройстве мира. Этим философия похожа на литературу и даже на музыкальное творчество, где основные сюжеты варьируются бесконечно. Становится понятной легитимирующая функция классических текстов: коль скоро размышления о праве опираются на мысли Платона, Аристотеля, Абеляра, Харта, Фуко, то вроде бы нет места сомнению в том, занимаешься ли достойным делом и не вовлекаешь ли собеседников в пустой разговор. Так увлечение историей философии исподволь замещает внимание к ее методологии с неизбежным в таком случае угасанием интереса к современности и современникам, отечеству и соотечественникам⁸. Однако философствование, в котором оставлены без внимания актуальные вопросы своего времени, рискует оказаться никудышным делом, а если оригинальность текста признана экспертым сообществом в качестве главного критерия для оценки его содержания, профессиональное общение затруднено отсутствием точек схода, иначе говоря — отсутствием предмета обсуждения, который в качестве смысловой конструкции сам не возникает из ничего, как плесень в углу. Любая мысль рождается из ментальной неустроенности в голове и понимания собственной причастности к предмету рассуждений. О сомнениях предстоит поведать собеседнику в расчете на его содействие в обретении ясности. Необходимо сополагание жизненных позиций и стратегий, для этого по меньшей мере нужно погрузиться в стихию индивидуальных поступков и судеб, однако правовое мышление и правовая догматика, впрочем, как и философия, не всегда предназначены для рассуждений о единичном, предпочитая сосредоточивать внимание на универсальных законах и общих закономерностях. И пока это пространство сугубо частных, уникальных и, возможно, бестолковых стараний в реализации правовых норм и притязаний, образующих мощный пласт действительности, не будет описано правовой наукой как достойный предмет изучения, философия будет в растерянности применять привычные для анализа социума схемы, не уместные в осмыслении индивидуальной судьбы и роковых для всей своей жизни решений⁹.

События мирового масштаба — научные открытия и технические достижения, войны, революции, природные катаклизмы и экологические катастрофы — меняют настроение философа тем, что их отзвуком в его голове звучат неизбежные вопросы об упразднении самой философии и о том, насколько правильно в покачнувшись времена продолжать мыслить прежним образом и соблюдать прежние нормы. Попытки найти в здешнем мире «присутствие другой архитектоники»¹⁰ обрекают философию на то, чтобы быть мужественной, поскольку ей предстоит, не убоявшись абсурда и прочих рисков, осуществить переход от одного мира (и миропонимания) к другому, в котором упраздняются прежние категории и предполагавшиеся извечными такие, например, сущности, как Бог, материя, вселенская справедливость или даже идея детерминизма и постоянства онтологических структур, о чем повествует «философия нестабильности» И. Р. Пригожина. В чередовании имен и текстов, в которых просматривается образ эпохи и ее ключевые проблемы, порой образуются разрывы, и тогда новая философия заявляет о себе и своем

⁷ См.: Бурдье П. Политическая онтология М. Хайдеггера. М.: Практис, 2003. С. 38.

⁸ «Мы не интересны ни себе, ни друг другу: все по необходимости. Много прежде, чем спохватились самые чуткие, цитата стала едва ли не единственным аргументом в дискуссии: сегодня на этом основана подлинность». (Исаев А. А. Апория преемственности: история философии. М.: РГГУ, 2005. С. 9. EDN: QWJ1CH).

⁹ Фигуры начальника концлагеря Адольфа Эйхмана и эзсовского судьи Конрада Моргена, пытавшегося на основе действующих законов Германии привлечь к ответственности инициаторов массовых казней узников нацистских лагерей смерти, уже стали предметом философского анализа через призму индивидуальной стратегии выживания в фашистском государстве. Но если анализ жизненного пути во всем полагавшегося на приказы исполнительного А. Эйхмана выяснил проблему «банальности зла» (Х. Арендт), то история К. Моргана, выбравшего путь неявного сопротивления нацизму в границах нацистской законности («правосудие в условиях извращенного права»), оставляет массу вопросов. Авторы исследования его тактики борьбы с нацизмом посредством возбуждения уголовных дел о коррупции и хищении констатируют его «ущербную совесть» и полагают, что бегство за границу и пренебрежение правом было бы лучшим вариантом сопротивления нацистским порядкам. См.: Пауэр-Штудер Герлинде, Веллеман Дэвид. Конрад Морген: совесть нацистского судьи. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. С. 211–216.

¹⁰ Марсель Габриель. О смелости в метафизике. СПб.: Наука, 2012. С. 230.

отношении к традиции довольно выразительно: в попытке освободить себя от «академических путей» она манифестирует новые смыслы и не чурается громких заявлений — об исчезновении материи, конце истории, смерти субъекта и т. д. Гегель, Штирнер, Шопенгауэр, Ницше, Маркс в позапрошлом веке, равно как и Ясперс, Фейрабенд, Жижек, Бадью в недавнее время при непохожести исповедуемых ими идей всё же интонационно близки общим для них настроением воинственности и духом отрицания в проработке текстов своих великих предшественников и пользующихся мировым признанием оппонентов.

Если связь времен прервалась и абсолютно всё проговариваемое безосновательно претендует на актуальность, трудно избежать вопроса о том, каким должно быть философское рассуждение. Приходится вслушиваться в многоголосие, где характер дискуссии и ее предмет зачастую задан вздорной идеей, или искать верный тон в тревожной атмосфере чрезвычайной ситуации и, что для философии более ощутимо, вступать в полемику с таким отношением собеседников к философской традиции, которое затрудняет обращение к категориальному строю и проблематике прежних времен. Как быть современным, если философия полагает, что она сама под вопросом — вечно одно и то же, без своей истории и движения? Тогда без понимания принадлежности к культуре и без опоры на опыт прошлого, благодаря которому только и возможно составить представление о собственном расположении в плоскости исторического времени, приходится иметь дело с идеями вне какого-либо контекста. Рассуждение о праве «как таковом», т. е. в качестве неизменной сущности во все времена и на всем обозреваемом историческом ландшафте, позволяет вступить в дляящуюся дискуссию, коль скоро обсуждается право в качестве «того же самого» — нормы, повеления или акта принуждения, но вместе с тем такое допущение сужает предмет теоретической юриспруденции: им могут стать лишь предельно абстрактные логические системы и «общие закономерности». Соответственно, в качестве ее практической задачи выступает обобщение правоприменительной практики, в чем бы она ни состояла, что не ориентирует на поиск и анализ необычных фактов, неожиданных precedентов и удачных профессиональных разрешений («лейфхаков») трудных казусов, которые не вписываются в перечень шаблонных тем юридической доктрины. В итоге вопрос о том, что происходит с правом, в научном дискурсе не звучит, страдающая от оскудения тем юридическая наука узнает лишь узнаваемое; учение о нормах, юридическая техника, квалификация и толкование, источники права, судебная практика по отдельным категориям дел — вот круг занимающих ее вопросов. По мере увеличения сектора обзора правовых культур разных народов поиск общих черт права неизбежно осложняется фактом его исторического разнообразия, вследствие чего самыми «ходовыми» его характеристиками остаются всё те же нормативность, формальные источники и опора на аппарат государственной власти.

Разрыв в интеллектуальной жизни, без которого понятие современности оказалось бы в философии избыточным, осмысливается с разной степенью дискретности — эсхатологически и всеобъемлюще, как у апостола Павла («проходит образ мира сего»), или хронологически, как «новое время», «рубеж веков», и даже — отрицательно, как потерянность, «безвременье», «пауза», «интервал между прошлым и будущим». Иногда между культурой и актуальной ситуацией образуется внушительная брешь, и тогда понимание современности лишается глубины и ориентиров: концепции, объясняющие устройство мира, посрамлены, закономерности не просматриваются, возможно всё, и любой случившийся факт случаен. И, как и всё не поддающееся типизации, он остается без объяснения. Когда «мысль и действительность разошлись путями» (Х. Арендт), набирает силу убеждение в том, что действие, как и сама мысль, не обусловлены друг другом, не составляют онтологического единства и потому могут быть всячими. Пребывание политической практики с философией в параллельных пространствах характеризуется небывалой склонностью к радикальному реформированию самой реальности без оглядки на старую и неуместную «в новых реалиях» метафизику. Тогда допустима любая интерпретация современности, поскольку никакая из них не обладает значимостью и не наделена силой обязывания. Долженствование не привносится в мир игрой ума и смелыми предположениями. В ситуации онтологического расхождения мысли и действительности идет в рост идея методологического плюрализма, поскольку выбор способа рассуждений предельно произволен и ничем помимо свободного усмотрения самого автора или предпочтений идеологических инстанций не обусловлен. Ведь тот, кто следует за собственной идеей и волен игнорировать запросы умолкнувшей реальности, категориями актуального мыслит в послед-

нюю очередь, поскольку дискурс, в котором находится место «актуальному», возвращает к реальности, и любой выбор, руководимый соображениями об актуальном, подчинен объективным обстоятельствам. Философия всё больше оказывается игрой воображения, непрестанным творчеством одаренных людей, опасающихся потерять единственное свое достояние — язык с его способностью различать смыслы и постулировать сущности. И когда прежний язык уступает место новому, былые взгляды и концепции оказываются оттесненными на периферию. Современная философия права переживает именно такой этап, когда практически невозможно встретить дискуссию, где говорят об одном и том же на общем для ее участников языке, отчего обсуждение актуальных тем современной правовой политики уступило место обмену мнениями о наиболее примечательных публикациях и высказываемых идеях в научном сообществе. Есть ли надежда на то, что право само заявит о себе словами тех юристов, которые погружены в исследование его практической логики и прагматики? По мнению И. Д. Невважая, «неклассическая философия должна уметь различать факт и право и предложить способ аргументации, который апеллирует не к наличным „фактам“, а праву»¹¹. Хотелось бы подчеркнуть этот момент и продолжить мысль: назначение философии права состоит не в обращении к внешним источникам аргументации, не в повествовании о себе самой и не о том, что пришло в голову начитанным и эрудированным специалистам в области современной культуры и политики. Философия права — это голос самого права, которое лишено возможности артикулировать самое себя, заявить о себе и своем. Только в этом случае возникает уверенность, что предмет философии права не вымыщен, а ее проблематика актуальна, то есть своим содержанием соответствует осмыслению грозящих праву опасностей. Проблематика философии права всегда производна от национальной истории и культуры, поэтому не удивительно, что заимствование зарубежных концепций вызывает сомнение. Право не следует в русле философских разговоров на быстротечные и модные темы, оно подчас принуждает к весьма традиционному ходу рассуждений.

Юридическая наука и философия права долгое время были застрахованы от утраты связи с реальностью тем, что без права не обходятся ни в одной сфере общественной жизни. В экономике, политике, культуре и спорте в массовом порядке устраивают конкурсы, учреждают правила и взывают к ответственности. Сегодня можно наблюдать, как сама философия предпочитает обращаться к приемам правового мышления в поисках инстанции признания или в споре о том, что именно в философии и науке должно быть сочтено неприемлемым¹². Правовые метафоры в философской речи не случайны. Законы правового мышления присутствуют в ткани рассуждений тех, кто даже не помышляет о праве — у нон-конформистов, призывающих “to break the rules”, и политиков, которым кажется, что они достаточно свободны в выборе средств по пути следования к общественному идеалу, чтобы не связывать себя нормами и законами правового мышления.

Поэтому, подводя некоторый итог сказанному, согласимся с тем, что поворот современной философии к юридической практике, который отмечается во многих публикациях, представляется выходом из того ее состояния, в котором упразднен интерес к актуальности. Делом философии должна стать разработка топологии новой юридической догматики и обозначение ее принципиальных отличий от прежней, которая досталась современности по наследству от XIX века. Необходимо составить план местности и положение фигур, среди которых расположен актор — юрист, принимающий решение, осведомленный о правовых стратегиях и владеющий критериями их выбора. В философском аспекте эта задача может быть решена посредством уяснения того, кто и в силу каких обстоятельств может быть сочен субъектом правового суждения и в качестве такового вступить в правовую коммуникацию с иными сторонами взаимодействия. Если юриспруденцию сравнить с шахматной игрой, то правила перемещения фигур и их расположение на шахматной доске следует отнести к традиционной догматике права, которая сформулировала основные понятия и правила, но сама игра, рассчитанная на интеллектуальное состязание противников и их осведомленность о практикуемых моделях атаки и защиты, представляет собой пред-

¹¹ Невважай И. Д. Манифест правовой философии // The Digital Scholar Philosopher's Lab. 2018. Vol. 1. No. 3. P. 15. DOI: 10.5840/dspl20181327

¹² М. Хайдеггер в своих размышлениях постоянно задается вопросом о том, откуда берут науки, «для которых происхождение их существования остается неясным, полномочие на такие суждения? Откуда берут эти науки право определять местонахождение человека, а себя приводить в качестве мерила этого определения?» (Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: Территория будущего, 2006. С. 56).

мет новой науки о праве, в которой есть место методике достижения успеха в профессиональной деятельности. Без теоретического осмысливания этого опыта индивидуальной и коллективной защиты права философские исследования общих понятий и поиск дефиниций будут вызывать оправданные сомнения в их актуальности.

Юридическая практика через призму неклассической философии права

Философия в классическую пору метафизического мышления полагала право естественной и неотъемлемой частью мироздания. Вопросом об актуальности собственных сочинений не задавались, поскольку в свете вечности и нескончаемого пути познания Абсолюта актуальное не просматривается. Постоянство открываемых законов человеческого общежития исключало внимание к ситуативности самой человеческой жизни, о которой заговорил Ницше в своей «веселой науке». Но и у него право представлялось неизбежным для социума установлением, социальной смирильной рубашкой, чтобы посредством ответственности «сделать человека до известной степени необходимым, однообразным, равным среди равных, регулярным и, следовательно, исчислимым»¹³. На преодоление налагаемых на человека оков Ницше вдохновлял своего «сверхчеловека».

Необходимость онтологического обоснования права стала ясно осознаваться в XX веке, когда на место центральной фигуры в картине мира был помещен субъект, который не располагался за его пределами, а принадлежал самой окружающей его действительности. В отличие от Бога, идеи, рода (человечества) и неустранимой власти государства новый субъект, о котором поведали марксизм и экзистенциальная философия, был лишен бессмертия и потому пребывал в постоянном беспокойстве относительно своей судьбы. В Европе и других частях света возникали и конкурировали друг с другом политические режимы, в которых сокрушение правовых систем и законности было отнесено к компетенции государства, охотно учреждавшего в роли демиурга новый мир без питета к потусторонним для него идеям права и ответственности для всех справедливости. Этот восторг от игры ва-банк засвидетельствован политической практикой немецкого фашизма, советского большевизма, именуемых «культурной революцией» китайскими погромами, — во всех случаях сокрушение прежнего уклада жизни и государственности легитимировалось вдохновенными соображениями тотальной борьбы за будущее¹⁴. Самые абсурдные начинания — узаконение ответственности за социальное происхождение и национальную принадлежность, массовые репрессии против политической оппозиции и устранение партий, авантюрные попытки «перековки» заключенных и окончательного решения «еврейского вопроса» в лагерях смерти — были облечены в юридические формулы и сопровождены доктринальным обоснованием¹⁵. Теоретики права последовали примеру Карла Шmitta и приняли как должное новую реальность, в которой под знаком «защиты права» вспыхнула «война в мирное время»¹⁶. Впоследствии другое поколение юристов поставило им это в вину. На Нюрнбергском процессе 1947 г. подчинение судей и государственных обвинителей приказам фюрера было сочтено ненормальным. Защита довольно часто обращалась к понятию ненормальности, характеризуя таким образом индивидуальные особенности самого фюрера и его окружения, однако обвинение придерживалось иной позиции — ненормальной была сама учрежденная национал-социалистами неправовая государственность, в границах которой произошла «дегенерация судебной системы»¹⁷. Все нацистские

¹³ См.: Ницше. К генеалогии морали // Собрание сочинений в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 440.

¹⁴ «Новое» в какой-то момент стало синонимом «прогрессивного». Без глагола «перекраивать» трудно представить какой-нибудь социальный очерк 30-х годов. Немецкий филолог Виктор Клемперер в работе о языке третьего рейха вспоминал: особую популярность приобрели глаголы с приставкой «раз/рас»: разгорчить, разгромоздить, расчистить, растрошибить. Во всем этом угадывалась пространственная модель власти — с ее готовностью докопаться до всего, что от нее спрятано, и высветить все темные углы действительности. См.: Клемперер В. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 9. EDN: SYXNUV

¹⁵ «Известные теоретики права, симпатизировавшие нацистскому режиму, подчеркивали конституционный статус „нюрнбергских законов“ (о расовом делении населения на арийцев и неарийцев. — Прим. автора), благодаря чему те стали правовой основой национал-социалистической Германии». (Пауэр-Штудер Герлинде, Веллеман Дэвид. Конрад Морген: совесть нацистского судьи. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. С. 37).

¹⁶ Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 360.

¹⁷ Из приговора. Нюрнберг, 4 декабря 1947 г. — <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/165122-iz-prigovora-nyurnberg-4-dekabrya-1947-g#mode/inspect/page/236/zoom/4> (дата обращения: 20.07.2024).

законы, несмотря на декларируемую приверженность идеологов рейха идеям правового государства, подлежали отмене. Если утрачено доверие к нормативности как таковой, а некоторые юридические процедуры сочтены опасными для правосудия, теории трудно избежать вопроса о том, как возможно право¹⁸. Необходимость защиты самого права, на которое возлагалась охрана общественных институтов и отношений, никогда не воспринималась отдельно от интересов государства, однако примитивизация правовых технологий в угоду политическим целям поставила теорию перед фактом: право способно утаивать опасности в себе, а международная правосубъектность и государственный суверенитет не гарантируют обществу устойчивость правопорядка. Наиболее легкий и, как представляется, лишь создающий видимость способ решения проблемы представлен вариантом, когда юридическому предписанию отказывают в принадлежности к праву по идеологическим и ценностным основаниям. Большая часть современных юристов выступает против признания нацистских законов правом. Известно также, что В. С. Нерсесянц с позиций разработанной им либертарной концепции не находил признаков права в «пролетарском праве»¹⁹. Чем же они были, эти юридические нормы и судебные процессы в те времена, когда понятия «излишки», «член семьи изменника родины» и «трудодень» имели юридическое значение? Желание выкопать ров между правом и не-правом понятно, но в таком случае научная теория освобождает себя от ответственности предугадывать внутренние угрозы для права на том основании, что они по своему происхождению далеки от предмета юриспруденции, вроде бы как «не нашего ума дело».

Размышлениям в хайдеггеровском стиле — как возможно право? — в пространстве европейской истории предавались постоянно, и волнующий всех вопрос был лишен налета академичности. Публичное обсуждение в литературных кругах возвращения к праву и гражданским свободам в 1950-е и последующие годы фактически предварило конституционные преобразования и послужило толчком к «очеловечиванию» социализма в Восточной Европе²⁰. Суждению, претендующему на истинность, помимо достижения логической безупречности предстоит стать не только актом мысли, но и поступком, коль скоро вопрошающий сам поставлен под собственный вопрос. Каждый, кто вовлечен в философский дискурс, размышляет не столько о путях познания, сколько о собственном бытии, если проще — о собственном существовании и совместном выживании, поскольку, чтобы существовать, надо принимать решения, прилагать усилия и мотивировать к этому других²¹. Идея ответственности философии за состояние умов своей эпохи перестала взывать к образцу сократовского служения истине, она обязывает разработать идею ответственности в качестве методологического принципа философствования.

Юридическая наука, к ведомству которой относится познание закономерностей правовой жизни, всегда подчеркивала присутствие объекта своего интереса: без права не обходится ни одно государственно устроенное общество, и даже варварские обычаи заключали в себе черты многих правовых процедур — выборы вожака, распределение пищи, обмен дарами и т. д. Однако взгляд на право с позиций неклассической философии фиксирует иные модусы его бытия: право — не наличествующая данность²². В постклассическую эпоху гегелевское понимание рефлексивной природы всякой сущности, в которой угадывается образ смотрящего на нее человека, получило развитие: всякое должное онтологически укоренено в сущем, чьим уделом стала забота. Если сущность — это не просто глубинное качество, им-

¹⁸ Юрист Теодор Клеиш, осуществляя защиту промышленника Густава Круппа на Нюрнбергском процессе в 1945 г., заявил о том, что рассмотрение судом дела в отношении подсудимого, не способного по состоянию здоровья понимать обвинение и осуществлять защиту, в силу необычности такой процедуры представляет опасность для правосудия. Его доводы были обсуждены участниками процесса и приняты во внимание. Суд удовлетворил заявленное ходатайство. (См.: Стенограмма Нюрнбергского процесса. Т. 1. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Военная литература, 2018.)

¹⁹ См.: Нерсесянц В. С. Философия права. М.: Инфра-М, Норма, 1997. С. 166.

²⁰ См.: Декларация об основных принципах государственного, общественного и экономического устройства Венгрии и путях преодоления политического кризиса // Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. С. 725–729; «Пражская весна» и международный кризис 1968 года: статьи, исследования, документы. М.: Международный фонд «Демократия», 2010.

²¹ «...Философия — не познание и даже не познание познания. Это действие. Можно было бы сказать, что философия определяется не правилами дискурса, а единичностью акта». (Бадью А. Загадочное отношение философии и политики. 2013. С. 19.) Похожее рассуждение содержится в статье Ахутина об ответственности философии: «истинность истинного не есть, а происходит как событие». (Ахутин А. В. Философия — это ответственность // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 6. № 1. С. 305. DOI: 10.17323/2587-8719-2022-1-302-307. EDN: YTINJS).

²² «Неклассическая философия есть метафизика „сделанного“, а не „найденного“, не присутствия»... «не существует никакого изначально данного» (Невважай И. Д. Манифест правовой философии, С. 14, 12).

манентное самому предмету, а та предметная основа, посредством которой человек утверждает себя в отношениях с другими, то вопрос «что это?» равнозначен вопросу «кто ты таков, чтобы с тобой иметь дело?». В философии XX века мышление перестало пониматься как воспоминание или отражение объективного мира. М. Хайдеггер охарактеризовал его как род зова²³. Надо искать тех, в общении с кем можно состояться в полноте собственного бытия и дистанцировать себя от всего, что противно твоей природе. Право во всей совокупности своих требований стало пониматься не как норма, установленная извне или свыше, а как средство коммуникации, посредством которого субъект способен адресовать притязания надлежащему контрагенту и рассчитывает при этом на общественную солидарность в защите своего права. Здесь значение нормы уже не сводится лишь к повелению, а сам адресат вырастает из руки исполнителя, подчиненного внешней воле. Он обретает статус субъекта, которому надлежит принять решение и выбрать стратегию поведения относительно всех обстоятельств имеющейся ситуации и, если речь идет об участии в юридическом процессе, — относительно всех обстоятельств «дела».

Предмет современной юридической догматики: «дело»

Традиционная юридическая догматика исследовала норму в ее статичном состоянии. Признавая факт нацеленности нормы на действия людей, она всё же не нашла средств описания «дела» как специфической юридической локации, в которой при всей жесткой определенности юридических норм и юридической формы в целом правовое решение однозначно не предсказуемо. Фраза «здесь нужен хороший юрист» уместна там, где о праве рассуждают как о ремесле, в котором мастеру при ответственном отношении к делу должна сопутствовать удача. Практически значимое решение вряд ли будет найдено, если существо дела подменить холастиическими спорами и широкими обобщениями.

Поворот к практике изменил стиль философского мышления о праве, которое стало пониматься как некое поле легитимных возможностей и вариативного поведения. В обзоре правовых ситуаций, где норма по-прежнему сохраняла свои регулятивные свойства, фиксируемые правовой догматикой, появилось место для иных категорий и концептов. Любое утверждение о факте/норме стало иметь значение лишь в свете отношения со стороны самого субъекта ко всему, что образует правовую материю. Так, теория правовой политики сочла уместным тезис о необходимости учета в законотворческой и правоприменительной деятельности правовых воззрений широких слоев населения и специфических особенностей правовых субкультур, через призму которых властно установленная государством правовая норма оказывает регулятивное воздействие на общественные отношения. Если, например, устанавливаемая мера ответственности не обременительна для виновного, нет резона ожидать, что она способна выполнять функции наказания. Если правосознание присяжных заседателей воспринимает государственную власть как чуждую сущность, нецелесообразно экспериментировать с введением этой процессуальной новеллы в регионах, где подсудимые воспринимаются как члены своего клана. Однако правовая догматика не могла согласиться с тем, что отношение к норме меняет ее содержание. Она не могла принять тезисы, которые размывали ее собственные основания, усматривая в методологическом плюрализме угрозу формальной определенности юридических норм и режиму законности. В сторону новых идей в юриспруденции было выпущено много критических стрел и высказано немало опасений. В наиболее квалифицированном варианте претензия сторонников «традиционной» догматики права, так или иначе ориентированной на марксистскую теорию правоотношений и кельзеновский позитивизм, состояла в том, что новые концепции, именуемые критиками «юридическими химерами», осуществляют «активный выход за границы собственно правовой материи, попытки „юридизации“ (как правило, весьма сомнительные) категорий, относящихся к другим наукам»²⁴. По мнению критиков, неоправданным было само намерение создать метатеорию права: «<...> юридическая химера, не связывая себя устоявшимися и общепринятыми в юридической науке понятиями <...>

²³ См.: Хайдеггер М. Что зовется мышлением. С. 58.

²⁴ Гревцов Ю. И., Хохлов Е. Б. О юридико-догматических химерах в современном российском правоведении // Правоведение, 2006. № 5. С. 4. EDN: MUYNXX

стремится создать некую научную „надсистему“, если не отрицающую все предшествующие научные построения, то возвышающуюся над ними»²⁵. Методологический изъян новой юриспруденции, ориентированной на «феномен человека», авторами цитируемой статьи был указан вполне определенно: он имеет место, «когда исходным пунктом размышлений (исследования) выдвигаются понятия, когда рассуждают не о явлениях и социальных фактах, а о понятиях (при таком способе определенный способ видения реальности заменяет собой саму реальность)»²⁶.

Догматика права, как и любая другая наука, имеет дело с понятиями и без их посредства вряд ли что может сообщить о реальности. Непосредственный контакт исследователя с правовой «реальностью» исключается тем, что у права нет своей материальной предметности: один и тот же жест — поднятая рука — может быть сочтен сигналом сообщника, оферты или же дружеским приветствием. Если не отвлекаться на тему лженауки и имитации исследования в области юриспруденции, достойную отдельного разговора, надо признать, что проблема «соприкосновения» исследователя с правовой реальностью оказалась сложней, чем это представлялось сторонникам юридического позитивизма. Она не может быть решена ни возведением нормы в статус фактической реальности, ни наделением правоотношения, лишенного свойств очевидности, значением «первой клеточки права». Любой факт, который признается таковым социологией или с позиций здравого смысла, например флирт, догматикой права исследуется лишь в рамках производства по делу, например, при рассмотрении иска о разводе супругов, которое должно завершиться официальным решением уполномоченной инстанции. Однако именно «дело» как становящийся текст, создаваемый всеми участниками процесса, отсутствует в категориальном аппарате традиционной юридической доктрины.

Практическая юриспруденция приступает к размышлению о праве в рамках производства по делу, и ее интересует прежде всего совокупность условий, обеспечивающих вынесение решения, признаваемого правильным, т. е. законным, согласно нормам действующего законодательства. Однако «дело» образуется посредством артикуляции, в которой определяющими факторами оказываются не норма права и не правовая квалификация обстоятельств, как это представляется традиционной доктрине права, а притязания участников, пребывающих в ситуации, обычно конфликтной, которой еще предстоит стать правовой. Прежде чем предложить юристу составить исковое заявление, необходимо просчитать все возможные риски и точно определить тот результат, который возможно достичь благодаря юридической процедуре. Иногда опасения внеправовой стигматизации устраниют актуальность адвокатской услуги, и желаемые цели оказываются недостижимы. В таком положении нередко оказываются, например, женщины, ставшие жертвами сексуальных домогательств, и военнослужащие, осмелившиеся обратиться с жалобой на свое начальство. Сотрудники государственных учреждений, чьи действия могут быть обжалованы в судебном или ведомственном порядке, в этом смысле не отличаются от юристов, оказывающих услуги населению. Им тоже нужен успех, и он не всегда гарантирован правильной квалификацией и следованием закону. У них есть собственные профессиональные интересы и специфические критерии разумности. Стало быть, не всякий результат юридической квалификации может их устроить, поскольку не всякая квалификация и даже выигрыш в деле совпадает с соображениями должностных лиц о карьере, достижениях или согласуется с их ведомственными интересами или морально-политическими предпочтениями.

Артикуляция правовой ситуации принципиально отличается от юридической квалификации, где безальтернативно определены — неизвестно из каких соображений — круг обстоятельств, подлежащих юридической оценке, субъект ответственности и нормативные основания. Считается, что таковы условия логической задачи. Одно и то же действие подлежит юридическому определению только единожды, иная квалификация исключается как неправильная или неполная. Если, как это принято считать в теории права, юридическая квалификация представляет собой установление тождества между фактом и его описанием в норме права, то нарушение этого тождества исключает правильное применение права. Наконец, квалифицируемая ситуация статична. Напротив, артикуляция ситуации, поскольку она слу-

²⁵ Там же. С. 4.

²⁶ Там же. С. 4–5.

жит формальной основой для последующего участия в судебном рассмотрении дела, ориентируется на процессуальные и материально-правовые возможности осуществления эффективной правовой защиты, и потому она не предопределена. Не все доказательства могут иметь одинаковый вес и юридическое значение, поэтому нарратив, т. е. повествование о событии, которому надлежит стать фабулой дела, определяется с учетом выбранной стратегии поведения в судебном процессе. Артикуляция правовой ситуации вариативна, поскольку предполагает соизмерение процессуальных и профессиональных возможностей противоположной стороны, осведомленность о полномочиях инстанции и ее готовность или воспользоваться, а также многие иные факторы, которые способны влиять на исход дела — общественное мнение и поддержка, судебные прецеденты в практике данного суда, сложившаяся практика толкования имеющих отношение к делу норм и т. д.

Юристы в условиях состязательного процесса при оказании юридической помощи ориентированы на успех, это обстоятельство объясняет, почему их участие в реализации права содержит признаки технологии. Политикоцентристский уклон в науке о праве ориентирует на изучение технологий в механизме властовования, где господствует одна воля. Поэтому техника правотворчества и политических манипуляций разработана современной наукой подробней, чем техника участия процессуальных сторон в рядовом судебном процессе. В выигрышной позиции оказалась криминалистика, в рамках которой уже давно исследуются тактические приемы следственных и оперативно-розыскных действий. Однако правомерное поведение и юридическая повседневность не удостаиваются внимания ни теории, ни философии права. Полагая, что «типичные, повседневные, обыденные юридические практики <...> и должны стать предметом научного анализа практико-ориентированной юриспруденции», И. Л. Честнов вместе с тем задается вопросом о том, каковы признаки практики как таковой, как соотносится практика как «историческая динамика» с практикой, представленной единичными «практическими действиями»²⁷. Представляется, путь к новой науке о юридической практике идет в обратном направлении — к непосредственной очевидности речевого акта — предъявленного требования, с которого и начинается уяснение круга коммуникантов, сам правовой спор и поиск имеющих юридическое значение аргументов. В границах такой исследовательской установки юристу уже невозможно рассуждать о том, что лежит за пределами материалов дела, в частности, о правовом регулировании общественных отношений и социальном эффекте ожидаемого решения, чтобы не оказаться демагогом, провалившим исполнение взятых на себя обязательств по защите интересов доверителя. Суду должно быть безразлично, кто из сторон, коль скоро имеет место процессуальное состязание по установленным правилам, выиграет дело. Однако это «безразличие», продиктованное уважением к закону, утывает в себе ту борьбу смыслов, о которой без философии нам не дано услышать внятный рассказ.

Выводы

Следствием крайних позиций в вопросе о значении философской основы юридической науки — фрондерского отриятия традиции и сосредоточенности на новых именах и концептах — выступает осуждение современной проблематики философии и теории права. Разговора о действительности не получается. Он либо соскальзывает в область истории идей, в которой оказывается осмыслением прошлого и освещением творческих биографий, без чего философии было бы трудно возобновлять себя в каждом новом поколении, либо разговором о современных тенденциях в европейской философии, понятийный язык и смысловые узлы которой не всегда совместимы с историческими особенностями российской государственности и спецификой правовой культуры России. Кельзену пришлось бы непросто объяснить в России могущество правовой нормы, которая обременяет не только своих адресатов, но и саму власть, обратившуюся к инструментарию правового регулирования и нередко тяготившуюся этим обстоятельством. Учитывая устойчивую традицию политического контроля за правосудием в целом и зависимость судьи от собственного решения по резонансным делам, споры европейских юристов

²⁷ См.: Честнов И. Л. Переосмысление юридической практики с позиций постклассической методологии права // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. № 1. С. 14, 15. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-13-16. EDN: DEAFEN

о пределах судебского усмотрения звучат в российском политическом контексте как речь на экзотическом языке. Поэтому актуальным оказывается самый абстрактный вопрос: как возможно право в круге обстоятельств, его исключающих? Как возможно возвращение к праву в ситуации его явного дефицита? И если наличие права вызывает сомнение, неизбежен следующий вопрос: как в таком случае возможна наука о праве, если оно еще не стало исторической реальностью и не может являть собою предмет философских размышлений?

Методология познания права не всегда совпадает с методикой спора о высказываниях ученых, и потому есть веские причины сосредоточить интерес к современности не на расстановке по ранжиру новых идей, важность которых вряд ли кто готов серьезно оспаривать, а на современной юридической практике, в осмыслиении которой философия права может найти новые доводы в продолжаемом не одно столетие разговоре о судьбе права. Однако описание юридической практики также нуждается в соответствующем инструментарии и прежде всего — в возвращении факту статуса познавательной ценности и расширении сектора обзора того, что именуют правовой реальностью. Ее пространство неоднородно, и фактом, имеющим юридическое значение, может оказаться не только перемещение от одного статуса к другому, но и высказывание, «факты языка». Поскольку такую науку еще только предстоит создать, ясно одно: коль скоро речь идет о ремесле и профессионализме, основной фигурой новой науки должен быть выбран юрист, отличающийся от любого посвященного в правовые тексты обывателя умением анализировать постоянно меняющиеся позиции в ходе производства по делу и в судебном споре, знанием юридических технологий и правовых стратегий, а также пониманием собственной ответственности за результат своего участия в деле.

Список источников

1. Ахутин А. В. Философия — это ответственность // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 6, № 1. С. 302–307. DOI: 10.17323/2587-8719-2022-1-302-307. EDN: YTINHS
2. Бадью А. Загадочное отношение философии и политики // Институт общегуманитарных исследований, 2013. 60 с.
3. Бурдье П. Политическая онтология М. Хайдеггера. М.: Практис, 2003. 272 с.
4. Гревцов Ю. И. О юридико-догматических химерах в современном российском правоведении / Ю. И. Гревцов, Е. Б. Хохлов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 5 (268). С. 1–23. EDN: MUYNXX
5. Исаев А. А. Апория преемственности. История философии. Российский государственный гуманитарный университет. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2005. 477 с. EDN: QWIJCH
6. Карташкин В. А. Устарело ли международное право: мифы и реальность // Государство и право. 2022. № 8. С. 136–146. DOI: 10.31857/S102694520021586-5. EDN: ANCNQX
7. Клемперер В. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога: Пер. с нем. / перевод, примечания: А. Б. Григорьев; ред.: И. И. Блауберг. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 384 с. EDN: SYXNUV
8. Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте. М.: Ad Marginem, 1995. 547 с.
9. Марсель Г. О смелости в метафизике. СПб.: Наука, 2012. 411 с.
10. Невважай И. Д. (2018) Манифест правовой философии // The Digital Scholar: Philosopher's Lab. Т. 1, № 3. С. 6–26. DOI: 10.5840/dspl20181327
11. Нерсесянц В. С. Философия права. М.: Инфра-М, 1997. 647 с.
12. Ницше Ф. К генеалогии морали // Ф. Ницше. Собрание сочинений в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1990.
13. Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 568 с.
14. Остин Дж. Определение области юриспруденции: курс лекций по юриспруденции «Философии позитивного права». СПб.: Алетейя, 2022. 472 с. EDN: TINRBB
15. Пауэр-Штуддер Г., Веллеман Д. Конрад Морген: совесть нацистского судьи. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. 264 с.

16. Полонский В. М. Актуальны ли актуальные темы? // Педагогика. 2024. Т. 88, № 11. С. 33–42. EDN: PHSYVL
17. «Пражская весна» и международный кризис 1968 года: статьи, исследования, документы. М.: Международный фонд «Демократия», 2010. 528 с.
18. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Т. 1. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Военная литература, 2018. 538 с.
19. Тронина Л. А. Философско-антропологические и естественно-научные аспекты целостности человека // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 18 (156). С. 30–34. EDN: KUXXKD
20. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: Территория будущего, 2006. 320 с.
21. Честнов И. Л. Переосмысление юридической практики с позиций постклассической методологии права // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. № 1. С. 13–16. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-13-16. EDN: DEAFEN

Об авторе:

Пермяков Юрий Евгеньевич, независимый исследователь (Самара, Российская Федерация), доцент, кандидат юридических наук; e-mail: permyakov54@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4704-978X

References

1. Akhutin, A. V. (2022) Philosophy is Responsibility // *Philosophy. Journal of the higher school of economics.* Vol. 6, No. 1. Pp. 302–307. DOI: 10.17323/2587-8719-2022-1-302-307 (In Russ.)
2. Bad'yu, A. (2013) The Mysterious Relationship between Philosophy and Politics. *Institute of Humanitarian Research.* 60 p.
3. Burd'e, P. (2003) Political ontology of M. Heidegger. *Praksis.* 272 p.
4. Grevtsov, Yu. I., Khokhlov, E. B. (2006) On Juridical and Dogmatic Chimeras in Contemporary Russian Jurisprudence // *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie.* No. 5 (268). Pp. 1–23. (In Russ.)
5. Isaev, A. A. (2005) Aporia of succession. History of philosophy. *RGGU.* 477 p.
6. Kartashkin, V. A. (2022) Is International Law Out of Date: Myths and Reality // *State and Law.* No. 8. Pp. 136–146. (In Russ.)
7. Klemperer, V. (1998) Language of the Third Reich. A Philologist's Notebook. *Progress-Tradiciya.* 384 p.
8. Mamardashvili, M. K. (1995) Lectures on Proust. *Ad Marginem.* 547 p.
9. Marsel', G. (2012) On courage in metaphysics. *Nauka.* 411 p.
10. Nevvazhaj, I. D. (2018) Manifesto of Legal Philosophy // *The Digital Scholar Philosopher's Lab.* Vol. 1, No. 3. DOI: 10.5840/dspl20181327
11. Nersesiants, V. S. (1997) Filosofiya prava. *Infra-M.* 647 p.
12. Nietzsche, F. (1990) On the Genealogy of Morals. *Mysl'.*
13. Nolte, E. (2001) Fascism in its epoch [Fascism in his epoch]. Novosibirsk, *Sibirskiy khronograf Publ.* 568 p.
14. Austin, J. (2022) The province of jurisprudence determined: A course of lectures on the philosophy of positive law. *Aleteia.* 472 p.
15. Power, H., Welleman, D. (2023) Konrad Morgen: The conscience of a Nazi judge. *Alpina Non-Fiction.* 264 p.
16. Polonsky, V. M. (2024) Are current topics relevant? // *Pedagogika.* Vol. 88, No. 11. Pp. 33–42. (In Russ.)
17. The Prague Spring and the international crisis of 1968: Articles, studies, documents (2010). *International Democracy Foundation.* 528 p.
18. Transcript of the Nuremberg trials. Vol. 1. Second revised edition. (2018) *Military Literature Publishing House.* 538 p.
19. Tronina, L. A. (2009) Philosophical-anthropological and natural-scientific aspects of human integrity // *Bulletin of Chelyabinsk State University.* No. 18 (156). Pp. 30–34. (In Russ.)

20. Heidegger, M. (2006) What is called thinking? Territory of the Future Publishing House. 320 p.
21. Chestnov, I. L. (2024) Rethinking Legal Practice, and Its Consideration from the Position of Post-Classical Legal Method // *Theoretical and Applied Law*. No. 1 (19). Pp. 13–16. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22394/2686-7834-2024-1-13-16>. EDN: DEAFEN

About the author:

Yuri E. Permyakov, Independent researcher (Samara, Russian Federation), Associate Professor, PhD in Jurisprudence; e-mail: permyakov54@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4704-978X

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

EDN: GVICRY

Дата поступления статьи: 09.03.2025

Дата поступления рецензии: 03.04.2025

Дата принятия статьи к публикации: 14.04.2025

Мысленный эксперимент «доска спасения» в истории философии и юриспруденции: Карнеад, Пуфendorf и другие

Синченко Г. Ч.

Омская академия МВД России (Омск, Российская Федерация)

E-mail: gsinchenko@rambler.ru

Аннотация

С помощью разномасштабных мысленных экспериментов в философии и юридической науке конструируются эзистенциальные и правовые коллизии в их крайней и одновременно образной форме. Проведенное в русле микроистории и опиравшееся на методологию герменевтики и исторической критики исследование умственного эксперимента, известного как Пуфendorфова доска спасения, показало, что он берет начало в творчестве оратора и сторонника скептического направления греческой философии II в. до н. э. Карнеада. Решающим фактором неофициального признания авторства за немецким юристом XVII в. С. Пуфendorфом предположительно послужил общественный и академический успех его концепции в целом и удачно сбалансированной с учетом обстоятельств времени конструкции института крайней необходимости в частности. Аллегория доски спасения использовалась мыслителями разных эпох и школ, по-своему корректировавшими ее фабулу и неодинаково толковавшими заложенный в ней смысловой потенциал. Юриспруденцию интересуют контуры и механизмы объективированного и формализованного регулирования социально значимой активности человека, а философию — мера сочетаемости ее внутренних и внешних детерминант. Обе линии сходятся в точке анализа пограничных ситуаций, одной из разновидностей которых выступает причинение вреда в состоянии крайней необходимости. Поэтому гипотетическая модель доски спасения актуализируется в точках пересечения философской и теоретико-правовой форм рациональной рефлексии.

Ключевые слова: крайняя необходимость, коллизия жизней, естественное право, справедливость, историческая реконструкция.

Для цитирования: Синченко Г. Ч. Мысленный эксперимент «доска спасения» в истории философии и юриспруденции: Карнеад, Пуфendorf и другие // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 4 (26). С. 25–38. EDN: GVICRY

The article was submitted: 09.03.2025

The article approved after reviewing: 03.04.2025

The article accepted for publication: 14.04.2025

The “Salvation Plank” Mental Experiment in the History of Philosophy and Jurisprudence: Carneades, Pufendorf, et al.

Sinchenko G. Ch.

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russian Federation)

E-mail: gsinchenko@rambler.ru

© Синченко Г. Ч., 2025

© Sinchenko G. Ch., 2025

Abstract

Through multi-scale mental experiments in philosophy and legal science, existential and legal conflicts are constructed in their extreme and simultaneously figurative form. The study of the thought experiment known as the Pufendorf plank of salvation, conducted in the context of microhistory and based on the methodology of hermeneutics and historical criticism, showed that it originated in the creativity of Carneades, an orator and supporter of the pyrrhonist trend of Greek philosophy of the 2nd century BC. The decisive factor in the unofficial recognition of the German lawyer of the XVII century Samuel Pufendorf authorship presumably was the public and academic success of his theory in general and the well-balanced, taking into account the circumstances of the time, construction of the institution of excused necessity in particular. The allegory of the plank of salvation was used by speculators of different epochs and schools, who adjusted its fabula in their own mode and interpreted its semantic potential in different ways. Jurisprudence is interested in the contours and mechanisms of objectified and formalized regulation of socially relevant human activity, while philosophy is interested in the measure of combinability of its internal and external determinants. Both lines converge at the point of analyzing borderline situations, one of the varieties of which is the infliction of harm in a state of extreme necessity. Therefore, the hypothetical model of the salvation plank is actualized at the points of intersection of philosophical and theoretical-legal forms of rational reflection.

Keywords: excused necessity, collision of lives, natural law, justice, historical reconstruction.

For citation: Sinchenko, G. Ch. The “Salvation Plank” Mental Experiment in the History of Philosophy and Jurisprudence: Carneades, Pufendorf, et al. *Theoretical and Applied Law*. No. 4 (26). Pp. 25–38. (In Russ.)

Хоть будет поднят с постели твой друг, хоть скажет он за тебя, —
У нас — не двое за одного, а каждый сам за себя.

Редьярд Киплинг

По мере углубления в историю осмысления феномена крайней необходимости невозможно не натолкнуться на сюжет о двух мореплавателях, пытающихся избежать гибели в пучине. Как он появился? Чем обусловлено название, под которым он известен? Какие драмы разума вызвали его к жизни и наложили отпечаток на его смысл? Такие вопросы рассматриваются в предлагаемой ниже реконструкции, использующей инструментарий исторической критики и герменевтики и исполненной в стилистике микропроекции — течения в исторической науке, которое стремится постичь «большое в малом». Перефразируя Шерлока Холмса, можно сказать, что микроисторик хочет расслышать рев атлантической бури в прошлом капли дождя, стекающей по оконному стеклу.

Умственный эксперимент в философии права и теоретической юриспруденции: понятие и типология

Вопреки господствующим в философии науки представлениям существует точка зрения, согласно которой метод эксперимента зародился не в естествознании, а в средневековой науке права и был перенесен на изучение природы основоположником индуктивной логики Нового времени Ф. Бэконом¹. Но даже в таком случае историчность и уникальность исследуемых объектов, отсутствие четкого их ограничения от субъекта с его познавательными действиями, высокая социальная и гуманитарная цена осложняют использование эксперимента в социально-гуманитарных разработках. Острота этих и других встающих на пути ученого-экспериментатора проблем частично ослабляется посредством замены

¹ См.: Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М., 1998. С. 153, 157; Фуллер С. Постправда: знание как борьба за власть. М., 2021. С. 53–54, см. также с. 256–257. В другом контексте мы затрагивали эту тему в публикации: Синченко Г. Ч. Империя цитирования. Философско-исторический этюд. Часть II. Средние века и Возрождение // Вестник Омского университета. 2023. Т. 28, № 2. С. 17.

изучаемого явления имеющим иную природу материальным либо идеальным аналогом. Предмет нашего исследования лежит как раз в плоскости мысленного экспериментирования и локализован в области его применения в философии и теории уголовного права, а дальнейшие рассуждения исходят из следующих посылок.

Первое. Differentia specifica умственного эксперимента есть, разумеется, использование в качестве модели комплекса ментальных образов. В советской философии структурированная трактовка идеализированного эксперимента была разработана еще в 1960-е гг. В. А. Штффом. Отмечая момент взаимодействия в нем дискурсивного мышления и творческого воображения, ученый вместе с тем неукоснительно проводил линию, отвечавшую директивному в то время учению о познании как об отражении, на строгую вторичность мысленных процедур по отношению к действиям, выполняемым при постановке натурных экспериментов, а образцы последних черпал из естественных наук. Как следствие, всплески умственной активности, не дотягивающие до физикалистского стандарта (правила построения идеализированного квазиобъекта и квазиприборов, точное применение объективных законов и научных фактов и т. д.), отфильтровывались в разряд эффектов наглядного мышления, представляющих больше психологический, нежели гносеологический интерес².

В настоящее время такой подход выглядит чрезмерно жестким и узким, а по отношению к гуманистичному мышлению еще и дискриминационным. Если оперирование ментальными образами заменяет, пусть лишь конспективно и схематически, материальные действия с исследуемыми явлениями, получает знаковое выражение на принятом в соответствующей отрасли науки языке и играет в ней эвристическую, объяснительную, аргументативную, прогностическую роль, то оно имеет научное значение, как его ни назови. И термин «мысленный эксперимент» представляется вполне подходящим по соображениям лексической экономии, а также ввиду того, что подчеркивает внутреннее родство различных форм научной методологии.

Второе. «В философии права, — отмечает Н. И. Мартишина, — мысленный эксперимент чаще всего принимает вид конструирования юридической коллизии, основанной на реальности, но посредством сильных идеализаций доведенной до крайней формы, и попытки найти ее решение»³. При этом параллелью средств объективного контроля, позволяющих описывать его ход и результат в терминах наблюдения, служит перевод или, может быть, лучше сказать *облечениe* абстрактных концептов в ассоциативные образы с целью наглядности. «Должна быть построена четкая и визуально представимая ситуация. В ней мысленно осуществляются некоторые действия, которые должны привести к небольшому числу ясно прослеживаемых результатов»⁴. Эффектными и эффективными изобразительными орудиями придания изучаемой проблеме качества человекоизмерности, драматизации, внесения в нее элемента интриги и психологической напряженности служат риторические фигуры. С точки зрения риторики умственный эксперимент является аллегорией умозрительного конструкта.

Третье. Путем мысленного экспериментирования выполняются различные когнитивные функции в исследовательской деятельности, что отражается на композиции текста. В ряде случаев такие интеллектуальные инициативы, по словам А. В. Червяковского, «больше напоминают конструирование отдельных социальных миров, с помощью которых авторы работ пытаются не столько обратить внимание на возможную вариативность выбора при принятии решений, сколько обосновать или, наоборот, опровергнуть ту или иную концепцию правопонимания»⁵. Эксперимент разрастается до масштабного нарратива. Иногда его сюжетная нить прячется в подкладке отвлеченных соображений, иногда выходит наружу, но сшивается в единое целое всё от начала до конца — знаменитая монография Дж. Ролза, изложившего свою теорию справедливости в виде рассказа о том, как люди в гипотетических условиях шаг за шагом продвигаются к справедливому обществу⁶. Порой содержание наполняется беллетризованными научными

² См.: Штфф В. А. Моделирование и философия. М.-Л., 1966. С. 81, 208–226.

³ Мартишина Н. И. Мысленный эксперимент в философии права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 3. С. 57.

⁴ Филатов В. П. Мысленные эксперименты в науке и философии // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. XXV. № 3. С. 7.

⁵ Червяковский А. В. Мысленный эксперимент в трудах современных западных ученых-философов и теоретиков права // Юридическая техника. 2025. № 19. С. 441.

⁶ См.: Ролз Дж. Теория справедливости. Изд. 2-е. М., 2010. 536 с.

высказываниями и умозаключениями от лица вымышленных персонажей — литературная форма, вызывающая из памяти такой древний жанр теоретического произведения, как диалог, вплоть до сочинений Платона. Мастером этого стиля в философии права зарекомендовал себя автор «Проблемы завистливого доносчика» и «Дела спелеологов» Л. Фуллер⁷. Последнее устанавливает золотой стандарт необычного типа научной литературы, которую, пожалуй, следует называть судебной фантастикой, а мысленный эксперимент, поднятый на уровень композиционной суперструктуры полновесного научного произведения, соответственно, мегаэкспериментом.

Экспериментальная часть может занимать более скромное в познавательном и композиционном аспектах место, как, скажем, в статье Э. Д'Амато «О связи между правом и справедливостью». В ней рубрикативно выделенное и занимающее примерно четверть общего объема описание вымышленного дорожного происшествия и его последствий выступает специфическим игровым компонентом потока привычной академической письменной речи и подчинено доказательству предварительно сформулированного рационального тезиса⁸. Обратный прием встречаем в одной из глав «Морали права», где Л. Фуллер сначала выводит фигуру глуповатого короля-реформатора, а затем извлекает принципиальные теоретические выводы из неудач его правления⁹, и в «О правах всерьез» Р. Дворкина. Правда, у Дворкина вместо незадачливого венценосца главным действующим лицом выступает искушенный служитель Фемиды, но на протяжении книги в целом инсценирована родственная дискурсивно-ассоциативная комбинация¹⁰.

Ставятся также эксперименты меньшего масштаба и часто со сложенным когнитивным рельефом: практически никаких следов большинства описанных В. А. Штоффом атрибутов здесь обнаружить не удается. В гносеологическом плане такие познавательные паттерны используются для решения тех или иных вспомогательных вопросов, композиционной роли практически не играют, а с лингвистической точки зрения обычно выражаются в форме так называемого сложного синтаксического целого — не выделенной графически единицы речи, состоящей из нескольких предложений, раскрывающих одну микротему и объединенных по смыслу и структурно¹¹. Для примера назовем то место из «Философии права» С. В. Моисеева, где с целью объяснения принципа различия Ролза в двух абзацах и с помощью небольшой таблицы очерчена искусственная ситуация выбора оптимального общества индивидом, который находится за занавесом неведения¹². Или — переходя уже к практической юриспруденции — процитируем американского судью и автора «Общего права» О. У. Холмса, следующим образом опровергнувшего тезис о невозможности привлечения к уголовной ответственности женщин по так называемому «Акту о транспортировке белых рабов» 1910 г.: «Предположим, например, что профессиональная проститутка, которая так же хорошо может позаботиться о себе, как и мужчина, предложит ему и совершил поездку, упоминаемую актом 1910 г., в надежде шантажировать мужчину, и купит железнодорожный билет или оплатит проезд от Джерси до Нью-Йорка. В таком случае она подпадет под действие акта 1910 г., и мы не видим, почему она не должна нести ответственности»¹³.

Продолжая намечающуюся типологию, умственные операции среднего и небольшого формата мы бы обозначили как макроэксперименты. По мере продвижения вглубь слоев порождения и вербализации смыслов, видимо, удалось бы добраться до микроуровня — содержащих свернутый операциональный план изобразительных вкраплений непосредственно в состав отдельных предложений научного

⁷ См.: Фуллер Л. Л. Дело спелеологов // Харт Г. Философия и язык права. М., 2017. С. 343–372; Фуллер Л. Л. Проблема завистливого доносчика // Харт Г. Философия и язык права. С. 334–342.

⁸ D'Amato A. On the Connection Between Law and Justice (2011). Faculty Working Papers. Paper 2. URL: <http://scholarlycommons.law.northwestern.edu/facultyworkingpapers/2> (дата обращения: 01.02.2025).

⁹ См.: Фуллер Л. Л. Мораль права. М., 2007. С. 47–116.

¹⁰ См.: Дворкин Р. О правах всерьез. М., 2004. 392 с.

¹¹ См.: Гринько Е. Н. Академическая риторика: учеб. пособие. М.: Флинта, 2022. С. 48.

¹² См.: Моисеев С. В. Философия права. Курс лекций. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2004. С. 150.

¹³ Цит. по кн.: Леви Э. Введение в правовое мышление. М., 1995. С. 52.

текста. Такова, допустим, бритва Оккама, в семантическом отношении оказывающаяся схемой выбора лучшего из конкурирующих объяснений¹⁴.

Не заходя столь далеко, обратимся к истории конкретного малообъемного философско-правового мысленного опыта.

Пуфендорф

Экстремальный и трагический случай крайней необходимости — коллизия человеческих жизней в том ее варианте, в котором количество выживших равно количеству погибших вследствие усилий, предпринятых в целях предотвращения гибели первых. В посвященной этой проблематике литературе нередко всплывает так называемая доска спасения — воображаемая кризисная ситуация противоборства двух очутившихся в открытом море жертв кораблекрушения за оказавшийся рядом деревянный обломок их затонувшего судна. Данная гипотетическая модель связана с именем немецкого теоретика права и юриста-международника XVII в. С. Пуфендорфа. Так, еще в 1962 г. Н. Н. Паше-Озерский в характерном для тех лет духе писал: «Буржуазные криминалисты долгое время высказывались по поводу приобретшей в буржуазной литературе известность „Пуфендорфовой доски спасения“ (орфография автора. — Г. С.)»¹⁵. За истекшие десятилетия риторические интонации, а частично и теоретические приоритеты изменились, однако отечественные юристы и философи единогласно возводят этот образ к названному немецкому ученому¹⁶.

Увидевший свет в 1673 г. трактат Пуфендорфа «Об обязанностях человека и гражданина по естественному закону» действительно гласит: «Если двое подвергаются непосредственной смертельной опасности, при которой оба должны погибнуть, то одному из них, чтобы спасти себя, допустимо сделать что-нибудь, что может ускорить смерть другого. <...> Так и во время кораблекрушения, когда я схватил доску, которой двоих не удержать, если подпывающий человек попытается броситься на одну (ту же самую. — Г. С.) доску и, скорее всего, мы разобьемся оба, я вправе оттолкнуть его силой»¹⁷.

Пуфендорф был представителем естественноправового мышления своей эпохи, опиравшегося на механистическую философско-научную платформу и видевшего в государственной власти и законодательстве продукт перераспределения первичных поведенческих возможностей человеческих существ. Поэтому, несмотря на то что среди прибегавших к естественноправовым концептам нововременных учений попадаются абсолютистские, эта программа несла в себе ген индивидуализма как минимум в рессивной его форме. Пуфендорф осознавал возможность противоречия между правом естественным, стоящим на стороне человека с его инстинктом самосохранения, и правом волеустановленным, могущим доходить до самых высоких степеней устремленности на приоритеты общественного целого. Всё, что в столь острой ситуации нашел возможным сделать немецкий юрист, — дипломатично выраженное допущение или надежда: «Из доброжелательности законодателей и уважения к человеческой природе предполагается, что случай необходимости не включается в закон, понимаемый в общих чертах»¹⁸. Такая интерпретация распаковывает в старой максиме «необходимость не знает закона» тот неожиданный смысл, что благодаря высоким качествам правотворца закон предусмотрительно уклоняется от лобового столкновения с экстремальными обстоятельствами.

¹⁴ В формулировке немецкого философа XVII в. И. Клауберга бритва Оккама гласит: то, что можно объяснить посредством меньшего, не следует выражать посредством большего.

¹⁵ Паше-Озерский Н. Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М., 1962. С. 131.

¹⁶ См.: Никуленко А. В. Законодательная модернизация крайней необходимости // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2022. С. 204; Плещаков А. М., Шкабин Г. С. «Коллизия жизней» при крайней необходимости и проблемы уголовной ответственности // Государство и право. 2007. № 7. С. 64–71; Хмелевская С. А. Проблема коллизии жизней с позиций философской рефлексии // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16. № 2. С. 100–107; Фихте И. Г. Основа естественного права согласно принципам научоучения. М., 2014. С. 362–363 (примечание 58). (Составителем примечаний, вероятнее всего, является переводчик философ А. К. Судаков.)

¹⁷ Приводится в современном переводе по электронной версии без указания года выхода и пагинации (Пуфендорф С. Об обязанностях человека и гражданина по естественному закону. URL: <https://predanie.ru/book/221340-ob-obyazannostyah-cheloveka-i-grazhdanina-po-estestvennomu-zakonu/> (дата обращения: 26.04.2024)). Такой же пассаж имеется в его изданном годом ранее сочинении «Восемь книг о естественном праве и праве народов» (см.: Pufendorf, S. De Jure Naturae et Gentium Libri Octo. Londini Scanorum, 1672. Р. 241).

¹⁸ Пуфендорф С. Об обязанностях человека и гражданина по естественному закону.

Используя аллегорию доски, предшественников Пуфендорф не упоминал. Между тем они есть, причем ретроспектива уводит нас ни много ни мало во II в. до н. э.

Карнеад, Цицерон, Лактанций

Пока Рим завоевывал греческие города-государства военно-политически, Эллада пленяла захватчиков своими культурными достижениями, начиная с кулинарии и садоводства и заканчивая риторикой и философией. На 155 г. до н. э. приходится посольство в город на семи холмах группы греческих мыслителей различных школ. Насчитывавшая то ли три, то ли пять человек делегация явно не планировала замыкаться в границах кабинетной дипломатии и придала своей миссии характер демонстрации утонченной национальной учености. Обращенные к сенату выступления заезжих философов оперативно переводились на латынь, образованная молодежь восхищенно внимала, а старшие, повествует Плутарх, «с удовольствием глядели на то, как их сыновья приобщаются к греческому образованию и проводят время с людьми, столь высоко почитаемыми»¹⁹. Беспрецедентный фурор произвел глава платоновской Академии Карнеад — выдающийся оратор и полемист, чьим ярким талантам была под стать броская внешность («занятия не оставляли ему досуга даже постричь волосы и ногти»²⁰). Как свойственно типичному древнегреческому ученому мужу, в чьей душе общие теоретические вопросы находили отклик легче, нежели узкоспециальные, и как полагается последовательному скептику, он «сперва произнес речь в похвалу справедливости как естественному славному явлению, а затем, на второй день, стал доказывать, что справедливость противоестествена, что она выдумана слабыми для того, чтобы защитить себя от сильных»²¹.

Подобно Сократу, письменных философских сочинений Карнеад не оставил. Тем не менее эхо его эскапад дошло до жившего практически столетие спустя Цицерона, и тот конспективно повторил их в диалоге «О государстве», впоследствии проштудированном ритором и писателем III–IV вв. н. э. Лактанцием. В XIX в. благодаря одной счастливой библиотечной находке взялись за частичную реконструкцию ранее утраченного Цицеронова текста и заполнили ряд его лакун вставками из Лактанция. В результате место из Карнеада об античной доске спасения воспроизводится в изданиях обоих авторов: «Как поступит справедливый муж, если вдруг случится кораблекрушение и кто-нибудь более слабый, чем он, ухватится за доску? Неужели он не отнимет доску, чтобы ухватиться самому и с ее помощью спастись, тем более что в открытом море нет ни единого свидетеля? Если он благоразумен, то он так и сделает, ибо в противном случае ему самому придется погибнуть. Если же он предпочтет умереть, лишь бы не совершать над другим насилие, то окажется справедливым, но глупым, ибо, спасая чужую жизнь, пренебрежет своей»²².

Хотя в обеих редакциях, Карнеада и Пуфендорфа, деяние, совершающее в условиях коллизии жизней, принимает форму действия, они не совпадают. В греческой версии лицо, приблизившееся к доске позже, ведет себя наступательно — отнимает ее у лица, завладевшего ею раньше. Наоборот, в немецкой модели акцент ставится на оборонительной активности того лица, которое ухватилось за нее первым. Любопытно, что в статье «Доска Карнеада» в англоязычной Википедии приводится греческая легенда с более поздней, чем философское посольство, датировкой, построенная по фабуле не Карнеада, а Пуфендорфа²³.

Зато нет ничего необычного в том, что ум человеческий перебрал весь спектр и не пропустил форму бездействия. Так, в Талмуде, по понятным географическим причинам переносящем эксперимент из водной стихии в пустыню, говорится о бредущих по ней двух путниках, у одного из которых имеется фляга с водой. Добраться до поселения и выжить имеет шансы только тот, кто не разделит воды с товарищем по несчастью. Согласно одному из правил взвешивания силы толкований священного текста (кстати, на-

¹⁹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 т. М., 1961. Т. 1. С. 447 и след.

²⁰ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. 2-е изд. М., 1986. С. 185.

²¹ Чанышев А. Н. Философия Древнего мира: учеб. для вузов. М.: Высшая школа, 1999. 703 с. С. 530.

С. 339.

²² Цицерон. О государстве // Цицерон. Диалоги. М., 1966. С. 63–64; Лактанций. Божественные установления. Книги I–VII. СПб., 2007.

²³ Plank_of_Carneades. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Plank_of_Carneades (дата обращения: 10.02.2025).

поминающих правила оценки юридического веса мнений классических юристов в Риме периода домината) еврею ради спасения собственной жизни дозволено исполнить в смерти ближнего только пассивную роль²⁴ — улучить минуту, чтобы выпить воду незаметно, опустошить флягу, дождавшись, когда тот выбьется из сил, и т. п.

Однако вернемся к античной части истории и кратко обрисуем ее философскую оболочку. Что касается Карнеада, то логичнее всего свести его собственную позицию скептика к тому, что любая фиксированная позиция не надежнее дощечки в бушующем море. Цицерон впечатлялся могучими дарованиями предшественника и коллеги по ораторскому цеху, но все-таки невозможно допустить, что соглашался с ним по всем пунктам. В то время как знаменитый эллин расшатывал принципы, чья твердость представлялась ему мнимой, и всю жизнь враждовал со стоицизмом, еще более знаменитый римлянин принадлежит к сторонникам течения естественного права, и по вопросам политики и этики стоик в нем подчас поднимал голос против скептика. В свою очередь, в глазах Лактанция — христианина, настроенного на религиозно-нравственные смыслы жертвенности и сострадания, — понятие естественного права в его античном натуралистическом изводе уже не выглядело актуальным, но он держался веры в прочные нравственные опоры миропорядка и сокрушался, что беспринципный ловкач выставил справедливость на посмешище. А поскольку Марк Туллий, как Лактанций, избегая родового прозвища «Горох» (*cicero — горох*), называл Цицерона, не сумел распутать и опровергнуть едкие софизмы Карнеада²⁵, постольку пришлось взять дело в свои руки, развернуть эксперимент в противоположную сторону и дать альтернативную интерпретацию: «Тот, кто не отнимет у тонущего доску или у раненого — коня, не является глупцом, так как поступать подобным образом является грехом, от которого разумный человек удерживает себя»²⁶.

Гроций, Локк, Томазий, Кант, Фихте

Не забытый в Средние века, в эпоху Возрождения Лактанций познал вкус настоящей славы. Гуманисты нарекли его титулом христианского Цицерона, добавили к литературному наследию вновь найденные манускрипты и широко издавали в XV и XVI вв.; в том числе делались переводы на русский. Как следствие, информация о философском посольстве в целом и аллегорическом сюжете о доске спасения в частности находилась в горизонте начитанности. Г. Гроций за выпады в адрес естественного права благородно вызывал Карнеада как сильнейшего противника из толпы ему подобных на своего рода идеиную дуэль, образующую сюжетную субструктуру «Пролегоменов» и тем самым дающую завязку одному из главнейших философско-правовых творений своего времени — опубликованному в 1625 г. трактату «О праве войны и мира». В нем Лактанций предстает в амплуа секунданта, сведущего лица и автора этической трактовки, в каковой доска спасения и запечатлена на одной из его страниц²⁷.

С образом другой доски — чистой грифельной доски разума (*tabula rasa*), на которой чувственный опыт пишет свои письмена, — под знамена юснатурализма встал Дж. Локк. Однако, что касается Карнеадовых дерзостей, то он тоже был в курсе и не отмолчался в небольшой работе 1664 г.²⁸

На Пуфendorфа ни голландский, ни английский писатели не просто не ссылались, а не имели возможности, ибо писали раньше. Возможность имел Х. Томазий, на чье творчество Пуфendorf повлиял по линиям выбора области научных занятий и секуляризации мышления. И все-таки факт остается фактом: о не столь уж часто сходящем со страниц «Оснований естественного права» (1705 г.) славном соотечественнике Томазий в связи с доской спасения не обронил ни слова, хотя она сама показывается дважды,

²⁴ Рав Шимон Соскин. Запрет на убийство ради спасения жизни. URL: https://toldot.com/articles/articles_14679.html (дата обращения: 15.06.2023).

²⁵ См.: Лактанций. Указ. соч. С. 339–340.

²⁶ Там же. С. 343. Аналогичная по моральному смыслу и детально проработанная модификация доски спасения принадлежит греческому философу-стоику II в. до н. э. Гекатону Родосскому, о чем упомянуто снова у Цицерона в трактате «Об обязанностях» (см.: Цицерон. Моральные размышления. О старости, о дружбе, об обязанностях. М., 2020. С. 422–424).

²⁷ См.: Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. С. 207.

²⁸ См.: Локк Дж. Опыты о законе природы // Соч.: в 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 48.

причем во второй раз — в разделе «О долге человека перед самим собой», то есть в композиционном плане точно как у Пуфendorфа. Античные отсылки также отсутствуют, но подтекст все-таки уловим, поскольку репродуцируется греческая редакция²⁹.

Заключим эту часть статьи наброском соображений двух мыслителей, трудившихся над своими философско-правовыми текстами практически одновременно в самом конце XVIII в., когда от первоначальной близости в их воззрениях оставалось всё меньше, а ком разногласий вырастал всё больше.

В «Метафизике нравов» И. Канта, как и во всей системе его философии, кладущей в основание нравственности и права критерий всеобщности, безоговорочно не допускается таких положений дел, где разум не обращался бы на языке долга к субъекту поступков. С другой стороны, рассудительно признается, что естественные задатки привязывают человека к мотивам чувственности, которым по силам перекричать доводы мысли, а страху за свою жизнь здесь и сейчас по силам заглушить угрозу со стороны закона *там и потом*. Да и способно ли уголовное уложение напугать чем-нибудь страшнее смерти, уже дышащей прямо в лицо? Эти соображения для наглядности и по традиции Кант подкрепляет аллегорией доски, без escorte имен и в античной версии³⁰.

Суть изложенной в «Основе естественного права» теории экземпции И. Г. Фихте заключается в том, что поскольку право относится к существованию людей, а в экстремальной ситуации «природа взяла назад право на жизнь для обоих», постольку коллизия жизней позволяет ее невольным участникам «расматривать себя как совершенно exempt (исключенных. — Г. С.) из всякого правового законодательства»³¹. Об этой многократно транслированной в уголовно-правовых исследованиях позиции можно было бы и не напоминать, если бы не несколько обстоятельств.

Во-первых, как бы разительно она ни отличалась от сопротивления Канта и других правовых универсалистов тезису о нужде, не знающей закона, Фихте согласен с ними в том пункте, что даже допускаемое в его учении выпадение из правового поля не влечет отпадения от религиозно-нравственного долга. Там, где умолкает право, возвышающийся над ним моральный закон возглашает: «Положись на волю Божью». По прекращении же чрезвычайных обстоятельств выживший вновь поворачивается лицом к обществу и обязан положиться уже на волю государства, а последнему надлежит возбудить расследование и, так сказать, оставить его на подозрении (но и на свободе), если не будет установлено, что необходимые и достаточные условия для exemptio фактически отсутствовали³². Тон таким рассуждениям задают метаюридические факторы, в ряду которых вместе с идеями естественного права и общественного договора стоит нравственность, ибо не что иное как развитое моральное сознание, ведая о несовершенстве человека, не отрицает человеческого достоинства у носителя этических изъянов.

Во-вторых, — уже не в общем этическом, а в более близком к проблематике статьи плане — теория экземпции внесла свою лепту в названный ранее мысленный эксперимент Фуллера по «Делу спелеологов», где ее логикой оперирует судья Фостер в 4300 г.³³

В-третьих, якобы отказываясь разбавлять досужим примером работу механизма теоретических абстракций, Фихте тем не менее предъявил читателю доску спасения с пафосом эстрадного конферансье: «Berühmtes Wunderbrett der Schule, знаменитая чудесная доска из школы». Не прольет ли столь нестандартный ход немного света на один существенный вопрос прямо по анализируемой теме?

Сверхъестественные свойства — вечный камень на пути рационального изучения. Остановимся на предположении, что за эпитетом «чудесная» стоит нечаянная самоирония автора. Ведь не на пустом же месте спустя сто лет Н. Н. Розин заявил во всеуслышание, что конструкция Фихте поконится на казусе доски, которой не выдержать двоих³⁴... Прилагательное «знаменитая» может работать в связке с «чудесной» под управлением той же логики двойного смысла. Но может и не иметь потайного дна: в конце

²⁹ Thomasius, Ch. Institutes of Divine Jurisprudence with Selections from Foundations of the Law of Nature and Nations. Indianapolis, 2011. Pp. 173–174, 611 (footnote 18).

³⁰ См.: Кант И. Метафизика нравов // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 145.

³¹ Фихте И. Г. Указ. соч. С. 221–222.

³² См.: там же. С. 222–223.

³³ См.: Фуллер Л. Дело спелеологов. С. 346–353.

³⁴ См.: Розин Н. Н. О крайней необходимости. Уголовно-юридическое исследование. СПб., 1899. С. 77–78.

концов, сколько бы матросских рук ни хваталось за реальную доску в минуту кораблекрушения, ее образ, безотказно являясь на помощь прихотливым авторским замыслам в течение многих столетий, заслужил доброе слово от научного сообщества.

Для расшифровки остатка «из школы» окинем взглядом исторический и социальный контекст, возвращающий нас к Пуфендорфу.

Снова Пуфендорф

Признание пришло к Пуфендорфу еще при жизни и осталось надолго. Мы не хотим бросить тень на другие авторитеты, скажем, Гроция, чьи «Три книги о праве войны и мира» за первые сто пятьдесят лет после его кончины выходили на шести языках семьдесят семь раз, то есть в среднем один раз в два года. Тем не менее великий сын Нидерландов изложил главные свои мысли в толстом, наводненном цитатами томе и, с некоторых пор для время между наукой и дипломатической службой, видимо, посчитал дело сделанным, хотя такой литературный стиль уже устаревал и начинал навевать скуку. Пуфендорф же снискал успех в качестве профессора, умел писать как пространно, так и сравнительно компактно (его «Об обязанностях» в шесть раз короче *magnum opus* Гроция), и «лидеры общественного мнения» по обе стороны Ла-Манша от Локка до Дидро и от Гиббона до Вольтера единодушно рекомендовали его произведения к изучению по программам юридического образования. Россия тоже отреагировала: узнав, что книга Пуфендорфа «Об обязанностях» «служит руководством при обучении правоведению во многих академиях, Петр I велел перевести ее на русский язык»³⁵. Похоже, приказ был исполнен с выходящим за рамки исходного замысла размахом. Во втором классе поветового (уездного) училища герой одноглавленной повести Гоголя Иван Федорович Шпонька «вместо сокращенного катехизиса и четырех правил арифметики принялся за книгу о должностях человека и за дроби». Речь, вероятно, идет о выпущенном при Екатерине II учебнике для народного образования И. И. Фельбигера³⁶. Этую весьма нравоучительную книгу трудно принять за доходчивый пересказ первоисточника. В то же время буквальное совпадение заглавий³⁷ и заметные структурные параллели наводят на догадку, что Пуфендорф невольно сыграл прагматическую роль.

Казалось бы, на этом дело о присвоении доске спасения имени Пуфендорфа можно закрыть. Она была изобретена не немецким юристом, но скорее всего и не греческим философом, а в бывшестные времена самой жизнью и уже много позже спроецирована последним³⁸ на плоскость теории. Спустя тысячу лет Пуфендорф поймал в паруса ветер исторических перемен, извлек из-под вековых наслонений установку на ценность инстинкта самосохранения, осторожно провел ее между рифами церковного недовольства и, стараясь не повредить еще живой в его время нравственно-религиозной ткани, возвел на фундаменте вновь крепнувшей философии естественного права функциональное теоретико-юридическое строение³⁹. Предположительно, благородной остерожностью автора заодно объясняется рестайлинг фабулы эксперимента: в немецкой редакции завладевший доской моряк смотрится все-таки менее этически токсично, чем в греческом оригинале. Но это частная ремарка, а главное в том, что студенчество поколение за поколением стало получать знания о правовом регулировании из книги с оттиснутыми на титульном листе словами: *Samuelis Pufendorfii, De Officio Hominis et Civis*. Таким образом, доска спасения вплывала в сознание школьников и выплывала из их уст уже как *Пуфендорфова* тогда и постольку, когда и поскольку ее приносило в университетскую библиотеку и аудиторию волнной Пуфендорфа.

³⁵ Кузнецов Э. В. Философия права в России. М., 1989. С. 32–33; см. также: Кожевина М. А., Ящук Т. Ф. Эволюция науки истории права и государства в России (XVIII–XX вв.). М., 2023. С. 86–87.

³⁶ См.: Фельбигер И. И. О должностях человека и гражданина, книга к чтению, определенная в народных городских училищах Российской империи, изданная по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Вторья. СПб.: типография Академии наук, 1783. 250 с.

³⁷ Первоначально «*De officio*» Пуфендорфова оригинала переводилось как «О должностях», то есть о том, что должно, о долгे.

³⁸ И примерно в то же время Гекатоном Родосским (см. сноска 26), о котором нельзя сказать однозначно, был он наслышан о философском посольстве и оппонировал Карнеаду, или черпал из одного с ним неизвестного нам источника, или перед нами ранний случай конгениальности. Так или иначе, имя Карнеада оказалось сопряженным с доской спасения намного теснее, чем имя Гекатона.

³⁹ Подробнее об этом см.: Розин Н. Н. Указ. соч. С. 68–73.

Тем не менее рука не поднимается поставить окончательную точку. Элементарная, стократ апробированная матрица метонимического набрасывания имени информатора (которого вдобавок принимали за подлинного автора тем чаще, чем реже тревожили дремлющие в книгохранилищах другие источники) на имя объекта информирования работала медленно и со скрипом, если работала вообще. По возвращении из двухлетней стажировки в университетах Германии и Франции в 1899 г. 28-летний русский криминалист Н. Н. Розин опубликовал монографию «О крайней необходимости». При том, что два-три раза в ней встречается «карнеадовский пример», словосочетание «Пуфendorfова доска» не использовано ни в обстоятельном обзоре истории и состояния разработанности вопроса, ни еще где бы то ни было по тексту. Маловероятно, что если бы соответствующий узус уже сложился в кругу специалистов, то он не проник бы в языковое сознание молодого ученого, целенаправленно впитывавшего их мысли, а вместе с тем практически неизбежно и их словарь.

Возникает гипотеза, что ощутимый терминологический сдвиг требует более продолжительного цикла по шаблону закона отрицания отрицания: Пуфendorf оттесняет Карнеада не раньше, чем сам оказывается оттесненным в зону узкого историко-академического интереса и ритуальных упоминаний. Ибо аберрации трансформируются в монументы, когда исторические события трансформируются в предание. Однако на настоящий момент это всё еще общие суждения, а не документально подтвержденный в нашем конкретном случае факт. В современной англоязычной литературе родословную доски спасения, бывает, уже не ведут от Карнеада, но нам неизвестно, чтобы ее стали вести непосредственно от Пуфendorфа⁴⁰. Возможно, именование «доска Пуфendorфа» — *par excellence* российский терминологический обычай XX–XXI вв., в котором фактор Пуфendorфа преломился через национальную специфику восприятия истории разработки проблематики крайней необходимости в мировой науке уголовного права. Так или иначе, закрывать вопрос преждевременно.

Выводы и перспективы

Историческая реконструкция показала, что:

- а) история умственного эксперимента, известного как Пуфendorfова доска спасения, берет начало задолго до Нового времени в античном этико-философском дискурсе, а именно в публичных выступлениях оратора и сторонника скептического направления греческой философии II в. до н. э. Карнеада;
- б) решающей причиной неофициального признания, по крайней мере в советском и российском научно-юридическом и философском пространстве, авторства за писавшим в XVII в. немецким юристом, предположительно, послужил общественный и академический успех его концепции в целом и удачно сбалансированной с учетом обстоятельств времени модели института крайней необходимости в частности;
- в) аллегория доски спасения проходит через познавательные усилия мыслителей, принадлежащих разным эпохам и школам, по-своему корректировавших ее фабулу и неодинаково толковавших заложенный в ней смысловой потенциал. Наряду с различиями имеет место вектор единства. Юриспруденцию всегда интересовали контуры и механизмы объективированного и формализованного регулирования социально значимой активности человека, а философию — мера сочетаемости ее внутренних и внешних детерминант. Обе линии неизбежно сходятся в особых точках интенсивности — кризисных (на языке философии — пограничных) ситуациях перед лицом смерти, посредством которых бытие сообщает нередко неприятные, но важные истины о личности и обществе. Поэтому доска спасения оказывалась, так сказать, под рукой у мысли в те моменты, когда мысль обнаруживала себя на пересечении философской и теоретико-правовой форм rationalной рефлексии. С данной точки зрения этот образ явил присущим символам способность «сохранять в свер-

⁴⁰ Finkelstein, C. O. Two Men and a Plank, *Legal Theory*. 2001. No. 7. Pp. 279–306; Ghanayim, Kh. Excused Necessity in Western Legal Philosophy. *Canadian Journal of Law and Jurisprudence*. 2006. Vol. 19, No. 1. Pp. 31–65.

нутом виде исключительно обширные и значительные тексты» и оживать в каждом последующем, «как зерно, попавшее в новую почву»⁴¹.

Итак, у доски спасения есть богатое прошлое. Настоящее в основном сводится к церемониальной процессии по историко-обзорным блокам научных публикаций. Но не всё так монотонно. Прежде всего, за многие века возникла группа родственных аллегорий: раненый на коне, ворота осажденного города, вода в пустыне, стая преследующих сани волков, альпинисты в связке над пропастью... Некоторые прижились на почве искусства. Далее, известна современная попытка умственного экспериментирования с доской спасения на методологической базе, заставляющей посмотреть свежим взглядом на обозначенные выше критерии В. А. Штоффа. Профессиональный юрист заметит, что автору попытки философу С. А. Хмелевской⁴² не совсем близки вопросы разграничения крайней необходимости и необходимой обороны, тонкости доктринальных толкований и нюансы, которые проясняются благодаря историко-и сравнительно-правовому подходам. Вместе с тем в философско-методологическом ключе ее публикацией создан прецедент вовлечения старинной схемы в силовое поле такой активно развивающейся исследовательской программы, как экспериментальная философия морали⁴³. Поэтому, может быть, доску Пуфendorфа еще ждет творческое будущее за рамками кино и компьютерных игр.

По легенде, регулярно ремонтируя корабль аргонавтов, афиняне в конце концов заменили все доски, из которых он был построен. Что касается *воображаемых* деревянных изделий, то их можно модернизировать в любых направлениях и неограниченно долго.

Список источников

1. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ: ИНФРА-М НОРМА, 1998. 624 с.
2. Гроций Г. О праве войны и мира: репринт с изд. 1956 г. / Под общ. ред. С. Б. Крылова. М.: Ладомир, 1994. 898 с.
3. Дворкин Р. О правах всерьез / Ред. Л. Б. Макеева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 392 с. EDN: QVXKZT
4. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Ред. тома и авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев; пер. М. Л. Гаспарова. 2-е изд. М.: Мысль, 1986. 571 с.
5. Кант И. Метафизика нравов // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 107–438.
6. Кожевина М. А. Эволюция науки истории права и государства в России (XVIII–XX вв.) // М. А. Кожевина, Т. Ф. Ящук. М.: Норма, 2023. 576 с. DOI: 10.12737/1915630. EDN: ULEJLS
7. Кузнецов Э. В. Философия права в России. М.: Юридическая литература, 1989. 208 с.
8. Лактанций. Божественные установления. Книги I–VII. СПб.: Издательство Олега Абышко. 2007. 512 с.
9. Леви Э. Введение в правовое мышление. М.: Наука, 1995. 115 с.
10. Локк Дж. Опыты о законе природы // Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 3–53.
11. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. I. С. 191–199.
12. Мартишина Н. И. Мысленный эксперимент в философии права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 3. С. 55–59. EDN: RCOLJV
13. Мехед Г. Н. Мысленный эксперимент в философии и этике // Философская мысль. 2017. № 5. С. 1–13. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22985. DOI: 10.7256/2409-8728.2017.5.22985. EDN: YPJREP

⁴¹ Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Избранные статьи: в 3 т. Таллинн, 1992. Т. I. С. 192, 194.

⁴² См.: Хмелевская С. А. «Коллизия жизней» как философско-правовая проблема // Философия политики и права. Вып. 2. М., 2011. С. 92–106.

⁴³ Подробнее об экспериментальном стиле в современной этике см.: Эдмондс Д. Убили бы вы толстяка? Задача о вагонетке: что такое хорошо и что такое плохо? М., 2016. 256 с.; Мехед Г. Н. Мысленный эксперимент в философии и этике // Философская мысль. 2017. № 5. С. 1–13. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22985 (дата обращения: 19.02.2025).

14. Никуленко А. В. Законодательная модернизация крайней необходимости // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции / Под общ. ред. Т. А. Огарь, Д. М. Кокина; сост. Н. И. Кузнецова. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 202–211. EDN: KTRNWQ
15. Паше-Озерский Н. Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1962. 181 с.
16. Плешаков А. М. «Коллизия жизней» при крайней необходимости и проблемы уголовной ответственности / А. М. Плешаков, Г. С. Шкабин // Государство и право. 2007. № 7. С. 64–71. EDN: IAIJPR
17. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 т. Т. 1. М.: Издательство АН СССР, 1961. 504 с.
18. Пуфendorf C. Об обязанностях человека и гражданина по естественному закону / пер. А. Семанова. URL: <https://predanie.ru/book/221340-ob-obyazannostyah-cheloveka-i-grazhdanina-po-estestvennomu-zakonu/>
19. Розин Н. Н. О крайней необходимости. Уголовно-юридическое исследование. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1899. 250 с.
20. Ролз Дж. Теория справедливости / Науч. ред. и предисл. В. В. Целищева. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 536 с.
21. Синченко Г. Ч. Империя цитирования. Философско-исторический этюд. Ч. II. Средние века и Возрождение // Вестник Омского университета. 2023. Т. 28, № 2. С. 14–21. DOI 10.24147/1812-3996.2023.28(2).14-21. EDN: AWMTMO
22. Филатов В. П. Мысленные эксперименты в науке и философии // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. XXV. № 3. С. 5–15. DOI: 10.5840/eps201025352. EDN: NCJWXF
23. Фихте И. Г. Основа естественного права согласно принципам научного обучения / пер. с нем. А. К. Судакова. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2014. 392 с.
24. Фуллер Л. Л. Дело спелеологов / пер. с англ. В. В. Целищева // Харт Г. Философия и язык права. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. С. 343–372.
25. Фуллер Л. Л. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2007. 308 с.
26. Фуллер Л. Л. Проблема завистливого доносчика / пер. с англ. В. В. Целищева // Харт Г. Философия и язык права. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. С. 334–342.
27. Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть. М.: ИД Высшей школы экономики, 2021. 368 с.
28. Хмелевская С. А. «Коллизия жизней» как философско-правовая проблема // Философия политики и права: Сборник научных работ. Вып. 2 / Под общ. ред. Е. Н. Моцелкова. М.: Издатель Воробьев А. В., 2011. С. 92–106.
29. Хмелевская С. А. Проблема коллизии жизней с позиций философской рефлексии // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16. № 2. С. 100–107. DOI: 10.19181/lsprr/2020.16.2.10. EDN: MEUJWS
30. Цицерон. Моральные размышления. О старости, о дружбе, об обязанностях / пер. с лат. В. Петухова, В. Горенштейна; вступит. ст. А. В. Маркова. М.: РИПОЛ классик, 2020. 450 с.
31. Цицерон. О государстве // Цицерон. Диалоги / Отв. ред. С. Л. Утченко. М.: Наука, 1966. С. 7–88.
32. Червяковский А. В. Мысленный эксперимент в трудах современных западных ученых-философов и теоретиков права // Юридическая техника. 2025. № 19: Материалы XXVI Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Эксперимент в правовом регулировании (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 25–28 сентября 2024 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2025. С. 440–442.
33. Штoфф B. A. Моделирование и философия. М.-Л.: Наука, 1966. 303 с.
34. Эдмондс Д. Убили бы вы толстяка? Задача о вагонетке: что такое хорошо и что такое плохо? / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. 256 с.
35. D'Amato, A. (2011) On the Connection Between Law and Justice. Faculty Working Papers. Paper 2. URL: <http://scholarlycommons.law.northwestern.edu/facultyworkingpapers/2>

36. Finkelstein, C. O. (2001) Two Men and a Plank. *Legal Theory*. No. 7. Pp. 279–306.
37. Ghanayim, Kh. (2006) Excused Necessity in Western Legal Philosophy. *Canadian Journal of Law and Jurisprudence*. Vol. 19, No. 1. Pp. 31–65.
38. Pufendorf, S. (1672) De Jure Naturae et Gentium Libri Octo. Londini Scotorum. *Sumtibus Adami Junghans*. 1227 p.
39. Thomasius, Ch. (2011) Institutes of Divine Jurisprudence with Selections from Foundations of the Law of Nature and Nations. *Liberty Fund, Indianapolis*. 659 p.

Об авторе:

Синченко Георгий Чонгарович, профессор кафедры философии и политологии Омской академии МВД России (Омск, Российская Федерация), заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор философских наук, профессор; e-mail: gsinchenko@rambler.ru

References

1. Berman, H. J. (1985) Law and Revolution. The Formation of the Western Legal Tradition. *Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts and London, England*. 672 p.
2. Grotius, H. (1994) The Law of War and Peace.
3. Dworkin, R. (1978) Taking Rights Seriously. *Harvard University Press*. 392 p. EDN: QVXKZT
4. Kant, I. (1965) The Metaphysics of Morals.
5. Diogenes Laërtius (1986) Lives and Opinions of Eminent Philosophers.
6. Kozhevina, M. A., Yashuk, T. F. (2023) The Evolution of the Science of the History of Law and States of Russia (XVIII–XX centuries). (In Russ.) DOI: 10.12737/1915630
7. Kuznetsov, E. V. (1989) Philosophy of Law in Russia. (In Russ.).
8. Lactantius (2007) The Divine Institutes.
9. Levi, E. H. (2013) An Introduction to Legal Reasoning. *University of Chicago Press*. 128 p.
10. Locke, J. (2002) Essays on the Law of Nature: the Latin Text with a Translation, Introduction and Notes, Together with Transcripts of Locke's Shorthand in his Journal for 1676. *Clarendon Press*. 304 p.
11. Lotman, Yu. M. (1992) Symbol in the System of Culture. (In Russ.)
12. Martishina, N. I. (2013) Mental Experiment in the Philosophy of law. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. No. 3. Pp. 55–59. (In Russ.). EDN: RCOLJV
13. Mekhed, G. N. (2017) Mental Experiment in Philosophy and Ethics. *Filosofskaya Mysl'*. No. 5. Pp. 1–13. (In Russ.). URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=22985. DOI: 10.7256/2409-8728.2017.5.22985
14. Nikulenko, A. V. (2022) Legislative Modernization of Extreme Necessity, Criminal legislation: Yesterday, Today, Tomorrow. All-Russian Scientific and Practical Conference (June 3-4, 2022, St. Petersburg. Pp. 201–211. (In Russ.) EDN: KTRNWQ
15. Pashe-Ozersky, N. N. (1962) Necessary Defense and Extreme Necessity in Soviet Criminal Law. (In Russ.)
16. Pleshakov, A. M., Shkabin, G. S. (2007) “Counteraction of Lives” in Emergency and Criminal Responsibility Problems, State and Law. No. 7. Pp. 64–71. (In Russ.)
17. Plutarch (1961) Lives of the Noble Grecians and Romans.
18. Pufendorf, S. On the Duty of Man and Citizen. URL: <https://predanie.ru/book/221340-ob-obyazannostyah-cheloveka-i-grazhdanina-po-estestvennomu-zakonu/>
19. Rozin, N. N. On Extreme Necessity. Criminal-Juridical Research. (In Russ.)
20. Rawls, J. (1971) A Theory of Justice. *Harvard University Press, Belknap Press*. 624 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctvjf9z6v>
21. Sinchenko, G. Ch. (2023) Citation Empire. A Philosophical and Historical Sketch. Part II. The Middle Ages and the Renaissance, Herald of Omsk University. Vol. 28, No. 2. Pp. 14–21 (In Russ.). DOI: 10.24147/1812-3996.2023.28(2).14-21

22. Filatov, V. P. (2010) Mental Experiments in Science and Philosophy, *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. XXV, No. 3. Pp. 5–15 (In Russ.). DOI: 10.5840/eps201025352
23. Fichte, G. (2014) Foundations of Natural Right.
24. Fuller, L. L. (1949) The Case of Speluncan Explorers. *Harvard Law Review*. Vol. 62, No. 4. Pp. 616–645.
25. Fuller, L. L. (1969) The Morality of Law. *Yale University Press, New Haven and London*. 263 p.
26. Fuller, L. L. (1969) The Problem of the Grudge Informer // Lon L. Fuller, The Morality of Law. *Yale University Press, New Haven and London*. Pp. 245–254.
27. Fuller, S. (2018) Post-Truth. Knowledge as a Power Game. *Anthem Press*. 208 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctvgd30v>
28. Khmelevskaya, S. A. (2011) Collision of Lives as a Philosophy and Law problem, Philosophy of Politics and Law. Collection of Scientific Works. Issue 2. (In Russ.)
29. Khmelevskaya, S. A. (2020) The Problem of the Collision of Lives from the Standpoint of Philosophical Reflection, Living Standards of the Population in the Regions of Russia. Vol. 16, No. 2. Pp. 100–107 (In Russ.). DOI: 10.19181/lsprr/2020.16.2.10
30. Cicero, Marcus Tullius (2020) On Moral Duties (De Officiis).
31. Cicero, Marcus Tullius (1966) On the Republic. (In Russ.).
32. Chervyakovskiy, A. V. (2025) Thought Experiment in the Works of Modern Western Scientists-Philosophers and Law Theorists. *Juridical Techniques*. Vol. 19. Pp. 440–442. (In Russ.)
33. Shtoff, V. A. (1966) Modeling and Philosophy.
34. Edmonds, D. (2015) Would You Kill the Fat Man? The Trolley Problem and What Your Answer Tells Us about Right and Wrong. *Princeton University Press*. 240 p.
35. D'Amato, A. (2011) On the Connection Between Law and Justice. Faculty Working Papers. Paper 2. URL: <http://scholarlycommons.law.northwestern.edu/facultyworkingpapers/2>
36. Finkelstein, C. O. (2001) Two Men and a Plank, Legal Theory. No. 7. Pp. 279–306.
37. Ghanayim, Kh. (2006) Excused Necessity in Western Legal Philosophy. *Canadian Journal of Law and Jurisprudence*. Vol. 19, No. 1. Pp. 31–65.
38. Pufendorf, S. (1672) De Jure Naturae et Gentium Libri Octo. Londini Scanorum. *Sumtibus Adami Jungmans*. 1227 p.
39. Thomasius, Ch. (2011) Institutes of Divine Jurisprudence with Selections from Foundations of the Law of Nature and Nations. *Liberty Fund, Indianapolis*. 659 p.

About the author:

Georgiy Ch. Sinchenko, Professor of the Department of Philosophy and Political Science, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russian Federation), Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Doctor of Science (Philosophy), Professor; e-mail: gsinchenko@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

EDN: GQKHDF

Дата поступления статьи: 14.07.2025

Дата поступления рецензии: 15.09.2025

Дата принятия статьи к публикации: 01.10.2025

Система правовой коммуникации: эмерджентная реальность

Зыков Д. В.

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Российская Федерация)

E-mail: zyk9@yandex.ru

Аннотация

Введение. Существующая в отечественной науке парадигма, определяющая систему права через его внутреннее строение (нормы → институты → отрасли), основана на терминологической путанице. С позиций общей теории систем: *структура* — это внутренняя форма явления, устойчивая конфигурация связей между его частями; *система* — это ограниченное множество взаимодействующих элементов, образующих новое качество и целостность. Следовательно, норма права, будучи сама сложным образованием (гипотеза, диспозиция, санкция), не может быть первичным элементом системы права. Требуется найти более глубокий, онтологический базис.

Методология и материалы. Методологической основой исследования выступает синтез отечественных коммуникативно-диалогических подходов (А. В. Поляков, И. Л. Честнов), модели трехмерного понятия права (С. С. Алексеев) и метатеории юридической техники (М. Л. Давыдова). Исследование предлагает парадигмальный сдвиг в правопонимании через концепцию права как эмерджентной реальности.

Результаты исследования и их обсуждение. В качестве альтернативы предлагается трехатомная модель системы права, где первичными элементами выступают: 1) объемы прав и обязанностей как материя регулирования; 2) источники обязательности как движущая сила; 3) нормативность сознания как среда существования права. Право возникает в точке напряженного взаимодействия трех онтологических элементов: объемов прав/обязанностей, источников обязательности и нормативности сознания. Нормативность сознания выступает катализатором правогенеза, превращая статичные структуры в живую правовую реальность.

Выводы. Правовая реальность не сводится к сумме своих элементов — она возникает как новое качество при достижении критической массы взаимодействия между объемами прав, источниками обязательности и нормативностью сознания. Этот emergent property объясняет, почему право одновременно объективно и субъективно, стабильно и изменчиво. Право — эмерджентный феномен.

Ключевые слова: эмерджентность права, правогенез, нормативность сознания, источники обязательности, коммуникативная теория права, диалогическая концепция права, трехмерное понятие права, метатеория юридической техники.

Для цитирования: Зыков Д. В. Система правовой коммуникации: эмерджентная реальность // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 4 (26). С. 39–48. EDN: GQKHDF

The System of Legal Communication: an Emergent Reality

Zykov D. V.

Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation)
E-mail: zyk9@yandex.ru

Abstract

Introduction. The paradigm prevailing in domestic science, which defines the system of law through its internal structure (norms → institutions → branches), is based on terminological confusion. From the perspective of general systems theory: Structure is the internal form of a phenomenon, a stable configuration of connections between its parts. A System is a delimited set of interacting elements forming a new quality and integrity. Consequently, a legal norm, being itself a complex formation (hypothesis, disposition, sanction), cannot be the primary element of the legal system. A deeper, ontological basis needs to be identified.

Methodology and materials. The methodological foundation of the research is a synthesis of domestic communicative-dialogical approaches (A. V. Polyakov, I. L. Chestnov), the model of the three-dimensional concept of law (S. S. Alekseev), and the meta-theory of legal technique (M. L. Davydova). The study proposes a paradigmatic shift in the understanding of law through the concept of law as an emergent reality.

Results and Discussion. As an alternative, a triatomic model of the legal system is proposed, where the primary elements are: 1) scopes of rights and obligations as the substance of regulation, 2) sources of obligatoriness as the driving force, and 3) normativity of consciousness as the environment for the existence of law. Law emerges at the point of intense interaction among three ontological elements: scopes of rights/obligations, sources of obligatoriness, and normativity of consciousness. The normativity of consciousness acts as a catalyst for law-genesis, transforming static structures into a living legal reality.

Conclusions. Legal reality cannot be reduced to the sum of its elements — it emerges as a new quality when a critical mass of interaction among scopes of rights, sources of obligatoriness, and normativity of consciousness is achieved. This emergent property explains why law is simultaneously objective and subjective, stable and dynamic. Law is an emergent phenomenon.

Keywords: emergence of law, law-genesis, normativity of consciousness, sources of obligatoriness, communicative theory of law, dialogical concept of law, three-dimensional concept of law, meta-theory of legal technique.

For citation: Zykov, D. V. The System of Legal Communication: An Emergent Reality. Theoretical and Applied Law. 2025. No. 4 (26). Pp. 39–48.

Введение: критика традиционного отождествления

Наши системные представления о праве пока трехмерны. Такая юридическая картина мира «висит в воздухе» на трех осях координат: иерархия норм (вертикаль) — отраслевая структура (горизонталь) — процессуальная реализация (диагональ как «срез», но не «картина» динамики); внутренняя организация такого пространства права ограничена параллелепипедом («длина-основание» — объективное право; «ширина-глубина» — субъективное право; «высота» — правоотношения).

В качестве отправной точки обратимся к «инфраструктуре» системы правовой коммуникации — внутренней организации права, представленной нормами, институтами и отраслями. Однако, чтобы понять

ее как живую систему, рассмотрим в трехмерном разрезе не статичное понятие права или его структуру, а понятие правовой коммуникации. Тогда получим другую картину, пока тоже статичную как «снимок» реальности, но уже «оживающую» в своем динамическом напряжении:

- *Горизонтальная плоскость (сфера «Что?»)* — это материальное содержание права, где раскладывается всё многообразие юридически значимого поведения и правовых статусов субъектов.
- *Вертикальная ось (сфера «Почему?»)* — это измерение иерархии и легитимации, ответ на вопрос, какая сила делает права и обязанности реальностью: от стихийной обязательности обычаем до институциональных формальных источников.
- *Измерение вглубь (сфера «Во имя чего?»)* — это «индикатор глубины» легитимности, проявляющийся в нормативности сознания. Он аккумулирует то, насколько правовые установления воспринимаются как правильные и внутренне обязательные. Это фундамент, временной частью и локацией которого является коллективное сознание.

Архитектура права создает формальные предпосылки для коммуникации, а *правовая коммуникация* наполняет эти структуры жизнью и смыслом. Внутренняя организация права — это застывшая коммуникация, результат прошлых процессов. Функция правовой коммуникации — обеспечивать функциональность, адаптивность и легитимность права. Закон начинает работать, когда его смысл понятен, истолкован и применен. Когда существующие структуры перестают отвечать потребностям, запускается интенсивная коммуникация — дискуссии, критика, надежды, что и приводят к изменению норм. Таким образом, внутренняя организация права и правовая коммуникация — две стороны непрерывного диалога между правилом и его жизнью.

Однако, говоря о внутренней организации, мы подразумеваем структуру, но еще не систему. Система — это ограниченное множество взаимодействующих элементов. Возможно ли дедуцировать из внутренней организации права систему таких элементов, представляющих право как коммуникативную целостность?

Ответ положителен, и трехмерность пространства права прямо указывает на путь. Процедура редукции (изолирующей абстракции) приводит нас к трем координатам пространства, что преобразуются в искомую триаду элементов:

- *объемы прав и обязанностей* (материальное содержание, сфера «Что?»);
- *источники обязательности* (формальная сила, сфера «Почему?»);
- *нормативность сознания* (феноменологическое основание, сфера «Во имя чего?»).

Методология и материалы

Методологическую основу исследования составляет комплексный синтез нескольких влиятельных теоретико-правовых подходов, что позволяет осуществить парадигмальный сдвиг в правопонимании. В качестве теоретического фундамента привлекаются отечественные коммуникативно-диалогические концепции (А. В. Поляков, И. Л. Честнов), акцентирующие роль коммуникации в создании правовой реальности; модель трехмерного понятия права (С. С. Алексеев), предоставляющая структурный каркас для анализа, а также метатеория юридической техники (М. Л. Давыдова), углубляющая понимание внутренней организации правового материала. Ключевым методологическим инструментом выступает метод редукции (изолирующей абстракции), применяемый к предложенной трехмерной модели правовой коммуникации. Этот метод позволяет декомпозировать сложный феномен до его первичных, онтологических элементов, которые не сводятся друг к другу.

Исследование развивается через последовательное применение системного подхода и принципа эмерджентности. Традиционная для отечественного правоведения структурная парадигма (нормы → институты → отрасли) подвергается критике с позиций общей теории систем, где система понимается как ограниченное множество взаимодействующих элементов, порождающее новое качество — целостность. Такой ракурс позволяет преодолеть терминологическую путаницу между «структурой» и «системой» и поставить вопрос о поиске подлинных элементов системы права, которые не являются продуктом

человеческого нормотворчества (как норма), а лежат в основе самого правогенеза. В результате исследование приходит к построению оригинальной **трехатомной модели системы права**, где первичными элементами выступают онтологические категории: объемы прав и обязанностей, источники обязательности и нормативность сознания. Их напряженное взаимодействие в точке коммуникации и порождает право как эмерджентную реальность.

Результаты исследования и их обсуждение

1. «Атомы» системы правовой коммуникации

Первый элемент системы — объемы прав и обязанностей. Они создают для субъекта дифференцируемую меру свободы и ответственности, выступая рамкой его поведения и правовых возможностей. Эти «объемы» являются непосредственным содержанием правового регулирования и тем изменчивым элементом, который наполняет собой абстрактные нормы объективного права. Утверждение, что объемы прав и обязанностей пассивны, верно лишь отчасти. Они пассивны как установленное состояние, как статичный снимок правового положения субъекта в конкретный момент. Однако они активны как потенциал к действию. В точке правового взаимодействия с другим субъектом этот потенциал реализуется, и ранее пассивный объем становится активной силой, порождающей правовые последствия. Именно через это обратное влияние взаимодействие множества индивидуальных объемов между собой и с источниками их обязательности в конечном счете формирует нормативное сознание новых поколений, воспроизводя и развивая правопорядок.

Объем прав и обязанностей не существует вне норм права, а нормы права не могут не заключать в себе таких объемов. Вводимое понятие не отменяет и не дублирует норму, являясь ее логическим продолжением и практическим воплощением. Если **нормы права** — это целостный конструктор, набор деталей для моделирования, то **объем прав и обязанностей** — это «собранная модель» для отдельного субъекта. Это конкретный набор возможностей и требований, принадлежащий человеку или организации в уникальной конкретно-исторической и персональной ситуации. Абстрактные нормы, взаимодействуя с юридическими фактами, результируются в конкретных объемах. Нормы содержат основания поведения, а объем — это ответ на вопрос: что именно можно, должно и нельзя делать этому субъекту здесь и сейчас?

Понятие объема в данном аспекте рассмотрения не поддается сиюминутному «распаду»: в каждый фиксированный момент времени он остается равным себе, являясь одним из трех элементов сложения системы правовой коммуникации. Именно он позволяет индивидуализировать правовое положение. В действительности правовой статус каждого субъекта уникален, поскольку складывается из общего и специального статуса (что дает множество конфигураций), а также из индивидуального статуса, вытекающего из неповторимых жизненных обстоятельств. Это делает количество возможных комбинаций объемов поистине «множеством множеств».

Данное понятие является ключевым для правоприменения и защиты. В судах мы требуем защиты не абстрактных норм, а своего нарушенного персонального объема. Судья же, постановляя решение, заново определяет и фиксирует новый конкретный объем прав и обязанностей сторон после разрешения конфликта.

Известна склонность индивидов в моменты треволнений или в силу амбиций иметь фантастические представления о своих правовых возможностях. Их это систематически предпринимает попытки инфляции и произвольного выхода за свою рамку на территорию свободы другого. Поэтому **источники обязательности** объемов как рамок поведения выполняют две критически важные функции: стабилизируют и воспроизводят сформировавшийся порядок, устанавливая эти объемы изначально. Они пресекают и принудительно корректируют систематически возникающие фантазии о степенях свободы. Своим действием они либо останавливают такие попытки, либо — для возвращения индивида в реальность — принудительно сужают его рамку поведения до более низкоорганизованного уровня правовых возможностей.

Предвосхищая законную критику необходимости введения понятия «объем прав и обязанностей» при наличии в категориальном аппарате таких общепризнанных понятий, как «субъективное право» и «юридическая обязанность», надо заметить, что такая критика, отождествляющая категорию «объема прав и обязанностей» с указанными понятиями, на наш взгляд, основана на методологическом смешении статического и динамического аспектов правового положения. Если субъективное право и юридическая обязанность представляют собой статичные, качественно определенные элементы статуса (что имеет субъект), то их объем — это динамическая, количественно-пространственная мера реализации этих элементов (как много, в каких пределах и при каких условиях он это имеет).

Субъективное право без объема подобно кораблю без водоизмещения: мы знаем его название, но не представляем его реальных возможностей. Объем является не свойством, а самостоятельным, системообразующим элементом, который переводит абстрактную возможность, закрепленную в норме, в конкретный, измеримый режим ее существования для носителя статуса. Таким образом, именно через категорию объема происходит переход от общего, равного для всех правового состояния к индивидуальному, дифференцированному правовому положению конкретного субъекта. Отрицание самостоятельности данного элемента ведет к обеднению аналитического аппарата теории правового статуса и невозможности адекватно описать механизм правовой дифференциации.

Второй элемент системы — источники обязательности, существующие в неразрывной диалектике внешнего и внутреннего. С одной стороны — это волевая власть правящих, объективирующаяся в официальных формах права и создающая систему внешнего детерминирования; с другой — внутреннее волевое подчинение управляемых, которые интериоризуют эти внешние предписания, превращая их во внутренние императивы. Между этими полюсами происходит постоянная коммуникация, в ходе которой внешняя мотивация трансформируется во внутреннюю¹.

Девиация, возникающая при несовпадении внутренних источников обязательности с внешними, порождает социальный конфликт и легитимационный кризис. Таким образом, именно в источниках обязательности мы ищем ответ на вопрос, почему правило обязательно: внешне — это сила властного предписания, внутренне — усвоенные в процессе социализации смыслы и ценности, личные и групповые правовые оценки.

Именно нормативно-правовое предписание (властное веление) выступает той элементарной, правообразующей причиной, которая порождает, поддерживает и изменяет объемы прав и обязанностей. Норма права, будучи целостным логическим конструктом, сама складывается из этих более «элементарных частиц» правовой материи. Можно утверждать, что *норма выражена в предписаниях, а не наоборот*². Если в определении нормативно-правового предписания оставить его ключевой признак — «властное веление», то дистанция между этим понятием и источником обязательности практически исчезает.

Движущей силой развития всей системы является диалектическое противоречие между управляющими и управляемыми, моделью которого выступает пара абстрактных взаимодействующих индивидов. В их борьбе, взаимозависимости и взаимодополнительности берут начало истоки правообразования. Управляющие, стремясь к саморазвитию, обращают в собственность волю и потенциал подвластных, которые, в свою очередь, через это взаимодействие становятся результатом саморазвития правящих. Собственность здесь понимается как фундаментальное отношение, в основе которого лежит естественное стремление человека обращать любое явление (включая другого индивида и его волю) в средство собственного развития. Собственность ведет к свободе, а свободная воля является ее существенной характеристикой, замыкая этот цикл.

Однако предмет регулирования — поведение людей — не пассивно. Оно относительно самодостаточно, тяготеет к автономии и само является источником легитимации правопорядка, потенциальным носителем новых очагов обязательности. Поэтому баланс в системе зависит не от односторонней силы принуждения, а от того, насколько действие общеобязательности урегулировано в соответствии со

¹ Честнов И. Л. Постклассическая теория права. Серия: Jurisprudence. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 649 с.

² Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 318 с.

«свойствами материала воздействия», то есть с природой, количеством и сознанием индивидов и их групп, в основе которого в конечном счете лежит общественное мнение.

Система права как целостность включает в себя специфическое состояние общего сознания в качестве одного из своих определяющих элементов. Интегральным элементом системы является общее сознание управляющих и управляемых — та самая ограниченная внутренняя среда, где взаимодействие активного и пассивного начал находит точку равновесия. В этой среде функционирование объемов прав и обязанностей происходит автоматически при убежденности, что это — норма (положительная групповая оценка). И напротив, возникает торможение и дисфункция при убежденности в отсутствии необходимости подчинения (отрицательная групповая оценка, которая, в случае победы, сама превращается в норму)³.

В контексте неравных отношений между управляющими и управляемыми источником обязательности выступает не просто воля власти, но основанный на нормативности сознания **акт делегирования — «кредит доверия»**, предоставляемый обществом. Этот кредит, включающий право на легитимное принуждение и принятие решений, и составляет содержание долга управляющих. Как следствие, обязанность подчинения управляемых является обратной стороной делегированного ими же полномочия, что раскрывает коммуникативную, диалогическую природу власти, а не ее чисто принудительный характер.

Это фундамент правовой системы. Источники обязательности являются мета-источниками, так как они наделяют силой сами источники права. Источники (формы) права (внешние формы выражения правил) — это конкретные «емкости», в которых содержатся правовые нормы. Источник обязательности — это то, что придает правилу юридическую силу. Это ответ на вопрос: «Почему это правило является обязательным для исполнения и почему государство может применить санкцию за его нарушение?». Источник права (в материальном или формальном смысле) — это то, откуда правило черпает свое содержание, свою «плоть и кровь». Это ответ на вопрос: «Где мы можем найти текст или формулировку этого правила?». Эти понятия тесно связаны, но не тождественны. Одно и то же правило может иметь разную юридическую силу в зависимости от источника его обязательности. Представим модель их соотношения в виде двух осей или уровней (см. табл.).

Таблица

Источник обязательности (уровень 1)	Наделяет юридической силой →	Источник (форма) права (уровень 2)	Содержит →	Правовая норма
Воля государства/общественный договор	→	Нормативный правовой акт	→	Статья закона
Воля государства + принцип stare decisis	→	Судебный прецедент	→	Правовая позиция суда
Принцип pacta sunt servanda	→	Международный договор	→	Положение договора
Естественное право/принципы справедливости	→	Общие принципы права	→	Идея справедливости
Историческая традиция + санкция государства	→	Правовой обычай	→	Устоявшееся правило поведения

Источник: составлено автором.

Приведем примеры:

- Одна форма, разная обязательность. Один и тот же нормативный акт (форма) в демократическом государстве черпает силу из общественного договора, а в тоталитарном — из воли государства (режима).
- Иерархия. В большинстве современных систем доминирующим источником обязательности является **общественный договор/воля государства**, которая наделяет высшей силой **Конституцию**. Все остальные формы права (законы, договоры) получают силу от нее и должны ей соответствовать.

³ Поляков А. В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб.: СПбГУ, 2004. 863 с.

3. Динамика. В международном праве источником обязательности часто является прямое согласие государств (договор или обычай), без надгосударственного «государства».

Таким образом, **источник обязательности** — это философско-правовое основание силы права, а **источник права** — это конкретный, часто формализованный способ фиксации правовых норм, сила которого производна от первого.

Третий элемент — нормативность сознания управляющих и управляемых, понимаемая не как совокупность норм, а как их глубинный источник и условие возможности. Это эволюционно выработанная способность к порождению и восприятию должного, психосоциальный механизм, формирующий установки «так надо», «это запрещено», «так правильно». Источником этой нормативности является коллективное сознание, порождающее табу, заповеди, обычаи и в конечном счете — правовые догматы.

Нормативность сознания есть местонахождение нормативных фактов — прочных приобретенных предрасположенностей, отражающих исторически сложившиеся представления о правовой нормальности. Основные типы этой нормативности могут быть соотнесены, в частности, с типами общественно-экономических формаций, выражая их смысловую суть в виде мировоззренческих догм, форм предпопнимания и дорефлексивных установок.

Данный элемент позволяет преодолеть дуализм физической и психической реальности, репрезентуя *третий мир* — среду идей, культуры, интерсубъективности и коммуникации. Именно здесь, как верно заметил классик, становится немыслимым восстановление рабства — не в силу отсутствия принуждения, а в силу кристаллизовавшейся в сознании нормативности, отвергающей его. Эта нормативность сначала формирует принципы (внешний источник), затем интернализуется как внутренняя убежденность и, наконец, сквозит в системе норм как руководящая идея, результируясь в конкретных комбинациях объемов прав и обязанностей.

Коммуникативная природа права становится очевидной при обращении к психологической теории Л. Петражицкого. Его концепция императивно-атрибутивных эмоций, по сути, описывает **первичный акт правовой коммуникации**: взаимное приписывание прав и обязанностей, проецируемое на интерсубъективное поле. Нормативность сознания здесь выступает не просто психическим фактом, а **коммуникативным условием** возможности права, которое всегда рождается в зазоре между сознаниями, в динамическом напряжении их «проективных идентификаций». Именно это изначальное напряжение между атрибутивной эмоцией одного и императивной эмоцией другого и создает то поле силы, в котором существует и развивается правовая коммуникация, приводя в конечном счете к кристаллизации трех основных элементов системы: **объемов прав и обязанностей** (материализовавшийся результат этого приписывания), **источников их обязательности** (институционализированная воля) и **нормативности сознания** (само это порождающее поле).

Триада элементов образует нормативно-правовой синтез сознания — *регулятивный кодекс психики*, или *внутреннюю конституцию*. Эта матрица задает систему координат, в которой формируется и ограничивается сознание, определяя права и обязанности мыслей и поступков личности.

Деятельность нормативности сознания разворачивается как диалектическая спираль, проходящая три фазы в каждом цикле:

- *синтез исходного состояния*: осознание и признание нормативности существующего правопорядка как общеобязательной;
- *отрицание и упорядочивание*: нарастание внутреннего противоречия, осознание несоответствия исходной нормативности новым социальным реалиям;
- *отрицание отрицания*: формирование новой нормативности сознания с иными качественными характеристиками, знаменующее переход на новый виток спирали.

Права, обязанности и их источники — не застывшие догмы, а живые, эволюционирующие аспекты сознания. Рост сознания приводит к преобразованию всей системы: объемы прав и обязанностей становятся более сбалансированными, а источники обязательности перемещаются извне вовнутрь, превращаясь в осознанное законопослушание. Таким образом, нормативность сознания является одновременно ядром, движущей силой, критерием оценки и кульминацией всей системы правовой коммуникации.

2. Взаимодействие объемов: как рождается правовая реальность?

Сила права определяется **объемом фигуры**, образованной проекцией на все три оси.

1. Полноценное право (объемный куб): возникает, когда все три координаты имеют высокие значения. **Право собственности (X):** четко определенный объем правомочий. **Источник (Y):** гарантировано Гражданским кодексом и защищается государством. **Легитимность (Z):** воспринимается обществом как священное и справедливое основание экономического порядка. **Результат:** право стабильно, эффективно и не требует постоянного силового принуждения.

2. Слабые, «больные» правовые явления (плоские или вырожденные фигуры):

- **«Бумажное право» (высокий Y, но низкие X и Z):** закон есть (Y), но он непонятен, противоречив (малый объем по X) и воспринимается как несправедливый ($Z = 0$). Пример: непопулярный налог, который все стараются обойти. Он существует формально (Y), но его правовая реальность призрачна.
- **«Право сильного» (высокий X, низкие Y и Z):** одна сторона имеет широкие «права» (фактическую возможность), а другая — обширные «обязанности» (X), но это основано не на законе (Y низкий), а на угрозе насилия, и не признается справедливым ($Z = 0$). Пример: рэкет. Здесь есть распределение прав и обязанностей (X) и источник обязательности в виде угрозы (некий Y), но нулевая нормативность сознания (Z) и отсутствие легального источника (Y).
- **Моральная норма (высокий Z, но X = 0, Y = 0):** правило поведения внутренне признается обязательным (Z высокий), но не formalизовано в законе ($Y = 0$) и не имеет четких юридических последствий ($X = 0$). Пример: обязанность помогать незнакомцу, попавшему в беду. Это глубоко в сознании (Z), но не является юридической обязанностью.

Таким образом, право предстает не как текст или договор, а как возникающая социальная реальность, порождаемая в точке напряженного взаимодействия трех факторов: четко определенных объемов прав и обязанностей (содержание), легитимного внешнего авторитета, обеспечивающего их реализацию, (формальный источник) и интерсубъективного признания их справедливости в общественном и индивидуальном сознании (феноменологическая основа), где успех коммуникации зависит от значимости всех трех элементов одновременно.

Трехмерность этой модели показывает, что пространство права не сводится к плоской схеме «норма — санкция». Право становится объемной фигурой, сила которой зависит от гармоничного развития по всем трем осям. Ущербность права — его несправедливость или социальная недейственность — возникает, когда одно из измерений «проседает».

Выводы

1. Императив онтологического триединства. Право существует одновременно в трех измерениях: как материя (объемы прав), как энергия (источники обязательности) и как информация (нормативность сознания).忽視ирование любого из этих аспектов приводит к вырожденным формам правопонимания — от правового нигилизма до правового фетишизма.

2. Диалектический механизм. Развитие права осуществляется через борьбу и взаимопревращение управляющих и управляемых. Нормативность сознания выступает медиатором этого конфликта, обеспечивая легитимацию или делегитимацию существующих правовых порядков. Право — не система координат, а процесс координации.

3. Прагматический императив. Предложенная модель позволяет диагностировать патологии правовых систем:

- распад нормативности сознания → правовой нигилизм;
- гипертрофия источников обязательности → тоталитаризм;
- дисбаланс объемов прав → социальная несправедливость.

4. Право — эмерджентный феномен, порождаемый трехмерной детерминацией сил. Эффективность права определяется «объемом» его проекции на все три оси:

- высокий X: четкость и сбалансированность объемов прав/обязанностей;
- высокий Y: легитимность и действенность источников обязательности;
- высокий Z: глубина укорененности в нормативности сознания.

Дисбаланс по любой оси приводит к вырождению правовой реальности.

5. Нормативность сознания как катализатор. Нормативность сознания выполняет функцию «правового катализатора», ускоряя или тормозя процессы правогенеза:

- трансформирует внешние предписания во внутренние императивы;
- обеспечивает легитимацию правовых институтов;
- создает «критическую массу» для правовых преобразований.

6. Диалектическая динамика праворазвития. Право развивается по спиралевидной траектории, где каждый виток включает:

- синтез (признание существующей нормативности);
- отрицание (осознание несоответствия);
- синтез более высокого уровня (формирование новой нормативности).

Эта триада обеспечивает преемственность и инновационность правового развития.

7. Прагматика правового конструирования. Предложенная модель позволяет:

- диагностировать патологии правовых систем через анализ дисбалансов;
- конструировать более устойчивые правовые порядки;
- управлять процессами правовой коммуникации;
- прогнозировать точки бифуркации в развитии права.

Право предстает не как застывшая структура, а как живой организм, возникающий и развивающийся в напряженном поле взаимодействия материальных, формальных и феноменологических компонентов.

8. Правильные слова бывают. Но не в понимании неопозитивистов, которые пытались выхолостить из языка смысл, оставив лишь сухую, обезличенную «объективность». Правильное слово — это не слово, лишенное субъекта, это слово, которое точно резонирует с архитектурой реальности. Элементы — не открытие и не изобретение. Открытие — мы обнаружили бы нечто, существующее независимо от нас (как Америку). Изобретение — мы создали бы нечто, чего не было в природе (как колесо).

Но эти элементы — третий вариант. Они — инварианты: условия возможности самой правовой реальности, которые становятся явными только в акте диалога и взаимного признания.

Список источников

1. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1981. 360 с. EDN: RLSTQD
2. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1982. 360 с. EDN: RLSTQN
3. Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 317 с. EDN: QRDKKX
4. Давыдова М. Л. Нормативно-правовое предписание. Природа, типология, технико-юридическое оформление. СПб.: Юридический центр — Пресс, 2010. 224 с. EDN: SUEUJX
5. Поляков А. В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб.: СПбГУ, 2004. 863 с.
6. Поляков А. В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16, № 6. С. 39–101. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-polyakov. EDN: AQDOOD
7. Честнов И. Л. Постклассическая теория права / Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 649 с. EDN: QSSDIV

8. Честнов И. Л. Конструктивистская парадигма в юриспруденции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 2 (325).

Об авторе:

Зыков Дмитрий Валерьевич, доцент кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета (Волгоград, Российская Федерация), кандидат юридических наук; e-mail: zyk9@yandex.ru

References

1. Alekseev, S. S. (1981) General Theory of Law: in 2 volumes. Vol. 1. *Juridical Literature*. 361 p. (In Russ.)
2. Alekseev, S. S. (1982) General Theory of Law: in 2 volumes. Vol. II. *Juridical Literature*. 359 p. (In Russ.)
3. Davydova, M. L. (2009) Legal Technique: Problems of Theory and Methodology. *VolsU Publishing House*. 318 p. (In Russ.)
4. Davydova, M. L. (2010) Normative-legal order. Nature, typology, technical and legal design. *Legal Center-Press*. 224 p. (In Russ.)
5. Polyakov, A. V. (2004) General Theory of Law. Problems of Interpretation in the Context of the Communicative Approach. *St. Petersburg State University (Publishing House)*. 863 p. (In Russ.)
6. Polyakov, A. V. (2021) The Principle of Mutual Legal Recognition: Russian Philosophical and Legal Tradition and Communicative Approach to Law. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. Vol. 16, No. 6. Pp. 39–101. (In Russ.)
7. Chestnov, I. L. (2012) Postclassical Theory of Law. Jurisprudence Series. *Alef-Press*. 649 p. (In Russ.)
8. Chestnov, I. L. (2016) Constructivist Paradigm in Jurisprudence. *News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*. No. 2 (325). (In Russ.)

About the author:

Dmitrii V. Zykov, Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation), PhD in Jurisprudence; e-mail: zyk9@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

EDN: DUGJPY

Дата поступления статьи: 19.08.2025

Дата поступления рецензии: 03.10.2025

Дата принятия статьи к публикации: 07.11.2025

О понимании абсолютных ценностей в праве

Ветютнев Ю. Ю.

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Российская Федерация)

E-mail: legalmind@yandex.ru

Аннотация

Введение. Цель статьи — уточнить онтологический статус такой категориальной связки, как абсолютные ценности, в контексте современного российского правопорядка. Основные задачи: определение мировоззренческих предпосылок деления ценностей на абсолютные и относительные; выявление критериев такого различия; анализ условий, позволяющих признавать те или иные правовые ценности в качестве абсолютных; выработка теоретического подхода, необходимого для обоснования абсолютных ценностей в праве. Новизна исследования состоит в том, что наиболее адекватным данной задаче признается деятельностный подход.

Методология и материалы. Основными методами, использованными в предлагаемом исследовании, являются деятельностный подход, структурно-функциональный анализ и сравнительный метод. Наиболее влиятельным в отечественной философии права продолжает оставаться психологизм в понимании ценностей. Противостоят этому различные объективистские концепции ценностей, отстаивающие их полную или, во всяком случае, существенную независимость от человеческого сознания. Противопоставление относительных и абсолютных ценностей, помимо прочего, выявляет статус ценностных оснований права в их имплицитном конфликте с правосознанием, поскольку они могут рассматриваться либо как имманентные ему и вместе с ним трансформирующиеся, либо, напротив, как его внешние референты.

Результаты исследования и их обсуждение. Какой бы явной относительностью ни обладали ценностные конструкции законодательства, правовой доктрины или судебной практики, само по себе это никоим образом не доказывает, что абсолютные ценности в праве отсутствуют. Существование абсолютных правовых ценностей, по общему правилу, строится на строго определенном основании, каковым выступает религиозное мировоззрение. Одна и та же юридически закрепленная ценность, рассматриваемая в светском или религиозном значении, может иметь совершенно различный смысл. Можно локализовать те ценностные сферы, где коренится потенциальная абсолютность: более или менее очевидно, что данное качество не присуще социальным практикам, чья относительность от набора внешних и внутренних условий слишком заметна, а также психологическим переживаниям, поскольку абсолют схватывается лишь умозрительно, но не эмоционально.

Выводы. Абсолютные ценности в официальном юридическом дискурсе возможны только за рамками их психологического понимания, поскольку сами попытки нормативно определить понятие и состав ценностей, по сути, призваны преодолеть аксиологический психологизм, отвергающий существование объективных абсолютных ценностей. Деятельностный подход к абсолютным ценностям, с одной стороны, и умеренный вариант ценностного релятивизма, не отрицающий бытия абсолютных ценностей, а лишь ставящий их под сомнение, — с другой, не могут быть синтезированы в рамках единой объяснительной модели. Однако они вполне могут соседствовать в философии права как проявления ее идейного разнообразия.

Ключевые слова: правовые ценности, психологизм, релятивизм, относительные ценности, абсолютные ценности, деятельностный подход.

Для цитирования: Ветютнев Ю. Ю. О понимании абсолютных ценностей в праве // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 4 (26). С. 49–57. EDN: DUGJPY

The article was submitted: 19.08.2025

The article approved after reviewing: 03.10.2025

The article accepted for publication: 07.11.2025

On Understanding Absolute Values in Law

Vetyutnev Yu. Yu.

Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation)

E-mail: legalmind@yandex.ru

Abstract

Introduction. The purpose of the article is to clarify the ontological status of such a categorical bundle as absolute values in the context of modern Russian law and order. Based on this, the main tasks are: to determine the ideological prerequisites for dividing values into absolute and relative; to identify criteria for such a distinction; to analyze the conditions that allow recognizing certain legal values as absolute; to develop a theoretical approach necessary to substantiate absolute values in law. The novelty of the research lies in the fact that the activity-based approach is recognized as the most adequate to this task.

Methodology and materials. The main methods used in the proposed study are: activity-based approach; structural and functional analysis; comparative method. Psychologism in understanding values continues to be the most influential in Russian legal philosophy. This is opposed by various objectivist concepts of values, defending their complete or, in any case, significant independence from human consciousness. The opposition of relative and absolute values, among other things, reveals the status of the value foundations of law in their implicit conflict with legal consciousness, since they can be considered either as immanent to it and transforming together with it, or, on the contrary, as its external referents.

Research results and their discussion. No matter how obvious the relativity of the value constructs of legislation, legal doctrine or judicial practice may be, this in itself does not prove that absolute values are absent in law. The existence of absolute legal values, as a general rule, is built on a strictly defined foundation, which is a religious worldview. One and the same legally enshrined value, considered in a secular or religious sense, can have completely different meanings. It is possible to localize those value spheres where potential absoluteness is rooted: it is more or less obvious that this quality is not inherent in social practices, whose relativity from a set of external and internal conditions is too noticeable, as well as psychological experiences, since the absolute is grasped only speculatively, but not emotionally.

Conclusions. Absolute values in official legal discourse are possible only beyond their psychological understanding, since the very attempts to normatively define the concept and composition of values are, in fact, designed to overcome axiological psychologism, which rejects the existence of objective absolute values. The activity-based approach to absolute values, on the one hand, and a moderate version of value relativism, which does not deny the existence of absolute values, but only calls them into question, on the other hand, of course, cannot be synthesized within the framework of a single explanatory model. However, they may well coexist in the philosophy of law as manifestations of its ideological diversity.

Keywords: legal values, psychologism, relativism, relative values, absolute values, activity-based approach.

For citation: Vetyutnev, Yu. Yu. On Understanding Absolute Values in Law. *Theoretical and Applied Law*. No. 4 (26). Pp. 49–57. (In Russ.)

Введение

Случается, что юридическая формализация какого-либо понятия не столько придает ему определенность, сколько подсвечивает ее отсутствие или нехватку.

Актуальность предлагаемой темы определяется следующим: история официального ценностного дискурса в постсоветском праве, условно располагаемая между появлением аксиологических положений в Конституции Российской Федерации 1993 г. и Указом Президента от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹, показывает, во-первых, что само понятие ценности получает в лучшем случае расплывчатые определения (что вполне объяснимо, учитывая прагматику правового регулирования, которое не способно и не обязано восполнять мировоззренческие пробелы чисто концептуального характера), во-вторых, что важнее, сам характер нормативно признаваемых ценностей не уточняется (в частности, стоит ли их рассматривать в целом как абсолютные или относительные, хотя в ряде случаев это становится ясно из контекста).

Цель статьи состоит в том, чтобы уточнить онтологический статус такой категориальной связки, как абсолютные ценности, в контексте современного российского правопорядка.

Исходя из этого, в качестве основных задач выступают: определение мировоззренческих предпосылок деления ценностей на абсолютные и относительные; выявление критериев такого различия; анализ условий, позволяющих признавать те или иные правовые ценности в качестве абсолютных; выработка теоретического подхода, необходимого для обоснования абсолютных ценностей в праве. Новизна исследования состоит в том, что наиболее адекватным данной задаче признается деятельностный подход.

Методология и материалы

Основными методами, использованными в предлагаемом исследовании, являются: деятельностный подход; структурно-функциональный анализ; сравнительный метод.

Наиболее влиятельным в отечественной философии права, вероятно, продолжает оставаться психология в понимании ценностей, который, согласно Н. О. Лосскому, представляет собой «учение, утверждающее, что всякий предмет, даже и предмет внешнего мира, имеет ценность лишь постольку, поскольку он вызывает в душевной жизни субъекта некоторые индивидуально-психические переживания, именно, согласно одним теориям, чувство удовольствия (или неудовольствия), согласно другим — желание, согласно третьим — чувство ценности»².

Созвучны этому, например, характеристики ценностей, предлагаемые В. П. Малаховым: «единство двух форм мотивации», «устойчивое ожидание», «предрасположенность», «готовность», «настрой» и «чистая субъективность»³.

Интересно, что подобное понимание ценностей оказывается вполне дружественным юридическому позитивизму, достаточно лишь соотнести ценности и правовые нормы как социально-психологический источник нормативного регулирования и его внешнюю форму или результат.

Противостоят этому различные объективистские концепции ценностей, отстаивающие их полную или, во всяком случае, существенную независимость от человеческого сознания, например: «Чувства суть одежду, в которых объективные ценности появляются в сознании»⁴.

¹ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

² Лосский Н. О. Ценность и бытие // Бог и мировое зло. М., 1994. С. 256.

³ Малахов В. П. Мифы современной общеправовой теории. М., 2013. С. 99. EDN: UEKWET

⁴ Лосский Н. О. Указ. соч. С. 259.

Н. О. Лосский также констатирует, что «психологистические» теории с их субъективацией ценности, по общему правилу, отвергают существование абсолютных ценностей⁵.

Анализ психологических теорий ценности скорее подтверждает этот вывод, хотя и не полностью. Так, А. Маслоу, хотя и признает наличие абсолютных ценностей, характеризует их так: «Человек считает абсолютной, наиглавнейшей ценностью, синонимом самой жизни ту потребность из иерархии потребностей, желание удовлетворить которую доминирует в нем в данное время. Стало быть, эти фундаментальные потребности или фундаментальные ценности могут рассматриваться и как цели, и как ступени лестницы, ведущей к единой конечной цели. Единая абсолютная ценность, или жизненный предел, действительно существует...»⁶

Следовательно, противопоставление относительных и абсолютных ценностей, помимо прочего, выявляет статус ценностных оснований права в их имплицитном конфликте с правосознанием, поскольку они могут рассматриваться либо как имманентные ему и вместе с ним трансформирующиеся, либо, напротив, как его внешние референты. Эта дилемма может быть представлена также в формулировке Х. Йоаса: «Действительно ли акторы являются всего лишь марионетками, управляемыми культурными ценностями, или же в динамичных ситуациях повседневности размытые ценности всегда сначала переводятся самим действующим субъектом в конкретные ориентации, соотносятся с другими мотивами и, возможно, пересматриваются по результатам действия»⁷.

Результаты исследования и их обсуждение

1. К уточнению типологии правовых ценностей. Трудно отрицать, что на эмпирическом уровне наблюдения за состоянием правовой системы скорее подталкивают к ценностному релятивизму. Действительно, чаще всего приходится наблюдать, как правовые ценности оказываются относительными:

- во-первых, по субъекту, поскольку различные социальные группы с присущими им правовыми статусами неодинаковым образом мыслят и провозглашают как конкретный состав ценностей, так и их иерархическое положение в общей системе;
- во-вторых, по основаниям, ибо способы идейного подкрепления правовых ценностей могут существенно варьироваться от полного волюнтаризма до глубокой фундированности на философском или религиозном уровнях;
- в-третьих, по содержанию, поскольку даже единство концептуального обозначения ценности (например, «свобода» или «справедливость») может сопровождаться настолько принципиальными разногласиями в интерпретациях, что фактически речь идет о совершенно различных явлениях;
- в-четвертых, по применению, так как даже в рамках консенсуса, достигнутого по поводу перечня и смысла ценностей, как правило, сохраняется доля произвола в отношении того, что считать соответствующим этим ценностям, а что — противоречащим.

Все эти аспекты ценностей, подвергаясь правовому опосредованию, оказываются в зависимости от социально-политического контекста, религиозных верований, стереотипов общественного сознания и множества других меняющихся факторов.

При этом, как отмечает Т. А. Вархотов, признание культурной относительности любых ценностей сочетается со стремлением видеть в них нечто, в действительности не зависящее от человеческого произвола⁸.

Если же допустить существование абсолютных ценностей, то им присуща автономия от любых обстоятельств, фиксированная значимость, невозможность утраты или понижения ценностной значимости. Согласно Н. О. Лосскому, «абсолютная положительная ценность есть ценность, сама в себе безусловно

⁵ См.: там же. С. 250.

⁶ Маслоу А. Психология бытия. М., 2022. С. 186.

⁷ Йоас Х. Возникновение ценностей. СПб., 2013. С. 31.

⁸ Вархотов Т. Неконвенциональная природа ценностей // Patria. 2024. № 1. С. 12. EDN: ZTBGZK

оправданная, следовательно, имеющая характер добра с любой точки зрения, в любом отношении и для любого субъекта; не только сама по себе она всегда есть добро, но и следствия, необходимо вытекающие из нее, никогда не содержат в себе зла»⁹.

Исходя из этих характеристик, мы можем прийти к парадоксальному, на первый взгляд, выводу: радикальный ценностный релятивизм в сфере права невозможен.

Какой бы явной относительностью ни обладали ценностные конструкции законодательства, правовой доктрины или судебной практики, само по себе это никоим образом не доказывает, что абсолютные ценности в праве отсутствуют. Например, скептицизм в отношении ценностей характерен для различных вариантов правового реализма. Как отмечает К. Ллевеллин, «категории и концепции, однажды сформулированные и внедренные в мыслительные процессы, стремятся принять образ крепкой, реальной и неотъемлемой ценности, которая не имеет подтверждения на практике»¹⁰. Однако поставить под сомнение те или иные правовые ценности и даже разоблачить их иллюзорный характер — еще не значит убедительно обосновать, что абсолютных ценностей вообще не существует. Собственно, эмпирическое исследование правовой реальности такую задачу выполнить не в состоянии.

Таким образом, релятивистские представления о правовых ценностях с необходимостью носят умеренный характер, поскольку сводятся к констатации того, что относительными являются отдельные ценности, или даже что они таковы по преимуществу, однако бытия абсолютных ценностей это не исключает.

2. Об источнике абсолютных ценностей в праве. Вероятно, теоретически возможны три общие модели отражения ценностей в позитивном праве:

- 1) Придание всем ценностям строго относительного значения.
- 2) Обоснование отдельных ценностей в качестве абсолютных.
- 3) Функциональное приравнивание некоторых ценностей к абсолютным без специального обоснования.

В последнем случае можно говорить о своего рода «квалиабсолютных» ценностях, которые преподносятся как непререкаемые, но сугубо декларативно. Такая практика характерна для светских правовых систем идеологизированного типа.

Например, можно было бы предполагать, что в советской правовой доктрине по мере ее обращения к ценностной проблематике будет господствовать радикальный релятивизм в духе классовых интересов и принципа партийности. Вместо этого мы видим, что классовая обусловленность права хотя и признается, но атрибутируется преимущественно буржуазному праву, а социалистическое право характеризуется совсем иначе: оно «служит наиболее гуманной цели, связанной с достижением высшей социальной справедливости, — построению коммунистического общества»¹¹.

Квалиабсолютный характер таких ценностных построений выражается в том, что на уровне правовой доктрины ценность построения социализма или коммунизма, как правило, не требует обоснования, поскольку предполагается, что по данному поводу существует общепринятая конвенция. В этом смысле конвенциональный характер правовых ценностей, на котором с точки зрения диалектико-материалистического подхода настаивает А. И. Клименко¹², образует благодатную почву именно для квалиабсолютности в их понимании: если ценности конвенциональны, то они носят относительный характер, будучи производными от социального компромисса, однако поскольку, поскольку этот компромисс реально существует и не требует возобновления, то соответствующие ценности как будто и не нуждаются в обосновании и временно выглядят как абсолютные, по крайней мере, на официальном уровне.

⁹ Лосский Н. О. Указ. соч. С. 288.

¹⁰ Ллевеллин К. Н. Реалистическая юриспруденция — следующий шаг // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 4 (321). С. 179. EDN: VZVONP

¹¹ Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971. С. 160. EDN: VLUWZP

¹² См.: Клименко А. И. Диалектико-материалистическое понимание правовых ценностей в рамках социоаксиологического подхода к праву и дискурсивно-конвенциональной правовой теории // История государства и права. 2024. № 1. С. 4–5. DOI: 10.18572/1812-3805-2024-1-2-8. EDN: GHJZKE

Что касается собственно абсолютных правовых ценностей, то их существование, по общему правилу, строится на строго определенном основании, каковым выступает религиозное мировоззрение.

Насколько светскому правовому сознанию импонирует относительность ценностей, позволяющая беспрепятственно манипулировать их значимостью, настолько же органично религиозность порождает абсолютные ценности. Она становится их источником в двояком смысле: онтологически — через контакт с высшими сверхъестественными силами; гносеологически — благодаря априорной вере в духовные авторитеты.

Таким образом, одна и та же юридически закрепленная ценность, рассматриваемая в светском или в религиозном значении, может иметь совершенно различный смысл. Например, в секулярной правовой системе свобода — это одна из ценностных характеристик субъекта права, которая признается, поскольку не противоречит задачам правопорядка, и может быть ограничена исходя из государственной необходимости; с точки зрения христианства свобода — это неотъемлемое свойство человека, вытекающее из его богоизбранности. В светском государстве справедливость — это один из принципов права, который может быть скорректирован другими ценностями; в христианском понимании справедливость — это основное начало божественного мироустройства.

В процессе секуляризации, разумеется, статус религиозных правовых ценностей существенно усложняется. Постольку, поскольку ни одна религия в обществе современного типа не может считаться обязательной для всех, а религиозные убеждения становятся частным делом человека, абсолютный характер правовых ценностей теряет свою общезначимость. Императивным остается только светское, то есть относительное содержание ценностей, тогда как их обоснование остается на долю религиозной веры; иначе говоря, сама абсолютность ценностей фактически становится производной от конфессиональной принадлежности и невозможной в случае атеизма или религиозной индифферентности.

При этом существование системы правовых ценностей на строго относительной или квазиабсолютной идеологической основе само по себе далеко от благополучия. Особенно наглядно это проявляется в те исторические моменты, когда возникает необходимость в пересмотре сложившихся ценностных конвенций: попытки обновления системы правовых ценностей оборачиваются либо произвольными манифестациями, либо идейной цикличностью, когда одни ценности обосновываются другими, либо постановкой ценностей в прямую зависимость от социально-исторических условий, то есть почти открытым признанием их конъюнктурного характера.

3. Абсолютные правовые ценности в контексте деятельностного подхода. Анализ существующих концепций в сфере аксиологии права показывает, что большинство из них выдержано в духе так называемого натуралистического подхода. Согласно описанию Г. П. Щедровицкого, «натуралистическая точка зрения может быть определена прежде всего как предположение и убеждение, что человеку противостоят независимые от деятельности объекты природы; как таковые они вступают в те или иные отношения с человеком, взаимодействуют с ним, влияют на него и, благодаря этим взаимодействиям и влияниям, через них, даны человеку»¹³.

Таким образом, исходя из этой установки, ценности, в том числе правовые, изучаются как нечто уже существующее, готовое, представленное как объект наблюдения, будь то в субъективном или объективном качестве.

Однако, при кажущейся самоочевидности, натуралистический подход не является единственно возможным. Ему противостоит деятельностный подход: «Деятельностная точка зрения, выступающая в качестве альтернативы натуралистической, может быть определена прежде всего как предположение и убеждение, что все „вещи“, или „предметы“, даны человеку через деятельность, что их определенность как „предметов“ обусловлена в первую очередь характером человеческой социальной деятельности, детерминирующей как формы материальной организации мира — „второй природы“, так и формы человеческого сознания, что, говоря об их действительном существовании, мы должны иметь в виду прежде всего рамки и контекст человеческой социальной деятельности...»¹⁴.

¹³ Щедровицкий Г. П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Избранные труды. М., 1995. С. 278.

¹⁴ Там же. С. 279.

В числе иных способов осмыслиения правовых ценностей занимает свое достойное место и тот подход, при котором они выступают как предмет социального конструирования. Как детально показывает, в частности, Н. В. Разуваев, в основу философии права вполне может быть положена идея, в соответствии с которой «как реальность, так и все ее феномены являются результатом конструирования на основе элементов субъективного и интерсубъективного опыта»¹⁵.

Если так, то, представляя ценность как сложную структуру, элементами которой являются: социальные практики, где вырабатываются и обмениваются вещи материального и идеального характера; интеллектуальные конструкции, обосновывающие значимость этих вещей; эмоциональные переживания и состояния, порождающие устремленность к тем или иным объектам; языковые формы, отражающие или провоцирующие такую устремленность, — имеем возможность каждый из этих аспектов и их совокупность, помимо всего прочего, считать результатами совместной деятельности.

Если же вернуться к постановке вопроса об абсолютных ценностях, то можно локализовать те ценностные сферы, где коренится потенциальная абсолютность: более или менее очевидно, что данное качество не присуще социальным практикам, чья относительность от набора внешних и внутренних условий слишком заметна, а также психологическим переживаниям, поскольку абсолют схватывается лишь умозрительно, но не эмоционально.

Выводы

Таким образом, выстраивая гипотетическую модель деятельностного конструирования абсолютных правовых ценностей, можем ограничить свое внимание двумя видами деятельности: интеллектуальной и речевой. Иначе говоря, речь идет о том, каким образом следовало бы вести рефлексию и коммуникацию, если ставить перед ними задачу утверждения каких-либо ценностей в качестве абсолютных.

Характерно, что Г. П. Щедровицкий при построении общей «трехпоясной» схемы мыследеятельности подчеркивал, что центральное место в ней должен занимать «пояс полифонической и полипарадигматической мысли-коммуникации, выражаящейся и закрепляющейся прежде всего в словесных текстах», который соединяет два других пояса — коллективно-групповое мыследействование и «чистое мышление»¹⁶.

Исходя из этого, можно предположить, например, что коммуникативная концепция права, предлагающая, что «говорить о состоявшемся праве надо не тогда, когда текстуальное правило создается, формализуется и доводится до сведения адресатов, а тогда, когда адресаты предписаным образом на него отреагируют, то есть вступят в правовую коммуникацию»¹⁷, — в определенном смысле представляет собой вариацию деятельностного подхода с акцентировкой на такой компонент, как «мысль-коммуникация».

В идейном отношении содержание деятельности, могущей привести к образованию абсолютных правовых ценностей, выражается в таком целенаправленном осмыслиении правовой реальности, когда выделяется такая ценность (единственная или в ряду других), которая, во-первых, выступает основанием силы иных ценностей, а во-вторых, при конкуренции с ними априори считается первенствующей.

Примером такой деятельности могло бы стать обоснование человеческой личности как абсолютной правовой ценности, в духе христианского гуманизма и антропоцентризма, с последующим риторическим оформлением этой идеи в различных официальных и неофициальных источниках. Собственно, ст. 2 Конституции Российской Федерации, с ее провозглашением человека высшей ценностью, представляет собой результат аналогичной деятельности, хотя в конечном счете попытка абсолютизации этой ценности

¹⁵ Разуваев Н. В. Семиотические аспекты правового конструирования социальной реальности // Культуральные исследования права / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. СПб., 2018. С. 109–110.

¹⁶ Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание // Избранные труды. С. 286.

¹⁷ Поляков А. В. Идея нормативности права и общественный идеал: петербургский подход // Нормативность в праве: понятие, интерпретации, взаимосвязь с другими правовыми свойствами / Под ред. И. И. Осветимской, Е. Г. Самохиной. СПб., 2024. С. 79.

сти и не удавалась, поскольку в последующем она представлена как подлежащая ограничению исходя из иных ценностей и, следовательно, относительной.

Вместе с тем, например, суждение А. В. Полякова «Только взаимное признание человека человеком в качестве самоценности, защищенной от любого произвола „броней“ прав и обязанностей, может служить минимально необходимым условием для установления гражданского мира в обществе и государстве»¹⁸ описывает возможное конституирование абсолютной ценности именно в контексте деятельности: «установление мира» и «взаимное признание» представляют собой именно те сложные интеллектуально-риторические практики, в ходе и в итоге которых не случайным, а осознанным способом складывается образ той или иной ценности либо как относительной, либо как абсолютной.

Основное различие натуралистического и деятельностного подхода к проблеме абсолютных ценностей сводится к тому, что в первом случае они мыслятся как нечто готовое и требующее лишь выявления, а во втором они заново вырабатываются и обновляются усилиями людей и сообществ.

Резонен вопрос о том, какие факторы при деятельностном подходе влияют на процесс конструирования ценностей и не нарушается ли этим их абсолютность. Разумеется, абсолютные ценности не могут сами лежать в истоках этой деятельности, иначе появляется неразрешимый логический круг. Вероятно, в предыстории абсолютных ценностей могут лежать либо ценности с относительным или неопределенным статусом, которые в ходе рефлексии и дискурсивных практик «дозревают» до состояния абсолютности, либо иные условия внеценностного характера, например, исторические условия или экономические отношения, подлежащие «снятию» в виде абсолютных ценностей.

Подведем итог. Абсолютные ценности в официальном юридическом дискурсе возможны только за рамками их психологического понимания, поскольку сами попытки нормативно определить понятие и состав ценностей, по сути, призваны преодолеть аксиологический психологизм, отвергающий существование объективных абсолютных ценностей.

Деятельностный подход к абсолютным ценностям, с одной стороны, и умеренный вариант ценностного релятивизма, не отрицающий бытия абсолютных ценностей, а лишь ставящий их под сомнение, — с другой, разумеется, не могут быть синтезированы в рамках единой объяснительной модели. Однако они вполне могут сосуществовать в философии права как проявления ее идейного разнообразия.

Список источников

1. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М.: Издательство «Юридическая литература» Администрации Президента Российской Федерации, 1971. 223 с. EDN: VLUWZP
2. Вархотов Т. Неконвенциональная природа ценностей // Patria. 2024. № 1 (1). С. 9–29. EDN: ZTBGZK
3. Йоас Х. Возникновение ценностей. СПб.: Алетейя, 2013. 312 с.
4. Клименко А. И. Диалектико-материалистическое понимание правовых ценностей в рамках социо-аксиологического подхода к праву и дискурсивно-конвенциональной правовой теории // История государства и права. 2024. № 1. С. 2–8. DOI: 10.18572/1812-3805-2024-1-2-8. EDN: GHJZKE
5. Ллевеллин К. Н. Реалистическая юриспруденция — следующий шаг // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 4 (321). С. 154–191. EDN: VZVONP
6. Лосский Н. О. Ценность и бытие // Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. С. 250–314.
7. Малахов В. П. Мифы современной общеправовой теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 151 с. EDN: UEKWET
8. Маслоу А. Психология бытия. М.: Академический проект, 2022. 275 с.
9. Поляков А. В. Идея нормативности права и общественный идеал: петербургский подход // Нормативность в праве: понятие, интерпретации, взаимосвязь с другими правовыми свойствами / под ред. И. И. Осветимской, Е. Г. Самохиной. СПб.: Скифия-принт, 2024. С. 54–91. EDN: RMUFHR

¹⁸ Поляков А. В. Право и проблемы его аксиологического толкования: введение в философскую антропологию права и морали // Толкование права: классика и постклассика / Под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб., 2024. С. 120.

10. Поляков А. В. Право и проблемы его аксиологического толкования: введение в философскую антропологию права и морали // Толкование права: классика и постклассика / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2024. С. 77–193. EDN: LZEGUV
11. Разуваев Н. В. Семиотические аспекты правового конструирования социальной реальности // Культуральные исследования права / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. СПб.: Алетейя, 2018. С. 108–152. EDN: XYUDWP
12. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995. 800 с.

Об авторе:

Ветютнев Юрий Юрьевич, доцент кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета (Волгоград, Российская Федерация), кандидат юридических наук; e-mail: legalmind@yandex.ru

References

1. Alekseev, S.S. (1971) The social value of law in Soviet society. *Jurid. lit.* 223 p. (In Russ.)
2. Varkhotov, T. (2024) Unconventional Nature of Value // *Patria*. Vol. 1. No. 1. Pp. 9–29. (In Russ.)
3. Joas, H. (2013) The emergence of values. *Aleteya*. 312 p.
4. Klimenko, A. I. (2024) The dialectical and materialistic understanding of legal values within the framework of the socio-axiological approach to law and the conventional discourse legal theory. *History of the State and law*. No. 1. Pp. 2–8. DOI: 10.18572/1812-3805-2024-1-2-8 (In Russ.)
5. Llewellyn, K. N. (2015) A realistic jurisprudence — the next step. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 2015. No. 4. Pp. 154–191. EDN: VZVONP
6. Lossky, N. O. (1994) Value and being. In: God and World evil. *Respublika*. Pp. 250–314. (In Russ.)
7. Malakhov, V. P. (2015) Myths of modern general legal theory. *UNITY-DANA*. 150 p. (In Russ.)
8. Maslow A. (2022) Psychology of being. *Academic Project*. 275 p.
9. Polyakov, A. V. (2024) Law and the problems of its axiological interpretation: an introduction to the philosophical anthropology of law and morality. Interpretation of law: classics and postclassics. Ed. E. N. Tonkov and I. L. Chestnov. *Aleteya*. Pp. 54–91. (In Russ.)
10. Polyakov, A. V. (2024) The idea of normativity of law and the social ideal: the Petersburg approach. In: I. I. Osvetimskaya, E. G. Samokhina (eds). Normativity in law: concept, interpretation, relationship with other legal properties. *Skifia-print*. Pp. 54–91. (In Russ.)
11. Razuvaev, N. V. (2018) Semiotic aspects of legal construction of social reality. In: Chestnov I. L., Tonkov E. N. (eds). Cultural studies of law. *Aleteya*. Pp. 108–152. (In Russ.)
12. Shchedrovitsky, G. P. (1995) Selected works. *School of Cultural Policy*. 800 p. (In Russ.)

About the author:

Yuri Yu. Vetyutnev, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law at Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation), PhD in Jurisprudence; e-mail: legalmind@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Право и мораль: диалектика отношений в позитивистской концепции

Алова Д. Г.^{1,*}, Лушникова В. А.^{1,**}

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)

* E-mail: d.trinitka@hse.ru

** E-mail: vary07@bk.ru

Аннотация

Введение. В статье рассматривается соотношение права и морали через призму анализа концепций правового позитивизма, с акцентом на разграничение инклюзивного и эксклюзивного подходов. Основная проблема исследования заключается в следующей дилемме: эксклюзивный позитивизм подчеркивает автономию права, исключая моральные основания, тогда как инклюзивный допускает интеграцию моральных принципов в правовую систему.

Методология и материалы. Методология исследования основана на инструментарии аналитической юриспруденции, историко-правовом и сравнительном анализе. В качестве источников использованы труды Г. Л. А. Харта, Р. Дворкина, Дж. Рaza, У. Дж. Валучова и др.

Результаты исследования и их обсуждение. Выявлено, что инклюзивный позитивизм обеспечивает более гибкое понимание права, способное учитывать моральные ценности в процессе правоприменения, что особенно значимо в сфере конституционного права. Эксклюзивный позитивизм, напротив, ограничивает влияние моральных аргументов, что может снижать адаптивность правовой системы. Анализ идей Г. Л. А. Харта демонстрирует возможность минимального пересечения права и морали, тогда как аргументы Дж. Рaza (лингвистический, аргумент предубеждения и институциональный) подтверждают позицию о независимости права от морали. Примеры из судебной практики, включая дела, связанные с апарtheidом, иллюстрируют сложность разделения права и морали.

Выводы. Видимые перспективы дальнейших исследований связаны с уточнением роли моральных принципов в современном правотворчестве и с разработкой сбалансированных моделей правопонимания, позволяющих учитывать как формальные, так и ценностные основания права.

Ключевые слова: инклюзивный позитивизм, эксклюзивный позитивизм, мораль, аналитическая юриспруденция, правоприменение, естественное право, юснатурализм.

Для цитирования: Алова Д. Г., Лушникова В. А. Право и мораль: диалектика отношений в позитивистской концепции // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 4 (26). С. 58–68. EDN: JDMKZB

Финансирование: исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

The article was submitted: 14.07.2025

The article approved after reviewing: 20.08.2025

The article accepted for publication: 01.09.2025

Law and Morality: The Dialectics of Relations in the Positivist Concept

Alova D. G.^{1,*}, Lushnikova V. A.^{1,}**

¹ National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)

* E-mail: d.trinitka@hse.ru

** E-mail: vary07@bk.ru

Abstract

Introduction. The article examines the relationship between law and morality through the lens of legal positivism, focusing on the distinction between inclusive and exclusive approaches. The main research question is the following dichotomy: exclusive positivism emphasizes the autonomy of law, excluding moral grounds, while inclusive positivism allows for the integration of moral principles into the legal system.

Methodology and materials. The research methodology is based on analytical jurisprudence, historical legal analysis, and comparative analysis. The works of G. L. A. Hart, R. Dworkin, J. Raz, W. J. Valuchov and others.

Results and discussion. It was revealed that inclusive positivism provides a more flexible understanding of law that can take into account moral values in the process of law enforcement, which is especially important in the field of constitutional law. Exclusive positivism, on the other hand, limits the influence of moral arguments, which can reduce the adaptability of the legal system. The analysis of G. L. A. Hart's ideas demonstrates the possibility of a minimal intersection of law and morality, whereas J. L. A. Hart's arguments demonstrate the possibility of a minimal intersection of law and morality. The arguments (linguistic, prejudice, and institutional) confirm the position of the independence of law from morality. Examples from judicial practice, including cases related to apartheid, illustrate the difficulty of separating law and morality.

Conclusions. The visible prospects for further research are related to clarifying the role of moral principles in modern lawmaking and developing balanced models of legal understanding that allow taking into account both the formal and value foundations of law.

Keywords: inclusive positivism, exclusive positivism, morality, analytical jurisprudence, law enforcement, natural law, naturalism.

For citation: Alova, D. G., Lushnikova, V. A. Law and Morality: The Dialectics of Relations in the Positivist Concept. *Theoretical and Applied Law*. No. 4 (26). Pp. 58–68. (In Russ.)

Funding: This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics.

Введение

Вопросы соотношения морали и права остаются одними из ключевых проблем философии права, вызывающих оживленные дискуссии среди правоведов на протяжении веков. С точки зрения диахотомического подхода можно выделить два идейных течения в правопонимании, которые исторически противостоят друг другу: юридический позитивизм и естественно-правовой тип правопонимания. Сторонники первого подхода — позитивисты — в большинстве своем считают, что закон не должен быть никак связан с моральными ценностями. Источником юридической нормы могут служить лишь источники в их

узком смысле — кодексы, судебные прецеденты или обычаи¹. Сторонники второго подхода — юснатуралисты — напротив, утверждают, что связь между правом и моралью имманентно должна существовать, и что действительность любой нормы права зависит от того, насколько она соответствует текущим нормам морали. Рассматриваемое деление исторически сложилось в англосаксонской правовой традиции и особенно ярко проявилось во второй половине XX в.² в связи с развитием аналитической традиции в философии. Однако многие представители теоретической юриспруденции активно вступают в дискуссии относительно сложившегося амбивалентного подхода³. Например, М. В. Антонов утверждает, что «современное теоретическое правоведение далеко отошло от кажущегося каноническим противопоставления позитивизма и юснатурализма как двух различных способов правопонимания»⁴, что связано не только с конвергенцией правовых систем, влияющих на умозрительные теоретические конструкции, но и со сменой типов научной рациональности, оказывающей давление на осмысление социально-правовых явлений. Однако без категоризации и рассмотрения точек зрения ученых, складывающихся в определенные идеиные течения, обойтись практически невозможно, так как именно категоризация и систематизация служат основными аналитическими гносеологическими методами.

Методология и материалы

Для анализа ограничений правового позитивизма в статье применен комплексный методологический подход, основанный на использовании инструментария аналитической юриспруденции и сравнительном анализе философско-правовых концепций.

В качестве источников использованы классические и современные труды по философии права, включая работы Г. Л. А. Харта, Дж. Рaza, У. Дж. Валучова, а также Р. Дворкина, Фомы Аквинского и др. Основные методы включают формально-юридический анализ, интерпретацию ключевых положений правового позитивизма и естественно-правовой теории, а также историко-правовой подход для выявления эволюции концепций. Методологический плюрализм позволил сопоставить различные подходы к соотношению права и морали, а логический анализ обеспечил критическую оценку аргументов инклузивного и эксклюзивного позитивизма. Исследование опирается на теоретическую базу аналитической философии права, что позволило систематизировать и интерпретировать сложившиеся точки зрения в контексте современных правовых систем.

Результаты исследования и их обсуждение

Определение теории естественного права представляет собой сложную задачу, поскольку оно требует учета всех отличительных черт данного типа правопонимания, позволяющих выделить эту теорию как самостоятельное направление. Аналогичная проблема возникает при характеристике правового позитивизма. Так, одни авторы, такие как Августин Блаженный и Фома Аквинский, рассматривают теорию естественного права через призму существования и обоснования универсальных законов, тогда как другие, например, Л. Фуллер и Р. Дворкин, акцентируют внимание на позитивных законах, которые формулируют нормы, закрепляющие их содержание и форму в соответствии с моральными принципами. Это связано в первую очередь с тем, что с течением времени меняются подходы, трансформируются идеи, модифицируются модели общественного и государственного устройства — происходит смена типов рациональности, отражающаяся в том числе на подходах к онтологическому определению права.

¹ Lacey N. A Life of H. L. A. Hart: The Nightmare and Noble Dream. Oxford University Press, 2004. 422 p.

² Hart H. L. A. The Morality of Law by Lon L. Fuller. *Harvard Law Review*. 1965. Vol. 78, No. 6. Pp. 1281–1296.

³ См.: напр.: Дицкин А. Б. Моральные суждения и действительность права // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2019. № 4. С. 112–115; Нехаев А. В. Страсти по морали и юридический позитивизм: ответ Антону Дицкину // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2019. № 4. С. 94–111 и др. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-94-111. EDN: SECIST

⁴ Антонов М. В. Эксклюзивный позитивизм и аргументативная теория права: к полемике между Е. В. Булыгиным и М. Атиензой // Известия вузов. Правоведение. 2010. № 1. С. 226. EDN: MWOOPH

Понятия права и морали тесно взаимосвязаны: право выступает инструментом, придающим юридическую силу моральным установкам общества, либо является частью такого инструмента. В духе рассуждений Фомы Аквинского⁵ можно выделить «внешние» и «внутренние» основания права: «внешние» связаны с божественными законами, задающими универсальные моральные ориентиры, а «внутренние» отражают моральные притязания субъектов, выражющие их естественные права, как это подчеркивает Рональд Дворкин. При этом право не всегда способно в полной мере отражать моральные обязательства, что вызывает разногласия среди исследователей и открывает пространство для дальнейших научных дискуссий⁶, которые, по нашему мнению, обречены быть незавершенными. Для философии и теории права вопрос о соотношении морали и права является основополагающим, так как от ответа на заданный вопрос будет зависеть в итоге то, что конкретный исследователь включает либо не включает в понятие «право». Дискуссии о типах правопонимания уходят корнями глубоко в историю политических и правовых учений и философию права, будоража внимание теоретиков права достаточно долгое время. На наш взгляд, основная дискуссия состоялась в западной литературе 1960-х гг., не утихая и по сей день, о чем будет написано далее.

В отличие от сторонников естественно-правовой теории правопонимания позитивисты, как правило, определяются отрицанием существенной взаимосвязи между правом и моралью, допуская лишь условные, ситуативные связи между ними. Право, по мнению последних, может отражать моральные притязания, но не обязано это делать по своей природе. Будучи продуктом человеческой деятельности, право выступает механизмом, более или менее эффективно обеспечивающим достижение целей субъектов права, и может служить стимулом правоприменительной деятельности в форме позитивной или негативной мотивации. Так, в 1961 г. Г. Л. А. Харт выпускает основное произведение, породившее множество дискуссий впоследствии — «Понятие права»⁷, которое стало «ответом на критику сторонника теории естественного права Лона Фуллера, анализом командной теории права классика правового позитивизма Джона Остина, а также изложением собственной версии правового позитивизма»⁸. При этом в представлениях о праве Г. Харт основывается на том, что существуют первичные и вторичные нормы. Первичные нормы определяют долженствование поступать тем или иным образом (или не поступать тем или иным образом). Вторичные же нормы очерчивают круг таких юридических норм: что можно считать правом, а что — нельзя. Так, главной вторичной нормой, на наш взгляд, следует определять норму признания, которая конституирует само право, выделяя критерии самого права. Помимо норм признания Г. Харт также выделяет нормы суждения, изменения и признания, которые обнаруживаются в любой правовой системе и всегда являются вместе с первичными нормами.

В качестве ответа Г. Харту Р. Дворкин выпустил в 1967 г. статью «Модель правил»⁹, позже — переизданную в виде главы полноформатной монографии «О правах всерьез»¹⁰. В этом труде опорной точкой становится тезис о том, что правовые системы нельзя сводить целиком и полностью только к нормам: необходимо принимать в расчет общие принципы и стратегии, используемые судьями при разрешении так называемых «трудных дел». При этом Г. Харт при жизни не представил в письменном виде ответа на критику Р. Дворкина, однако его ученики, среди которых — Дж. Раз, С. Шапиро, Б. Лейтер, Дж. Колман, У. Дж. Валучов и многие другие, были активно вовлечены в дискуссию об определении понятия права. Нельзя не упомянуть и о посмертном труде Г. Харта — «Постскрипту»¹¹, выпущенном в 1994 г. во втором издании «Понятия права» и посвященном дис-

⁵ См.: Aquinas. Political Writings. Edited R. W. Dyson. Cambridge. 2004. 358 р.

⁶ См.: напр.: Waluchow W. J. Inclusive Legal Positivism. Oxford: Clarendon Press, 1994. P. 80.

⁷ Hart H. L. A. The Concept of Law. 2nd ed. with Hart's Postscript. P. Bulloch and J. Raz [Eds]. Oxford: Oxford University Press, 1994. 328 р.
(Харт Г. Л. А. Понятие права. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. 302 с. EDN: IZATSN).

⁸ Коваль С. В. История и основы критики правового позитивизма Г. Л. А. Харта в философии права Р. Дворкина // Философские науки. 2019. Т. 62, № 7. С. 126–127. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-124-142. EDN: JLEYAP

⁹ Dworkin R. The Model of Rules // The University of Chicago Law Review. 1967. Vol. 35. No. 1. Pp. 14–46.

¹⁰ Dworkin R. Taking Rights Seriously. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1977. Pp. 14–45. (Дворкин Р. О правах всерьез. М.: РОССПЭН, 2004. С. 35–75).

¹¹ Hart H. L. A. The Concept of Law. 2nd ed. with Hart's Postscript. P. Bulloch and J. Raz [Eds]. Oxford: Oxford University Press, 1994. 328 р.

кессии с Р. Дворкиным о природе теории права, правового позитивизма, правил, принципов и соотношении права и морали¹².

Так, У. Дж. Валучов, один из последователей Г. Харта, подчеркивает, что будущее права определяется общественными представлениями о нем, а не его моральным содержанием¹³. Данный тезис связан с тем, что сам акт правотворчества — издание формального правового акта государством — еще не является актом признания норм права со стороны общества, а скорее представляет собой инструмент социальной регуляции, который в процессе правоприменения не обязательно должен затрагивать моральные права и обязанности. Позитивисты ставят акцент на том, что любые связи между правом и моралью носят случайный, несистематический характер, зависящий от конкретных обстоятельств, к которым применяются нормы, воли законодателя или особенностей правоприменительной практики, например, в случае применения уголовных норм, таких как запрет на убийство, которые могут совпадать с моральными принципами, но не обязаны им следовать. Именно эта позиция лежит в основе стремления позитивистов к разделению права и морали, подчеркивая автономию юридических норм.

Однако вопросы о соотношении норм права и норм морали порой достаточно сложно разделить в условиях посткоммуникативного пространства, характеризующегося противоречивым смешением в себе рационального и иррационального¹⁴ и постоянной сменой представлений о праве участников правовой коммуникации. Например, многие нормы уголовного права, такие как запреты на убийство или кражу, опираются на общепризнанные моральные принципы, отражая консенсус общества относительно базовых этических ценностей. При этом существуют и противоположные примеры, когда действующие законы, например, законодательство апартеида в Южной Африке, не поддаются моральному оправданию¹⁵, поскольку противоречат основополагающим этическим нормам. Позитивисты положительно оценивают практику судей, которые в сложных делах, где правовые нормы не могут однозначно дать ответа, прибегают к моральным принципам общества для обоснования решений. Например, Кодекс судебской этики устанавливает, что судьи в своей профессиональной деятельности и вне службы обязаны соблюдать нормы права, а также руководствоваться «принципами и правилами поведения, установленными Кодексом судебской этики, общепринятыми нормами морали и нравственности»¹⁶. В таких случаях юридические решения неизбежно переплетаются с моральными критериями, что демонстрирует потенциальную связь между правом и моралью. Тем не менее судья не может полностью игнорировать нормативные основания, опираясь исключительно на моральные или исключительно правовые принципы¹⁷. Несмотря на разногласия, участники дискуссии сходятся во мнении, что подобные случаи наиболее наглядно иллюстрируют возможные точки соприкосновения права и морали в правоприменительной практике.

В последние годы в научной литературе наблюдается повышенный интерес к различным вариантам правового позитивизма, в рамках которого связь между правом и моралью рассматривается не только как возможная, но и как ключевая характеристика современных правовых систем. Однако ряд теоретиков позитивизма, продолжая дискуссию Р. Дворкина и Г. Харта, отвергают эту позицию, утверждая, что включение морали противоречит сущности права как автономного социального института. Такие философы, как Ю. Колеман¹⁸, Дж. Маки¹⁹ и Д. Лионс²⁰, предполагают, что связи между правом и моралью могут быть признаны позитивистами в качестве отличительной черты норм, существующих

¹² Подробнее см.: Касаткин С. Н. Основные идеи «Постскриптума» Герберта Л. А. Харта // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2008. № 1. С. 3–27. EDN: NUEOHV

¹³ Ibid. P. 83.

¹⁴ Разуваев Н. В. Право в контексте всемирно-исторического процесса // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 2. С. 7. EDN: XCIPAP

¹⁵ См.: Dyzenhaus D. Hard Cases in Wicked Legal Systems: South African Law in the Perspective of Legal Philosophy. Clarendon Press, 1991. 289 р.

¹⁶ Кодекс судебской этики: утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012, ред. от 01.12.2022 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Так, например, Рональд Дворкин в своих работах придерживался тезиса о том, что процессуальная форма существования права преобразует моральные принципы в правовые. Притом сам Дворкин не указывал на какую-либо связь между моральными и правовыми принципами. Подробнее см.: Касаткин С. Н. Тезис судебского усмешения в споре Р. Дворкина и позитивистов: аргументы «позднего» Г. Харта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 57. С. 372–398. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-372-398

¹⁸ Coleman J. The Practice of Principle: In Defence of a Pragmatist Approach to Legal Theory. Oxford: Oxford University Press, 2001. 246 р.

¹⁹ Mackie J. Ethics: Inventing Right and Wrong. London: Penguin Books, 1977. 256 р.

²⁰ Lyons D. Ethics and the Rule of Law. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 240 р.

за пределами формальной правовой системы. Этот подход получил название инклюзивного правового позитивизма (*inclusive legal positivism*), который допускает, что моральные ценности и принципы могут быть интегрированы в правовые основания юридической системы, играя значительную роль, в том числе в процессе нормотворческой деятельности. Несмотря на возрастающую популярность «включающего» позитивизма, подчеркивающего сближение права и морали, существуют и противоположные взгляды. Так, Дж. Раз отстаивает эксклюзивный правовой позитивизм (*exclusive legal positivism*), согласно которому содержание законодательных актов, судебных решений и иных правоприменительных актов определяется исключительно социальными фактами, независимо от моральных принципов общества. Дж. Раз утверждает, что нормы права формируются человеческой деятельностью, изолированной от моральных аргументов, и называет эту позицию «сильным социальным тезисом» (*strong social thesis*)²¹. По мнению У. Дж. Валучова, Дж. Раз является одним из наиболее последовательных и влиятельных сторонников «исключающего» позитивизма, что подчеркивает его значимость в современной философии права²².

Г. Л. А. Харт, чьи идеи оказали значительное влияние на развитие как «включающего», так и «исключающего» позитивизма, занимает промежуточную позицию, предлагая концепцию «минимального содержания» права и морали. В своей работе «Концепция права»²³ и статье «Позитивизм и разделение права и морали»²⁴ Харт признает, что определенные базовые аспекты человеческого существования, такие как защита жизни, собственности и договорных обязательств, составляют универсальные принципы, которые находят точки пересечения во взаимодействии морали и права. Эти принципы, которые Харт называет «естественной необходимостью» (*natural necessity*), отражают минимальные условия выживания и развития общества. При этом Харт подчеркивает, что право не обязано полностью соответствовать морали, и его легитимность определяется формальным признанием, а не моральным содержанием. В то же время он допускает, что в определенных случаях правовая система может интерпретировать моральные принципы для восполнения пробелов в законодательстве, что сближает его позицию с «включающим» позитивизмом, но сохраняет акцент на автономии права.

Эта двойственная позиция Харта создает основу для современных дискуссий о соотношении права и морали, позволяя исследователям анализировать, как моральные аргументы могут влиять на правоприменение без утраты формальной природы права. Например, в судебной практике, связанной с защитой прав человека, моральные принципы, такие как достоинство или справедливость, часто становятся ориентирами при интерпретации норм, особенно в конституционном праве²⁵. Такой подход демонстрирует, что даже в позитивистской парадигме мораль может играть вспомогательную роль, не определяя при этом сущность права. Таким образом, анализ идей Харта и его последователей открывает перспективы для более глубокого понимания того, как право и мораль взаимодействуют в различных правовых системах, и подчеркивает необходимость баланса между формальными нормами закона, общественными ожиданиями и соответствие категории справедливости.

Г. Л. А. Харт критически оценивал классическую теорию естественного права, считая ошибочным ее акцент на универсальных общечеловеческих целях и задачах. Он также отвергает тезис Августина Блаженного, согласно которому несправедливый закон не является правом, указывая на его некритичное принятие. Этот тезис получил новое развитие в работах Г. Радбруха, особенно в контексте анализа событий Второй мировой войны²⁶. Рассматривая основания для уголовного преследования военных преступников, чьи действия были формально санкционированы законодательством нацистской Германии, Радбрук и его последователи утверждали, что такое «право» не может считаться правом

²¹ Raz J. The Authority of Law: Essays on Law and Morality. NY: Oxford University Press, 1979. Pp. 210–228. (Раз Дж. Авторитет права. Эссе о праве и морали. М.: Издательство института Гайдара, 2021. 552 с.).

²² Waluchow W. J. Inclusive Legal Positivism. Oxford: Clarendon Press, 1994. P. 83.

²³ Hart H. L. A. The Concept of Law. Oxford: Oxford University Press, 2012. Issue 3. 390 p.

²⁴ Харт Г. Л. А. Позитивизм и разграничение права и морали // Правоведение. 2005. № 5. С. 102–136. EDN: JZATSN

²⁵ Баранов В. М. Коллизионные проблемы нравственного измерения современного российского законодательства: доктрина, практика, техника // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 72.

²⁶ См.: Радбрук Г. Философия права. М.: Международные отношения, 2004. 238 с. EDN: QVWDDWF

в полном смысле, поскольку утратило легитимность из-за вопиющих преступлений против человечества. Так же как и сторонники естественного права настаивают, что подобные действия изначально были неправовыми, так как противоречили универсальным общечеловеческим ценностям, лежащим в основе естественного права. Таким образом, теоретические рассуждения о праве требуют подкрепления практическими примерами, демонстрирующими их применимость. Игнорирование идей Августина Блаженного и Г. Радбруха, а также современных теоретиков естественного права, ограничивает возможность глубокого философского и морального осмысления права, что лишний раз подчеркивает необходимость учета моральных принципов при разработке правовой теории и в правоприменительной практике.

Для более глубокого понимания эксклюзивного позитивизма особое значение имеют аргументы Дж. Рaza, который, будучи учеником Г. Л. А. Харта, сформулировал три ключевых довода в защиту этой концепции, раскрывающие суть эксклюзивного правового позитивизма²⁷. Эти аргументы, хотя и направлены на обоснование эксклюзивного позитивизма, вызывают критику со стороны сторонников инклюзивного подхода, которые считают их непригодными для анализа современных правовых систем.

1. Лингвистический аргумент

Первый и наиболее известный аргумент Дж. Рaza заключается в том, что эксклюзивный правовой позитивизм обеспечивает наиболее точное отображение сущности права, позволяя понимать его через призму обыденного языка. Право, по мнению Рaza, не требует обращения к моральным категориям для определения своего содержания, хотя в обыденной речи оно иногда ассоциируется с моралью²⁸. Такой подход позволяет описывать право как систему, основанную на социальных фактах, а не на моральных оценках, что перекликается с основной идеей Г. Кельзена о «чистом учении о праве». Раз подчеркивает, что язык права должен быть доказательным и опираться на практические примеры, а не на абстрактные моральные понятия. Он ставит вопрос: «Способствует ли обыденное понимание права, включающее моральные аспекты, более глубокому анализу общества и его институтов?» Если ответ отрицателен, то включение морали в определение права не оправдано, так как это делает правовую теорию зависимой от субъективных лингвистических интерпретаций. Раз, как и Харт, критикует использование моральных терминов для обоснования права, утверждая, что это ограничивает объективность анализа и делает исследователей «рабами слов».

2. Аргумент предубеждения

Второй аргумент Рaza подчеркивает преимущество «исключающего» позитивизма в устраниении предвзятости при изучении права. Сторонники этого подхода, включая Раза и Руперта Кросса, утверждают, что право, определяемое исключительно социальными фактами, позволяет избежать влияния моральных предубеждений, которые неизбежно возникают при рассмотрении права через призму морали. Кросс, близкий к «чистой теории права» Г. Кельзена, настаивал на изолированном анализе права, исключающем смешение с моральными или иными ценностными установками. По мнению Рaza, такой подход обеспечивает нейтральность и объективность, что особенно важно при описании правового государства и его институтов. Однако стремление к полной моральной нейтральности может ограничить понимание права, особенно в системах, где моральные принципы играют ключевую роль. Таким образом, инклюзивный позитивизм, допускающий включение моральных аргументов, способствует более полному и реалистичному анализу права, в то время как игнорирование морали рискует подорвать исследовательский нейтралитет, делая теорию оторванной от реальной правовой практики.

²⁷ Raz J. The Authority of Law: Essays on Law and Morality. NY: Oxford University Press, 1979. Pp. 3–27.

²⁸ Ibid. P. 41.

3. Институционально обусловленный аргумент

Третий аргумент Рaza акцентирует внимание на праве как социальном институте, который был создан обществом и ограничен им. Эта идея опирается на наследие Дж. Остина, который подчеркивал, что позитивное право — это не идеальный конструкт, а продукт социальных конвенций. Джон Ч. Грей особо подчеркивал, что право определяется не тем, чему все обязаны следовать, а тем, чем оно является в рамках общественных институтов²⁹. Следует согласиться с этой позицией, так как право, как социальный конструкт, ограничено рамками общества. В отличие от моральных или религиозных норм, право имеет собственные институциональные пределы, которые определяются через правотворческую и правоприменительную деятельность. Раз подчеркивает, что сравнение права с моральными правилами неуместно, поскольку моральные элементы, хотя и могут присутствовать в содержании юридических норм, не составляют сущности права как института. Этот аргумент укрепляет «исключающий» позитивизм, делая акцент на автономии права и его независимости от внешних ценностных систем.

В контексте анализа соотношения права и морали в позитивизме нельзя обойти вниманием концепцию А. В. Нехаева, который разделяет философско-правовые теории на «калорийные» и «диетические» в зависимости от их подхода к включению или исключению моральных принципов в правовые суждения³⁰. Подобно тому, как У. Дж. Валучов различает инклузивный и эксклюзивный правовой позитивизм на основе того, допускают ли они моральные основания в юридической системе, А. В. Нехаев в статье «Плохой закон как чистое право: критические заметки к философии права Г. Л. А. Харта»³¹ использует термины «калорийный» и «диетический» для обозначения аналогичных подходов. Его терминология, более образная и выразительная, подчеркивает ту же дилемму: «калорийный» позитивизм, допускающий моральные элементы, и «диетический», стремящийся к моральной нейтральности. Примечательно, что выводы этих авторов расходятся: У. Валучов склоняется к «включающему» («калорийному») позитивизму, рассматривая мораль как возможный элемент права, так же как и А. В. Нехаев, критикуя подход Г. Харта, склоняется к точке зрения о том, что «выбирая для нашего права ту или иную моральную „диету“, сознательно игнорируя возможные этико-правовые коллизии как случайные эпифеномены практики нормотворчества и правоприменения, мы сильно рискуем в очередной раз сделать наш закон великим несчастьем»³².

Выводы

Дискуссия между инклузивными и эксклюзивными позитивистами открывает пространство для анализа их сильных и слабых сторон. Инклузивный позитивизм предлагает более гибкий подход, позволяющий учитывать моральные принципы в праве, особенно в системах, где они закреплены институционально, например, в конституционном праве США, где принципы справедливости часто служат критерием законности³³. Этот подход подчеркивает, что моральное обоснование может играть роль в правоприменении, особенно в сложных делах, где законодательство не дает однозначного ответа, что делает его особенно ценным для правоприменителей. В данной связи Г. Л. А. Харт отмечал, что «в некоторых правовых системах, таких как США, например, основным критерием законности является включение в нее принципов справедливости или существенных моральных ценностей»³⁴.

Также инклузивный правовой позитивизм позволяет преодолеть упрощенное представление о праве как о наборе однозначных и всегда применимых норм, признавая, что моральные соображения могут дополнять правовую систему, не подрывая ее институциональной природы. В отличие от теории естест-

²⁹ Gray J. C. The Nature and Sources of Law. NY: Macmillan and Co., 1921. Pp. 84–112.

³⁰ См.: Дидикин А. Б. Моральная нейтральность как правовая ценность: критический анализ философско-правовых аргументов А. В. Нехаева // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 3. С. 99–103. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-3-99-103

³¹ Нехаев А. В. Плохой закон как чистое право: критические заметки к философии права Г. Л. А. Харта // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 72.

³² Там же. С. 76.

³³ Бернам У. Правовая система США / науч. ред. В. А. Власихин, пер. с англ. А. В. Александрова и др. М.: Новая юстиция, 2006. С. 563.

³⁴ Hart H. L. A. The Concept of Law. Oxford: Oxford University Press, 2012. Issue 3. P. 199.

венного права, которая рассматривает мораль как неотъемлемую часть права, инклузивный позитивизм допускает факультативное использование моральных принципов, только если они поддерживаются институтами правовой системы. Этот подход сочетает элементы эксклюзивного позитивизма, подчеркивающего формальную природу права, и интегральной теории Р. Дворкина, который настаивает на обязательной связи права с моралью. Однако, в отличие от Дворкина, инклузивный позитивизм рассматривает мораль как необязательный, а не сущностный элемент права, что делает его более универсальным для анализа различных правовых систем и открывает перспективы для дальнейших исследований роли морали в праве.

Список источников

1. Антонов М. В. Эксклюзивный позитивизм и аргументативная теория права: к полемике между Е. В. Булыгиным и М. Атиензой // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 1 (288). С. 226–337. EDN: MWOOPH
2. Баранов В. М. Коллизионные проблемы нравственного измерения современного российского законодательства: доктрина, практика, техника // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 66–80.
3. Бернам У. Правовая система США / науч. ред. В. А. Власихин, пер. с англ. А. В. Александрова и др. М.: Новая юстиция, 2006. С. 563. 1216 с.
4. Дицикин А. Б. Моральная нейтральность как правовая ценность: критический анализ философско-правовых аргументов А. В. Нехаева // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 3. С. 99–103. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-3-99-103
5. Дицикин А. Б. Моральные суждения и действительность права // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 4. С. 112–116. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-112-116. EDN: WFCULJ
6. Касаткин С. Н. Основные идеи «Постскриптума» Герберта Л. А. Харта // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2008. № 1 (3). С. 3–27. EDN: NUEOHV
7. Касаткин С. Н. Тезис судейского усмотрения в споре Р. Дворкина и позитивистов: аргументы «позднего» Г. Харта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 57. С. 372–398. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-372-398
8. Коваль С. В. История и основы критики правового позитивизма Г. Л. А. Харта в философии права Р. Дворкина // Философские науки. 2019. Т. 62, № 7. С. 124–142. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-124-142. EDN: JLEYAP
9. Нехаев А. В. Плохой закон как чистое право: критические заметки к философии права Г. Л. А. Харта // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 72–80.
10. Нехаев А. В. Страсти по морали и юридический позитивизм: ответ Антону Дицикину // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 4. С. 94–111. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-94-111. EDN: SECJST
11. Радбрух Г. Философия права / Пер. с нем. Ю. М. Юмашева. М.: Международные отношения, 2004. 238 с. EDN: QVWDWF
12. Разуваев Н. В. Право в контексте всемирно-исторического процесса // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 2 (24). С. 6–8. EDN: XCIPAP
13. Харт Г. Л. А. Позитивизм и разграничение права и морали // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 5 (262). С. 102–136. EDN: JZATSN
14. Aquinas T. (2004) Political Writings. Ed. R. W. Dyson. Cambridge: Cambridge University Press. 358 p.
15. Coleman J. (2001) The Practice of Principle: In Defence of a Pragmatist Approach to Legal Theory. Oxford: Oxford University Press. 246 p.
16. Dworkin R. (1977) Taking Rights Seriously. Cambridge, MA: Harvard University Press. 563 p.
17. Dworkin R. (1967) The Model of Rules. *The University of Chicago Law Review*. Vol. 35. No. 1. Pp. 14–46.
18. Dyzenhaus D. (1991) Hard Cases in Wicked Legal Systems: South African Law in the Perspective of Legal Philosophy. Clarendon Press. 289 p.

19. Gray J. C. (1921) The Nature and Sources of the Law. NY: Macmillan and Co. Pp. 84–112.
20. Hart H. L. A. (1965) The Morality of Law by Lon L. Fuller. Harvard Law Review. Vol. 78. No. 6. Pp. 1281–1296.
21. Hart H. L. A. (1994) The Concept of Law. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press. 328 p.
22. Hart H. L. A. (2012) The Concept of Law. Oxford: Oxford University Press. 390 p.
23. Lacey N. (2004) A Life of H. L. A. Hart: The Nightmare and Noble Dream. Oxford: Oxford University Press. 422 p.
24. Lyons D. (1984) Ethics and the Rule of Law. Cambridge: Cambridge University Press. 240 p.
25. Mackie J. (1977) Ethics: Inventing Right and Wrong. 256 p.
26. Raz J. (1979) The Authority of Law: Essays on Law and Morality. NY: Oxford University Press. 292 p.
27. Waluchow W. J. (1994) Inclusive Legal Positivism. Oxford: Clarendon Press, 304 p.

Об авторах:

Алова Дарья Геннадьевна, преподаватель департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация), кандидат юридических наук; e-mail: d.trinitka@hse.ru
ORCID: 0000-0003-2254-6170

Лушникова Варвара Алексеевна, преподаватель департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация), кандидат юридических наук; e-mail: vary07@bk.ru
ORCID: 0000-0001-8913-9903

References

1. Antonov, M. V. (2010) Exclusive positivism and argumentation theory of law: on the controversy between E. Bulygin and M. Atienza. *Izvestiya Vysshikh uchebnykh zavedenij. Pravovedenie*. No. 1. Pp. 226–337. (In Russ.)
2. Baranov, V. M. (2017) Collision Problems of the Moral Dimension of Modern Russian Legislation: Doctrine, Practice, Technique. *Yuridicheskaya Tekhnika*. No. 11. Pp. 66–80. (In Russ.)
3. Burnham, W. (2006) Legal System of the USA. Ed. by V. A. Vlasikhin, transl. from English by A. V. Alexandrov et al. *Novaya Yustitsiya*. 563 p.
4. Didikin, A. B. (2019) Moral neutrality as legal value: critical analysis of philosophical and legal arguments of A. V. Nekhaev. *Omsk scientific bulletin. Series: Society. History. Modernity*. Vol. 4, No. 3. Pp. 99–103. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-3-99-103 (In Russ.)
5. Didikin, A. B. (2019) Moral Judgments and Validity of Law. *Omsk scientific bulletin. Series: Society. History. Modernity*. No. 4. Pp. 112–116. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-112-116 (In Russ.)
6. Kasatkin, S. N. (2008) Main Ideas of “Postscript” by Herbert L. A. Hart. *Vestnik Samarskoj Gumanitarnoj Akademii. Series: Pravo*. No. 1. Pp. 3–27. (In Russ.)
7. Kasatkin, S. N. (2022) The Thesis of Judicial Discretion in the Dispute between R. Dworkin and Positivists: Arguments of the “Late” H. Hart. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie nauki*. No. 57. Pp. 372–398. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-372-398 (In Russ.)
8. Koval, S. V. (2019) The history and foundations of criticism of H. L. A. Hart’s legal positivism in R. Dworkin’s philosophy of law. *Filosofskie nauki*. Vol. 62, No. 7. Pp. 124–142. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-124-142 (In Russ.)
9. Nekhaev, A. V. (2019) Bad Law as Pure Law: Critical Notes on H. L. A. Hart’s Philosophy of Law. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. No. 440. Pp. 72–80 (In Russ.)
10. Nekhaev, A. V. (2019) Moral passion and legal positivism: Reply to Anton Didikin. Moral Judgments and Validity of Law. *Omskiy Nauchnyy Vestnik. Series: Obshchestvo. Istoryia. Sovremennost*. Vol. 4, No. 4. Pp. 94–111. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-94-111 (In Russ.)
11. Radbruch, G. (2004) Philosophy of Law. *Mezhdunarodnye otnosheniya*. 238 p.

12. Razuevaev, N. V. (2025) Law in the Context of the Global Historical Process. *Theoretical and Applied Law*. No. 2 (24). Pp. 6–8. (In Russ.)
13. Hart, H. L. A. (2005) Positivism and the Separation of Law and Morals. *Pravovedenie*. No. 5. Pp. 102–136.
14. Aquinas, T. (2004) Political Writings. Ed. R. W. Dyson. *Cambridge University Press*. 358 p.
15. Coleman, J. (2001) The Practice of Principle: In Defence of a Pragmatist Approach to Legal Theory. *Oxford University Press*. 246 p.
16. Dworkin, R. (1977) Taking Rights Seriously. *Harvard University Press*. 563 p.
17. Dworkin, R. (1967) The Model of Rules. *The University of Chicago Law Review*. Vol. 35. No. 1. Pp. 14–46.
18. Dyzenhaus, D. (1991) Hard Cases in Wicked Legal Systems: South African Law in the Perspective of Legal Philosophy. *Clarendon Press*. 289 p.
19. Gray, J. C. (1921) The Nature and Sources of the Law. NY: *Macmillan and Co*. Pp. 84–112.
20. Hart, H. L. A. (1965) The Morality of Law by Lon L. Fuller. *Harvard Law Review*. Vol. 78. No. 6. Pp. 1281–1296.
21. Hart, H. L. A. (1994) The Concept of Law. 2nd ed. *Oxford University Press*. 328 p.
22. Hart, H. L. A. (2012) The Concept of Law. *Oxford University Press*. 390 p.
23. Lacey, N. (2004) A Life of H. L. A. Hart: The Nightmare and Noble Dream. *Oxford University Press*. 422 p.
24. Lyons, D. (1984) Ethics and the Rule of Law. *Cambridge University Press*. 240 p.
25. Mackie, J. (1977) Ethics: Inventing Right and Wrong. 256 p.
26. Raz, J. (1979) The Authority of Law: Essays on Law and Morality. *Oxford University Press*. 292 p.
27. Waluchow, W. J. (1994) Inclusive Legal Positivism. *Clarendon Press*. 304 p.

About the author:

Darya G. Alova, Associate Professor at the School of Theory of Law and Comparative Law, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation), PhD in Jurisprudence; e-mail: d.trinitka@hse.ru

Varvara A. Lushnikova, Associate Professor at the School of Theory of Law and Comparative Law, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation), PhD in Jurisprudence; e-mail: vary07@bk.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare that there is no conflict of interest.

EDN: HLIHW0

Дата поступления статьи: 06.08.2025

Дата поступления рецензии: 03.10.2025

Дата принятия статьи к публикации: 31.10.2025

Значение мифологем в конструировании образа права

Ломакина И. Б.

Университет прокуратуры Российской Федерации (Санкт-Петербургский юридический институт) (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

E-mail: lomakina7311@gmail.com

Аннотация

Введение. Статья посвящена значению мифологем в конструировании образа права. Рассматривается процесс конструирования правовой реальности в контексте формирования знаний о ней как о нормативно-правовой системе общества, основанной на конвенциональных ценностях. Особое внимание уделяется мифологизму — неотъемлемой составляющей процесса познания. В статье отмечается, что мифологемы выступают как мембрана сферы осмыслиенного существования людей, позволяющие бесстрашно смотреть в будущее, конструировать это будущее в соответствии с материальными условиями жизни и ментальностью народа, его идеалами и чаяниями.

Методология и материалы. Исследование основано на критическом анализе философских, социологических и юридических теорий, включая классические подходы к пониманию права. Статья написана с позиций постклассической методологии, акцентирующй внимание на контекстуальности правового феномена и его неотъемлемого бытия в жизненном мире человека.

Результаты исследования и их обсуждение. Выявлено, что конструирование образа права связано с мифологемами, выступающими цементирующим ядром всей человеческой социальности и обнаруживающими себя в интеллектуальной традиции. Поэтому мифологизация права является результатом философствования, в котором содержится смысловоориентирующая, идентификационная, интерпретационная и идеологическая составляющая. Конструирование правовой реальности неотъемлемо связано с познанием и пониманием социально значимых моделей поведения, реифицированных в мифологических формах.

Выводы. Мифология — неотъемлемый атрибут правовой традиции, в ней содержится конвенция между богами и людьми, предками и потомками. Мифологемы всегда ценностно нагружены, они закрепляются на уровне общественного сознания в текстах культуры и в качестве императива воспроизводятся в повседневных практиках. Все без исключения нормативные системы мифологичны, но в большей степени мифологично само право. Поэтому миф и его производные — мифологемы — отнюдь не архаика, а необходимое, цементирующее ядро всей человеческой социальности. Человек, сотворяя свою правовую реальность, накладывает ее с помощью мифологического мышления на пред найденный мир. В основе практически каждого типа правопонимания лежит своя идея, свой образ права, реифицированный в той или иной форме. В рамках складывающихся постклассических подходов это обстоятельство должно учитываться, мифологизация права не должна игнорироваться.

Ключевые слова: образ права, реификация, правовая традиция, правопонимание, мифологемы.

Для цитирования: Ломакина И. Б. Значение мифологем в конструировании образа права // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 4 (26). С. 69–78. EDN: HLIHW0

The Significance of Mythologems in Constructing the Image of Law

Lomakina I. B.

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (St. Petersburg Law Institute) (St. Petersburg, Russian Federation)

E-mail: lomakina7311@gmail.com

Abstract

Introduction. The article is devoted to the importance of mythologems in constructing the image of law. The process of constructing legal reality is considered in the context of the formation of knowledge about it, as about the regulatory and legal system of society based on conventional values. Special attention is paid to mythologism, an integral part of the learning process. The article notes that mythologems act as a membrane of the sphere of meaningful existence of people, allowing them to fearlessly look into the future, to construct this future in accordance with the material living conditions of the people's mentality, their ideals and aspirations.

Methodology and materials. The research is based on a critical analysis of philosophical, sociological, and legal theories, including classical approaches to understanding law. The article is written from the standpoint of postclassical methodology, which focuses on the contextuality of the legal phenomenon and its inherent existence in the human life world.

The results of the study and their discussion. It is revealed that the construction of the image of law is associated with mythologems, which act as the cementing core of the entire human sociality, revealing themselves in the intellectual tradition. Therefore, the mythologization of law is the result of philosophizing, they contain a semantic, identification, interpretative and ideological component. Therefore, the construction of legal reality is inherently linked to the knowledge and understanding of socially significant patterns of behavior, reified in mythological forms.

Conclusions. The constructed image of law in any culture is reified into mythologems that are fixed doctrinally in various cultural texts, thereby revealing the originality of the legal tradition. The legal tradition is a complex tradition, and not only the current generations participate in its formation, but also all the others who have already passed away. Therefore, the continuity of the scale of proper, possible and necessary behavior is historically reproduced in social practice precisely in a mythological form. Emerging postclassical approaches should take this fact into account and not turn a blind eye to an allegedly insignificant defect. Almost every type of legal understanding is based on its own idea, which is mythically objectified in one form or another.

Keywords: image of law, reification, legal tradition, legal understanding, mythologemes.

For citation: Lomakina, I. B. (2025) The Significance of Mythologems in Constructing the Image of Law. *Theoretical and Applied Law*. No. 4 (26). Pp. 69–78. (In Russ.)

Введение

Знание как рационально обоснованное убеждение, а также вера в это убеждение являются результатом познания. Познание включает в себя сознательные (рациональные) и неосознанные (бессознательные) процессы осмыслиения (наделения смыслами) полученной в процессе конструирования права информации. Познание не тождественно непосредственному отражению действительности, и оно никогда не осуществляется, если будет отсутствовать коммуникация между понимаемым и понимающим.

В древних мифах эта связь обретает особую образность и красоту, достаточно вспомнить искусственного и виртуозного бога Гермеса, устанавливающего связь с богами, людьми и умершими, которые переселяются с его помощью в мир иной.

Первыми профессиональными интерпретаторами права (герменевтами) были средневековые глоссаторы, толкующие кодекс Юстиниана. Однако это не означает отсутствия у других народов подобных деятелей. С момента своего возникновения право как нормативно-регулятивная система общества, основанная на конвенциональных ценностях, имела в своем распоряжении штат «социальных архитекторов», знатоков права и вершителей судеб¹. Именно им предстояло ваять образ права, реифицируя его мифическими образами — мифологемами.

Однако до профessionализма древним ваятелям права — «социальным архитекторам» — было далеко, лишь глоссаторы, вооружившись аристотелевской логикой, положениями естественно-правовой доктрины и теологическими штудиями отцов церкви, смогли умело вывести из казусов абстрактные нормы, наделив их признаками всеобщности, системности, общеобязательности и формальной определенности, вдохнув в них веру в их всемогущество. Создаваемое таким образом право еще более реифицировалось в максимы о должной справедливости. Позже возникла другая правовая мифологема, о свободной воле индивида и о священной и неприкосновенной частной собственности, выраженная аксиомой: «право — арифметика свободы».

Мифологизм неотъемлем от процесса познания. В нем символически содержалась социальная память. Более того, как полагали Бернар Доре, Жак Брод, Ив Кло, Мишель Бертран, миф делал творческую деятельность возможной². При таком ракурсе понимания мифологии миф — основа ментальности, и он своеобразный способ сбережения и ретрансляции знаний о социально значимых моделях поведения. Мифология выступала как мембрана сферы осмыслиенного существования людей, позволяющая бесстрашно смотреть в будущее, конструировать это будущее в соответствии со своими материальными условиями жизни и ментальностью. В ней в абстрактной форме обнаруживали себя идеи справедливости, свободы, равнодостоинства и воздаяния.

Таким образом, мифологическое постижение реальности характеризуется понятийными конкретно-чувственными, стихийными, фантастико-аллегорическими, ассоциативно-метафорическими, бессознательно-эмпирическими схемами, вбирающими в себя философские, правовые, нравственные и моральные представления о должном и необходимом, возможном и недопустимом поведении в обществе. Изучение мифологического мышления важно для теоретиков права, потому что, как полагал М. Вебер, именно оно формировало юридическое мышление³. Характер долженствований, вне всякого сомнения, зависел, как отмечалось выше, от материальных и ментальных факторов, но благодаря реификации эти долженствования становились максимами и аксиомами, в которые боги вдохнули особый смысл, легитимировав их в глазах народа.

Методология и материалы

Статья написана на основе критического анализа философских, социологических и юридических теорий, включая классические подходы к пониманию права. Используя в качестве отправной точки постклассическую методологию, акцентирующую внимание на контекстуальности правового феномена и его бытийственных характеристиках в мире человека, отметим, что процесс реификации права был и остается важным этапом в процессе конструирования правовой реальности. Значительных успехов в изучении данного социального феномена достигли Люсьен Леви-Брюль и Клод Леви-Стросс⁴. Исследователи единодушно признают, что реификация базируется на отсутствии понимания диалектической связи между

¹ Ломакина И. Б. Мифологизация как способ переживания исторических событий // Юридические формы переживания истории: практики и пределы: коллективная монография / под ред. С. В. Бочкарева. СПб.: Астерион, 2020. С. 50. EDN: BPLBTB

² Цит по: Ломакина И. Б. Мифологическое мышление как протоправовое явление // Криминалистъ. 2019. № 3 (28). С. 81–85. EDN: VOLWCM

³ Вебер М. Социология религии (типы религиозных сообществ). Избранное. Образ общества / пер. с нем. М.: Юрист, 1994. С. 84–85.

⁴ Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. СПб., 2002; Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994.

человеком-творцом и его творениями. Это своеобразное видение реальности, которая предполагает непрерывное проникновение священных сил в мир повседневного опыта. Отсюда реальность выступает как полотно, сотканное из «мифологической пряжи».

В интерпретации П. Бергера и Т. Лукмана реификация — это восприятие человеческих феноменов в качестве вещей, то есть в нечеловеческих и, возможно, в сверхчеловеческих терминах. Реифицированный мир по определению мир дегуманизированный. Этот мир воспринимается человеком как чуждая фактическая, как *opus alienum*, который ему неподконтролен, а не как *opus proprium* его собственной производительной деятельности⁵.

Таким образом, результат реификации — мифологизация. Мифологемы не могут быть ценностно нейтральными: в них изначально закладывалась социально значимая модель желаемого и должно-го. В мифологемах как бы содержалась конвенция между богами и людьми, предками и потомками. Поэтому мифологемы всегда ценностно нагружены. Причем мифологемы закрепляются в качестве императива и воспроизводятся в повседневных практиках не на индивидуальном уровне, а на уровне общественного сознания. Все нормативные системы мифологичны, но в большей степени мифологично право — как нормативно-регулятивная система, в основе которой лежат конвенциональные ценности.

Таким образом, миф и его производные мифологемы — это не архаика, а необходимое, цементирующее ядро всей человеческой социальности, проявляющейся в интеллектуальной традиции. Мифологемы — результат философствования, в них содержится смыслоориентирующая, идентификационная, интерпретационная и идеологическая составляющая.

Поэтому конструирование правовой реальности неотъемлемо связано с познанием и пониманием социально значимых моделей поведения, реифицированных в мифологических формах. Таким образом, человек, сформируя свою реальность, накладывает ее с помощью мифологического мышления на пред-найденный мир. Теоретизируя в данном направлении, можно сделать следующее допущение: если мир как целое совпадет с реальностью (объективной и субъективной), созданной человеком, то человек окажется примиренным с действительностью и мифы больше не нужны. Нет больше смысла мыслить мир! Человек преодолевает мир, превращаясь в универсум. Однако сейчас (как, впрочем, и в обществе традиционном) мир как целое и реальность, созданная человеком, разорваны, и миф заполняет этот разрыв. Так, например, в эпоху традиционной культуры архиважное значение имел миф о царствии Божьем. Индуистская культура изобиловала мифами о всесилии человека, строителе «коммунизма» (марксизм) и рациональном индивиде, минимизирующем свои издержки (либерализм). Итак, как утверждалось выше, мифологизм связан с реификацией. Мифологическое сознание не сводимо к архаическому, хотя и имеет ряд общих черт с последним.

Иное видение мифологизма в праве представил И. Н. Грязин. Используя миф и право как схожий по структуре текст, ученый утверждает, что «...миф в нашем контексте не есть нечто противоположное реальности (миф так же реален, как и что угодно другое, и мифическое означает не нереальное, а похожее на миф). Уточню на всякий случай, что он не связан с магией, фокусами и тому подобными вещами (хотя дилетанты и склонны приписывать подобное юристам... шутка!). Миф — это просто определенное культурное, семиотическое явление. Первой и наиболее очевидной параллелью является то, что оба они, право и миф, лишены линейного измерения. ...Миф может быть передан как рассказ один раз, но чтобы стать настоящим мифом, он должен быть рассказан снова и снова, через поколения»⁶.

Таким образом, мифологизм вплетен в когнитум человека, он, как справедливо отмечает В. П. Малахов⁷, участвует в «разархивации» архетипа. В этом аспекте миф — основа ментальности, он ментальная память. Стало быть, миф — своеобразный способ сбережения и ретрансляции знаний, и он, как говорилось выше, выступает как мембрана сферы осмыслиенного существования людей, позволяющая бесстрашно смотреть в будущее, конструировать это будущее в соответствии со своими чаяниями

⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 146–147.

⁶ Грязин И. Н. Право есть миф // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 5 (298). С. 79. EDN: OZCECH

⁷ Малахов В. П. Мифы современной общеправовой теории: монография. М.: Юнити-ДАНА, 2013. 151 с. EDN: UEKWET

и идеалами. Поэтому именно в праве, а вернее в его легитимации, содержится мифологическая составляющая.

Результаты исследования и их обсуждение

Образы права и их мифологизация в контексте классических типов правопонимания

На основании изложенного в вводной части статьи отметим, что научное сообщество без особого желания признается себе и миру в своем мифотворчестве, конструируя ту или иную модель, концепцию, теорию или парадигму понимания права. Практически все теоретики классических подходов заявляют о верифицированности и аподиктичности своих выводов, истинности и реалистичности своих концепций. Между тем, как отмечает И. Л. Честнов, классические подходы сегодня утратили свой эвристический потенциал, поэтому новые реалистические подходы понимания права должны стать теоретическим основанием практико-ориентированной юриспруденции, им предстоит ответить на многие сложные вопросы и, прежде всего, что считать существующим в правовой реальности или как существует правовая реальность.

По мнению И. Л. Честнова, «„существовать“ означает быть воспринимаемым, признаваемым (или принимаемым и значимым) и практически используемым людьми, социализированными в соответствующей правовой культуре и живущими в данном историческом и социокультурном контексте. В таком случае правовая реальность (любой правовой феномен) „реально существует“, если воспринимается и фиксируется в соответствующих юридических формах, наделяется значимостью (или легитимностью в широком смысле слова) и производит (порождает) юридически значимые последствия в виде действий, понимаемых в широком смысле слова как юридические акты. Этим, конечно, бытие как существование права не исчерпывается, однако через эти модусы проявления права возможно и перспективно практическое реалистическое его измерение»⁸.

Вне зависимости от типа правопонимания, осмысление права и определение его значения для жизни общества не может быть идеологически нейтральным. Поэтому современная российская философия права (понимаемая в широком смысле. — И. Л.), как прозорливо замечает А. И. Клименко, должна освободиться от социальных мифологических конструкций, используемых в идеологических целях. Уповая на марксистскую философию права как на единственно научно верную, автор заключает: «И следует признать, что марксистская философия права в этом плане имеет очень хороший потенциал для анализа современных буржуазных теорий в сфере права и теорий справедливости вообще. Важно отметить, что в систему марксистских философско-правовых взглядов должна войти и история философско-правовых идей. Только руководствуясь историческим материализмом и диалектическим материализмом, можно обнаружить теоретическую и эмпирическую несостоятельность как современных буржуазных правовых теорий, так и мифологичность и идеологическую обусловленность развития политico-правовых и философско-правовых взглядов в исторической ретроспективе, их связь с интересами и потребностями определенных классов»⁹.

Мысль, в общем-то, правильная, но малореалистичная в плане того, что марксизм не размифологизирует реальность. Марксизм, так же как и другие «буржуазные теории» (марксистская терминология), изобилует мифологемами, за которыми скрывается всё та же реификация, дегуманизирующая социальные институты. Именно этим объясняется вера в верность учения и признания за этим учением статуса светской религии.

Современная российская интеллектуальная традиция прошла длительный путь в своем развитии, как отмечает А. И. Клименко, увлекаясь то буржуазными идеологическими концепциями, то марксист-

⁸ Честнов И. Л. Обзор всероссийской научно-теоретической конференции «Постклассические исследования права» на тему: «Перспективы правового реализма» // Криминалистика. 2025. № 3 (52). С. 48.

⁹ Клименко А. И. Марксистские основания современной философии права // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. № 6. С. 71. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-6-klimenko. EDN: DAOPEW

скими и етатистскими (юридико-позитивистскими), однако сегодня как никогда современная теория государства и права нуждается в своей методологической парадигме, учитывающей национальные интересы, показывающей государство и право в контексте сложившейся российской правовой традиции.

Новые концепции понимания права чаще всего апеллируют к реалистичности, черпая оттуда творческую энергию и веру в то, что они преодолевают мифологизм прежних классических концепций. Так, например, преодолевая классический юридический позитивизм, антропологические реалистические концепции поставили под сомнение мифологему о верховенстве суверена и его воле, введенной в закон; та же участь постигла и юснатурализм с его верой сначала в логос, а затем и в неотчуждаемые права и свободы индивида. Досталось от реализма и аутентичному марксизму, выводящему коммунистическое общество из недр формационного подхода.

Классические подходы понимания права — юридический позитивизм (этатизм) и юснатурализм — представляли два диаметрально противоположных ракурса понимания права, противопоставляя государство индивиду и наоборот. Мифологизированный образ государства и права в обоих случаях проистекал из реификации, которую обеспечивала идеология. Мифологемы классических доктрин выглядели реалистично до тех пор, пока в них верило большинство населения, а интеллектуальная элита подпитывала эту веру многочисленными официально признанными истеблишментом текстами.

В современных реалиях марксизм как учение о государстве и праве не утратил полностью потенции в своем развитии. По-прежнему в России¹⁰ и в мире¹¹ выходит огромное количество работ, написанных с обозначенных позиций. В ряде стран, например в Китае, Северной Корее, Лаосе, марксизм выступает как идеологическое ядро политico-правовой системы. Марксизм показал свою жизнеспособность и после распада СССР. Однако в методологическом плане марксистская доктрина требует критического осмыслиения на предмет реалистичности его мифологем в современных условиях. Нет оснований утверждать, что многие мифологемы были изначально нереалистичны, в них просматривалась конвенция и вера в то, что они существуют на самом деле, а не только на бумаге.

Поэтому мифологема «бытие определяет сознание» с точки зрения официального марксистско-ленинского диалектического материализма выглядела вполне реалистично. Так же реалистично выглядела мифологема о том, что базис первичен, а надстройка вторична. Не вызывала сомнений и мифологема о том, что каждому по способностям и каждому по потребностям и что право отомрет вместе с государством. С позиций сегодняшнего дня более адекватной представляется идея о том, что все социальные феномены интерсубъективны, а равное распределение — нереалистичный миф. Отмирание государства и права в современных реалиях также выглядит как нереалистичная мифологема, которая снова в перспективе может стать реалистичной. Для ее реалистичности необходимы будут новые условия и, конечно, конвенция большинства с соответствующей ей реификацией.

Таким образом, мифологемы марксизма об объективности социального мира, демонизация современного классового общества и права как механизма, обеспечивающего эксплуатацию одних — другими, требуют пересмотра, хотя эксплуатация как механизм, с помощью которого происходит обогащение, мифологемой не является. Иначе смотрят на феномен эксплуатации либералы и либертиаранцы, видя в эксплуатации мифологему, поскольку рыночники связывают прибыль с оптимизацией ресурсов и внедрением новых технологий, а не с несправедливым вознаграждением или распределением богатства. Кроме того, мифологема мирового прогресса с первенством европейских государств также требует пересмотра, хотя для того времени, когда формировался аутентичный марксизм (XIX — нач. XX в.), эта идея выглядела вполне реалистично.

¹⁰ Сырых В. М. Прощай, классика, вперед к материалистической теории права! // Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 42–55; Клименко А. И. Марксистские основания современной философии права // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. № 6. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-6-kliemenko. EDN: DAOPEW; Левакин И. В. Социально-классовая теория марксизма и современное государство // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 2. С. 24–37. EDN: QGAWBC

¹¹ Kennedy D. A Contrast and Comparison of Critical Legal Studies and Neo-Marxism. Harvard University Press. 1997; Шлаг П. Формализм и реализм в руинах (обозначение логики коллапса) // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. № 4. С. 18–55. DOI: 10.22394/3034-2813-2024-4-18-55. EDN: YYIJNT

Нереалистично сегодня выглядит мифологема о том, что в авторитарных правовых традициях нет права, однако в начале 90-х гг. XX в. либертарная теория В. С. Нерсесянца и В. А. Четвернина доказывала обратное. Либертарная теория, базирующаяся на юснатурализме, изобилует мифологемами, преимущественно связанными с природой человека (субъективными правами). Западная правовая традиция индивидуализма, представленная мифологемами верховенства права, господством частной собственности и негативной свободой, понимаемой в контексте ограничения воли государства, сформировала огромное множество «реалистических» теорий. Эти теории выражают различные формы активизма — от гендерного самоопределения до киборгизации и включения искусственного интеллекта в человеческую повседневность. В этих теориях реалистичность мифологем подтверждается практически, однако с известной долей условности, конечно.

Таким образом, идея права в индивидуалистической версии лежит в основе европейской правовой традиции, и новые проекты «разумного» мироустройства вполне вписываются в различные реалистические концепции наподобие киберфеминизма (Д. Харауэй)¹² и различных фрик-теорий. Их объединяет общая неолиберальная идеология с неизменным набором мифологем о свободе и верховенстве права с приматом частной собственности, толкуемой расширительно, и складывающейся на ее основе, как полагает Ф. Феррандо, постгуманистическая эпистема¹³.

Таким образом, мы видим, что назрела необходимость не только в пересмотре классических подходов с их набором мифологем, но и в выработке принципиально нового методологического реалистического основания, учитывавшего как прежние теоретические наработки позитивизма, юснатурализма и марксизма, так принципиально новые теоретические конструкции, выходящие на междисциплинарный уровень. Однако это не означает отсутствия в новых концепциях мифологем, но предполагает их критическое прочтение и адаптацию к традиции.

Актуализация отечественных реалистических концепций и их философское обоснование также обусловливается идеологическими баталиями, развернувшимися на поле брани между западными и незападными (восточными) цивилизациями. Причиной тому выступают притязания тех, кто больше не хочет идти по проторенной западным либерализмом дороге и верить в мифологемы о «вечном мире» и единственно верном политическом устройстве с набором универсалий. Конец истории не наступил, как про чил в 90-е гг. XX в. известный американский социальный философ японского происхождения Ф. Фукуяма, понимая под концом истории унификацию правовых традиций, связанную с англо-саксонской вестернизацией (глобализацией)¹⁴. Эта идея подпитывалась очередной мифологемой о прогрессивности либерализма и дикости, отсталости прочих. Поэтому сегодня конструирование правопорядка, «видения и делания» социального мира в соответствии со своими национальными интересами, выраженными в своих мифологемах, обрело архиважное значение для политических элит России, Китая, Ирана и др.

Перечисленные государства, как полагал Г. Киссинджер, вовсе не государства, а цивилизации¹⁵, со своей правовой традицией, в которой прослеживается многотысячелетняя история, со своей цементирующей мифологией. Можно утверждать, что адекватное изучение права должно основываться на новых подходах, акцентирующих внимание на правовой традиции и мифологемах ее формирующих.

Таким образом, познать свое право и право других народов можно только с обновленных позиций. Ключевым аспектом познания должна стать не догма права или докса, а правовая традиция, содержащая квинтэссенцию правовой жизни народа, сконструировавшего эту традицию. Весьма уместно обратиться к цитате великого методолога всех времен и народов, правда, не очень популярного сегодня в западном политико-правовом дискурсе, — Г. Гегеля: «Традиция не есть лишь домоправительница, которая верно оберегает полученное ею и, таким образом, сохраняет его для потомков и передает им его не уменьенным, подобно тому как течение природы, в вечном изменении и движении ее образов и форм, остается

¹² Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000 / пер. с англ. под ред. Л. М. Бредихиной, К. Дипуэлл. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. С. 322–377.

¹³ Феррандо Ф. Философский постгуманизм. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. 358 с.

¹⁴ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: ACT: Ермак, 2004. 588 с. EDN: QOCIBD

¹⁵ Киссинджер Г. О Китае. М.: ACT, 2014.

навсегда верным своим первоначальным законам и совсем не прогрессирует. Нет, традиция не есть неподвижная статуя: она живая и растет подобно могучему потоку, который тем больше расширяется, чем дальше он отходит от своего истока»¹⁶.

Правовая традиция всегда и в любой культуре реифицируется в мифологемы, а ее легитимация обычно доктринально закрепляется в различных текстах культуры. Правовая традиция — это комплексная традиция, в ее формировании участвуют не только ныне живущие поколения, но и все прочие, уже ушедшие в мир иной. Поэтому преемственность масштаба должного, возможного и необходимого поведения исторически воспроизводится в социальной практике именно в мифологической форме.

Таким образом, новые складывающиеся реалистические концепции должны учитывать правовую традицию и ее мифологизм. Этот мифологизм неискореним, поскольку, как мы отмечали ранее, мифологическое сознание вплетено в человеческий когнитум и пред найденный мир не тождественен миру, конструируемому человеком. Миф заполняет трещины и лакуны в субъективной реальности, проецируемой на повседневные практики. Апеллируя к российской правовой традиции, стоит отметить, что те конституционные новеллы, которые были включены в тело российского конституционализма в 2020 г., закрепили традиционные ценности в качестве государствообразующих. Семья, государство, религия, как они существовали на протяжении тысячелетней истории, в современных реалиях призваны обеспечить преемственность, непрерывность в историческом развитии. Эти институты, несомненно, также овеяны мифологизацией, особенно в части их идеализации, но они по-прежнему реалистичны, как с точки зрения повседневных практик, так и конвенции между населением страны и властью.

Выводы

На основании вышеизложенного можно констатировать, что мифология — неотъемлемый атрибут правовой традиции, в ней содержится конвенция между богами и людьми, предками и потомками. Мифологемы всегда ценностно нагружены, они закрепляются на уровне общественного сознания в текстах культуры и в качестве императива воспроизводятся в повседневных практиках. Все без исключения нормативные системы мифологичны, но в большей степени мифологично само право. Поэтому миф и его производные — мифологемы — отнюдь не архаика, а необходимое, цементирующее ядро всей человеческой социальности, проявляющейся в интеллектуальной традиции. В основе практически каждого типа правопонимания лежит своя идея, свой образ, мифологически реифицированный в той или иной форме. Складывающиеся постклассические подходы должны учитывать это обстоятельство, и мифологизация права не должна игнорироваться.

Список источников

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания // П. Бергер, Т. Лукман. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Вебер М. Социология религии (типы религиозных сообществ). Избранное. Образ общества / пер. с нем. М.: Юрист, 1994. 702 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб.: Наука: Санкт-Петербургская издательская фирма, 1993. 477 с.
4. Грязин И. Н. Право есть миф // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 5 (298). С. 72–95. EDN: OZCECH
5. Киссинджер Г. О Китае. М.: ACT, 2014. 635 с.
6. Клименко А. И. Марксистские основания современной философии права // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. Т. 15, № 6. С. 58–76. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-6-klimenko. EDN: DAOPEW

¹⁶ Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб., 1993. С. 70.

7. Левакин И. В. Социально-классовая теория марксизма и современное государство // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 2 (24). С. 24–37. EDN: QGAWBC
8. Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. СПб.: Европейский дом, 2002. 399 с.
9. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 382 с.
10. Ломакина И. Б. Мифологизация как способ переживания исторических событий // Юридические формы переживания истории: практики и пределы. СПб.: Астерион, 2020. С. 48–53. EDN: BPLBTB
11. Ломакина И. Б. Постижение правовой действительности: от научной традиции к символическо-му универсуму // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6, № 3 (20). С. 23–29. DOI: 10.17816/RJLS18997. EDN: NGCQJH
12. Ломакина И. Б. Мифологическое мышление как протоправовое явление // Криминалистъ. 2019. № 3 (28). С. 81–85. EDN: VOLWCM
13. Малахов В. П. Мифы современной общеправовой теории: монография. М.: Юнити-ДАНА, 2013. 151 с. EDN: UEKWET
14. Сырых В. М. Прощай, классика, вперед к материалистической теории права! // Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 42–55.
15. Феррандо Ф. Философский постгуманизм. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. 358 с.
16. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: ACT, 2004. 588 с. EDN: QOCIBD
17. Честнов И. Л. Обзор всероссийской научно-теоретической конференции «Постклассические исследования права» на тему: «Перспективы правового реализма» // Криминалистъ. 2025. № 3 (52). С. 146–158.
18. Шлаг П. Формализм и реализм в руинах (обозначение логики коллапса) / пер. с англ. А. М. Хмелевского, под ред. Е. Г. Самохиной // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. № 4 (22). С. 18–55. DOI: 10.22394/3034-2813-2024-4-18-55. EDN: YYIJNT
19. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000 / пер. с англ. под ред. Л. М. Бредихиной, К. Дибуэлл. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. С. 65–107.
20. Kennedy, D. (1997) A Contrast and Comparison of Critical Legal Studies and Neo-Marxism. *Harvard University Press*.

Об авторе:

Ломакина Ирина Борисовна, профессор кафедры теории и истории государства и права Университета прокуратуры Российской Федерации (Санкт-Петербургский юридический институт), доктор юридических наук, профессор; e-mail: lomakina7311@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9232-949X>

References

1. Berger, P., Lukman, T. (1995) Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge. *Medium*. 322 p.
2. Weber, M. (1994) Sociology of Religion (Types of Religious Communities). Selected Works. The Image of Society: Translated from German. *Yurist*. 702 p.
3. Hegel, G. W. F. (1993) Lectures on the History of Philosophy. Book 1. *Nauka: St. Petersburg Publishing House*. 477 p.
4. Grazin, I. N. (2011) Law is Myth. *Izvestiya of Higher Educational Institutions. Law Studies*. Publisher: *St. Petersburg State University*. No. 5 (298). Pp. 72–95. (In Russ.)
5. Kissinger, G. (2014) About China. AST. 635 p.
6. Klimenko, A. I. (2020) Marxist Foundations of Contemporary Philosophy of Law. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. Vol. 15. No. 6. Pp. 58–76. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-6-klimenko (In Russ.)

7. Levakin, I. V. (2025) The Marxist Social Theory and the Modern State. *Theoretical and Applied Law*. No. 2 (24). Pp. 24–37. (In Russ.)
8. Levi-Bruhl, L. (2022) Primitive Mentality. *Yevropeyskiy Dom*. 399 p.
9. Levi-Sross, K. (1994) Primitive Thinking. *Respublika*. 382 p.
10. Lomakina, I. B. (2020) Mythologization as a Way of Experiencing Historical Events. In: Bochkarev, S. V. (eds). Legal Forms of Experiencing History: Practices and Limits. *Asterion*. Pp. 28–53. (In Russ.)
11. Lomakina, I. B. (2019) Comprehension of Legal Reality: From the Scientific Tradition to the Symbolic Universe. *Russian Journal of Legal Studies*. Vol. 6. No. 3 (20). DOI: 10.17816/RJLS18997 (In Russ.)
12. Lomakina, I. B. (2019) Mythological Thinking as a Protolegal Phenomenon. *Criminalist*. No. 3 (28). Pp. 81–85. (In Russ.)
13. Malakhov, V. P. (2013) Myths of the Modern General Theory of Law. *UNITY-DANA*. 150 p. (In Russ.)
14. Syrykh, V. M. (2014) Farewell, Classics, Forward to the Materialistic Theory of Law! *Jurisprudence*. No. 5 (316). Pp. 42–55. (In Russ.)
15. Ferrando, F. (2022) Philosophical Posthumanism. *Higher School of Economics Publishing House*. 358 p.
16. Fukuyama, F. (2004) The End of History and the Last Man. *AST: Ermak*. 588 p.
17. Chestnov, I. L. Review of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference “Postclassical Legal Studies” on the topic: “Prospects of Legal Realism” // *Criminalist*. 2025. No. 3 (52). Pp. 146–158. (In Russ.)
18. Shlag, P. (2024) Formalism and Realism in Ruins (Mapping the logics of collapse) // *Theoretical and Applied Law*. No. 4 (22). Pp. 18–55. DOI: 10.22394/3034-2813-2024-4-18-55
19. Haraway, D. A (2005) Manifesto for Cyborg: Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s. *Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN)*. Pp. 65–107.
20. Kennedy, D. (1997) A Contrast and Comparison of Critical Legal Studies and Neo-Marxism. *Harvard University Press*.

About the author:

Irina B. Lomakina, Professor of the Department of Theory and History of State and Law at the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (St. Petersburg Law Institute), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor; e-mail: lomakina7311@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9232-949X>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

EDN: HGLYEX

Дата поступления статьи: 10.08.2025

Дата поступления рецензии: 25.09.2025

Дата принятия статьи к публикации: 01.11.2025

Образовательный суверенитет как элемент суверенитета государства

Пишикина Н. И.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления) (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

E-mail: pishikina-ni@ranepa.ru

Аннотация

Введение. Статья содержит анализ значения суверенитета образования для страны и общества, негативных последствий для образовательной среды Закона об образовании, принятого в 1992 г., и внедрения Болонской системы образования, а также подходов к созданию национальной системы образования. Особое внимание уделяется юридическому образованию и подготовке профессиональных юристов.

Методология и материалы. Исследование основано наialectическом (П. В. Копнин, Д. П. Горский и др.) и цивилизационном (А. Тойнби, Ш. Эйзенштадт и др.) подходах. К числу основных методов относятся анализ и синтез, документальный, сравнительно-правовой, историко-правовой и другие методы.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе исследования анализируется значение образовательного суверенитета для обеспечения национальной безопасности страны, сохранения традиционных культурно-нравственных ценностей, подготовки высококлассных специалистов, способных обеспечить поступательное развитие России. В отличие от большинства специалистов, видящих причину кризиса современного образования во введении Болонской системы, автор обращает внимание на то, что первый удар был нанесен еще в 1992 г. принятием Закона об образовании РФ.

Выводы. Соглашаясь с мнением большинства специалистов по поводу реформирования системы образования, автор считает, что эта работа должна иметь научную основу и осуществляться с учетом прогностических выводов, определяющих наиболее перспективные направления в развитии системы образования. При этом в центре внимания должны быть обучающийся и преподаватель.

Ключевые слова: суверенитет государства, образовательный суверенитет, «мягкая сила» суверенитета, образовательная сфера, реформирование системы образования, Болонская система образования, национально-ориентированная система образования.

Для цитирования: Пишикина Н. И. Образовательный суверенитет как элемент суверенитета государства // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 4 (26). С. 79–90. EDN: HGLYEX

Educational Sovereignty as an Element of State Sovereignty

Pishikina N. I.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management) (Saint Petersburg, Russian Federation)

E-mail: pishikina-ni@ranepa.ru

Abstract

Introduction. This article analyzes the importance of educational sovereignty for the country and society, the negative consequences of the 1992 Education Law and the implementation of the Bologna system for the educational environment, and approaches to creating a national education system. Particular attention is paid to legal education and the training of professional lawyers.

Methodology and Materials. The study is based on dialectical (P. V. Kopnin, D. P. Gorsky, and others) and civilizational (A. Toynbee, S. Eisenstadt, and others) approaches. The main methods include analysis and synthesis, documentary, comparative legal, historical legal, and other methods.

Research Results and Discussion. This study analyzes the importance of educational sovereignty for ensuring the country's national security, preserving traditional cultural and moral values, and training highly qualified specialists capable of ensuring Russia's progressive development. Unlike most experts, who attribute the crisis in modern education to the introduction of the Bologna Process, the author points out that the first blow was dealt back in 1992 with the adoption of the Law on Education of the Russian Federation.

Conclusion. While agreeing with the majority of experts regarding education system reform, the author believes that this work must have a scientific basis and be carried out taking into account forecasting findings that identify the most promising directions for the development of the education system. At the same time, the focus should be on the student and teacher.

Keywords: state sovereignty, educational sovereignty, "soft power" of sovereignty, educational sphere, reform of the education system, Bologna education system, nationally oriented education system.

For citation: Pishikina, N. I. Educational Sovereignty as an Element of State Sovereignty. *Theoretical and Applied Law*. No. 4 (26). Pp. 79–90. (In Russ.)

Введение

Об опасности современных угроз говорится как в официальных документах¹, так и в научном сообществе². Поэтому защита суверенитета государства и обеспечение национальной безопасности нашей страны становятся первоочередными задачами.

На сегодняшний день отмечается многообразие понятий суверенитета³. С позиции теории Конституционного права государственный суверенитет России означает высшую власть или верховенст-

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/d39f7f83dfc02bd345148c27f2408c771b3f57ae/ (дата обращения: 08.07.2025).

² См.: Земсков В. В. Образовательный суверенитет как инструмент обеспечения экономической безопасности // Отходы и ресурсы. 2023. Т. 10. № 2. DOI: 10.15862/11FAOR223. EDN: GKRXU URL: <https://resources.today/PDF/11FAOR223.pdf> (дата обращения: 31.10.2025).

³ Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2002. С. 596; Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефремова. URL: <https://www.vehi.net/brokgaуз/> (дата обращения: 09.07.2025).

во власти в отношении всех других субъектов публичных отношений на своей территории, в определении внешней и внутренней политики, в принятии законов⁴.

Что касается понятия и сущности образовательного суверенитета, то в научном сообществе также существует множество мнений. Так, в частности, Д. Р. Тазетдинова пишет: «...Образовательный суверенитет можно определить как право государства на самостоятельное формирование своей образовательной системы, включая содержание образования, методы обучения и оценку качества»⁵.

В ходе исторического развития многие страны нередко отстаивали государственный суверенитет посредством вооруженного противостояния. Между тем в конце прошлого века появилась новая концепция влияния государства как на внутреннюю, так и на внешнюю политику в собственных интересах. Концепция получила название «мягкой» и «жесткой» силы. Термин «мягкая сила» ввел в научный оборот Джозеф Най, который разрабатывал с 1980-х годов теоретическую концепцию “soft power”. В ходе такой политики влияние страны может проявляться через культуру, политические идеалы и программы⁶.

Важнейшей частью культуры является образование. По мнению некоторых специалистов, образование выполняет роль «мягкой силы» для государств, отстаивающих свой суверенитет в мировом пространстве⁷.

Методология и материалы

Целью исследования является попытка изучения места и роли образовательного суверенитета как важнейшего элемента государственного суверенитета. Достижению цели способствовало изучение мнений других специалистов. В этой связи надо сказать, что не совсем верно утверждать, что влияние «мягкой силы» посредством образования стало осознаваться политиками только в последнее время. Достаточно вспомнить, какое количество студентов из разных стран приезжало учиться в СССР, и не только в Университет имени Патриса Лумумбы (ныне Российской университет дружбы народов), но и в Ленинградский, Московский университеты, другие вузы. Формирование мирового рейтинга образовательных учреждений (QS) тоже можно рассматривать как «мягкую силу» влияния на умы молодежи разных стран и привлечение наиболее талантливых в сферу своих интересов. Причем лидерами рейтинга QS на протяжении многих лет являются вузы США и Великобритании⁸. Надо сказать, что достаточно быстро в сознание не только российской молодежи, но и политической элиты было внедрено убеждение о более высоком качестве и престижности западного образования в сравнении с отечественным. Что, по мнению автора статьи, безусловно, сыграло роковую роль в сломе отечественной системы образования. Следует заметить, что образование является важнейшей основой для формирования личности. Поэтому решение вопросов реформирования системы образования могло бы стать поводом для широкого общественного обсуждения (референдума). Но на деле все решилось во «власти коридорах» и закончилось присоединением России к Болонской системе образования. Тем самым, по сути, была сделана очередная брешь в государственном суверенитете России.

Между тем многие специалисты не поддерживали необходимость такой трансформации⁹. В частности, С. А. Дружилов предупреждал, что введение многоуровневой системы высшего образования, ориен-

⁴ Конюкова И. А. Конституционное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 412 с.

⁵ Тазетдинова Д. Р. Современные подходы к образовательному суверенитету в Российской Федерации // X Андреевские чтения: современные концепции и технологии творческого саморазвития личности: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Казань, 25–26 марта 2025 г. Казань: Логос-Пресс, 2025. С. 826–831. EDN: XEVGQN

⁶ Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения. URL: <https://smartpowerjournal.ru/soft-power/> (дата обращения: 08.07.2025).

⁷ Полова А. В. Образовательный суверенитет России: к вопросу о содержательной характеристике уникальной национальной системы образования // Проблемы современного образования. 2024. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnyy-suverenitet-rossii-k-voprosu-o-soderzhatelnoy-harakteristike-unikalnoy-natsionalnoy-sistemy-obrazovaniya#:~:text> (дата обращения: 08.07.2025).

⁸ Рейтинг университетов мира QS. URL: <https://www.educationindex.ru/articles/university-rankings/qs/> (дата обращения: 10.07.2025).

⁹ См.: Жуков В. А. Российский образовательный суверенитет: преодоление девиаций и формирование новой государственной политики (историко-правовой анализ) // Труды Института государства и права РАН. 2023. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-obrazovatelnyy-suverenitet-preodolenie-deviatsiy-i-formirovanie-novoy-gosudarstvennoy-politiki-istoriko-pravovoy-analiz/viewer> (дата обращения:

тированной на европейскую систему образования и интеграцию в нее, не только многое поменяет в российском образовании, но и что-то кардинально сломает. В этом, по мнению ученого, есть и достоинство вводимых инноваций, и потенциальные угрозы, поскольку очевидна опасность потерять то ценное, что было приобретено в ходе развития отечественного высшего профессионального образования. При этом он утверждал, что модернизация высшего образования ничего нового не привносит в отечественную систему образования, поскольку «термины „компетентность“, „квалификация“, „профессионализм“ давно и широко используются в специальной литературе нашей страны, освещющей психологические и педагогические вопросы формирования профессионализма, профессиональной компетенции и профессиональной культуры»¹⁰.

По мнению другого специалиста, А. В. Поповой, «западное» образование является частью сферы экономики, своеобразным бизнесом. Поэтому «в рамках принятия такой парадигмы нет места научным школам в том понимании, которое есть в России, а основным является получение прикладных, а не фундаментальных знаний, с целью получения быстрой бизнес-окупаемости», что, в свою очередь, влечет за собой необходимость «обучения в течение всей жизни»¹¹.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Образовательный суверенитет

Справедливи ради надо сказать, что на самом деле начало изменений в отечественную систему образования мы положили сами, когда в 1992 г. приняли первый Федеральный закон об образовании. Анализ положений названного закона позволил автору статьи в ранних публикациях писать о том, что основная функция органов образования, в соответствии с первоначальным вариантом закона, состояла в образовании несовершеннолетних (ст. 14 п. 1.1 закона), то есть только в передаче знаний. В результате воспитание обучающихся оставалось за рамками деятельности этих учреждений¹². Такое положение сохранялось и впоследствии, когда о воспитательной функции органов образования упоминалось только в преамбуле.

В дальнейших публикациях автор статьи неоднократно указывала, что органы образования самоустранились от ответственности за воспитание и обучение несовершеннолетних, что и было закреплено в законе «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Закон об образовании). В частности, п. 7 ст. 19 Закона об образовании предусматривал исключение из общеобразовательного учреждения обучающегося, достигшего возраста 14 лет, а следовательно, не получившего основного общего образования. Такое решение принималось в случае совершения обучающимся противоправных действий, грубых и неоднократных нарушений устава образовательного учреждения. При этом вопрос дальнейшей занятости несовершеннолетнего образовательные учреждения перекладывали на органы местного самоуправления и родителей. Кроме того, п. 6 ст. 19 Закона об образовании предусматривал отчисление из образовательного учреждения 15-летних учащихся без получения основного общего образования по согласию родителей (законных представителей) и местного органа управления образованием.

31.10.2025); Терновая Л. Н., Яковлева Н. О. Суверенитет как характеристика современной системы образования // Педагогическая перспектива. 2025. № 4 (20). С. 12–20. DOI: [https://doi.org/10.55523/27822559_2025_4\(20\)_12](https://doi.org/10.55523/27822559_2025_4(20)_12)

¹⁰ Дружилов С. А. Интеграция с европейской системой высшего образования: преимущества и возможные «подводные камни» // Международный журнал экспериментального образования. 2010. № 5. С. 58–60. URL: https://s.education.ru/pdf/2010/5/2010_05_36.pdf (дата обращения: 10.07.2025). EDN: RAJQEX

¹¹ Попова А. В. Образовательный суверенитет России: к вопросу о содержательной характеристике уникальной национальной системы образования // Проблемы современного образования. 2024. № 2. С. 82–91. DOI: 10.31862/2218-8711-2024-2-82-91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnyy-suverenitet-rossii-k-voprosu-o-soderzhatelnoy-harakteristike-unikalnoy-natsionalnoy-sistemy-obrazovaniya#:~:text> (дата обращения: 08.07.2025).

¹² Масягутов И. К., Пишикина Н. И. О необходимости совершенствования федерального законодательства об основах профилактики правонарушений несовершеннолетних // Нравственно-правовые и управленические аспекты молодежной политики. Материалы конференции. Сыктывкар, Республика Коми, 2000.

Напомним, что в 1992 г. в России впервые была признана безработица, которая в последующие годы интенсивно росла. Параллельно с этим начался распад системы профессионально-технических училищ, в которые могли поступать отчисленные из школ несовершеннолетние. Таким образом, десятки тысяч подростков оказались в буквальном смысле на улице. Одним из крайне негативных результатов такой политики стало резко возросшее число несовершеннолетних правонарушителей, задержанных за различные правонарушения. В частности, уже в следующем, 1993 г. к уголовной ответственности было привлечено 66 907 подростков 14–15-летнего возраста (+ 7591 по сравнению с 1992 г.). Число осужденных этого возраста в 1993 г. увеличилось соответственно с 21 141 до 25 027 (+ 3886)¹³. О снижении роли школы в начале 90-х гг. в социализации подрастающего поколения говорит и тот факт, что в 1997 г. в числе задержанных милицией подростков выявлено более 50 тыс. не имеющих даже начального образования¹⁴. Фактическое число несовершеннолетних, лишившихся права на образование и достойный труд, определить невозможно.

Далее, согласно п. 4 ст. 52 Закона об образовании, ответственность за воспитание, получение основного общего образования обучающимися и воспитанниками возлагалась на родителей (законных представителей)¹⁵. Такая трактовка роли российской системы образования коренным образом противоречила многолетней дореволюционной и советской системе образования. Дальнейшее реформирование системы образования в конечном итоге привело к принятию Болонской системы.

В самом начале и в последующие годы многие специалисты, как сказано выше, не видели необходимости в переходе на западные модели обучения. Более того, высказывали опасения по поводу необратимых последствий, как для молодого поколения, так и для общества в целом. Так, в 2010 г. С. А. Дружилов предупреждал, что механический перенос в отечественную систему образования европейских и американских прототипов образования может иметь разрушительные, но отсроченные на 10–15 лет последствия для будущего страны, поскольку реформирование системы образования закономерно меняет образ жизни огромного количества людей. Значит, через некоторое время российское общество будет состоять из других людей не только в силу смены поколений, но и в результате принципиально по-другому образованных, имеющих иное представление о профессиональной деятельности и мире в целом¹⁶. И сегодня в 2025 г. мы воочию наблюдаем эти изменения.

По мнению другого специалиста, С. С. Жевлаковича, Болонская система заменила «советскую систему массового элитного общего образования и пятилетнюю непрерывную моноподготовку в вузах по программам специалитета, ориентированным на подготовку „творца“, на двухуровневую систему высшего образования <...>, ориентированную на подготовку исполнителя и потребителя»¹⁷. В дальнейшем последовательное и радикальное укрупнение реализуемых специальностей и направлений подготовки в вузах в перспективе ориентировало систему образования на стагнацию общества и экономики.

Следующим негативным фактором, который часто называют специалисты, является массовое сокращение бюджетных мест и увеличение платной формы обучения не только в частных, но и в государственных вузах. В результате доступ к высшему образованию получили молодые люди, порой с весьма средними способностями к обучению, но хорошими финансовыми ресурсами. Финансирование обучения родителями зачастую определяло и выбор вуза. При этом желание и интересы самих молодых людей не имели значения. Понятно, что особого рвения и заинтересованности в процессе обучения такие студен-

¹³ Преступность и правонарушения. Статистический сборник (1992–1996 гг.). М., 1997. С. 47.

¹⁴ Пишикина Н. И. Факторы воспроизведения преступлений несовершеннолетних // Криминология вчера, сегодня, завтра. № 2 (13). 2007. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/letopis-publikatsiy-v-zhurnale-sankt-peterburgskogo-mezhdunarodnogo-kriminologicheskogo-kluba-kriminologiya-vchera-segodnya-zavtra/viewer> (дата обращения: 12.07.2025).

¹⁵ Пишикина Н. И. Правотворчество и правоприменение в отношении несовершеннолетних на современном этапе // Законность, оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс. Материалы международной научно-практической конференции (9–10 апреля 1998 г.) в 3 частях. Ч. 3. СПб.: СПБА МВД России, 1998.

¹⁶ Дружилов С. А. Указ. раб. С. 59.

¹⁷ Жевлакович С. С. К вопросу о суверенизации национальной системы образования // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 3. С. 127–135. DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-3-127-135>. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-suverenizatsii-natsionalnoy-sistemy-obrazovaniya/viewer> (дата обращения: 12.07.2025).

ты не проявят. Этим, по мнению автора, объясняется систематическое отсутствие студентов на занятиях, а также трудоустройство не по специальности. Многие из них в дальнейшем не связывают свою жизнь с Россией. При этом молодые люди, действительно талантливые и обладающие высоким потенциалом к обучению, но не имеющие финансовой возможности его оплачивать, оставались за пределами вузов. В последние годы ситуация стала несколько меняться.

Определенную роль в этом процессе сыграла коммерциализация предыдущих уровней образования. Появилось огромное количество частных дошкольных учреждений, лицеев, гимназий, воспитанником или учащимся которых мог стать далеко не каждый ребенок. Имея финансовую базу, эти организации могли себе позволить «переманить» из государственных учебных заведений лучшие кадры. И если в крупных городах всё же существовала возможность способным детям получить неплохое образование, то в малых городах и сельской местности она была практически исключена. Тем более что в сельской местности давно наблюдается процесс закрытия школ в поселениях, где не набирается достаточное количество детей для наполнения классов. Дети из таких поселений вынуждены ежедневно ходить или ездить за несколько километров в сохранившиеся школы, где, в силу хронической нехватки учителей, один учитель вынужден вести несколько предметов. Техническое оснащение учебных заведений в таких местностях крайне слабое. После такого процесса обучения мечта о получении высшего образования становится призрачной. А по сути — нарушается конституционное право молодых людей на равные возможности доступа к образованию, которое может в будущем обеспечить конкурентоспособность на рынке труда.

Роль Единого государственного экзамена (далее — ЕГЭ) в разрушительном процессе прежней системы образования — отдельный вопрос, который в рамках данной статьи рассмотреть не представляется возможным. Однако очевидно его пагубное воздействие на сознание и качество образования выпускников школ, которые в старших классах в буквальном смысле «натаскиваются» на успешную сдачу ЕГЭ. При таком подходе ни о каком широком кругозоре, разнообразии и глубине знаний не может быть и речи. Страх и переживания учащихся и родителей перед ЕГЭ оценить невозможно. В результате государство, общество и экономика не получают достаточного количества добросовестных, высокопрофессиональных людей с активной гражданской позицией, способных обеспечить благополучное будущее страны и ее суверенитет.

В силу ограниченности объема статьи автор не имеет возможности продолжить перечень негативных последствий механического внедрения Болонской системы образования на территории России. Справедливости ради надо отметить, что нецелесообразность и вредоносность Болонской системы признают не только специалисты, но и официальные лица. Так, 31 мая 2022 г. на заседании временной комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела РФ Андрей Климов сказал, что Болонская система — это пылесос, позволявший активно «выкачивать умных людей» из России за границу¹⁸.

Как известно, образование выполняет в обществе несколько функций: социализацию молодого поколения, выражющуюся в передаче им норм и ценностей; подготовку к профессиональной деятельности; развитие социальной мобильности, то есть продвижение по социальной лестнице («социальный лифт»). На особое значение образования и культуры указывается в Стратегии о национальной безопасности, согласно которой для достижения целей государственной политики по сбережению народа и развития человеческого потенциала необходимо решить ряд задач:

- повышение качества общего образования;
- предоставление гражданам широких возможностей для получения среднего и высшего профессионального образования и т. д.¹⁹

¹⁸ В Совфеде заявили, что Болонская система позволяла «выкачивать умных людей» за границу. URL: <https://tass.ru/obschestvo/14778381> (дата обращения: 12.07.2025).

¹⁹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» п. 33 (пп. 12–15). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/cdd1e8eed2bcebb6784f447b23a23ef965850237/ (дата обращения: 10.07.2025).

На значение образования для сохранения национальной культуры, традиционных ценностей, обеспечения национальной безопасности, необходимости совершенствования правового регулирования в этой сфере указывают и многие представители научного сообщества²⁰.

Суверенитет юридического образования заслуживает особого внимания, поскольку его состояние и развитие напрямую связано с государственным суверенитетом и национальной безопасностью. Особое место юриспруденции в системе других специализаций подкреплено Конституцией РФ (ч. 1 ст. 48, ст. 119)²¹. Специфика юридического образования состоит в том, что, по сути, на профессиональной основе воспитываются люди с правовой совестью. Это значит, что юрист должен стоять на защите интересов своей страны, а в своей профессиональной деятельности воплощать нравственно-юридические основы своего народа. По мнению С. Кабышева, «в этом и заключается правовой патриотизм, который нельзя отождествлять с политическим конформизмом и угодничеством. И это не только вопрос правовой политики, но и вопрос качества юридической деятельности, поскольку нельзя создать эффективный механизм правового регулирования или предложить обоснованный вариант решения правового спора, не понимая правовой менталитет людей, правовые традиции и стереотипы»²².

Однако с начала политических преобразований в нашей стране произошли кардинальные перемены, повлиявшие на основы юридического образования. Избыточный партийно-бюрократический патриотизм советского периода был замещен идеологией, насаждавшей понимание права как системы общечеловеческих ценностей, ориентированной на суверенитет личности, а по сути — на интересы «квалифицированного» потребителя²³. Автор статьи поддерживает это мнение, поскольку в дальнейшем такая установка негативно повлияла на методологию юридического образования, включившего «передовые» зарубежные концепции без их критического осмысления, «в отрыве от их взаимосвязей в сложном правовом и социальном контексте», без оценки возможных негативных последствий. Для юридического образования последствия выразились в сокращении количества часов, отводимых на изучение дисциплин; очевидной ориентации не на фундаментальные знания, а на практику; введении кейсового метода обучения; замене прежней системы оценивания на балльно-рейтинговую и т. д.

Основываясь на собственном опыте преподавания, можем сказать, что сегодня многие студенты, получившие юридическое образование, по своим знаниям и компетенциям находятся на уровне слабых «троекников» советского и раннего российского периода. При этом некоторые из них получают красный диплом, так как оценивание успеваемости в период обучения и даже во время выпускных экзаменов осуществляется в баллах. Поэтому получение определенного количества баллов для студентов становится самоцелью обучения. Печально и то, что значительная часть современных студентов не может без чтения с листа или электронного устройства формулировать мысли, излагать вопрос в свободной форме, не имеет навыков работы с нормативно-правовыми актами. «Плохо говорящий юрист», не знающий, в каком разделе или главе правового акта находится та или иная норма, — это нонсенс. А сегодня, в непростой ситуации, стране нужны юристы, обладающие знанием правовых принципов, правовой обстоятельностью, широким кругозором. Нельзя забывать об активных процессах цифровизации права, с фанатичной настойчивостью внедряемой во все сферы жизнедеятельности. Кроме положительных моментов автор статьи видит в этих процессах и определенные опасности и риски, многие из которых мы не можем просчитать заранее.

²⁰ См.: Кабанов В. Л. Роль федерального законодательства в обеспечении образовательного суверенитета Российской Федерации // Государственная ценностная политика в системе образования: Материалы II Всероссийского образовательного форума, Москва, 14–15 мая 2024 г. М.: Московский педагогический государственный университет, 2024. С. 23–29. EDN: KSJGLF (дата обращения: 31.10.2025); Колесникова К. И., Ширяева С. В. Образовательный суверенитет Российской Федерации и политико-правовые механизмы его обеспечения // Государственная ценностная политика в системе образования: Материалы II Всероссийского образовательного форума, Москва, 14–15 мая 2024 г. М.: Московский педагогический государственный университет, 2024. С. 12–22. EDN: SWVOZH

²¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 13.07.2025).

²² Кабышев С. Юридическое образование — это воспитание правовой совести гражданина на профессиональной основе. URL: <https://spravedliv.ru/14537810> (дата обращения 13 июля 2025 года)

²³ См.: Там же.

Особого внимания заслуживает право выпускника любого бакалавриата поступать в любую магистратуру. У автора статьи есть примеры, когда в магистратуру по направлению/специализации «Юриспруденция» (40.04.01) поступали после окончания в лучшем случае бакалавриата по экономическим или социальным направлениям. Тогда о качественном образовании такого уровня не приходится говорить, поскольку у этих студентов отсутствуют базовые юридические знания. Поэтому процесс обучения и получение соответствующего диплома превращается в обычную профанацию.

Анализ мнений специалистов показал многообразие позиций. Но в одном сходятся и ученые, и официальные лица: надо создавать свою национальную систему образования, в которой основополагающая роль будет отводиться фундаментальным наукам и дисциплинам. Роль фундаментальных наук в сфере юридического образования, в частности, философии права, теории государства и права, истории политических и правовых учений, истории государства и права, конституционного права, тем более бесспорна. По мнению С. Кабышева, такая национально-ориентированная система образования будет способна обеспечить технический, технологический, цифровой, экономический, научный и культурный суверенитет России²⁴.

Первые шаги официальных субъектов сделаны. Так, в соответствии с Указом Президента № 343²⁵ в рамках pilotного проекта в шести вузах России были установлены новые уровни высшего образования: базовое высшее; специализированное высшее и профессиональное, которые должны быть реализованы в течение 2023–2026 гг. Также в Послании Президента РФ Федеральному Собранию в 2024 г. говорится о том, что необходимо на деле укрепить связь всех уровней образования от школы до вуза²⁶.

Позиции специалистов научного сообщества, как сказано выше, разнятся. В частности, по мнению А. В. Поповой, следует начать с разработки новых моделей ФГОС ВО, взяв за основу ГОС ВПО 2010 г. Его выбор обусловлен рядом причин, в частности, это оптимальный объем часов на фундаментальные гуманитарные дисциплины для подготовки высокопрофессиональных кадров и логика выстраивания учебных дисциплин в соответствии со стоящими перед вузами задачами по формированию у обучающихся «познавательных, научных и исследовательских компетенций». Вместе с тем она считает, что полностью отказываться «от принципов и концептуально-методических основ Болонской системы» преждевременно. Такая необходимость может возникнуть тогда, когда «происходит замена русской культуры и духовно-нравственных ценностей на западноевропейские». В своих суждениях А. В. Попова акцентирует внимание на роли преподавателя вуза, уважение к труду которого сегодня в обществе значительно утрачено. Современный преподаватель должен стать для студентов наставником, способным не только дать информацию по дисциплине, но и «создать совместно со студентом персонализированную образовательную среду» с помощью доступных методических, цифровых технологий и технологий искусственного интеллекта²⁷.

Следующий подход в реформировании системы образования связан с отказом от его немедленных и коренных изменений, поскольку, как считает С. С. Жевлакович, нет глубоко осмыслинного, проработанного в экспертном сообществе и апробированного проекта реформирования. Поспешные изменения, не прошедшие широкого общественного обсуждения, могут только навредить. Кроме того, система высшего образования буквально дезорганизована кардинальными изменениями, не прерывно проводимыми с 90-х гг. прошлого века. Поэтому он предлагает осуществить проработку национальной модели высшего образования, включив в эту работу не только ректоров вузов, но и всё вузовское сообщество. Координирующую роль в этой работе должны выполнять федеральные учебно-методические объединения, Ассоциация юридического образования России, другие ассоциации и объединения работодателей²⁸.

²⁴ Кабышев С. Указ. раб.

²⁵ Указ Президента РФ от 12.05.2023 № 343 (ред. от 26.06.2023) «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования». URL: <https://www.zakonrf.info/ukaz-prezident-rf-343-12052023/> (дата обращения: 14.07.2025).

²⁶ Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431/page/1> (дата обращения: 14.07.2025).

²⁷ См.: Попова А. В. Указ. раб.

²⁸ См.: Жевлакович С. С. Указ. раб.

Третий вариант реформирования, заинтересовавший автора статьи, касается непосредственно юридического образования, в основе которого, по мнению С. Кабышева, должны быть правовое мышление, «направленное на понимание смысла, идеи, цели права»; правдолюбие, понимаемое как «безусловное стремление к правде, добру, справедливости»; патриотизм — как «служение своему Отечеству»; прогрессизм, то есть «ориентация на востребованность современных технологий в праве и одновременно на развитие, инновации в обществе посредством права». С. Кабышев убежден в том, что для современного юридического образования важны мировоззренческие установки, поскольку правовые основы и интерпретации, правовые идеи, связанные с пониманием права, являются ценностно-обусловленными и зависимыми от них. Недооценка этих установок может привести к тому, что положения национального права подвергаются субъективной критике и «отвергаются на основе ценностных критерии, лежащих вне сферы российского общества и его интересов»²⁹. Тогда о суверенитете в области права, обеспечивающего национальную безопасность государства, не может идти речи. В современных условиях нарастания гибридных угроз против нашей страны, в том числе различных информационных подтасовок и манипуляций, это тем более опасно.

Ввиду ограниченности объема статьи не представляется возможным рассмотреть другие подходы и мнения специалистов в вопросе реформирования образовательной системы. Но тут возникает следующий вопрос: кто и как будет реализовывать принятые решения? Ведь специалистов, хорошо знающих основы советской системы образования, владеющих выработанными в течение десятилетий методическими знаниями и навыками, в системе образования не осталось. Сейчас в организационно-управленческих структурах работают люди, получившие знания уже в новой системе образования и, как говорилось выше, имеющие иное представление о профессиональной деятельности и мире в целом.

Есть и другие мнения по поводу перспектив реализации планов по реформированию системы образования. Так, С. С. Жевлакович среди разных вариантов не исключает и тот, в ходе которого чиновниками из властных структур, а также сторонниками интеграции России в западный мир, в том числе в Болонский образовательный процесс, будет создана видимость формирования национально-ориентированной системы образования при сохранении замаскированных основ существующей в настоящее время системы образования, в частности: «массовое образование должно формировать не творца (как при советской модели образования), а квалифицированного исполнителя и потребителя; образование — это услуга»³⁰.

Вместе с тем надо иметь в виду, что участниками предстоящего процесса создания национально-ориентированной системы образования будут не только те, кто управляет и обучает, но и обучающиеся. Но готовы ли они к каким-либо переменам? Или об этом «реформаторы», как и ранее, даже не задумываются? В настоящее время обучающиеся более-менее освоились с требованиями обучения и контроля. Введение новых правил, даже хорошо описанных в организационно-управленческих документах, — это еще один «стресс» не только для тех, кто учится, но особенно для тех, кто выпускается из образовательного учреждения. При этом понятно, что способность к обучению в вузах во многом зависит от базы знаний, полученной в школе. Именно школа должна сформировать у обучающихся интерес и стремление к знаниям как одной из важнейших ценностей в последующей жизни. Осознание необходимости такой связи, как указано выше, было озвучено президентом страны в Послании Федеральному Собранию РФ 2024 г., где сказано о том, что школа и вуз должны работать в единой связке и на общий результат.

Выводы

Таким образом, следует сказать, что в решении такой сложной проблемы невозможно ожидать очевидного единства мнений. К сожалению, «болезнь» слишком запущена. Однако, по мнению автора статьи, во-первых, следует постараться избежать поспешности в «сломе до основания» существующей системы образования и выстраивании чего-то совершенно нового. Обычно так поступают, когда важен не результат, а своевременность отчета о выполнении. Во-вторых, надо провести кропотливую исследо-

²⁹ См.: Кабышев С. Указ. раб.

³⁰ См.: Жевлакович С. С. Указ. раб.

вательскую работу по изучению опыта формирования системы образования хотя бы советского периода. В-третьих, необходимо провести прогностическую работу, способствующую определению наиболее перспективных направлений в развитии сферы образования. В-четвертых, надо постараться исключить партийно-политическую составляющую из образовательной сферы и усилить социально-культурную и мировоззренческую. И наконец, в-пятых, в центре вузовского образования должны быть обучающийся и преподаватель.

Список источников

1. Дружилов С. А. Интеграция с европейской системой высшего образования: преимущества и возможные «подводные камни» // Международный журнал экспериментального образования. 2010. № 5. С. 58–60. EDN: RAJQEX. URL: https://s.education.ru/pdf/2010/5/2010_05_36.pdf
2. Жевлакович С. С. К вопросу о суверенизации национальной системы образования // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 3. С. 127–135. DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-3-127-135>. EDN: IMYOVH. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-suverenizatsii-natsionalnoy-sistemy-obrazovaniya/viewer>
3. Жуков В. А. Российский образовательный суверенитет: преодоление девиаций и формирование новой государственной политики (историко-правовой анализ) // Труды Института государства и права РАН. 2023. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-obrazovatelnyy-suverenitet-preodolenie-deviatsiy-i-formirovanie-novoy-gosudarstvennoy-politiki-istoriko-pravovoy-analiz/viewer>
4. Иванеев С. В. Пространство образования в сохранении суверенитета и безопасности современного государства // Право и практика. 2017. № 2. С. 116–121. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvo-obrazovaniya-v-sohranenii-suvereniteta-i-bezopasnosti-sovremennoogo-gosudarstva>
5. Земсков В. В. Образовательный суверенитет как инструмент обеспечения экономической безопасности // Отходы и ресурсы. 2023. Т. 10. № S2. DOI: 10.15862/11FAOR223. EDN: GKPXUV. URL: <https://resources.today/PDF/11FAOR223.pdf>.
6. Кабанов В. Л. Роль федерального законодательства в обеспечении образовательного суверенитета Российской Федерации // Государственная ценностная политика в системе образования: материалы II Всероссийского образовательного форума, Москва, 14–15 мая 2024 г. М.: Московский педагогический государственный университет, 2024. С. 23–29. EDN: KSJGLF
7. Колесникова К. И. Образовательный суверенитет Российской Федерации и политico-правовые механизмы его обеспечения / К. И. Колесникова, С. В. Ширяева // Государственная ценностная политика в системе образования: Материалы II Всероссийского образовательного форума, Москва, 14–15 мая 2024 года. М.: Московский педагогический государственный университет, 2024. С. 12–22. EDN SWVOZH.
8. Конюхова И. А. Конституционное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 412 с.
9. Масягутов И. К. О необходимости совершенствования федерального законодательства об основах профилактики правонарушений несовершеннолетних / И. К. Масягутов, Н. И. Пишикина // Нравственно-правовые и управленические аспекты молодежной политики. Материалы конференции. Сыктывкар, Республика Коми, 2000.
10. Пишикина Н. И. Факторы воспроизведения преступлений несовершеннолетних // Криминология вчера, сегодня, завтра. № 2 (13). 2007. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/letopis-publikatsiy-v-zhurnale-sankt-peterburgskogo-mezhdunarodnogo-kriminologicheskogo-kluba-kriminologiya-vchera-segodnya-zavtra/viewer>
11. Пишикина Н. И. Правотворчество и правоприменение в отношении несовершеннолетних на современном этапе // Законность, оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс. Материалы международной научно-практической конференции (9–10 апреля 1998 г.) в 3 частях. Ч. 3. СПб.: СПБА МВД России, 1998.

12. Попова А. В. Образовательный суверенитет России: к вопросу о содержательной характеристике уникальной национальной системы образования // Проблемы современного образования. 2024. № 2. С. 82–91. DOI: 10.31862/2218-8711-2024-2-82-91. EDN: OGRNVR. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnyy-suverenitet-rossii-k-voprosu-o-soderzhatelnoy-harakteristike-unikalnoy-natsionalnoy-sistemy-obrazovaniya#:~:text>
13. Тазетдинова Д. Р. Современные подходы к образовательному суверенитету в Российской Федерации // Х Андреевские чтения: современные концепции и технологии творческого саморазвития личности: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Казань, 25–26 марта 2025 года. Казань: Логос-Пресс, 2025. С. 826–831. EDN: XEVGQN
14. Терновая Л. Н. Суверенитет как характеристика современной системы образования / Л. Н. Терновая, Н. О. Яковлева // Педагогическая перспектива. 2025. № 4 (20). С. 12–20. DOI: [https://doi.org/10.55523/27822559_2025_4\(20\)_12](https://doi.org/10.55523/27822559_2025_4(20)_12)

Об авторе:

Пишикина Нина Ивановна, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления) (Санкт-Петербург, Российская Федерация); кандидат юридических наук, доцент; e-mail: pishikina-ni@ranepa.ru

References

1. Druzhilov, S. A. (2010) Integration with the European System of Higher Education: Advantages and Possible Pitfalls. *International Journal of Experimental Education*. No. 5. Pp. 58–60. URL: https://s.expeducation.ru/pdf/2010/5/2010_05_36.pdf. (In Russ.)
2. Zhevlikovich, S. S. (2022) On the Issue of the Sovereignization of the National Education System. *Psychology and Pedagogy of Service Activity*. No. 3. Pp. 127–135. DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-3-127-135>. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-suverenizatsii-natsionalnoy-sistemy-obrazovaniya/viewer> (In Russ.)
3. Zhukov, V. A. (2023) Russian educational sovereignty: overcoming deviations and forming a new state policy (historical and legal analysis). *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-obrazovatelnyy-suverenitet-preodolenie-deviatsiy-i-formirovanie-novoy-gosudarstvennoy-politiki-istoriko-pravovoy-analiz/viewer> (In Russ.)
4. Ivaneev, S. V. (2017) The Space of Education in Preserving the Sovereignty and Security of a Modern State. *Law and Practice*. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvo-obrazovaniya-v-sohranenie-suvereniteta-i-bezopasnosti-sovremennoogo-gosudarstva> (In Russ.)
5. Zemskov, V. V. (2023) Educational Sovereignty as a Tool for Ensuring Economic Security. *Waste and Resources*. Vol. 10. No. S2. URL: <https://resources.today/PDF/11FAOR223.pdf>. DOI: 10.15862/11FAOR223 (In Russ.)
6. Kabanov, V. L. (2024) The role of federal legislation in ensuring the educational sovereignty of the Russian Federation. State value policy in the education system: Proceedings of the II All-Russian educational forum, Moscow, May 14–15, 2024. *Moscow State Pedagogical University*. Pp. 23–29. EDN: KSJGLF. (In Russ.)
7. Kolesnikova, K. I., Shiryaeva, S. V. (2024) Educational sovereignty of the Russian Federation and political and legal mechanisms for ensuring it. In: State value policy in the education system: Proceedings of the II All-Russian educational forum, Moscow, May 14–15, 2024. *Moscow State Pedagogical University*. Pp. 12–22. (In Russ.)
8. Konyukhova, I. A. (2025) Constitutional law of the Russian Federation. General part: textbook for universities. *Yurait Publishing House*. 412 p. (In Russ.)
9. Masyagutov, I. K., Pishikina, N. I. (2000) On the Need to Improve Federal Legislation on the Fundamentals of Juvenile Delinquency Prevention. In: Moral, Legal, and Managerial Aspects of Youth Policy. Conference

- Proceedings. Syktyvkar, Republican Academy of Public Administration and Management under the Head of the Komi Republic. (In Russ.)
10. Pishikina, N. I. (2007) Factors in the Reproduction of Juvenile Crimes. In: Criminology Yesterday, Today, Tomorrow. *Proceedings of the St. Petersburg Criminological Club*. No. 2 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/letopis-publikatsiy-v-zhurnale-sankt-peterburgskogo-mezhdunarodnogo-kriminologicheskogo-kluba-kriminologiya-vchera-segodnya-zavtra/viewer> (In Russ.)
11. Pishkina, N. I. (1998) Lawmaking and Law Enforcement in Relation to Minors at the Current Stage. In: Legality, Operational-Investigative Activity and Criminal Procedure. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (April 9–10, 1998) in 3 parts. Part 3. *St. Petersburg Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. (In Russ.)
12. Popova, A. V. (2024) Educational Sovereignty of Russia: On the question of the content characteristics of the unique national education system. *Problems of Contemporary Education*. No. 2. Pp. 82–91. DOI: 10.31862/2218-8711-2024-2-82-91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnyy-suverenitet-rossii-k-voprosu-o-soderzhatelnoy-harakteristike-unikalnoy-natsionalnoy-sistemy-obrazovaniya#:~:text> (In Russ.)
13. Tazetdinova, D. R. (2025) Modern Approaches to Educational Sovereignty in the Russian Federation. X Andreevsky Readings: Modern Concepts and Technologies of Creative Self-Development of the Individual: A Collection of Articles by Participants of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Kazan, March 25–26, 2025. *Logos-Press*. Pp. 826–831. (In Russ.)
14. Ternovaya, L. N., Yakovleva, N. O. (2025) Sovereignty as a characteristic of the modern education system. *Pedagogical perspective*. No. 4 (20). Pp. 12–20. DOI: [https://doi.org/10.55523/27822559_2025_4\(20\)_12](https://doi.org/10.55523/27822559_2025_4(20)_12) (In Russ.)

About the author:

Nina I. Pishikina, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Faculty of Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (North-West Institute of Management) (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence; e-mail: pishikina-ni@ranepa.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

EDN: LHOTAG

Дата поступления статьи: 15.08.2025

Дата поступления рецензии: 20.09.2025

Дата принятия статьи к публикации: 15.11.2025

Правовой анализ особенностей реализации принципа народного суверенитета в федеративном государстве

Зацепа О. О.

Санкт-Петербургская избирательная комиссия (Санкт-Петербург, Российской Федерации)

E-mail: oleg-zatsepa@yandex.ru

Аннотация

Введение. Проблематика народного суверенитета является ключевой в теории государства и права, особенно в контексте федеративного устройства. Федерализм представляет собой многоуровневую систему публичной власти с распределением полномочий между федеральными и региональными институтами, что создает сложные вопросы разграничения полномочий органов власти и легитимации властных институтов всех уровней. В России данная тема имеет особое значение из-за исторических особенностей и разнообразия региональных практик, а также происходившего в последние десятилетия поиска баланса между единством государства и автономией субъектов.

Методология и материалы. Исследование опирается на анализ конституционных норм, судебной практики, научных подходов к федерализму, а также историко-правовой анализ различных моделей реализации народного суверенитета в федеративных государствах. В качестве материалов использованы нормативные правовые акты федерального уровня, судебные акты Конституционного Суда Российской Федерации, региональное законодательство и научные труды отечественных авторов, в том числе анализирующих правовое регулирование и правоприменимую практику иностранных государств, что позволило рассматривать проблему с многоплановой теоретико-правовой и историко-правовой позиции.

Результаты исследования. Выявлена сложность и многогранность федеративных отношений, характеризующихся необходимостью строгого соблюдения принципа единства государственного суверенитета при сохранении определенной самостоятельности субъектов федерации. Раскрыты особенности механизма реализации народовластия и этапы его трансформации в России, включая сложный механизм легитимации региональных органов власти. Автором доказывается, что суверенитет неделим и принадлежит единому источнику власти — народу, несмотря на региональные особенности и вариативность моделей федерализма.

Выводы. Федеративное устройство требует сбалансированных и адаптивных правовых моделей реализации народного суверенитета, обеспечивающих единство государственности и автономию субъектов. В России в результате длительных и при этом динамичных реформ законодательства сформировалась уникальная модель федерализма, подразумевающая возможность применения двух различных, но равноценных с точки зрения обеспечения народного суверенитета способов легитимации исполнительной власти на региональном уровне. Неделимость суверенитета народа как единого носителя государственной власти остается фундаментальной основой для устойчивого функционирования федеративного государства и предотвращения фрагментации политического пространства.

Ключевые слова: народный суверенитет, федерализм, государственная власть, федеративное государство, народовластие, механизм народовластия.

Для цитирования: Зацепа О. О. Правовой анализ особенностей реализации принципа народного суверенитета в федеративном государстве // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 4 (26). С. 91–101. EDN: LHOTAG

The article was submitted: 15.08.2025
The article approved after reviewing: 20.09.2025
The article accepted for publication: 15.11.2025

Legal Analysis of the Specifics of Implementing the Principle of Popular Sovereignty in a Federal State

Zatsepa O. O.

St. Petersburg Electoral Commission (Saint Petersburg, Russian Federation)

E-mail: oleg-zatsepa@yandex.ru

Abstract

Introduction. The issue of popular sovereignty is key in the theory of state and law, particularly in the context of federal structures. Federalism is a multi-level system of public authority with a distribution of powers between federal and regional institutions, which raises complex issues of delimitation of power and the legitimization of its institutions. In Russia, this topic is particularly important due to the historical specifics and diversity of regional practices, as well as the search for a balance between the unity of the state and the autonomy of its constituent entities.

Methodology and materials. The research is based on an analysis of constitutional norms, judicial practice, scientific approaches to federalism, as well as historical and legal analysis of various models of the realization of national sovereignty in federal states. The materials used are regulatory legal acts of the federal level, judicial acts of the Constitutional Court of the Russian Federation, regional legislation and scientific works of domestic authors, including those analyzing legal regulation and law enforcement practice of foreign countries, which allowed us to consider the problem from a multifaceted theoretical and historical perspective.

Research results. The complexity and versatility of federal relations are revealed, characterized by the need for strict observance of the principle of unity of state sovereignty while maintaining a certain independence of the subjects of the federation. The article reveals the specifics of the mechanism for the implementation of democracy and the stages of its transformation in Russia, including the complex mechanism of legitimization of regional authorities. The author proves that sovereignty is indivisible and belongs to a single source of power - the people, despite regional peculiarities and variability of federalism models.

Conclusions. The federal system requires balanced and adaptive legal models for the implementation of popular sovereignty, ensuring the unity of statehood and the autonomy of the subjects. In Russia, as a result of long-term and at the same time dynamic legislative reforms, a unique model of federalism has emerged, implying the possibility of using two different ways of legitimizing executive power at the regional level which are equivalent from the point of view of ensuring national sovereignty. The indivisibility of the sovereignty of the people as a single bearer of State power remains the fundamental basis for the sustainable functioning of the federal State and the prevention of fragmentation of the political space.

Keywords: popular sovereignty, federalism, state power, federal state, democracy, mechanism of democracy.

For citation: Zatsepa, O. O. Legal Analysis of the Specifics of Implementing the Principle of Popular Sovereignty in a Federal State. *Theoretical and Applied Law*. No. 4 (26). Pp. 91–101. (In Russ.)

Введение

Проблематика народного суверенитета занимает одно из ключевых мест в современной теории государства и права, особенно в контексте федеративного государственного устройства. Федерализм как форма политico-правовой организации власти предполагает существование многоуровневой системы публичной власти, включающей как федеральные, так и региональные институты. Это создает сложный комплекс вопросов, связанных с разграничением полномочий, определением источников государственной власти и механизмами ее реализации. В российском научном и правовом контексте данная тема имеет особую значимость ввиду специфики исторического становления федеративных отношений, а также разновекторности конституционно-правового регулирования и разнообразия практик реализации народного суверенитета на региональном уровне, заметных в короткой исторической ретроспективе.

Современный федерализм представляет собой развивающуюся систему, в которой центральной проблемой является обеспечение баланса между единством государства и автономией его субъектов при сохранении целостности народного суверенитета. Эта дилемма проявляется в нормативных актах, а также в правоприменительной практике, что отражает сложности взаимодействия федеральных и региональных властей и особенности легитимации государственной власти на разных уровнях. Институциональные механизмы реализации народного суверенитета претерпевают трансформацию под влиянием политico-правовых изменений, и анализ этих процессов способствует формированию адекватных правовых моделей, способствующих устойчивому функционированию федеративного государства.

В соответствии с установившейся в современной правовой науке парадигмой юридическая характеристика носителя государственной власти — народа — остается принципиально однородной вне зависимости от формы государственного устройства, будь то федерация или унитарное государство. Соглашаясь с позицией многих ученых — теоретиков права и государствоведов, мы полагаем, что в любом случае власть в государстве исходит от народа, под которым понимается вся совокупность граждан государства.

Данный подход отражает устоявшуюся доктрину, согласно которой народ предстает единым субъектом публичной власти и конституционного суверенитета, что исключает деление народа на отдельные «народы» субъектов федерации с самостоятельным государственно-правовым статусом. В этом контексте признается, что федеративное устройство государства не изменяет сущностной характеристики народа как основы легитимности государственной власти, а вариативность распределения полномочий и функций органов власти между федеральным центром и субъектами выступает лишь как механизм реализации народного суверенитета в различных институциональных формах. Такой подход обеспечивает правовую целостность государства и служит гарантом единства политической нации, несмотря на территориальное и региональное многообразие.

Методология и материалы

Исследование опирается на анализ конституционных норм, судебной практики, научных подходов к федеральному, а также историко-правовой анализ различных моделей реализации народного суверенитета в федеративных государствах. В качестве материалов использованы акты отечественного федерального законодательства, судебные акты Конституционного Суда Российской Федерации, региональное законодательство и научные труды отечественных авторов, что позволило рассматривать проблему с многоплановой правовой и теоретической позиции.

Результаты исследования

Современное понимание федерализма выходит за рамки традиционной трактовки как лишь конституционно закрепленной формы территориального устройства государства, рассматривая его также

и в качестве механизма вертикального распределения властных полномочий и динамического процесса организации публичной власти на различных уровнях¹.

Анализ теории федерализма в историко-правовом ракурсе позволяет констатировать, что доминирование современной концепции носителя суверенитета в федеративном государстве явилось результатом продолжительных научных разработок и их практической апробации. В отечественной и зарубежной научной литературе выделялось три основных подхода к проблематике государственного суверенитета в рамках федерации: первый подразумевает существование суверенитета федерации и суверенитета каждого из ее субъектов; второй рассматривает суверенитет как распределенный между различными уровнями управления, с четким разграничением полномочий; третий же утверждает исключительную принадлежность государственного суверенитета только федеративному центру². В современном конституционном праве большинства федеративных государств, в том числе и в России, сформировался устойчивый приоритет третьего подхода, базирующегося на неделимости суверенитета и его принадлежности исключительно федеративному государству в целом.

Динамика становления и развития этого подхода отражает сложность и противоречивость федеративного устройства, в котором исторически переплетаются (а порой — сталкиваются) тенденции к расширению автономии субъектов и сохранению институционального единства государства. Такое направление развития федерализма основывается на признании необходимости строгого соблюдения принципа единства государственного суверенитета для поддержания политической стабильности и территориальной целостности. Одновременно с этим продолжается научная дискуссия относительно границ самостоятельности субъектов федерации и форм реализации народовластия, что свидетельствует о постоянном поиске оптимальной модели взаимодействия между федеральным центром и регионами в современных федеративных системах.

Формирование отечественного федерализма характеризовалось столкновением различных концептуальных позиций, что отражало сложность и многогранность процесса становления единой государственной системы. Плюрализм взглядов на проблему единства государственного суверенитета не остался абстрактной теорией, а получил конкретное выражение в региональном законодательстве, где отражались противоречия между централизацией и автономизацией. Представляется обоснованным сделанный Е. С. Новоселовой-Чурсиной акцент на принципе единства системы государственной власти как необходимом условии не только для сохранения, но и для эффективного функционирования государства, включая Российскую Федерацию. История 1990-х гг. демонстрирует, насколько опасным может стать распространение идеи суверенитета республик как обособленных субъектов, поскольку это подрывало государственную и территориальную целостность страны³.

Анализ практики конституционной юстиции различных федеративных государств подтверждает отсутствие единого подхода к вопросам баланса интересов между федеральным центром и субъектами федерации. Как отмечает А. М. Фарукшин, позиция конституционных судов зачастую колеблется между приоритетом интересов федерации в целом и необходимостью защиты субъектов от потенциальных посягательств со стороны федеральных органов. На примере Австралии можно увидеть, что судебные решения по вопросу суверенитета неоднократно менялись — от признания автономии штатов и полноты их суверенитета в пределах компетенции до расширения полномочий федерального центра. Это свидетельствует о динамичности и усложнении федеративных отношений, что требует гибкого и взвешенного подхода к интерпретации принципов федерализма в современных условиях⁴.

¹ См.: Бородин В. В., Смольяков А. А. Россия как федерация: принципы и соответствие // Социология и право. 2025. Т. 17, № 2. С. 222–228. DOI: 10.35854/2219-6242-2025-2-222-228. EDN: KDIRHC

² См.: Федерализм: теория, институты, отношения (сравнительно-правовое исследование) / А. С. Автономов, И. Ю. Богдановская, Т. А. Васильева [и др.]. М.: Юристъ, 2001. 376 с. EDN: YLBDHN

³ См.: Новоселова-Чурсина Е. С. Принципы федерализма в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 3. С. 35–39. EDN: JXNSD

⁴ См.: Фарукшин А. М. Проблемы федеративных отношений в решениях конституционных судов // Журнал российского права. 2007. № 8(128). С. 70–83. EDN: OOACVX

Отчасти приведенные противоречия можно объяснить различными историческими корнями современных федеративных государств. Значительная часть ныне существующих федераций (в частности, США, ФРГ, Швейцария) возникли в результате объединения прежде разрозненных территорий, на которых функционировала самостоятельная государственная власть. В связи с этим в литературе можно встретить упоминание о конфедеративных корнях многих федеративных государств. К примеру, Ю. П. Бойко отмечает: «Современный федерализм в том виде, в каком он представлен в ряде стран Европы, Америки, Азии и других континентов, является плодом длительного развития, результатом осуществления метода проб и ошибок. И первоначально федерации формировались на основе ранее образовавшихся конфедеративных союзов, а важнейшим фактором подталкивания к такому выбору становилась внешняя угроза»⁵.

В федерациях, сформированных на базе унитарных государств, включая Российскую Федерацию, теоретические подходы к определению носителя государственного суверенитета существенно отличаются от классических моделей федерализма, являющихся продуктом исторического объединения ранее самостоятельных образований. В наиболее сложные периоды российской истории, когда возникала угроза распада единого государства, в региональном законодательстве, особенно в республиках в составе Российской Федерации, были закреплены положения, провозглашающие государственный суверенитет субъектов Федерации⁶. Однако вследствии, по мере формализации и утверждения новых конституционных основ национальной государственности, подобные нормы утратили свою значимость и подверглись пересмотру⁷.

Окончательным подтверждением неделимости суверенитета Российской Федерации следует считать Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 07.06.2000 № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации“»⁸. Конституционный Суд России разъяснил, что Конституция Российской Федерации не допускает иного носителя суверенитета, помимо многонационального народа Российской Федерации, а следовательно, не предполагает какого-либо государственного суверенитета, кроме суверенитета России.

Рассматривая структуру государственной власти в Российской Федерации, известный отечественный государствовед В. Е. Чиркин пришел к выводу о некорректности употребления в правовой науке такого термина, как «государственная власть субъекта Федерации»: «Конечно, в каждом субъекте РФ существуют свои институты власти (законодательный орган, глава администрации, во многих субъектах РФ — правительство субъекта Федерации, свои суды — конституционные (уставные) и мировые). Они осуществляют полномочия субъекта РФ по совместным с Федерацией предметам ведения, у субъектов РФ есть также собственные («остаточные») предметы ведения и полномочия (ст. 73 Конституции РФ), но если сказать, что это собственная государственная власть каждого субъекта Федерации, то отсюда по-следует заключение, что на территории России действуют в настоящее время 84 государственные власти (Российской Федерации плюс каждого субъекта РФ). Вряд ли такой вывод может быть принят»⁹.

Позиция В. Е. Чиркина внесла значительный вклад в научную дискуссию, посвященную структуре государственной власти и определению субъекта государственного суверенитета в федеративном государстве. Автор предлагал рассматривать население каждого субъекта Российской Федерации как часть многонационального народа России в целом, а сообщество людей, проживающих в конкретном регионе, — как «народ субъекта РФ»¹⁰. Однако данное толкование вызывает определенные сомнения с учетом сложившейся правовой традиции и конституционных принципов. В частности, использование

⁵ Бойко Ю. П. Конфедеративные истоки федерализма // История государства и права. 2008. № 22. С. 3. EDN: КСКЕСВ

⁶ См., напр.: Конституция Республики Татарстан // Ведомости Верховного Совета Татарстана, 1992, № 9-10, ст. 166.

⁷ См., напр.: Конституция Республики Татарстан (в ред. Закона Республики Татарстан от 19.04.2002 № 1380) // «Республика Татарстан», № 87-88, 30.04.2002; Конституция Республики Татарстан (в ред. Закона Республики Татарстан от 26.01.2023 № 1-3РТ). URL: <http://pravo.tatarstan.ru>

⁸ См.: Вестник Конституционного Суда Российской Федерации, № 5, 2000.

⁹ Чиркин В. Е. Публичная власть в современном обществе // Журнал российского права. 2009. № 7 (151). С. 3. EDN: LDLTJL

¹⁰ Чиркин В. Е. Указ. соч. С. 7.

термина «народ субъекта Федерации» в узком территориальном контексте представляет собой концептуально неоднозначное явление, способное привести к рискам фрагментации единого народного суверенитета, закрепленного в Конституции Российской Федерации.

В связи с этим более предпочтительным является высказанный В. А. Черепановым (и получивший развитие в законодательстве субъектов Российской Федерации) подход, согласно которому, «выбирая Президента РФ, Государственную Думу, законодательные (представительные) органы субъектов Федерации и их высших должностных лиц, представительные органы местного самоуправления и глав муниципальных образований, российский народ в целом или в лице населения, проживающего на определенной территории, создает, учреждает органы народного представительства, делегируя им свое право на определенный объем властных полномочий»¹¹.

В то же время, в силу различий в устройстве аппарата государственной власти, механизмы реализации принципа народовластия в федерации и в унитарном государстве, безусловно, также различаются. Как отмечается в литературе, единство и разделение властей в условиях федеративного государства имеют свою специфику. Она связана с тем, что, помимо горизонтального разделения единой власти самой Федерации, в ней есть вертикальное разделение единой государственной власти в федерации на власть Федерации и ее субъектов¹².

При анализе специфики российского федерализма, в частности в контексте разграничения предметов ведения между различными уровнями государственной власти, С. А. Авакян акцентирует внимание на необходимости выстраивания модели федеративного устройства исходя из приоритета нормативно-правового регулирования на федеральном уровне. По его мнению, именно Федерация должна выступать основным законодателем в ключевых сферах общественных отношений, тогда как субъектам Федерации рекомендуется предоставить ограниченный спектр вопросов для нормативного регулирования, преимущественно связанных с местными особенностями. Вместо расширения нормативных полномочий субъектов сосредоточение должно происходить в сфере правоприменения, что обеспечит более эффективное функционирование системы публичной власти в условиях федеративного государства¹³.

При этом, как показывает мировая история конституционного права, а также состояние отечественного законодательства в данной области в последние два десятилетия, реализация принципа народовластия как на федеральном, так и на региональном уровнях отнюдь не предполагает идентичного механизма формирования органов государственной власти в федеральном центре и в субъектах Федерации. В частности, способ легитимации высшего должностного лица федеративного государства и высших должностных лиц регионов, составляющих такое государство, часто различаются. Это объясняется как раз тем, что источник власти в государстве, пусть даже разделенном на государственно-подобные образования — субъекты Федерации, остается единым.

В контексте формирования федеративных отношений в России следует отметить, что на ранних этапах развития современного отечественного конституционализма Конституционный Суд Российской Федерации занимал позицию, согласно которой система взаимоотношений между высшими органами и должностными лицами регионального уровня должна была в значительной мере воспроизводить модель, закрепленную Конституцией для федеральной власти (см. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.1996 № 2-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края»¹⁴). Однако последующие изменения в законодательстве, трансформация правовой доктрины, а также эволюция судебной практики Конституционного Суда России продемонстрировали, что данное толкование конституционных норм не обладало необходимой долгосрочной перспективой (см. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2005 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона „Об общих принципах организации

¹¹ Черепанов В. А. О народовластии в России: продолжение дискуссии // Государство и право. 2014. № 1. С. 37. EDN: RYEDJR

¹² См.: Федерализм: теория, институты, отношения (сравнительно-правовое исследование) / Отв. ред. Н. Н. Топорин. М.: Юристъ, 2001. С. 97.

¹³ См.: Авакян С. А. Сергеев А. А. Федерализм и местное самоуправление как институты российского народовластия. М.: ИД Юриспруденция, 2005. 256 с. // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 3. С. 46-48. EDN: OJFUIR

¹⁴ См.: Вестник Конституционного Суда Российской Федерации, № 1, 1996.

законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" в связи с жалобами ряда граждан»¹⁵).

Вместе с тем у приведенного нами подхода к организации органов государственной власти субъектов Российской Федерации нашлось и немало сторонников. Критикуя реформу законодательства, регулирующего порядок наделения полномочиями глав субъектов Российской Федерации, а также соответствующие изменения судебной практики и юридической доктрины (в первую очередь — правовую позицию Конституционного Суда России, высказанную в постановлении от 21.12.2005 № 13-П), некоторые специалисты назвали произошедшие изменения отступлением от принципов федерализма и народовластия¹⁶.

Подобные оценки нашли поддержку среди ряда ведущих отечественных исследователей. В частности, В. А. Черепанов акцентирует внимание на том, что решение Конституционного Суда не привело к устраниению накопившейся правовой неопределенности. Новая интерпретация конституционных норм, основанная на доктринах «превращения» и «преобразования» Конституции, направлена на адаптацию правового регулирования к изменившимся социально-политическим условиям, что в итоге обернулось корректирующим и приспособительным толкованием Конституции РФ. Следствием этого стали критические замечания в адрес ряда правовых позиций, а также вывод о том, что итоговые документы в большей степени отражают политику и стратегические интересы правящей элиты, нежели объективные задачи правового регулирования¹⁷.

Следует отметить, что указанные позиции представляют собой лишь одну из точек зрения, которую можно оспорить, опираясь на базовые принципы федеративного устройства государства. В основе федерализма, по нашему мнению, лежат следующие ключевые характеристики:

- разграничение предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъекта федерации;
- двухуровневая система законодательства;
- наличие у субъектов федерации собственных бюджетов и источников доходов (можно назвать этот принцип «бюджетно-налоговым федерализмом»);
- двухпалатный федеральный парламент, одна из палат которого формируется на основе регионального представительства.

При этом необходимо акцентировать, что воспроизведение на региональном уровне механизмов формирования органов государственной власти, характерных для федеративного центра, не является обязательным признаком федерализма. Такой вывод основывается на некорректности использования категории «народ субъекта федерации» в государственно-правовом контексте. В силу того, что субъектом народовластия в любом государстве признается весь народ, проживающий на его территории, население отдельных регионов не может рассматриваться в качестве самостоятельного «народа» в юридическом смысле. Следовательно, нет необходимости полностью воспроизводить в регионах механизмы реализации народного суверенитета, сформированные на федеральном уровне. Такая позиция способствует сохранению единства и целостности конституционного строя, одновременно учитывая многообразие и специфику регионального управления¹⁸. Следует также принимать во внимание, что законодательство и судебная практика России 1990-х гг. вряд ли могут рассматриваться в качестве примера «идеального» федерализма.

¹⁵ См.: Вестник Конституционного Суда Российской Федерации, № 1, 2006.

¹⁶ См., напр.: Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации А. Л. Кононова по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2006. № 1; Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации В. Г. Ярославцева по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2006. № 1.

¹⁷ См.: Черепанов В. А. Конституционный Суд РФ о реформе государственной власти в субъектах РФ // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. № 5. С. 17–22. EDN: KXMSTH

¹⁸ См.: Зацепа О. О. Некоторые аспекты реализации народного суверенитета в федеративном государстве: мировой и российский опыт // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3 (21). С. 189–197. EDN: OMRRWR

Российский федерализм конца ХХ — начала XXI в. проявлял признаки, близкие к конфедеративным формам взаимоотношений, что создавало острую необходимость реализации комплексных и глубоких реформ в системе Федерации¹⁹. Данный феномен свидетельствовал о внутренней нестабильности и несовершенстве институциональных механизмов, направленных на гармонизацию интересов федерального центра и субъектов Федерации, что подтверждалось многократными обращениями к проблемам федеративного устройства со стороны ведущих политиков и ученых.

Позиции, высказанные Президентом Российской Федерации в 2000 г. и отраженные в трудах Д. А. Ивайловского, подчеркивают, что федеративные отношения в стране оставались недоработанными и не достигли необходимого уровня развития²⁰. Это проявлялось в фактическом функционировании модели децентрализованного государства, что свидетельствовало о недостаточном институциональном обеспечении единства и согласованности власти. Данный вывод соотносится с наблюдениями, сделанными в других федеративных государствах, и указывает на сложность и неоднозначность процесса становления и развития федерализма.

Сравнительный анализ практики конституционного судопроизводства зарубежных стран показывает отсутствие универсального подхода к вопросам соотношения федерального и регионального законодательств. В частности, примечателен пример Австрии, где изучение решений Конституционного Суда выявляет рассогласование между федеральным уровнем и земельными конституциями, что свидетельствует о том, что правовые нормы, закрепляющие процедуры прямой демократии, не обязательно должны быть идентичны для всех уровней федеративной системы²¹. Такая ситуация указывает на существование многомерности и вариативности федеративных моделей, что напрямую связано с историко-правовыми и культурными контекстами каждого государства.

Критика сложившейся в середине первого десятилетия XXI в. системы наделения полномочиями высших должностных лиц субъектов Российской Федерации требует пересмотра в свете значительных законодательных реформ. Внесенные изменения радикально трансформировали механизмы формирования региональной исполнительной власти, что привело к переосмыслению баланса полномочий между федеральным центром и регионами. Эти преобразования способствовали снижению конфликтности и устранению противоречий, ранее сопровождавших процессы легитимации региональной власти, укрепив институциональные основы российского федерализма и создав предпосылки для его дальнейшего поступательного развития и стабильного функционирования.

Как известно, ранее Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»²² наделял правом предлагать кандидатуры высшего должностного лица региона Президенту Российской Федерации для последующего вынесения на рассмотрение законодательного органа государственной власти субъекта политическую партию, получившую в результате выборов большинство депутатских мандатов в региональном парламенте. Таким образом, высшим должностным лицам российских регионов, наделявшимся полномочиями в рамках такого правового механизма, сообщалась делегированная легитимация по сложному алгоритму, предполагающему трансляцию им государственной власти из двух источников — от представительного органа субъекта Федерации и от Президента России.

Из изложенного можно сделать вывод, что на уровне субъектов Российской Федерации фактически была осуществлена попытка внедрения элементов парламентского правления. В то же время говорить о развитии асимметричной модели реализации принципа народовластия на региональном уровне в данном случае не приходилось, поскольку губернаторы (президенты, главы администраций) субъектов

¹⁹ См.: Кистринова О. В. Перспективы развития федерализма в России // Право и политика. 2007. № 6. С. 32–37. EDN: HZNSD

²⁰ См.: Ивайловский Д. А. К вопросу о новом этапе развития российского федерализма // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 6. С. 34–39. EDN: KXZTJ

²¹ См.: Фарукшин А. М. Проблемы федеративных отношений в решениях конституционных судов // Журнал российского права. 2007. № 8 (128). С. 70–83. EDN: OOACVX

²² См.: Собрание законодательства Российской Федерации, 18.10.1999, № 42, ст. 5005; 2003, № 27, ст. 2709; 2004, № 50, ст. 4950; 02.01.2006, № 1, ст. 13.

Российской Федерации были в той или иной мере подконтрольны и подотчетны обоим публично-властным субъектам, участвовавшим в наделении их полномочиями.

Действующий в настоящее время Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»²³ в ст. 23 закрепляет то, что «кандидаты для избрания на должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации представляются в законодательный орган субъекта Российской Федерации Президентом Российской Федерации по предложениям политических партий, списки кандидатов которых были допущены к распределению депутатских мандатов в действующем на день внесения Президенту Российской Федерации указанных предложений законодательном органе субъекта Российской Федерации».

Выводы

Рассмотренный механизм наделения полномочиями высших должностных лиц субъектов Российской Федерации демонстрирует уникальный баланс между интересами федерального центра и регионов, который отражает особенности российского федерализма и методы реализации народовластия на региональном уровне. Несмотря на существование сложной системы двойной легитимации, где полномочия передавались через федеральную и региональную системы власти, такая модель обеспечивала взаимный контроль и подотчетность, что способствовало устойчивости политической системы и предотвращало чрезмерную централизацию власти на любом из уровней. Вместе с тем последовавший позднее переход к новым формам формирования региональной исполнительной власти, включая механизмы прямого волеизъявления граждан, свидетельствует о необходимости гибкости и вариативности в построении институциональных структур, адекватных конкретным политико-правовым условиям субъектов Федерации.

Следует отметить, что приведенная правовая конструкция, фактически представляющая собой вариацию двухступенчатых выборов, применялась до 2012 г., после чего в несколько модифицированном виде сохранилась в законодательстве как опция, доступная региональному законодателю. Основным же способом легитимации высших должностных лиц субъектов Российской Федерации вновь стали прямые выборы²⁴.

Следовательно, в настоящее время законодательством Российской Федерации предусматриваются два алгоритма наделения полномочиями высших должностных лиц российских регионов: прямые выборы со сложным механизмом допуска кандидатов при участии депутатов представительных органов муниципальных образований либо двухступенчатые выборы, при проведении которых избранному кандидату легитимность сообщается одновременно от двух источников. Судя по устойчивости, которую демонстрирует такая правовая конструкция, меру легитимности должностных лиц, выбранных каждым из приведенных способов (с учетом всех установленных законом барьеров для допуска кандидатов) следует признать идентичной.

Обобщая изложенное, можно утверждать, что механизмы реализации принципа народовластия в федеративном и унитарном государстве обладают значительными отличиями, обусловленными более сложной структурой публичной власти в федеративных системах, основанных на принципах разграничения компетенций и многоуровневости управления. Вместе с тем представляется некорректным говорить о дуализме источников государственной власти в федеративных государствах, а также о существовании «иерархии суверенитетов», поскольку суверенитет, будучи основополагающим и неделимым принципом, сохраняет свою целостность и монолитность на всей территории государства. При этом реализация народовластия в субъектах Федерации действительно должна учитывать специфику регионального уровня, однако это не

²³ См.: Собрание законодательства Российской Федерации, 27.12.2021, № 52 (часть I), ст. 8973.

²⁴ См.: Федеральный закон от 02.05.2012 № 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации“ и Федеральный закон „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации“» // Собрание законодательства Российской Федерации, 07.05.2012, № 19, ст. 2274.

предполагает идентичного воспроизведения механизмов федеральной власти, а требует адаптации с учетом правового статуса и конституционных основ каждого федерального субъекта.

Суверенитет как высшая форма государственной власти не может фрагментироваться, и население отдельного субъекта федерации не обладает правовым статусом народа в полном смысле данного понятия, выступающего носителем государственной власти и суверенитета в масштабах всего федеративного образования. Таким образом, федеративное устройство предъявляет особые требования к построению эффективных и согласованных механизмов народовластия, обеспечивающих единство государственной власти при сохранении определенной самостоятельности региональных властных институтов.

Список источников

1. Авакьян С. А. Федерализм и местное самоуправление как институты российского народовластия. М.: ИД Юриспруденция, 2005. 256 с. / Авакьян С. А., Сергеев А. А. // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 3. С. 46–48. EDN: OJFUJR
2. Бойко Ю. П. Конфедеративные истоки федерализма // История государства и права. 2008. № 22. С. 2–4. EDN: KCKECB
3. Бородин В. В. Россия как федерация: принципы и соответствие / Бородин В. В., Смольяков А. А. // Социология и право. 2025. Т. 17, № 2. С. 222–228. DOI 10.35854/2219-6242-2025-2-222-228. EDN: KDIRHC
4. Зацепа О. О. Некоторые аспекты реализации народного суверенитета в федеративном государстве: мировой и российский опыт // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3 (21). С. 189–197. EDN: OMRRWR
5. Ивайловский Д. А. К вопросу о новом этапе развития российского федерализма // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 6. С. 34–39. EDN: KXZITJ
6. Кистринова О. В. Перспективы развития федерализма в России // Право и политика. 2007. № 6. С. 32–37. EDN: HZSNSD
7. Новоселова-Чурсина Е. С. Принципы федерализма в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 3. С. 35–39. EDN: JXXNSD
8. Фарукшин А. М. Проблемы федеративных отношений в решениях конституционных судов // Журнал российского права. 2007. № 8 (128). С. 70–83. EDN: OOACVX
9. Федерализм: теория, институты, отношения (сравнительно-правовое исследование) / А. С. Автономов, И. Ю. Богдановская, Т. А. Васильева [и др.]. М.: Юристъ, 2001. 376 с. EDN: YLBDHN
10. Черепанов В. А. Конституционный Суд РФ о реформе государственной власти в субъектах РФ // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. № 5. С. 17–22. EDN: KXMSTH
11. Черепанов В. А. О народовластии в России: продолжение дискуссии // Государство и право. 2014. № 1. С. 36–44. EDN: RYEDJR
12. Чиркин В. Е. Публичная власть в современном обществе // Журнал российского права. 2009. № 7(151). С. 3–13. EDN: LDLTJL

Об авторе:

Зацепа Олег Олегович, заместитель председателя Санкт-Петербургской избирательной комиссии (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: oleg-zatsepa@yandex.ru

References

1. Avakyan, S. A., Sergeev, A. A. (2005) Federalism and Local Self-Government as Institutions of Russian Popular Power. *ID Jurisprudence*. 256 p. *Constitutional and Municipal Law*. 2005. No. 3. Pp. 46–48. (In Russ.)

2. Boyko, Yu. P. (2008) Confederative Origins of Federalism. *History of the State and Law*. No. 22. Pp. 2–4. (In Russ.)
3. Borodin, V. V., Smolyakov, A. A. (2025) Russia as a Federation: Principles and Correspondence. *Sociology and Law*. Vol. 17, No. 2. Pp. 222–228. DOI: 10.35854/2219-6242-2025-2-222-228 (In Russ.)
4. Zatsepa, O. O. (2010) Some Aspects of the Implementation of Popular Sovereignty in a Federal State: World and Russian Experience. *Leningrad Law Journal*. No. 3 (21). Pp. 189–197. (In Russ.)
5. Ivailovsky, D. A. (2006) On the New Stage of Development of Russian Federalism. *Constitutional and Municipal Law*. No. 6. Pp. 34–39. (In Russ.)
6. Kistrinova, O. V. (2007) Prospects for the Development of Federalism in Russia. *Law and Politics*. No. 6. Pp. 32–37. (In Russ.)
7. Novoselova-Chursina, E. S. (2007) Principles of Federalism in Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Constitutional and Municipal Law*. No. 3. Pp. 35–39. (In Russ.)
8. Farukshin, A. M. (2007) Problems of Federal Relations in Decisions of Constitutional Courts. *Journal of Russian Law*. No. 8 (128). Pp. 70–83. (In Russ.)
9. Avtonomov, A. S., Bogdanovskaya, I. Yu., Vasilyeva, T. A. [et al.]. (2001) Federalism: Theory, Institutions, Relations (a comparative legal study). *Yurist*. 376 p. (In Russ.)
10. Cherepanov, V. A. (2006) Constitutional Court of the Russian Federation on the reform of state power in the constituent entities of the Russian Federation. *State power and local self-government*. No. 5. Pp. 17–22. (In Russ.)
11. Cherepanov, V. A. (2014) On popular sovereignty in Russia: continuation of the discussion. *State and Law*. No. 1. Pp. 36–44. (In Russ.)
12. Chirkov, V. E. Public power in modern society. *Journal of Russian Law*. 2009. No. 7 (151). Pp. 3–13. (In Russ.)

About the author:

Oleg O. Zatsepa, Deputy Chairman of the St. Petersburg Electoral Commission (Saint Petersburg, Russian Federation); e-mail: oleg-zatsepa@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

EDN: LJBYSO

Дата поступления статьи: 10.07.2025

Дата поступления рецензии: 14.09.2025

Дата принятия статьи к публикации: 13.10.2025

Теоретико-правовой подход к оценке результативности и эффективности государственного управления в сфере научно-технологического развития России

Тесленко А. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация)

E-mail: teslenko-aa@ranepa.ru

Аннотация

Введение. В статье проведен теоретико-правовой анализ регулирования оценки результативности и эффективности государственного управления в сфере научно-технологического развития (далее — НТР) в РФ как инструмента достижения технологического лидерства.

Методология. В основу работы положен комплекс общенаучных и частно-научных методов (сравнительный, структурно-функциональный, формально-догматический, формально-юридический). Методами правового моделирования и юридико-технического анализа исследованы доктринальные источники, документы стратегического планирования и федеральное законодательство в сфере НТР, а также обоснован авторский концептуальный подход к правовому регулированию оценки.

Результаты исследования и их обсуждение. Выявлено отсутствие в российском праве единого определения НТР как объекта регулирования и оценки, а также коллизионность понятийного аппарата в смежных законодательных актах. Установлены системные проблемы в оценке государственного управления в сфере НТР: отсутствие его четкого правового регулирования и ориентированности существующих показателей непосредственно на цели НТР. В качестве решения предложен концептуальный теоретико-правовой подход, включающий авторские определения ключевых категорий: «научно-технологическое развитие», «государственное управление в сфере НТР», его «инструменты» и «меры».

Выводы. Сформулированы авторские определения понятий, необходимых для формирования системы оценки. На основе критического анализа стратегических документов доказана необходимость корректировки их оценочных показателей и ориентации на обеспечение НТР как существенного качественного изменения, ведущего к технологическому лидерству. Предложен авторский перечень соответствующих показателей.

Ключевые слова: государственное управление, научно-технологическое развитие, правовое регулирование.

Для цитирования: Тесленко А. А. Теоретико-правовой подход к оценке результативности и эффективности государственного управления в сфере научно-технологического развития России // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 4 (26). С. 102–114. EDN: LJBYSO

Финансирование: Статья подготовлена в рамках государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации 2025 года.

The article was submitted: 10.07.2025

The article approved after reviewing: 14.09.2025

The article accepted for publication: 13.10.2025

Theoretical and Legal Approach to Assessing the Outcome and Efficiency of Public Administration in the Sphere of Scientific and Technological Development of Russia

Teslenko A. A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation)
E-mail: teslenko-aa@ranepa.ru

Abstract

Introduction. This article presents a theoretical and legal analysis of how the performance and efficiency of public administration in the field of science and technology (S&T) are regulated in the Russian Federation, framing this assessment as a tool for achieving technological leadership.

Methodology and materials. The study employs a combination of methods, including the dialectical approach, analysis (comparative, structural-functional, content analysis), synthesis, and systematization, as well as specific legal methods (formal-dogmatic and formal-legal). These were used to examine doctrinal sources, strategic planning documents, and federal legislation on S&T development. Legal modeling and legal-technical methods were applied to substantiate a conceptual framework for the legal regulation of performance and efficiency evaluation, including its core categories and key indicators.

Results and discussion. A comparative analysis of doctrinal sources, strategic planning documents, and federal legislation reveals the absence of a unified legal definition for the core concept of "scientific and technological development" in Russian law. The study identifies contradictions in the terminology used across key federal laws and substantiates a conceptual approach to defining public administration in the S&T sphere, its performance, and efficiency. Key problems in the current assessment framework are highlighted, namely: the lack of clear legal regulations for evaluating public administration in the S&T field, and the misalignment of existing performance indicators with the specific goals of S&T development.

Conclusion. The authors propose formal definitions of concepts essential for building a legal framework to assess the effectiveness and efficiency of S&T development and its public administration. An analysis of indicators in strategic planning documents demonstrates the need for their revision to focus on ensuring genuine scientific and technological progress — defined as a qualitative and irreversible shift in the state of science and technology that secures Russia's technological leadership. A revised set of indicators is substantiated accordingly.

Keywords: public administration, scientific and technological development, legal regulation.

For citation: Teslenko, A. A. (2025) Theoretical and Legal Approach to Assessing the Outcome and Efficiency of Public Administration in the Sphere of Scientific and Technological Development of Russia. *Theoretical and Applied Law*. No. 4 (26). Pp. 102–114. (In Russ.)

Funding: This article was prepared within the framework of the state assignment of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration for 2025.

Введение

В условиях геополитических и геоэкономических вызовов, в том числе усиления санкционного давления на Россию, прежде всего в технологической сфере, Президентом РФ еще в 2022–2023 гг.. было определено в качестве стратегической задачи — обеспечение НТР нашей страны.

В последующие годы были разработаны и утверждены новые документы стратегического планирования в РФ, в первую очередь новая Стратегия научно-технологического развития РФ до 2030 г. (далее — Стратегия НТР-2024)¹, для реализации которой принят целый ряд нормативных правовых актов, включая новый федеральный закон, регулирующий отношения в сфере технологической политики. Однако, несмотря на значительное число инструментов и мер государственного управления, до настоящего времени не была проведена системная оценка их результативности и эффективности, не определена и методика такой оценки. На основе предложений автора настоящей статьи и ее коллег в Рекомендациях Парламентских слушаний Совета Федерации, состоявшихся 24 марта 2025 г., Правительству РФ и органам исполнительной власти субъектов РФ было рекомендовано проработать вопрос о введении такой комплексной оценки и разработки ее методики².

НТР должно быть ориентировано на достижение национальных целей развития России, определенных Президентом РФ³, в первую очередь такой цели, как технологическое лидерство. В этой связи Стратегия НТР-2024 устанавливает в качестве ключевой цели такого развития обеспечение конкурентоспособности государства на международной арене, что сущностно и прямо взаимосвязано с технологическим лидерством, его достижением и обеспечением.

Формирование новых инструментов и мер государственного управления в таких перспективных сферах общественных отношений, как НТР, а также разработка и реализация технологической политики зачастую идут без надлежащего теоретико-правового осмысливания: в действующие механизмы правового регулирования имплементируются концепты из других отраслей знаний, что приводит к отсутствию системности такого регулирования и, как следствие, снижению его эффективности.

Цель настоящего исследования — анализ теоретико-правовых подходов и практики законодательного регулирования и стратегического планирования в сфере НТР и разработка концептуального подхода к системе ключевых понятий в данной предметной сфере, а также показателей для предлагаемой оценки.

Методология и материалы

При подготовке материала использованы как общенаучные методы: диалектический, аналитические (сравнительный, структурный и функциональный анализ, контент-анализ, синтез, систематизация), так и частно-научные методы (формально-догматический и формально-юридический). С их помощью проанализированы доктринальные источники, документы стратегического планирования РФ и федеральное законодательство в сфере НТР, а также на основе метода правового моделирования и юридико-технического метода обоснован концептуальный теоретико-правовой подход к правовому регулированию оценки результативности и эффективности государственного управления в сфере НТР, включающий базовые категории для такой оценки, а также ключевые показатели.

Результаты исследования и их обсуждение

Повышение качества государственного управления и правового регулирования в сфере НТР является ключевым фактором на пути к достижению национальных целей страны и повышению ее конкурентоспособности. Государственное управление, правовое регулирование, а также инструменты и меры государственного управления, которые ориентированы на НТР, должны быть направлены на решение указанных задач. Это детерминируется необходимостью разработки действенных механизмов контроля достижения поставленных целей и запланированных результатов, что может быть реализовано в рамках

¹ Утв. Указом Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145.

² Рекомендации Парламентских слушаний Совета Федерации Федерального Собрания РФ «О реализации государственной технологической политики и национальных проектов для достижения национальной цели «Технологическое лидерство». URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/166204/> (дата обращения: 10.06.2025).

³ Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309.

проведения комплексной оценки результативности и эффективности инструментов и мер государственного управления в сфере НТР.

Оценка результативности и эффективности качества государственного управления, включая осуществление правового регулирования, обеспечивает реализацию полного «жизненного цикла», а точнее — управленческого цикла, прогнозируемых, разрабатываемых и реализуемых в рамках отдельных государственных функций управленческих решений, в том числе выраженных в рамках соответствующих правовых актов управления, включая и нормативные правовые акты.

Данная предметная сфера является междисциплинарной и находится «на стыке» правовой науки (теории государства и права, конституционного (государственного) права, административного права) и науки государственного управления и неизбежно заимствует концепты последней.

В этой связи ключевой является концепция New Public Management («новое государственное управление», далее — NPM), в которой одним из основных принципов является внедрение системы оценки деятельности по результатам (государственного управления по результатам). Такая концепция была призвана преобразовать систему государственного управления путем сокращения количества бюрократических процедур, расходов на содержание государственного аппарата с помощью механизма финансирования, ориентированного на результат. Концепция NPM легла в основу административных реформ, проводимых в России с 2000-х гг., однако практика ее внедрения имела определенные недостатки. Это не позволило в полной мере использовать ее потенциал, причиной чего послужили объективные обстоятельства, которые раскрываются, например, в работе Е. А. Поспеловой и М. В. Казаковой⁴. По их мнению, оценка по результатам необходима для ориентирования государственного аппарата на достижение стратегических целей социально-экономического, научно-технологического развития страны⁵. Таким образом, основная задача оценки по результатам заключается в соответствующем обеспечении правильной постановки стратегических целей и задач, а также в разработке и нормативной институционализации системы показателей государственного управления, отражающей результативность и эффективность государственного вмешательства, в том числе правового регулирования, в различные сферы общественных отношений. Само по себе понятие «оценка» означает субъективное выражение значимости предметов и явлений окружающего мира для жизнедеятельности человека⁶. При этом применительно к оценке результативности и эффективности в праве (государственного управления, правового регулирования, в том числе соответствующих механизмов правового регулирования) в настоящее время нет четкого определения этого понятия на законодательном уровне.

В научной литературе часто приводится общее определение механизма правового регулирования, согласно которому он — «это взятая в единстве система правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения»⁷. При этом, несмотря на то что понятие результативности механизма правового регулирования достаточно редко рассматривается в теоретико-правовой науке⁸, можно на основе системного анализа обосновать вывод о том, что такая результативность определяется вкладом каждого из элементов его (механизма) системы, и прежде всего результативностью отдельных норм права⁹.

Традиционно в правовой науке достижение цели правового регулирования и его результаты рассматриваются через категорию эффективности. Эффективность правового регулирования име-

⁴ Поспелова Е. А., Казакова М. В. Препятствия для внедрения принципов New Public Management в государственных системах развивающихся стран // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2015. № 1 (23). С. 99–110. EDN: TLIEVL

⁵ Там же.

⁶ Сутуржко В. В. Структура, принципы и классификация понятия «оценка» // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. 18, № 4. С. 108–124. EDN: NDAKXZ

⁷ Кузнецова С. А. К вопросу об определении понятия «правовой механизм» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 1 (57). С. 9–12. EDN: QBBDUN

⁸ См., например: Тихомиров Ю. А. Правоприменение: от эпизодичности к целевой результативности // Журнал российского права. 2017. № 1 (241). С. 55–62. DOI: 10.12737/23702. EDN: XHRHBV

⁹ См.: Курочкин С. А. Эффективность правовых норм как условие результативности правового воздействия (на примере норм процессуального права) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, № 2. С. 69–83. DOI: 10.26907/2541-7738.2020.2.69-83. EDN: JHDWPO

ет ряд проблем, которые ученые-юристы старались решить с помощью формирования теоретико-правовых концепций эффективности правового регулирования в целом, а также концепций эффективности права, законодательства или эффективности отдельных правовых институтов (например, института административной ответственности¹⁰). Большой интерес представляет концепция эффективности права и законодательства И. А. Зенина, которая связана с НТР (ранее рассматриваемым в рамках концепции научно-технического прогресса)¹¹: «Мерой эффективности норм права (то есть их свойства положительно влиять на экономическое и социальное развитие) служит отношение результатов их действия к их целям; эффективность предопределяется процессами как установления, так и применения норм права»¹².

В работе С. А. Курочкина проводится анализ понятия «оценка эффективности правовых норм». Автор предполагает, что эффективность правовых норм не только характеризует меру реализации целей правового воздействия, но и определяется с помощью сравнения с фактически достигнутым результатом, который определяет в большей степени его «социальную, экономическую ценность, полезный эффект для общества и государства»¹³. Указанная позиция корреспондирует с мнением С. С. Алексеева, который также отмечал, что «эффективность правового регулирования — это целесообразность и результативность правовых мероприятий, юридических норм»¹⁴. Следует отметить, что в указанных работах имеет место смешение понятий результативности (достижения результатов) и эффективности (как «цены достижения» результатов в соотношении с затраченными на это ресурсами).

Л. И. Спиридовон, характеризуя категорию результативности, отмечал, что «отношение цели, с которой приняты юридическая норма или закон, к результату их действия ограничивает предмет анализа результативностью одной только правотворческой деятельности государства»¹⁵. Согласно мнению этого автора, цель не может быть задана государственным органом со стопроцентной точностью ее достижения, следовательно, многие цели образуются в ходе естественного процесса разработки, реализации нормы права. Данное обстоятельство также необходимо учитывать при рассмотрении вопроса о формировании системы оценки результативности и эффективности с точки зрения динамичного характера цели регулирования.

Интересна точка зрения Е. А. Березиной: «Оценка эффективности правового регулирования позволяет выявить положительные и отрицательные последствия правового регулирования конкретных общественных отношений, степень достижения целей правового регулирования, скорректировать правовую политику государства, выбрать наиболее оптимальные способы решения социальных, экономических, политических, экологических проблем, возникающих в обществе»¹⁶. В данной работе также имеет место смешение понятий результативности и эффективности.

Тенденция смешения понятий «эффективность» и «результативность» достаточно часто встречается в научных исследованиях: эффективность подразумевает под собой отношение реального достигнутого в рамках регулирования соответствующего результата и поставленной цели регулирования. Многие ученые-юристы считают, что оценка результативности — одна из составляющих оценки эффективности, что неверно, так как происходит подмена указанных понятий.

Следует согласиться с уже высказанным в научных публикациях подходом, согласно которому эффективность правового регулирования представляет собой достижение результатов (цели) с наимень-

¹⁰ Рогачева О. С. Эффективность норм административно-деликатного права. Воронеж, 2011. 353 с. EDN: RUEQNT

¹¹ См.: Зенин И. А. Структура, функции и условия эффективности гражданского законодательства в области научно-технического прогресса: Дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1980.

¹² Цит. по: Курочкин С. А. Эффективность правовых норм как условие результативности правового воздействия (на примере норм процессуального права) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, № 2. С. 69–83.

¹³ Курочкин С. А. Эффективность правовых норм как условие результативности правового воздействия (на примере норм процессуального права) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, № 2. С. 69–83.

¹⁴ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юридическая литература, 1966. С. 37. EDN: SIFYFJ

¹⁵ Цит. по: Лезликова Я. В. Некоторые аспекты понятия эффективности права // Молодой ученый. 2020. № 41 (331). С. 110–112. URL: <https://moluch.ru/archive/331/74036/> (дата обращения: 11.06.2025). EDN: SYDTSP

¹⁶ Березина Е. А. Методико-технологические аспекты оценки эффективности правового регулирования // Философия права. 2021. № 1 (96). С. 153–158. EDN: KSKASU

шими затратами финансовых, кадровых, информационных, материально-технических и иных ресурсов субъектов правового регулирования¹⁷.

В свою очередь, результативность правового регулирования как функции государственного управления в самом общем понимании — это ориентация деятельности субъектов государственного управления РФ и/или субъектов РФ в рамках государственных функций и полномочий на достижение установленных документами стратегического планирования непосредственных, промежуточных и конечных общественно значимых результатов их деятельности¹⁸.

Для достижения цели настоящего исследования также необходимо раскрыть содержание таких категорий, как «научно-технологическое развитие» и «государственное управление в сфере научно-технологического развития».

Понимание оценки как условия обеспечения качества государственного управления не только в сфере НТР, но и в целом, осложняется коллизионностью положений документов стратегического планирования и отраслевого законодательства. Анализ указанных документов (Стратегии НТР-2024, Концепции технологического развития на период до 2030 года¹⁹) и нормативно-правовых актов (федеральных законов о науке²⁰ и о технологической политике от 23.08.1996 № 127-ФЗ и от 28.12.2024 № 523-ФЗ²¹) выявил концептуальную неопределенность базовых понятий в законодательстве в сфере НТР.

Так, разрозненность определений прослеживается в разных законодательных актах (например, в федеральных законах о науке от 23.08.1996 № 127-ФЗ и о технологической политике от 28.12.2024 № 523-ФЗ), где одновременно определены понятия «государственная научно-техническая политика» и «технологическая политика», причем они существенно различаются как деятельность и как комплекс мер. Тем самым создаются сложности для формирования системной оценки результативности и эффективности указанных политик, поскольку субъекты в соответствующей деятельности и субъекты, вводящие или реализующие указанные меры, не совпадают друг с другом, имеют разный правовой статус.

Аналогичная ситуация и с определением понятия «научно-технологическое развитие». Несогласованность понятий прослеживается в нормативно-правовых актах, а также в принимаемых стратегиях, государственных программах в сфере НТР. В Стратегии НТР-2024 употребляется понятие «научно-технологическое развитие», при этом соответствующая государственная программа указывает на первостепенное значение «технического развития». В Концепции технологического развития на период до 2030 г.²², ключевом документе стратегического планирования, послужившем основой для разработки законодательства о технологической политике, понятие «технологическое развитие» при этом не определено.

Проведенный выше анализ указанных документов свидетельствует о том, что НТР рассматривается в значительной мере как вспомогательное по отношению к социально-экономическому, на что указывает и вспомогательное значение Стратегии в федеральном законодательстве о стратегическом планировании, и определение НТР как трансформации науки и технологий в ключевой фактор развития, то есть использование науки и технологий, а не их развитие.

Кроме того, определение НТР сводится лишь к использованию науки и технологий как фактора развития. Ранее действовавшая Стратегия НТР предусматривала ее как трансформацию науки и технологий в ключевой фактор развития России и обеспечение способности страны эффективно отвечать на большие вызовы. Новая Стратегия НТР-2024 сохранила указанное определение. Кроме того, значение НТР отражено и в указах Президента РФ о национальных целях развития РФ 2018, 2020 и 2024 гг.

¹⁷ См.: Ефремов А. А. Оценка результативности и эффективности стимулирования развития отрасли информационных технологий в России: состояние и перспективы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 4. С. 71–99. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-4-71-99. EDN: ККУНТР

¹⁸ Там же.

¹⁹ Утв. Распоряжением Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р.

²⁰ Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О науке и государственной научно-технической политике» // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

²¹ Федеральный закон от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²² Утв. Распоряжением Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р.

В частности, преамбула Указа от 07.05.2018 № 204 прямо указывает на цели: «В целях осуществления прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации...». В преамбуле Указа от 21.07.2020 № 474 упоминание НТР уже отсутствует, аналогично оно отсутствует и в преамбуле Указа от 07.05.2024 № 309. Однако последний из названных указов устанавливает новую национальную цель — «технологическое лидерство».

Значительная часть исследований начиная с 2024 г. в большей мере посвящена рассмотрению новой категории — технологического суверенитета (например, работы О. С. Сухарева²³, Г. Г. Камаловой²⁴, И. Ю. Павловой²⁵, Е. В. Пономаренко²⁶). Указанное обстоятельство свидетельствует о смещении фокуса исследований с существенного — научно-технологического развития — на один из его возможных (причем промежуточных) результатов, поскольку технологический суверенитет как состояние независимости²⁷ еще не означает достижение технологического лидерства как конкурентоспособности государства²⁸.

В научной литературе множество вариантов определения научно-технологического развития. Так, например, Г. П. Беляков и А. Н. Кочемаскин рассматривают НТР как «качественные изменения в технологическом базисе экономики, приводящие к экономическому росту путем развития науки, создания и использования прогрессивных технологий, производства высокотехнологичной продукции (товаров, услуг)»²⁹, также более подробно в своей работе описывают данное понятие Е. А. Мазилов и Д. Ю. Саханевич, которые определяют НТР как «качественные изменения в технологическом базисе экономики, приводящие к экономическому росту путем развития фундаментальной и прикладной науки, технологий, производства инновационной продукции за счет использования существующего научно-технологического потенциала»³⁰. Указанные определения отражают важные элементы содержания данного понятия: качественные изменения, которые являются принципиальным отличием от количественного роста текущих показателей в сфере НТР (например, количества ученых, количества публикаций и т. п.).

Исходя из результатов анализа, проведенного выше, в научной литературе по вопросам правового регулирования НТР, науки и технологий, а также НПА в данной сфере до настоящего времени *отсутствует единое доктринальное либо, соответственно, легальное правовое определение самого объекта развития, а также самого содержания такого процесса развития*, его отличия от иных форм изменчивости, в том числе количественного роста науки и технологий. Развитие является специфическим ресурсом решения проблем государственного управления. Как указывают в своей работе В. Н. Южаков, Я. Ю. Старцев и А. Н. Старостина, развитие носит качественный характер трансформации развивающегося объекта, то есть предполагает необратимость результата. Таким образом, развитие не предполагает иного изменения — сохранения состояния или поддержки текущего состояния объекта³¹.

Следовательно, во-первых, проблемой для обеспечения качественной оценки результативности и эффективности инструментов и мер государственного управления в сфере НТР является отсутствие

²³ Сухарев О. С. Технологический суверенитет России: формирование на базе развития сектора «экономика знаний» // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 1. С. 47–64. DOI: 10.52180/2073-6487_2024_1_47_64. EDN: GBHZQW

²⁴ Камалова Г. Г. Национальный технологический суверенитет в сфере цифровых технологий: вопросы правового обеспечения // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. № 10 (122). С. 52–60. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.122.10.052-060. EDN: AUBSTI

²⁵ Павлова И. Ю. Технологический суверенитет и критерии отнесения продукции к инновационной // Закон и право. 2025. № 3. С. 151–159. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-3-151-159. EDN: NQYYCB

²⁶ Пономаренко Е. В. Технологический суверенитет России: вопросы теории и практики // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 248. № 4. С. 580–590. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-580-590. EDN: FNYCW0

²⁷ В определении действующей Стратегии НТР-2024: «Достижение Российской Федерацией самостоятельности в критически важных сферах жизнеобеспечения за счет высокой результативности научных исследований и разработок и путем практического применения полученных результатов».

²⁸ В определении действующей Стратегии НТР-2024: «Формирование преимуществ Российской Федерации в области научно-технологического развития и, как следствие, в социальной, культурной, образовательной и экономической областях, явных по отношению к другим государствам».

²⁹ Беляков Г. П., Кочемаскин А. Н. Понятие и экономическая сущность научно-технологического развития // Проблемы современной экономики. 2014. № 1 (49). С. 38–41. EDN: SNKINH

³⁰ Мазилов Е. А., Саханевич Д. Ю. Факторы научно-технологического пространства // Вопросы территориального развития. 2020. Т. 8, № 4. С. 1–15. DOI: 10.15838/tdi.2020.4.54.1. EDN: BWRFME

³¹ См.: Южаков В. Н., Старцев Я. Ю., Старостина А. Н. Развитие как ресурс государственного управления для решения экономических и социальных проблем граждан и бизнеса: практика и перспективы использования. М.: РАНХиГС, 2023. URL: <https://repec.ranepa.ru/rnp/wpaper/w202369.pdf> (дата обращения: 10.06.2025).

единого определения самого объекта государственного управления: в законодательстве (федеральные законы от 23.08.1996 № 127-ФЗ и от 28.12.2024 № 523-ФЗ) и соответствующих подзаконных НПА используются различные подходы как для определения самого НТР, его соотношения с технологическим развитием, соотношения НТР, технологического развития и научной, научно-технической и инновационной деятельности, а также видами государственной политики в этих сферах.

Во-вторых, проблемным является также понимание самого процесса развития, поскольку большинство документов стратегического планирования отождествляют развитие, которое должно рассматриваться как существенное, качественное, необратимое изменение состояния науки и технологий, и количественный рост отдельных показателей в данной сфере.

Мы предлагаем под НТР понимать существенное качественное и необратимое изменение текущего состояния науки и технологий в РФ, обеспечивающее достижение технологического лидерства РФ. На наш взгляд, такое понятие более точно отражает суть как НТР, так и такого процесса, как развитие в целом.

Данное авторское определение может быть использовано для корректировки соответствующих положений действующих (Стратегия НТР-2024) и разрабатываемых документов стратегического планирования, а также для корректировки положений федеральных законов о науке и технологической политике.

Проблема отсутствия однообразного толкования понятия «государственное управление» заключается в отсутствии нормативно-правового акта, регулирующего данную публично-правовую область. В научной литературе существует множество подходов к определению государственного управления. Например, в работе Н. И. Глазунова под государственным управлением понимается «целенаправленное организующе-регулирующее воздействие государства (через систему его органов и должностных лиц) на общественные процессы, отношения и деятельность людей»³². Стоит отметить, что В. Н. Южаков, Э. В. Талапина, Е. И. Добролюбова и Ю. А. Тихомиров в своей работе определили государственное управление как «управленческую деятельность органов государственной власти, а также уполномоченных органов и организаций, направленную на обеспечение решения общественно значимых задач и проблем»³³. Нельзя не согласиться с данным определением, однако оно определяет государственное управление в целом, что является достаточно общим понятием для объекта оценки результативности и эффективности в сфере НТР.

Для правильного толкования объекта оценки результативности и эффективности необходимо выделить основные признаки государственного управления в сфере НТР на основе общего понимания государственного управления и на основе данного нами определения НТР.

Во-первых, государственное управление всегда характеризуется как деятельность (процесс) органов государственной власти РФ и/или субъектов РФ.

Во-вторых, осуществление деятельности (процесса) происходит в рамках исполнения специальных государственных функций.

И наконец, функции государственного управления должны быть направлены на определенную сферу общественных отношений, в нашем случае они должны воздействовать именно на развитие науки и технологий в РФ, а не на иные формы изменений (или сохранение текущего состояния данной сферы общественных отношений).

Таким образом, представляется правильным использовать для формирования правового регулирования оценки результативности и эффективности следующее определение понятия «государственное управление в сфере НТР в РФ»: процесс обоснованного государственного воздействия на развитие науки и технологий в РФ, осуществляемый в рамках исполнения соответствующих государственных функций органами государственной власти РФ и/или субъектов РФ.

Аналогичная ситуация характерна и для правового регулирования понятий «инструменты» и «меры»: законодательство о технологической политике устанавливает понятия «меры государственного стимулирования деятельности по реализации технологической политики в Российской Федерации» и «ин-

³² Глазунова Н. И. Система государственного управления: учебник для вузов. М.: Юнити, 2003. С. 11. EDN: QVPGAV

³³ Южаков В. Н., Талапина Э. В., Добролюбова Е. И., Тихомиров Ю. А. (2020) Инициативный проект закона об обеспечении качества государственного управления. М.: Дело, РАНХиГС, 2020. 149 с. EDN: AARLM

струменты реализации технологической политики», при этом отдельно определяя понятие «проекты развития технологий», Стратегия НТР-2024 предусматривает «инструменты реализации». Ранее принятное законодательство о науке и научно-технической политике, в свою очередь, дает определения цели и принципов данной политики, а также полномочий органов власти по ее формированию и реализации.

В рамках разрабатываемого теоретико-правового подхода инструменты государственного управления в сфере НТР в РФ целесообразно определить как документы стратегического планирования РФ и/или субъектов РФ, нормативные правовые акты РФ и/или субъектов РФ, акты органов государственной власти РФ и/или субъектов РФ, содержащих индивидуальные правовые предписания, в которых определяются, в том числе планируются или прогнозируются, соответствующие конечные общественно значимые, промежуточные и непосредственные результаты развития науки и технологий в РФ, осуществляется мониторинг их реализации, оценка результативности и эффективности, а также возможная коррекция на основе такой оценки.

Меры государственного управления в сфере НТР в РФ целесообразно определить как конкретные положения документов стратегического планирования РФ и/или субъектов РФ, нормативных правовых актов РФ и/или субъектов РФ, актов органов государственной власти РФ и/или субъектов РФ, содержащих индивидуальные правовые предписания, в которых устанавливаются соответствующие конкретные обязанности субъектов государственного управления РФ и/или субъектов РФ, направленные на обеспечение развития науки и технологий в РФ.

Понимание сути развития как ресурса помогает разработать систему показателей оценки результативности и эффективности государственного управления и правового регулирования. С этой целью проведен анализ показателей ключевых документов стратегического планирования в сфере науки и технологий, результаты которого отражены ниже.

Стратегия НТР-2024 предусматривает (п. 59), что оценка эффективности мер и инструментов государственной политики в области НТР должна проводиться (что важно) «с учетом конечных результатов, характеризующих создание и использование важнейших научноемких технологий». Это общий показатель, который в определенной мере ориентирован на развитие, хотя напрямую и не определяет сам конечный результат, в том числе достижение технологического лидерства РФ.

Данный общий показатель декомпозируется в следующих, предусмотренных Стратегией НТР-2024:

- Доля молодых ученых (исследователей) в общей численности ученых. Данный показатель в большей мере характеризует текущее состояние науки в РФ, а не ее развитие, хотя косвенно ориентирован на развитие в части стимулирования кадрового потенциала российской науки, но при этом сам по себе количественный рост числа молодых ученых еще не гарантирует развитие науки и технологий.
- Объем налоговых поступлений в бюджет от реализации продукции, произведенной с использованием отечественных научноемких технологий. Данный показатель также лишь косвенно может быть ориентирован на развитие науки и технологий, поскольку не идентифицирует отдельные технологии, отвечающие критериям технологического лидерства РФ.
- Соотношение объема реализации отечественной научноемкой продукции и объема закупок аналогичной иностранной продукции, в первую очередь происходящей из недружественных иностранных государств (в том числе без согласия правообладателей). Данный показатель в определенной мере ориентирован на развитие науки и технологий в части импортозамещения, то есть «догоняющего» развития и обеспечения технологического суверенитета как состояния независимости от иностранных технологий, в том числе из недружественных стран.
- Доля продукции высокотехнологичных и научноемких отраслей экономики в валовом внутреннем продукте. Данный показатель также лишь косвенно может быть ориентирован на развитие науки и технологий, поскольку не идентифицирует отдельные технологии, отвечающие критериям технологического лидерства РФ.
- Прирост объема внутренних затрат на научные исследования и разработки и увеличение доли внебюджетного финансирования в таких затратах. Данный показатель характеризует в большей мере количественной рост затрат, но не позволяет оценить именно развитие науки и технологий, обеспечивающих технологическое лидерство РФ.

Проанализированные выше показатели лишь косвенно влияют на развитие науки и технологий, отсутствует четкая ориентация данных показателей именно на НТР, то есть на развитие науки и технологий, ориентированное на достижение технологического лидерства.

В этой связи перспективным представляется применение для оценки результативности и эффективности инструментов и мер государственного управления в сфере НТР следующих ключевых показателей, которые подлежат декомпозиции в зависимости от этапа оценки (предварительной (на этапе разработки инструмента или меры), текущей (в ходе его или ее реализации) и последующей (после завершения реализации)):

- Ориентация инструмента и меры государственного управления в сфере НТР в РФ на объект развития (развивающееся явление). Наука и технологии в РФ как сферы деятельности соответствующих субъектов, направленной на получение новых знаний, а также разработку, внедрение и применение на основе этих знаний новых технологий, обеспечивающих достижение технологического лидерства РФ.
- Ориентация инструмента и меры государственного управления в сфере НТР на развитие, то есть на сложноорганизованный процесс существенного качественного и необратимого изменения текущего состояния науки и технологий в РФ.
- Наличие программы, плана или «дорожной карты» применения соответствующего инструмента и/или меры государственного управления в сфере НТР в РФ, включающих цели его внедрения и применения (реализации) и ожидаемые непосредственные, промежуточные и конечные общественно значимые результаты его применения.
- Наличие регламентированной процедуры оценки непосредственных, промежуточных результатов и конечного общественно значимого результата введения и применения соответствующего инструмента или меры.

Разработанный в рамках настоящего исследования теоретико-правовой подход к оценке результативности и эффективности инструментов и мер государственного управления в сфере НТР может быть положен в основу соответствующей нормативной институционализации системы оценки результативности и эффективности инструментов и мер государственного управления в сфере НТР.

Такая нормативная институционализация, по нашему мнению, может включать:

- определение обязательности предварительной, текущей и последующей оценки в рамках федеральных законов о науке и о технологической политике с указанием того, что единые порядок, методика и показатели такой оценки определяются Правительством РФ;
- разработку и принятие постановления Правительства РФ «Об оценке результативности и эффективности инструментов и мер государственного управления в сфере научно-технологического развития»;
- определение в рамках федеральных законов о науке и о технологической политике механизма корректировки реализации соответствующих инструментов и мер на основе результатов проведенной оценки.

Субъектами такой оценки, с учетом норм конституционного и административного законодательства о предметах ведения РФ и ее субъектов и полномочиях органов публичной власти, следует определить:

- для предварительной и текущей оценки — органы, которые вводят или реализуют соответствующий инструмент или меру государственного управления,
- для последующей — органы, осуществляющие контроль или аудит эффективности в отношении вышеуказанных органов публичной власти РФ или субъектов РФ.

Выводы

Проведенное исследование позволяет обосновать следующие выводы, которые могут быть использованы и в дальнейших исследованиях по данной тематике.

Во-первых, в действующем российском законодательном регулировании НТР отсутствует единое определение объекта государственного управления (самой сферы науки и технологий), а также единое понимание содержания процесса развития данной сферы, которое, исходя из нормативных определений

ний, связано не столько с самим развитием науки и технологий, а с обеспечением социально-экономического развития на их основе.

Во-вторых, в действующем правовом регулировании отсутствует единый подход к содержанию государственного управления в сфере науки и технологий, определения понятий государственной научно-технической (в федеральном законе от 23.08.1996 № 127-ФЗ) и технологической (в федеральном законе от 28.12.2024 № 523-ФЗ) политики существенно различаются, что, в свою очередь, приводит к различному составу субъектов реализации инструментов и мер реализации указанных выше политик, что требует соответствующей нормативной систематизации путем корректировки указанных определений.

В-третьих, система соответствующих показателей, установленных в отдельных документах стратегического планирования для оценки НТР, не в полной мере ориентирована на корректное понимание процесса развития науки и технологий в РФ.

Целесообразно разработать единый подход к определению базовых понятий в сфере НТР в РФ. Это позволит сформировать единый методологический подход к оценке результативности и эффективности НТР, в том числе к методике такой оценки и показателям для ее проведения. В настоящее время различные политики (научно-техническая и технологическая) характеризуют деятельность различных субъектов в сфере науки и технологий, как органов государственной власти РФ и/или субъектов РФ, так и иных субъектов, осуществляющих научную, научно-техническую, научно-технологическую деятельность, что препятствует возможности проведения комплексной оценки результативности и эффективности такой деятельности и, как следствие, оценки результативности и эффективности государственного управления в сфере НТР в целом, включая обеспечение таким государственным управлением именно развития науки и технологий и достижение технологического лидерства РФ как национальной цели развития.

Для обеспечения качества государственного управления на основе оценки результативности и эффективности стимулирования НТР были разработаны соответствующие понятия, а также предложены ключевые показатели для проведения такой оценки.

Дальнейшее внедрение результатов исследования в практику правового регулирования и государственного управления требует нормативной институционализации разработанного подхода на уровне как документов стратегического планирования, так и отраслевого законодательства (в федеральных законах о науке от 23.08.1996 № 127-ФЗ и о технологической политике от 28.12.2024 № 523-ФЗ) и подзаконных нормативных правовых актов.

Результаты проведенного исследования, отраженные в настоящей статье, по мнению автора, могут служить основой для дальнейшей научной дискуссии по вопросам как оценки результативности и эффективности правового регулирования в целом, так и непосредственно правового регулирования в сфере НТР для обеспечения технологического лидерства нашей страны.

Список источников

1. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юридическая литература, 1966. 187 с. EDN: SIFYFJ
2. Беляков Г. П. Понятие и экономическая сущность научно-технологического развития / Г. П. Беляков, А. Н. Кочемаскин // Проблемы современной экономики. 2014. № 1 (49). С. 38–41. EDN: SNKINH
3. Березина Е. А. Методико-технологические аспекты оценки эффективности правового регулирования // Философия права. 2021. № 1 (96). С. 153–158. EDN: KSKASU
4. Глазунова Н. И. Система государственного управления: учебник для вузов. М.: Юнити, 2003. 551 с. EDN: QVPGAV
5. Ефремов А. А. Оценка результативности и эффективности стимулирования развития отрасли информационных технологий в России: состояние и перспективы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 4. С. 71–99. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-4-71-99. EDN: KKUNTP
6. Зенин И. А. Структура, функции и условия эффективности гражданского законодательства в области научно-технического прогресса: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1980.

7. Камалова Г. Г. Национальный технологический суверенитет в сфере цифровых технологий: вопросы правового обеспечения // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. № 10 (122). С. 52–60. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.122.10.052-060. EDN: AUBSTI
8. Кузнецова С. А. К вопросу об определении понятия «правовой механизм» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 1 (57). С. 9–12. EDN: QBBDUN
9. Мазилов Е. А. Факторы научно-технологического пространства / Е. А. Мазилов, Д. Ю. Саханевич // Вопросы территориального развития. 2020. Т. 8, № 4. С. 1–15. DOI: 10.15838/tdi.2020.4.54.1. EDN: BWRFME
10. Курочкин С. А. Эффективность правовых норм как условие результативности правового воздействия (на примере норм процессуального права) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, № 2. С. 69–83. DOI: 10.26907/2541-7738.2020.2.69-83. EDN: JHDWPO
11. Лезликова Я. В. Некоторые аспекты понятия эффективности права // Молодой ученый. 2020. № 41 (331). С. 110–112. EDN: SYDTSP
12. Павлова И. Ю. Технологический суверенитет и критерии отнесения продукции к инновационной // Закон и право. 2025. № 3. С. 151–159. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-3-151-159. EDN: NQYYCB
13. Пономаренко Е. В. Технологический суверенитет России: вопросы теории и практики // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 248, № 4. С. 580–590. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-580-590. EDN: FNYCWO
14. Поспелова Е. А. Препятствия для внедрения принципов New Public Management в государственных системах развивающихся стран / Е. А. Поспелова, М. В. Казакова // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2015. № 1 (23). С. 99–110. EDN: TLIEVL
15. Рогачева О. С. Эффективность норм административно-деликтного права. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2011. 353 с. EDN: RUEQNT
16. Сутужко В. В. Структура, принципы и классификация понятия «оценка» // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. 18, № 4. С. 108–124. EDN: NDAKXZ
17. Сухарев О. С. Технологический суверенитет России: формирование на базе развития сектора «экономика знаний» // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 1. С. 47–64. DOI: 10.52180/2073-6487_2024_1_47_64. EDN: GBHZQW
18. Тихомиров Ю. А. Правоприменение: от эпизодичности к целевой результативности // Журнал российского права. 2017. № 1 (241). С. 55–62. DOI: 10.12737/23702. EDN: XHPHBV
19. Южаков В. Н. Развитие как ресурс государственного управления для решения экономических и социальных проблем граждан и бизнеса: практика и перспективы использования // В. Н. Южаков, Я. Ю. Старцев, А. Н. Старостина. М.: РАНХиГС, 2023. URL: <https://repec.ranepa.ru/rnp/wpaper/w202369.pdf>
20. Южаков В. Н. Инициативный проект закона об обеспечении качества государственного управления / В. Н. Южаков, Э. В. Талапина, Е. И. Добролюбова, Ю. А. Тихомиров. М.: Дело, 2020. 149 с. EDN: AARLRM

Об авторе:

Тесленко Александра Андреевна, стажер-исследователь Центра технологий государственного управления Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация); e-mail: teslenko-aa@ranepa.ru

References

1. Alekseev, S. S. (1966) The mechanism of legal regulation in a socialist state. *Yuridicheskaya literatura*. 187 p. (In Russ.)
2. Belyakov, G. P., Kochemaskin, A. N. (2014) The Notion and the Economic Essence of Scholarly Technological Development (Russia, Krasnoyarsk). *Problems of modern economics*. No. 1 (49). Pp. 38–41. (In Russ.)

3. Berezina, E. A. (2021) Methodological and technological aspects of the evaluation of legal regulation effectiveness. *Philosophy of Law*. No. 1 (96). Pp. 153–158. (In Russ.)
4. Glazunova, N. I. (2003) Public administration system: Textbook for universities. *Unity*. (In Russ.)
5. Yefremov, A. A. (2023) Evaluation of the effectiveness and efficiency of stimulating the development of the information technology industry in Russia: Status and prospects. *Public Administration Issues*. No. 4. Pp. 71–99. (In Russ.) DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-4-71-99
6. Zenin, I. A. (1980) Structure, functions and conditions for the effectiveness of civil legislation in the field of scientific and technological progress: diss. ... doctor of Law. (In Russ.)
7. Kamalova, G. G. (2024) National technological sovereignty in the sphere of digital technologies: issues of legal support. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. No. 10 (122). Pp. 52–60. (In Russ.) DOI: 10.17803/2311-5998.2024.122.10.052-060
8. Kuznetsova, S. A. (2013) On the Question of the Definition of “Legal Mechanism”. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 1 (57). Pp. 9–12. (In Russ.) EDN: QBBNDUN
9. Mazilov, E. A., Sakhanevich, D. Yu. (2020) The Factors of Scientific and Technological Space. *Territorial Development Issues*. Vol. 8. No. 4. Pp. 1–15 (In Russ.) DOI: 10.15838/tdi.2020.4.54.1
10. Kurochkin, S. A. (2020) The Effectiveness of Legal Norms as a Condition for the Usefulness of Legal Impact (Based on the Norms of Procedural Law). *Uchenye zapiski kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Vol. 162. No. 2. Pp. 69–83. (In Russ.) DOI: 10.26907/2541-7738.2020.2.69-83
11. Lezikova, Ya. V. (2020) Some aspects of the concept of the effectiveness of law. *Young scientist*. No. 41 (331). Pp. 110-112. (In Russ.)
12. Pavlova, I. Yu. (2025) Technological sovereignty and criteria for classifying products as innovative. *Law and Right*. No. 3. Pp. 151–159. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-3313-2025-3-151-159
13. Ponomarenko, E. V. (2024) Technological sovereignty of Russia: Theoretical and Practical Issues. *Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. Vol. 248. No. 4. Pp. 580–590. (In Russ.) DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-580-590
14. Pospelova, E. A., Kazakova, M. V. (2015) Barriers to Implementing New Public Management Principles in Public Systems of Developing Countries. *Financial Journal*. No. 1 (23). Pp. 99–110. (In Russ.)
15. Rogacheva, O. S. (2011) Efficiency of Administrative-Delict Law Norms. Voronezh. (In Russ.)
16. Sutuzhko, V. V. (2008) Structure, Principles, and Classification of the Concept of “Assessment”. *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 18. No. 4. Pp. 108-124. (In Russ.)
17. Sukharev, O. S. (2024) Technological Sovereignty of Russia: formation on the basis of the development of the “knowledge economy” sector. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk*. No. 1. Pp. 47–64. (In Russ.) DOI: 10.52180/2073-6487_2024_1_47_64
18. Tikhomirov, Yu. A. (2017) Law enforcement: from episodic to the target performance. *Journal of Russian Law*. No. 1 (241). Pp. 55–62. (In Russ.) DOI: 10.12737/23702
19. Yuzhakov, V. N., Startsev, Y. Y., Starostina, A. N. (2023) Development as a resource of public administration resource for solving economic and social problems of citizens and businesses: practice and prospects for use. *RANEPA*. URL: <https://repec.ranepa.ru/rnp/wpaper/w202369.pdf> (In Russ.)
20. Yuzhakov, V. N., Talapina, E. V., Dobrolyubova, E. I., Tikhomirov, Yu. A. (2020) Initiative draft law on ensuring the quality of public administration. *Delo*. 149 p. (In Russ.)

About the author:

Aleksandra A. Teslenko, Research Intern at the Center for Public Administration Technologies of the Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation); e-mail: teslenko-aa@ranepa.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Зарубежный опыт правового регулирования общественных отношений в сфере защиты репутации публичного лица

Шабанов М. Х.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)

E-mail: mkhshabanov@hse.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена сравнительному анализу зарубежных моделей правового регулирования репутации публичных лиц в условиях развития цифровых технологий и противоречивой судебной практики. Центральная проблема исследования — отсутствие единого подхода к балансу между свободой слова и защитой репутации. На примере англо-американской, континентальной и китайской правовых традиций выявляются различные механизмы установления этого баланса, с особым вниманием к роли цифровых платформ и судебных прецедентов.

Методология и материалы. В основу работы положен сравнительно-правовой анализ законодательства и правоприменительной практики США, Великобритании, Германии, Франции и Китая. Исследование охватывает ключевые нормативные акты (Первую поправку к Конституции США, Закон о клевете 2013 г. Великобритании, NetzDG и др.), знаковые судебные решения (New York Times vs Sullivan, дела Caroline von Hannover, практика ЕСПЧ) и специфические регуляторные меры КНР. Теоретической основой выступили доктрины баланса прав, «общественного интереса» и статуса «публичной фигуры».

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование показало, что англо-американская модель, основанная на стандарте *actual malice* и мерах против SLAPP-исков, максимально защищает свободу выражения. Континентальная Европа демонстрирует смешанный подход с элементами уголовной ответственности и влиянием практики ЕСПЧ. Китайская система подчиняет защиту репутации интересам государства и общества, используя широкие инструменты цензуры. На основе выявленных различий предложены меры для цифровой среды: повышение прозрачности алгоритмов, развитие медиаграмотности и создание упрощенных процедур для онлайн-споров.

Выводы. Практическая значимость работы заключается в выработке ориентиров для совершенствования национального регулирования: установление четких критериев вреда, обеспечение процессуальной эффективности в онлайн-спорах и создание механизмов, предотвращающих злоупотребление цензурой. Перспективным направлением признается интеграция лучших практик для достижения устойчивого баланса между свободой слова и защитой репутации.

Ключевые слова: публичное лицо, репутация, защита чести, достоинства и деловой репутации, клевета, зарубежный опыт, правовое регулирование.

Для цитирования: Шабанов М. Х. Зарубежный опыт правового регулирования общественных отношений в сфере защиты репутации публичного лица // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 4 (26). С. 115–127. EDN: LLIURZ

Foreign Experience of Legal Regulation of Public Relations in The Field of Public Person's Reputation

Shabanov M. Kh.

National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)
E-mail: mkhshabanov@hse.ru

Abstract

Introduction. The article presents a comparative analysis of foreign models of legal regulation for the reputation of public figures in the context of digital technology development and contradictory judicial practice. The central research problem is the lack of a unified approach to balancing freedom of speech and reputation protection. Using the examples of Anglo-American, Continental European, and Chinese legal traditions, the study identifies various mechanisms for establishing this balance, with particular attention paid to the role of digital platforms and judicial precedents.

Methodology and materials. The research is based on a comparative legal analysis of legislation and law enforcement practices in the United States, Great Britain, Germany, France, and China. The study covers key regulatory acts (the First Amendment to the U.S. Constitution, the UK Defamation Act 2013, the German NetzDG, etc.), landmark court decisions (New York Times v. Sullivan, Caroline von Hannover cases, ECHR jurisprudence), and specific regulatory measures of the People's Republic of China. The theoretical framework incorporates the doctrines of balancing rights, "public interest," and the "public figure" status.

Results and Discussion. The study reveals that the Anglo-American model, based on the actual malice standard and measures against SLAPPs, provides the strongest protection for freedom of expression. Continental Europe demonstrates a mixed approach with elements of criminal liability and the influence of ECHR practice. The Chinese system subordinates reputation protection to the interests of the state and society, employing extensive censorship tools. Based on the identified differences, measures for the digital environment are proposed: increasing algorithm transparency, promoting media literacy, and establishing simplified procedures for online disputes.

Conclusion. The practical significance of the work lies in developing guidelines for improving national regulation: establishing clear criteria for harm, ensuring procedural efficiency in online disputes, and creating mechanisms to prevent the abuse of censorship. The integration of best practices is recognized as a promising direction for achieving a sustainable balance between freedom of speech and reputation protection.

Keywords: public figure, reputation, protection of honor, dignity and business reputation, slander, foreign experience, legal regulation.

For citation: Shabanov, M. Kh. (2025) Foreign Experience of Legal Regulation of Public Relations in The Field of Public Person's Reputation. *Theoretical and Applied Law*. No. 4 (26). Pp. 115–127. (In Russ.)

Введение

Развитие цифровых коммуникаций обострило проблему защиты репутации публичных лиц при отсутствии согласованных правовых механизмов. В России рост числа соответствующих споров сочетается с отсутствием единой судебной практики и легального понятия диффамации, что создает правовую неопределенность.

Сравнительный анализ зарубежного опыта позволяет выявить различные подходы к балансу между свободой выражения и защитой репутации. Исходная гипотеза исследования заключается в отсутствии универсального подхода к данному вопросу. В рамках работы проверяются следующие предположения:

1. Англо-американские системы устанавливают повышенные доказательственные требования к публичным истцам, тогда как континентальное право чаще предусматривает усиленную защиту и уголовную ответственность за диффамацию.
2. Китайская модель рассматривает репутацию власти как элемент общественного интереса, ограничивая критику через архитектуру информационной среды.
3. Прямое заимствование зарубежных моделей без адаптации к российским конституционным стандартам приведет к дисфункциям правовой системы.

Методология и материалы

В основе исследования лежат сравнительно-правовой и формально-юридический методы, доктринальный анализ, а также контент-анализ прецедентов высших судов англо-американской и европейской систем права.

Анализ зарубежного опыта проводится на примере следующих стран:

- США: мировой лидер в защите свободы слова (Первая поправка к Конституции);
- Великобритания: родитель юрисдикции с исторически сложившейся концепцией клеветы;
- Германия: интересна опытом регулирования выражений в соцсетях (закон NetzDG);
- Франция: характерен двойной стандарт для публичных и частных лиц и жесткое регулирование клеветы;
- Китай: специфика заключается в интеграции правового регулирования с контролем над общественным мнением и медиа.

Результаты исследования и обсуждение

Институт репутации, исторически сложившийся в странах Запада, прежде всего в Великобритании и США, отражает особенность англо-американского подхода к пониманию репутации, которая составляет следующую триаду:

- репутация как собственность;
- репутация как честь;
- репутация как достоинство.

В основе толкования англо-саксонского подхода репутации лежит концепция Goodwill, суть которой заключается в материально выраженной ценности репутации, так как она является формой капитала и создает возможности экономического роста и благосостояния¹. Возникшая в середине XV в. концепция гудвилл впервые описана в работах флорентийского математика Лука Пачоли («Трактат о счетах и записях»)², который описывает ее как нематериальный актив, формирующий разницу между ценой приобретения актива и его реальной стоимостью³.

Английское диффамационное право выделяет две категории привилегий: абсолютные и относительные.

Абсолютная привилегия дает полную защиту от любых исков по диффамации. К абсолютной относят заявления, сделанные в парламенте или под присягой в суде. Ярким примером относительной привилегии являются заявления работодателя перед сотрудниками по вопросам производительности предпри-

¹ Абакумова Е. Б., Комиссаров А. В., Тарасов Д. Ю. Зарубежный опыт правового обеспечения защиты чести, достоинства и деловой репутации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2. С. 148–154. DOI: 10.21603/2542-1840-2021-5-2-148-154

² Пачоли Л. Трактат XI о счетах и записях // Страницы венецианского издания книги Лука Пачоли, 1494 г.

³ Тарасевич К. А. История эволюции понятия «деловая репутация» // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1 (55). С. 95–100.

ятия. Относительная привилегия позволяет защищать высказывания в контексте выполнения профессиональных обязанностей или обсуждения вопросов, имеющих законный интерес. Это означает, что работодатели могут делать заявления, которые могут показаться оскорбительными, но защищаются в силу их контекста и цели — если они сделаны без злого умысла и служат законным интересам организации.

Обоснование абсолютного преимущества оказывается более сложным и отражает черты, присущие общему праву Англии. Данное право, разработанное для защиты интересов и прав представителей «высшего общества», имеет свои особенности⁴.

Абсолютное преимущество (*concept of absolute advantage*) как экономический термин разработано Адамом Смитом, который рассматривал способность страны или лица производить определенный товар или услугу более эффективно (с меньшими затратами) по сравнению с другими. Хотя концепция кажется интуитивно понятной, сложность ее обоснования кроется в историческом контексте, на который влияла и правовая система. Английское общее право часто поддерживало существующую иерархию, где более сильные и эффективные стороны (будь то классы или страны) получали больше возможностей для реализации своих преимуществ. Экономическая концепция абсолютного преимущества могла быть воспринята как естественное следствие «порядка вещей», где у более сильного есть право доминировать.

Однако критики подчеркивают, что концепция абсолютного преимущества слишком упрощенно рассматривает конкурентные отношения. В глобальном масштабе очевидно, что естественные «умения» или «преимущества» стран могут быть значительно больше связаны с историческими, политическими и правовыми факторами, а не просто с экономическими способностями их населения. Кроме того, правовые системы, такие как общее право Англии, способствовали концентрации ресурсов в руках элит, что усиливало экономический и социальный дисбаланс между разными слоями общества и закрепляло существующее социальное неравенство.

Обоснование абсолютного преимущества действительно связано не только с экономическими, но и с правовыми, а также социальными факторами, особенно в историческом контексте таких сверхдержав, как Англия. Общеправовая система, ориентированная на защиту интересов элит, могла использовать идеи, схожие по духу с теорией абсолютного преимущества, чтобы оправдывать неравенство политического и экономического взаимодействия между странами и классами.

Рассматривая категорию привилегий, необходимо подчеркнуть различные подходы американских и английских судов в вопросах рассмотрения исков, в частности, со стороны политических деятелей, должностных лиц органов публичной власти, а также иных публичных лиц (крупных бизнесменов, общественных деятелей, военных лидеров и представителей фриланса). Первым камнем преткновения в этом вопросе стало дело *New York Times Co. v. Sullivan*, фабула которого заключалась в распространении со стороны газеты недостоверных сведений по отношению к полиции города Монтгомери о жестоком подавлении гражданских протестов⁵.

Верховный Суд США в своем решении определил иск полицейских как иск общественного деятеля (*public figure*), который должен был доказать факт причинения вреда репутации городской полиции согласно принципу *actual malice* и определить вероятную ложность⁶. Безусловно, названное дело совершило революцию не только в истории американского права, но и в целом англо-саксонского (прецедентного) права, так как определило на долгие годы право на свободу слова в качестве высшей и неприкасаемой категории, противопоставить которому иное право будет проблематично. Однако какова правовая природа и справедливость подобного решения, если защита репутации также является фундаментальным правом, закрепленным в Конституции США⁷?

⁴ Холоденко Ю., Маргольф М. Е. Защита чести, достоинства и деловой репутации по американскому праву // Юрислингвистика. 2016. № 5 (16). С. 72–79. DOI: 10.14258/leglin(2016)507

⁵ *New York Times Co. v. Sullivan*. Decision of March 9, 1964 376 U.S. 254ast // Justia. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/376/254/> (дата обращения: 05.09.2024).

⁶ Абакумова Е. Б., Комиссаров А. В., Тарасов Д. Ю. Зарубежный опыт правового обеспечения защиты чести, достоинства и деловой репутации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2. С. 148–154. DOI: 10.21603/2542-1840-2021-5-2-148-154.

⁷ Конституция США 1787 г. // Режим доступа: <https://constitutioncenter.org/media/files/RU-Constitution.pdf> (дата обращения: 05.09.2024).

Верховный Суд США избрал иной вариант, который установил две нерушимые истины, предопределившие облик США на долгие годы как страны с абсолютным, но не всегда обоснованным правом на свободу слова.

Во-первых, органы публичной власти (правительство, органы правопорядка, легислатуры штатов и др.) и их представители обладают иным видом репутации, правовая природа и характер общественной значимости которой намного шире и объемнее, нежели у физических и юридических лиц. В связи с этим теория американского прецедентного права установила, что субъекты, обладающие репутацией публичной власти, обязаны претерпевать возникшее давление в силу своей известности, определенной значимости и естественной реакции общества на те или иные события.

Во-вторых, судебные процессы по защите репутации публичных лиц предопределили «доказательственную презумпцию», то есть предположение, которое может считаться достоверным, пока не будет доказано обратное. Публичному лицу необходимо доказать, что у ответчика были злые намерения или что он осознавал и допускал возможность такого поведения.

Причем в ходе рассмотрения подобной категории дел суд, как правило, предъявляет повышенные требования к доказательствам публичных лиц, поскольку те находятся в заведомо сильной и лучшей позиции, имея нередко административный, финансовый, общественно-массовый и иной ресурс. Отсутствие вышеназванных доказательств со стороны органов публичной власти или должностных лиц будет трактоваться судом в пользу ответчика. Подтверждением сказанного может послужить дело Paul v. Davis от 1976 г.⁸, в результате рассмотрения которого Верховный Суд⁹ сформулировал принцип, согласно которому «репутация сама по себе не является конституционно защищаемым интересом» и не попадает под защиту XIV поправки к Конституции США (равенство всех граждан перед судом и законом).

Упомянутые дела перевернули представление о балансе между защитой репутации и свободой выражения мнений, а также подход к защите прав и законных интересов в этих сферах, не только в судебной практике, но и в науке американского публичного права. В современной судебной практике США иски от публичных лиц достаточно редкое явление: несмотря на нападки со стороны общества, многие из них не спешат подавать иски, так как вероятность выигрыша невысока.

Таким образом, несмотря на большую схожесть английского и американского права в части правового регулирования общественных отношений в контексте репутации публичного лица, между ними существует детальное различие.

Одним из обстоятельств, на которые американские суды обращают особое внимание, является общественный интерес: подпадают ли распространенные сведения под его сферу или нет. Такой аргумент достаточно размыт и противоречит основополагающим принципам судопроизводства, а именно беспристрастности и равенства сторон, так как дает право суду трактовать то или иное дело в сугубо эмоционально-личностных категориях. С другой стороны, англо-саксонская судебная система неоднородна, что позволяет судам в различных ситуациях по-своему интерпретировать законы, используя доктрину права и формируя правовые нормы, которые нередко противоречат общим конституционным положениям.

Определенную попытку по реформированию американского подхода в сфере защиты репутации предпринимал президент США Дональд Трамп, который является известным критиком современного диффамационного законодательства: он высказывал недовольство тем, как оно применяется в отношении СМИ и публичных лиц.

Начиная с 2016 г. большое количество американских медиа обвиняли кандидата в президенты, а позже и президента Дональда Трампа в политических связях с Россией, представляли соответствующие отчеты действующему на тот момент президенту США Бараку Обаме и публиковали информацию в СМИ.

Несмотря на отсутствие каких-либо доказательств, улик, записей диктофона о названных связях и переговорах, аргументация журналистов сводилась к тому, что публикуемая информация имеет об-

⁸ Paul v. Davis. Decision of March 9, 1964. 376 U.S. 254ast // Justia. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/424/693/> (дата обращения: 05.09.2024).

⁹ О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

щественную значимость. Безусловно, подобная практика пагубно повлияла на политические рейтинги самого Трампа и выявила всю проблематику законодательства в секторе правового регулирования общественных отношений в сфере репутации, а именно способов ее защиты. В это же время администрация Трампа разработала предложения по реформированию законодательства в данной части¹⁰. Предполагалось, что внесение соответствующих изменений позволит, во-первых, определенным категориям граждан обращаться в суд с целью исключения материалов, порочащих или наносящих иной вред их репутации, а также добиваться в подобных ситуациях денежного возмещения. Во-вторых, это позволило бы судам рассматривать дело по существу, не прибегая к принципам повышенного интереса и обязанности лица претерпевать критику.

Однако разработанный проект реформы не был вынесен на рассмотрение в Конгресс, поскольку рассмотрение названного вопроса является частью общего деликтного права, которое находится в исключительном ведении штатов. В случае принятия легислатурами всех штатов проекта законодательства о диффамации процесс распространения его на федеральный уровень потребовал бы внесения изменений в Конституцию США в виде соответствующей поправки, что в лучших традициях американского конституционализма практически невозможно. Невелика вероятность принятия Верховным Судом нового precedента, так как суд будет трактовать рассматриваемый акт как нарушающий принцип разделения властей, распределение полномочий между федерацией и ее штатами, а также ограничение свободы слова в стране.

Обвинение в подстрекательстве к мятежу в 2021 г. после проведения президентских выборов в США, попытка начать процедуру импичмента, а также начавшаяся так называемая политика социальной отмены в отношении уже бывшего президента Дональда Трампа наглядно показали, что лица, обладающие публичной репутацией в силу занимаемой должности, общественно-политической значимости и известности, всё чаще оказываются в ситуации, когда они не способны защитить собственные права и интересы, которые гарантированы им Конституцией. Это объясняется тем, что до сих пор не были предоставлены доказательства или сведения, подтверждающие причастность Трампа к событиям 2021 г.

Как ранее было сказано, характерной чертой англо-саксонского права является определение репутации как собственности и одновременно нематериального актива, причинение вреда которому влечет материально-выраженное бремя. Тем не менее конституционно-правовые основы защиты репутации публичного лица отличаются в странах названной правовой семьи. Право Великобритании по своей сути является разнообразным в данном вопросе, поскольку совмещает в себе самостоятельные подходы каждой составной части Соединенного Королевства (английский, шотландский, ирландский), не говоря уже о различиях между США, Австралией и Новой Зеландией.

Современным нормативным актом, регламентирующим вопросы репутации, является Закон о диффамации в Англии и Уэльсе 2013 г.¹¹, положения которого были имплементированы из Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.¹² Нормы закона значительно расширили защиту репутации и выходят за рамки теории абсолютной и относительной привилегии, освобождая истца от обязанности доказывать факт распространения ответчиком сведений, наносящих ущерб его репутации. Как отмечал С. А. Беляцкин в своих работах, посвященных анализу судебной системы Англии в 1920-е гг., судебная система Англии тех лет характеризовалась высоким уровнем решений, которые выносились в пользу возмещения за причиненный моральный вред, причем не только в отношении физических и юридических лиц, но и публичных¹³.

¹⁰ 21 января 2025 г. президент США Дональд Трамп подписал директиву, предписывающую восстановить свободу слова и предотвратить государственную цензуру.

¹¹ Defamation Act 2013 // legislation.gov.uk. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2013/26/pdfs/ukpga_20130026_en.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

¹² Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 1950 г. с дополнительными Протоколами № 11 и № 14, вступившими в силу 1 июня 2010 г. URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols> (дата обращения: 05.09.2024).

¹³ Беляцкин С. А. Частное право в основных принципах: курс гражданского права / Каunas: 1928. 900 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009011919>.

Верховный Суд Великобритании неоднократно заявлял, что в соответствии с вышеназванным законом распространение сведений в какой-либо форме должно наносить ущерб репутации, поскольку только тогда суд сможет признать эти данные порочащими¹⁴. Законодательство Великобритании закрепляет, что возмещение вреда и компенсация морального вреда невозможны в случае отсутствия страданий истца либо отсутствия материального ущерба. Однако, возвращаясь к категории граждан, владеющих абсолютной либо относительной привилегией, необходимо подчеркнуть их возможность на защиту от вреда, причиненного их репутации¹⁵. Английское право определило не только лиц, обладающих абсолютным и относительным иммунитетом, но и информацию, которая не может быть предметом судебного разбирательства.

Известным делом в истории диффамационного права Англии является дело *Vladimir Sloutsker vs Olga Romanova* 2015 г. Это яркий пример так называемого судебного туризма, когда наиболее заинтересованные в защите своей репутации физические или юридические лица обращаются в благоприятные юрисдикции (например, Великобритании). Высокий суд Лондона определил информацию, распространяемую российской журналисткой Ольгой Романовой в отношении бывшего сенатора РФ Владимира Слуцкера, ложной и наносящей ему вред. Романова заявляла, что Слуцкер поспособствовал возбуждению уголовного дела в отношении ее супруга, оказывая влияние на соответствующие правоохранительные органы России. Безусловно, информация, распространяемая на радиостанции «Эхо Москвы», а также опубликованный материал не были подкреплены доказательствами. Суд квалифицировал это обстоятельство как наносящее вред репутации Владимира Слуцкера и оценил причиненный ущерб в 110 тыс. фунтов стерлингов¹⁶.

Несмотря на характерные признаки общего прецедентного права, вышеуказанный пример позволяет говорить о гибкости английского правосудия в делах по защите репутации публичных лиц и в большей степени индивидуальности каждого рассматриваемого дела, которое зависит от следующих факторов: общественная значимость, участники процесса и финансовая сторона вопроса. Аргументом в пользу последнего выступает правило, согласно которому англо-саксонское право квалифицирует распространение порочащих сведений как преступное деяние и согласно которому возмещение причиненного морального вреда будет формироваться по тарифной спецификации. Для осуществления данной функции в Англии действует специальная комиссия, высчитывающая компенсацию за причиненный моральный вред с учетом фактических обстоятельств дела¹⁷.

Таким образом, основы англо-американского права в области правового регулирования общественных отношений в сфере репутации публичного лица и его защиты выражаются в двух особенностях.

С одной стороны, публичное лицо вынуждено проявлять повышенную терпимость и осознавать свой публично-правовой статус со всеми вытекающими последствиями, причем, как правило, границы между разными публичными лицами практически нет, за исключением общественно-политической важности занимаемой должности и способности влиять на принятие тех или иных решений.

США до 80-х гг. прошлого столетия являлись рекордсменом по количеству исков, поданных состоятельными истцами к своим критикам-недоброжелателям, которые в американском праве называются SLAPP-исками (Strategic Lawsuits Against Public Participation), или заведомо недобросовестными¹⁸. В целях борьбы против подобных исков на 2021 г. в 31 штате США действуют так называемые законы Anti-SLAPP, позволяющие ответчикам направить встречное ходатайство об отклонении ранее поданного иска, а также взыскать с истца компенсацию расходов на юридические услуги в случае принятия судом положительного решения в их пользу¹⁹.

¹⁴ Баганова Ф. К. Развитие законодательства о защите чести, достоинства и деловой репутации на примере Великобритании // Вестник науки. 2023. № 3 (60). С. 137–144.

¹⁵ Указ. соч. С. 139.

¹⁶ Решение Высокого суда Лондона по делу *Vladimir Sloutsker vs Olga Romanova* [2015] EWHC 545 (QB). URL: https://rapsnews.ru/international_publication/20150724/274264718.html (дата обращения: 05.09.2024).

¹⁷ Перова Н. А. Ограничения свободы слова и защита права на достоинство и репутацию в судебной практике Великобритании и США // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 4 (19). С. 261–267. DOI: 10.24833/2071-8160-2011-4-19-261-267

¹⁸ Vining A., Matthews S. Overview of Anti-SLAPP laws // Reporters Committee for Freedom of the Press. Режим доступа: <https://www.rcfp.org/introduction-anti-slapp-guide/> (дата обращения: 05.09.2024).

¹⁹ Абакумова Е. Б., Комиссаров А. В., Тарасов Д. Ю. Зарубежный опыт правового обеспечения защиты чести, достоинства и деловой репутации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2. С. 148–154. DOI: 10.21603/2542-1840-2021-5-2-148-154

С другой стороны, прецедентное право будет выступать в защиту лиц, обладающих публичной репутаций, исходя из общественно-политической и финансовой составляющей рассматриваемого дела. В данном случае необходимо признать особенности прецедентного права, которые дают в известной степени юридическую самостоятельность и гибкость в применении положений закона.

В отличие от единого англо-саксонского подхода законодательство стран континентально-правовой системы не выработало единого способа правового регулирования общественных отношений в сфере репутации публичных лиц.

Одной из концептуальных особенностей таких стран является отсутствие имущественно-выраженной модели репутации в отличие от английского подхода. Так, в Германском гражданском уложении намеренно не перечисляются интересы, защищаемые законом, за которые могла бы наступить потенциальная имущественная ответственность, поскольку распространение сведений, наносящих вред репутации, имеет тонкую грань между уголовно-правовой и материально-правовой ответственностью²⁰.

Нормы диффамационного права ряда стран названной правовой семьи характеризуются повышенным уровнем ответственности по защите репутации публичных лиц, в том числе с применением уголовно-правовой. В частности, немецкий законодатель наряду с общим составом преступлений (клевета и др.) предусматривает отдельные виды ответственности в целях защиты отдельных категорий граждан. Существуют отдельные составы преступлений, такие как клевета и злословие в отношении политического деятеля, а также пропаганда, направленная против бундесвера (вооруженные силы ФРГ), что подчеркивает публичность защиты этой категории лиц²¹.

Следует отметить, что указанные составы преступлений не являются новшеством в рамках стран континентальной правовой системы, это классический инструмент государства, что отражает общие признаки правовой системы.

Существование подходов, предусматривающих ужесточение ответственности за вред репутации публичных лиц, в науке считается обоснованным, так как это затрагивает систему государственного аппарата, от должностных лиц которого зависит успешное функционирование государства и обеспечение безопасности общества и граждан²².

Вместе с тем необходимо устанавливать границы дозволенной критики и дискуссии в отношении публичных лиц, ведь в таком же виде для ряда стран характерно нарушение основополагающих прав граждан, прежде всего на свободу слова и выражение собственного мнения. В процессе правового регулирования важно находить золотую середину между двумя взаимосвязанными истинами с целью справедливого соблюдения защиты репутации публичных лиц и свободы слова.

Тем не менее в странах, придерживающихся такого подхода, встречаются противоречивые случаи, по которым суды выносили неоднозначные решения. Одним из таких случаев является дело принцессы Монакской и Ганноверской Каролины: фотографии ее отдыха были распространены в немецких СМИ без ее согласия²³. Несомненно, Каролина позже подала иск о нарушении права на неприкосновенность частной и семейной жизни. Однако Верховный суд ФРГ постановил, что в данном случае интересы общественности перевешивают ее право на неприкосновенность частной жизни, поскольку она является публичным лицом. В мотивированной части решения суд обратил внимание на два факта: во-первых, что такие лица, как принцесса, вызывают высокий и правомерный интерес общественности, привлекая тем, таким образом подобные категории граждан осуществляют свои представительские функции; во-вторых, право публикации соответствующих материалов в газетах, журналах и иных СМИ является защищенным немецким законодательством правом на свободу печати. Изучая названное дело, можно обратить внимание, что немецкие суды в данном случае избирают совсем иную стратегию, не характер-

²⁰ Bürgerliches Gesetzbuch. Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> (дата обращения: 05.09.2024).

²¹ Касьянчик С. С. Деловая репутация должностного лица государственного органа как объект административно-правовой защиты // Экономические и юридические науки. Вестник Полоцкого государственного университета. 2014. № 5. С. 115–121.

²² Указ. соч. С. 118.

²³ Постановление ЕСПЧ «Фон Ганновер (Von Hannover) против Германии», № 59320/00 (2004). URL: <https://globalfreedomofexpression.columbia.edu/wp-content/uploads/2022/02/Von-Hannover-v.-Germany-No.-2-RU.pdf> (дата обращения: 05.09.2024).

ную для германской правовой системы, имплементируя элементы «вседозволенности права». Пройдя все внутренние инстанции, в том числе через Федеральный Конституционный суд Германии (далее — ФКС Германии), Каролина фон Ганновер обратилась в Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ) с иском о нарушении ст. 8 ЕСПЧ (право на уважение частной и семейной жизни), который принял положительное решение в пользу принцессы, посчитав, что немецкие суды нарушили пределы свободы слова и право на свободу печати, так как их деятельность в корне противоречит основополагающим положениям ст. 8. Результатом подобного противоречия стало нахождение равновесия между позициями судов ФКС Германии и ЕСПЧ в части учета мнения и толкования ЕСПЧ при рассмотрении подобной категории дел в будущем, что стало основанием в 2013 г. для отказа повторного рассмотрения иска судом.

Вышеупомянутое дело раскрывает нам несколько нюансов, которые не были учтены ни ЕСПЧ, ни судами Германии.

Во-первых, принцессе, безусловно, необходимо было подавать иск не только для защиты права на неприкосновенность частной жизни, но и для сохранения особой репутации как представительницы княжеского титула (поскольку она — родная сестра правящего князя Монако). Именно поэтому немецкий суд первой инстанции использовал ее титул в качестве главного аргумента своего решения о том, что появление такой фигуры вызывает повышенный общественный интерес. Представляется, что подача иска в таком виде соответствовала бы аргументу ЕСПЧ о нарушении ст. 8 Европейской конвенции о правах человека, так как это доказывало бы недопустимость вмешательства органов публичной власти в частную и семейную жизнь.

Во-вторых, ФКС Германии и ЕСПЧ необходимо было рассмотреть нарушение прав на уважение частной и семейной жизни не только с точки зрения нарушения прав, закрепленных в ст. 8, что каждый имеет право на уважение личной жизни, но и через призму соотношения свободы выражения мнения и защиты репутации или прав других лиц, которые закреплены в ст. 10 Европейской конвенции о правах человека. Согласно данной статье каждому физическому или юридическому лицу действительно гарантируется право на свободу выражения мнения, однако до момента применения ограничения в целях защиты репутации. Немецкое законодательство, как и законодательство большинства стран Европы и стран континентальной системы, предусматривает ограничения и условия осуществления права на свободу выражения мнения только в целях национальной безопасности, обеспечения территориальной целостности государства или общественного порядка, упуская допущение подобных ограничений в целях защиты репутации. Вместе с тем публичное ограничение прав такой категории граждан, которые помимо публичности имеют также монархическое происхождение, может наносить вред не только репутации лица и его семейства, но и государства, правителями которого они являются, а значит, ее гражданам, имиджу страны на международной арене и дипломатическим отношениям, что уже выходит за рамки обыденного понимания регулирования общественных отношений в сфере репутации одного лица.

Таким образом, вышеназванное дело в очередной раз показывает неоднородность законодательства в области защиты репутации публичных лиц стран континентальной системы, когда возможно прибегнуть к абсолютно иному толкованию и пониманию репутации.

Доказательством этого является решение Национального Собрания Франции о декриминализации статьи уголовного кодекса об оскорблении президента, действовавшей с 1881 г. Причиной отмены этого закона стало решение ЕСПЧ по делу фермера Эрве Эона, наказанного за «неблагопристойное высказывание» в адрес президента Николя Саркози. Суд обратил внимание, что оскорбление было заимствовано Эоном у самого президента, оскорбившего так одного из жителей республики. Кроме того, суд также отметил, что подобные заявления носят политический характер, к которым, как известно, публичные лица должны относиться терпимо.

Особый интерес представляет китайский опыт правового регулирования общественных отношений в сфере репутации публичных лиц, складывавшийся на протяжении тысячелетий и реформировавшийся в различные исторические периоды развития государства и права Китая. Центральным институтом является цензура, как метод, пронизывающий все сферы общественной жизни в целях нераспространения идей или политики, признаваемых китайским правом деструктивными. В условиях развития информаци-

онных технологий вопросы защиты репутации должностных лиц, а также руководящих коммунистических органов побуждают принимать новые меры.

Китайское законодательство допускает существование так называемого права на цензуру, которое принадлежит высшим органам власти (в соответствии со ст. 57 Конституции высшим органом государственной власти провозглашается Всекитайское собрание народных представителей) в целях защиты репутации политических основ, традиционного уклада общества и идеи китайского социализма²⁴. В этом смысле предмет публичной репутации по китайскому праву несколько шире, чем в классическом европейском понимании. В Китае политика цензурирования всегда играла важную роль, однако до образования Китайской Народной Республики право на цензуру затрагивало лишь высшую власть императоров и династий. Культурная революция 60–70-х гг. прошлого века изменила многолетнюю практику, результатом чего стала защита репутации не только руководителя страны, но и культурно-исторической идеи всего китайского народа. В этих целях была принята программа «Золотой щит» («Великий Китайский файрвол»), которая является одним из 12 крупных направлений Китая в сфере электронного правительства, основные задачи которой заключаются в ограничении вредоносных иностранных сайтов, фильтрации публикуемого контента в интернете, предъявлении строгих требований к зарубежным СМИ.

Современные технологии и социальные медиа оказывают значительное влияние на репутацию публичных лиц, перераспределяя традиционные механизмы формирования общественного мнения и создавая новые вызовы для регулирования информационного пространства. С одной стороны, цифровые платформы предоставляют публичным личностям мощные инструменты для самопрезентации, прямой коммуникации с аудиторией и построения персонального бренда; с другой — мгновенность распространения информации, отсутствие должной модерации контента и анонимность пользователей создают условия для репутационных рисков, таких как клевета, фальсификация, хейт-атаки, манипуляции общественным мнением и культура отмены (cancel culture).

Для достижения равновесия между необходимостью защиты репутации публичных лиц и сохранением свободы выражения мнений требуется внедрение законодательных инициатив, направленных на регулирование информационного поля. Такие законодательные меры должны учитывать сложную природу социальных медиа, где грани между фактической информацией и мнением может быть размыта, а темпы распространения контента делают традиционные юридические механизмы менее эффективными.

Важные аспекты законодательной инициативы по защите репутации публичных лиц в условиях современных технологий должны включать:

- Введение мер для предотвращения намеренного искажения фактов и распространения ложных сведений, которые могут нанести ущерб репутации публичных лиц. Законодательные нормы должны четко отличать клевету от негативного, но законного мнения.
- Установление обязательства социальных платформ оперативно реагировать на запросы о блокировке заведомо ложного или порочащего контента, при этом процедуру блокировки необходимо сопровождать тщательной проверкой заявлений, чтобы избежать злоупотреблений.
- Требование раскрытия принципов работы социальных медиа, определяющих видимость и распространение контента. Это позволит противодействовать ненамеренной дезинформации, в том числе той, что подлежит усилению через алгоритмические рекомендации.
- Разработку норм, регулирующих допустимые формы выражения мнения в интернете, включая запрет на оскорблений и агрессивные преследования публичных лиц. При этом важно учитывать границу между необходимостью защиты личности и свободой слова.
- Введение программ для повышения медиаграмотности граждан с целью улучшения их способности отличать достоверную информацию от манипулятивной, а также воспитания культуры общения в интернете. Это будет способствовать ослаблению общественного запроса на негативный контент.
- Разработку упрощенных процедур для подачи исков о защите чести, достоинства и деловой репутации, в условиях необходимости оперативного реагирования на репутационные риски.

²⁴ Илюк П. А. Правовое регулирование института цензуры в Китае (от идей Шан Яна до Золотого Щита). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.09.2024).

Таким образом, законодательные меры, направленные на защиту репутации публичных лиц в эру социальных медиа, должны быть сбалансированными, чтобы, с одной стороны, создать эффективные правовые механизмы для защиты личности от несправедливых репутационных атак, а с другой — не создать инструменты для цензуры или подавления свободы выражения мнений. Решение данного вопроса должно идти в связке с активной просветительской деятельностью и технологическим развитием, направленным на прозрачность и ответственность всех участников информационного процесса.

Репутация публичного лица в китайском контексте включает не только защиту должностных лиц и общественных деятелей, но и сохранение памяти о героях и мучениках революции. В этих целях в 2015 г. были приняты поправки в Основные положения гражданского права (после принятия гражданского Кодекса в 2020 г. нормы вошли в ГК КНР) и иные акты, разъясняющие, что нанесение вреда имени или репутации героев революции противоречит общественным интересам, за нарушение которых предусмотрена ответственность²⁵. Необходимость принятия таких мер обусловлена растущим историческим нигилизмом в Китае, отвергающим все достижения и победы идеи марксизма, ленинизма и маоцзизма, с которым коммунистическая партия намерена решительно бороться. В своих выступлениях Председатель КНР Си Цзиньпин неоднократно говорил о необходимости сохранения партийной истории и защите ее репутации от внутренней и внешней критики, приводя в пример СССР, как государство, распавшееся в результате забвения собственной истории, героев и побед²⁶.

Безусловно, китайский опыт является сочетанием социалистических начал и классической традиционной мысли о нерушимости авторитета и репутации власти, истории и китайской нации, которая на протяжении тысячи лет достаточно успешно функционирует, при этом гибко и успешно подстраиваясь под современные тренды.

Выводы

Зарубежный опыт правового регулирования репутации публичных лиц демонстрирует вариативность, которая сохраняется независимо от принадлежности страны к той или иной правовой семье. Анализ этого опыта позволяет выявить как общие, так и отличительные черты в подходах разных государств. К общим признакам относятся признание репутации публичных лиц как первичного права должностных лиц, общественно-политических деятелей и иных лиц, а также необходимость законодательного регулирования в области защиты чести и достоинства, поиск баланса между правом на свободу слова и защите репутации публичных лиц.

К отличительным признакам относятся степень защиты репутации в разных правовых системах и наличие или отсутствие тотального вмешательства органов публичной власти в различные государственные и общественные процессы. Так, в США и Англии защита репутации более ориентирована на индивидуальные права, тогда как в Китае акцент делается на общественные интересы и контроль, где законодательство о репутации публичных лиц находится под влиянием общей линии коммунистической партии.

- Проведенный анализ позволяет дать следующую авторскую оценку рассмотренных правовых моделей:
- подход США способствует защите свободы слова, но может затруднить защиту репутации;
 - законодательство Великобритании требует, чтобы ответчик доказывал правдивость своих высказываний, что облегчает задачу защиты чести и достоинства для истца;
 - подход Китая обеспечивает стабильность, но ограничивает свободу выражения и общественный контроль за властями.

Если рассматривать возможность перенесения данных особенностей в отечественное законодательство, то нужно учитывать несколько моментов:

- степень защиты репутации необходимо адаптировать с учетом культурных и социальных ценностей страны;

²⁵ Трощинский П. В. Кодификация гражданского законодательства Китая. URL: https://www.iccaras.ru/files/abook_file/1.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

²⁶ В Китае запретят оскорблять героев революции. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-39252412> (дата обращения: 05.09.2024).

- баланс между свободой слова и защитой репутации должен учитывать как права индивидов, так и общественные интересы;
- практика, ориентированная на заслушивание сторон и проверку истины, может быть полезна, но важно избегать чрезмерного ограничения свобод.

Анализ зарубежного опыта правового регулирования репутации публичных лиц выявляет множество эффективных подходов, каждый из которых ценен в своем контексте. Их изучение и возможная адаптация могут способствовать развитию отечественного законодательства, что позволит создать более справедливую и сбалансированную систему защиты прав.

Список источников

1. Абакумова Е. Б. Зарубежный опыт правового обеспечения защиты чести, достоинства и деловой репутации / А. Б. Абакумова, А. В. Комиссаров, Д. Ю. Тарасов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2. С. 148–154. DOI: 10.21603/2542-1840-2021-5-2-148-154
2. Беляцкин С. А. Частное право в основных принципах: (Курс гражданского права) / Каunas: 1928. 900 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009011919>.
3. Баганова Ф. К. Развитие законодательства о защите чести, достоинства и деловой репутации на примере Великобритании // Вестник науки. 2023. № 3 (60). С. 137–144.
4. Илюк П. А. Правовое регулирование института цензуры в Китае (от идей Шан Яна до Золотого Щита). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.09.2024).
5. Касьячик С. С. Деловая репутация должностного лица государственного органа как объект административно-правовой защиты // Экономические и юридические науки. Вестник Полоцкого государственного университета. 2014. № 5. С. 115–121.
6. Тарасевич К. А. История эволюции понятия «деловая репутация» // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1 (55). С. 95–100.
7. Трощинский П. В. Кодификация гражданского законодательства Китая. URL: https://www.iccaras.ru/files/abook_file/1.pdf
8. Пачоли Л. Трактат XI о счетах и записях // Страницы венецианского издания книги Лука Пачоли, 1494 г.
9. Перова Н. А. Ограничения свободы слова и защита права на достоинство и репутацию в судебной практике Великобритании и США // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 4 (19). С. 261–267. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-4-19-261-267>.
10. Холоденко Ю. Защита чести, достоинства и деловой репутации по американскому праву / Ю. Холоденко, М. Е. Маргольф // Юрислингвистика. 2016. № 5 (16). С. 72–79. DOI: 10.14258/legin(2016)507.

Об авторе:

Шабанов Магомедрасул Хабилович, аспирант департамента публичного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация); e-mail: mkhshabanov@hse.ru

References

1. Abakumova, E., Komissarov, A., Tarasov, D. (2021) Foreign experience of legal support for the protection of honor, dignity and business reputation // *Bulletin of Kemerovo State University*. Series: Humanities and Social Sciences. No. 5 (2). Pp. 148–154. DOI:10.21603/2542-1840-2021-5-2-148-154. (In Russ.)
2. Belyatskin, S. (1928) Private law in basic principles: (Course of civil law) // *Kaunas*. 900 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009011919>.

3. Baganova, F. (2023) Development of legislation on the protection of honor, dignity and business reputation on the example of Great Britain // *International scientific journal "Bulletin of Science"*. No. 3 (60). Pp. 137–144. (In Russ.)
4. Ilyuk, P. Legal regulation of the censorship institution in China (from the ideas of Shang Yang to the Golden Shield). file:///C:/Users/User/Downloads/illyuk_p_a.pdf
5. Kasyanchik, S. (2014) Business reputation of an official of a government body as an object of administrative and legal protection // *Economic and legal sciences. Bulletin of Polotsk State University*. No. 5. Pp. 115–121. (In Russ.)
6. Tarasevich, K. (2019) History of the evolution of the concept of “business reputation” // *Leningrad Law Journal*. No. 1 (55). Pp. 95–100. (In Russ.)
7. Troschinsky P. V. Codification of Chinese civil legislation. https://www.iccaras.ru/files/abook_file/1.pdf.
8. Pacioli, L. Treatise XI on Accounts and Records // Pages of the Venetian edition of the book by Luca Pacioli, 1494.
9. Perova, N. (2011) Restrictions on Freedom of Speech and Protection of the Right to Dignity and Reputation in the Judicial Practice of Great Britain and the USA // *Bulletin of MGIMO-University*. No. 4 (19). Pp. 261–267. DOI:10.24833/2071-8160-2011-4-19-261-267. (In Russ.)
10. Kholodenko, Yu., Margolf, M. (2016) Protection of honor, dignity and business reputation under American law // *Jurislinguistics*. No. 5 (16). Pp. 72–79. DOI:10.14258/leglin(2016)507 (In Russ.)

About the author:

Magomedrasul Kh. Shabanov, graduate student of the Department of Public Law, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation); e-mail: mkhshabanov@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Контроль финансовой деятельности публичной администрации как субъекта финансового права: теоретические и правовые аспекты

Чуева А. С.

Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева (Северо-Кавказский филиал)
(Краснодар, Российская Федерация)

E-mail: arina.chuieva.81@mail.ru

Аннотация

Введение. Настоящее исследование посвящено актуальной для современного правового государства проблеме контроля за финансовой деятельностью публичной администрации, рассматриваемой в качестве специфического субъекта финансового права. В условиях необходимости обеспечения эффективного, законного и целевого управления публичными финансами единственный контроль над органами, аккумулирующими, распределяющими и использующими государственные и муниципальные денежные фонды, приобретает ключевое значение для финансовой стабильности, социального благополучия и подотчетности власти обществу. Научная проблема заключается в противоречии между множественностью субъектов контроля и сохранением системных недостатков в управлении государственными и муниципальными ресурсами. Целью исследования является разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию правовых механизмов контроля. Задачи включают в себя: уточнение финансово-правового статуса публичной администрации; анализ существующих и перспективных видов контроля; выявление ключевых проблем правового регулирования и правоприменения; формулирование конкретных законодательных новелл.

Методология и материалы. Исследование основано на системном подходе. Формально-юридический метод применялся для анализа норм Бюджетного кодекса РФ и иных актов. Сравнительно-правовой метод использовался для изучения зарубежного опыта и международных стандартов финансового контроля (в частности, стандартов ИНТОСАИ и практик стран ОЭСР). Метод правового моделирования позволил разработать предложения по совершенствованию законодательства, в том числе концепцию рамочного федерального закона.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе исследования были выявлены ключевые системные проблемы: фрагментарность правового регулирования, дублирование функций контрольных органов, преобладание формального «контроля законности» в ущерб аудиту эффективности. Обоснована необходимость смещения акцента с последующего контроля на превентивные модели с использованием цифровых технологий. Предложена классификация видов контроля, включающая перспективные формы (партиципативно-цифровой, прогностический).

Выводы. Сделан вывод о том, что существующая система контроля нуждается не в экспенсивном расширении, а в качественной трансформации. Сформулированы конкретные предложения по совершенствованию законодательства, в том числе: внесение в Бюджетный кодекс РФ нормы об обязательном проведении аудита эффективности по ключевым госпрограммам и нацпроектам; разработка и принятие рамочного Федерального закона «Об основах публичного финансового

контроля в Российской Федерации» для унификации понятий, принципов и механизмов координации. Подчеркивается, что предлагаемые меры позволяют оптимизировать использование ресурсов контрольных органов и повысить практическую отдачу от их деятельности.

Ключевые слова: публичная администрация, государственное управление, финансовое право, финансовый контроль, аудит эффективности, Счетная палата, координация контроля, рамочный закон.

Для цитирования: Чуева А. С. Контроль финансовой деятельности публичной администрации как субъекта финансового права: теоретические и правовые аспекты // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 4 (26). С. 128–141. EDN: LLKpac

The article was submitted: 08.05.2025

The article approved after reviewing: 27.05.2025

The article accepted for publication: 30.09.2025

Control of the Financial Activities of the Public Administration as a Subject of Financial Law: Theoretical and Legal Aspects

Chueva A. S.

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (North Caucasian branch) (Krasnodar, Russian Federation)

E-mail: arina.chuieva.81@mail.ru

Abstract

Introduction. This study is devoted to the topical and significant for a modern legal state problem of control over the financial activities of public administration, considered as a specific subject of financial law. It is substantiated that in the conditions of the need to ensure effective, legal and targeted management of public finances, effective control over the bodies accumulating, distributing and using state and municipal monetary funds acquires key importance for financial stability, social well-being and accountability of the authorities to society.

The scientific problem lies in the contradiction between the multiplicity of control subjects and the persistence of systemic shortcomings in the management of state and municipal resources.

The aim of the study is to develop scientifically based proposals for improving legal control mechanisms. *The objectives include:* clarifying the financial and legal status of public administration; analyzing existing and prospective types of control; identifying key problems of legal regulation and law enforcement; formulating specific legislative innovations.

Methodology and materials. The study is based on a systemic approach. The formal legal method was used to analyze the norms of the Budget Code of the Russian Federation and other acts. The comparative legal method was used to study foreign experience and international standards of financial control (in particular, INTOSAI standards and practices of OECD countries). The legal modeling method allowed us to develop proposals for improving legislation, including the concept of a framework federal law.

Results and discussion. The study identified key systemic problems: fragmentation of legal regulation, duplication of functions of control bodies, prevalence of formal “control of legality” to the detriment of performance audit. The need to shift the emphasis from subsequent control to preventive models using digital technologies is substantiated. A classification of control types is proposed, including promising forms (participatory-digital, predictive).

Conclusions. It is concluded that the existing control system does not require extensive expansion, but rather qualitative transformation. Specific proposals for improving legislation are formulated, including: introducing into the Budget Code of the Russian Federation a provision on mandatory performance audits for key state programs and national projects; developing and adopting a framework Federal

Law "On the Fundamentals of Public Financial Control in the Russian Federation" to unify concepts, principles and coordination mechanisms. It is emphasized that the proposed measures will optimize the use of resources of control bodies and increase the practical impact of their activities.

Keywords: public administration, public administration, financial law, financial control, performance audit, Court of Auditors, control coordination, framework law.

For citation: Chueva A. S. Control of the Financial Activities of the Public Administration as a Subject of Financial Law: Theoretical and Legal Aspects. *Theoretical and Applied Law*. No. 4 (26). Pp. 128–141. (In Russ.)

Введение

В современных условиях развития правового государства и рыночной экономики вопросы эффективного, законного и целевого управления публичными финансами приобретают первостепенное значение. Публичная администрация, охватывающая широкий круг органов исполнительной власти и иных структур, наделенных властными полномочиями, выступает ключевым актором в процессах аккумуляции, распределения и использования государственных и муниципальных денежных фондов. Ее деятельность непосредственно влияет на экономическую стабильность, социальное благополучие и реализацию конституционных прав граждан. В связи с этим организация действенного контроля за финансовой деятельностью публичной администрации становится необходимым условием обеспечения финансовой дисциплины, предотвращения злоупотреблений, коррупции и неэффективного расходования бюджетных средств, а также гарантией подотчетности власти обществу.

Несмотря на наличие обширной нормативной базы и системы контрольных органов, практика свидетельствует о сохранении серьезных проблем. Так, в ежегодных отчетах Счетной палаты Российской Федерации регулярно указываются факты неэффективного использования бюджетных средств при реализации национальных проектов, когда формально средства расходуются по целевому назначению, но запланированные социально-экономические результаты не достигаются¹. Это свидетельствует о преобладании формального контроля над аудитом эффективности.

Научная проблема заключается в явном противоречии между наличием в России разветвленной и многоуровневой системы органов финансового контроля (Счетная палата, Федеральное казначейство, ведомственные контрольные подразделения и др.) и сохраняющейся низкой результативностью управления государственными финансами. Гипотеза настоящего исследования заключается в том, что корень проблемы кроется не в недостатке контрольных мероприятий, а в системных дефектах самой модели контроля: ее правовой фрагментарности, слабой координации субъектов и доминировании процессуального «контроля законности» в ущерб «контролю результата». Требуется не экстенсивное расширение проверок, а качественная трансформация системы на основе единых правовых стандартов, риск-ориентированного подхода и современных цифровых технологий.

Методология и материалы

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания.

Центральное место занял формально-юридический метод, который использовался для анализа норм Бюджетного кодекса РФ, Федерального закона от 07.02.2011 № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации, федеральных территорий и муниципальных образований» и иных нормативных актов, регулирующих контрольную деятельность, а также системный подход, позволивший рассмотреть контроль как целостный институт финансового права, выявить разрывы и дублирование полномочий его субъектов.

Важную роль сыграл сравнительно-правовой метод. Были проанализированы международные стандарты, разработанные Международной организацией высших органов аудита (ИНТОСАИ), в частности,

¹ Национальные проекты // Информационный бюллетень. № 20. Июнь, 2024. URL: https://parlib.duma.gov.ru/common/web_services/secure_download/Resource-189730/dfrpr2420.pdf (дата обращения: 07.08.2025).

стандарты серии ISSAI, касающиеся аудита эффективности. Также был учтен опыт стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по внедрению риск-ориентированных моделей и повышению прозрачности государственных финансов.

Примечательно, что проблемы финансового контроля и правового статуса органов публичной администрации были предметом исследования многих отечественных и зарубежных ученых — юристов и экономистов.

Существенный вклад в разработку теории финансового контроля внесли такие ученые, как Е. А. Бочарева², Е. Ю. Грачева³, О. Н. Горбунова⁴, С. В. Запольский⁵, М. В. Карасева⁶ и др.⁷

Вопросы административно-правового статуса органов исполнительной власти и контроля в сфере государственного управления рассматривались в работах А. П. Алексина⁸, Д. Н. Бахраха⁹, Ю. М. Козлова¹⁰, Б. М. Лазарева¹¹, М. С. Студеникиной¹², Ю. А. Тихомирова¹³ и др.¹⁴

Вместе с тем комплексное исследование контроля именно за финансовой деятельностью публичной администрации как специфического субъекта финансового права, с акцентом на синтез теоретических и правовых аспектов, требует дальнейшего углубленного изучения.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Теоретические основы контроля финансовой деятельности публичной администрации

Публичная администрация в широком смысле представляет собой «систему государственных и муниципальных органов, иных органов, учреждений и организаций, которые во исполнение закона и установленном им порядке осуществляют в публичных интересах управленческие функции посредством принятия правовых актов управления, направленных на реализацию возложенных на этих субъектов властных полномочий и обязанностей по предоставлению публичных услуг»¹⁵.

В свою очередь, «система публичной администрации в Российской Федерации — совокупность взаимосвязанных между собой органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, выполняющих административно-публичные функции, а также организаций, обладающих в силу федерального закона статусом государственного или иного органа в целях осуществления административно-публичных функций, представителей данных органов и организаций (в том числе лиц, замещающих государственные и муниципальные должности, должности государственных и муниципальных служащих,

² Бочарева Е. А. О доктринальных проблемах финансового контроля / Е. А. Бочарева, Е. В. Вороненко // Право и практика. 2018. № 1. С. 171–177. EDN: WAUPAD

³ Грачева Е. Ю. Правовые основы государственного финансового контроля: монография. М., 2000. 159 с.

⁴ Горбунова О. Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России: научно-популярная монография. М.: Элит, 2012. 294 с. EDN: QQSVT

⁵ Запольский С. В. Теория финансового права: научные очерки. М.: РГУП, 2010. 372 с. EDN: PIQBOR

⁶ Карасева М. В. Финансовое правоотношение: монография. М., 2001. 283 с.

⁷ См., например: Правосубъектность участников финансовых правоотношений и ее трансформация в условиях развития цифровой экономики / О. Ю. Баекова, Е. Г. Беликов, М. А. Каткова и др. М., 2022. 236 с.

⁸ Алексин А. П. Административное право Российской Федерации: учебник. М., 1996. 639 с.

⁹ Бахрах Д. Н. Административное право России: учебник. М.: ЭКСМО, 2007. 528 с.

¹⁰ Советское административное право: государственное управление и административное право: монография / ред.: Ю. М. Козлов, Б. М. Лазарев, А. Е. Лунев. М.: Юридическая литература, 1978. 357 с.

¹¹ Лазарев Б. М. Компетенция органов управления. М., 1972. 280 с.; Лазарев Б. М. Государственное управление на этапе перестройки: монография. М.: Юридическая литература, 1988. 320 с.

¹² Студеникина М. С. Государственный контроль в сфере управления: проблемы надведомственного контроля: монография. М.: Юридическая литература, 1974. 159 с.

¹³ Тихомиров Ю. А. Теория компетенции. М., 2001. 351 с. EDN: QXAGRH

¹⁴ См., например: Исполнительная власть в Российской Федерации. Проблемы развития / И. Л. Бачило, А. А. Гришковец, И. С. Мелохин и др. М.: Юристъ, 1998. 432 с.

¹⁵ Зеленцов А. Б. Концепция публичной администрации в современном административном праве (сравнительно-правовое исследование) / А. Б. Зеленцов, О. А. Ястребов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 4. С. 649–650. DOI: 10.21638/spbu14.2019.402. EDN: XFYDAT

иных должностных лиц, реализующих административно-публичные функции в сферах административно-распорядительной и административно-охранительной деятельности государства)»¹⁶.

В контексте финансового права публичная администрация выступает как особый, властный субъект, участвующий в разнообразных финансовых правоотношениях. Ее финансово-правовой статус характеризуется, в частности:

- наличием специальной финансовой правосубъектности, обусловленной ее компетенцией в сфере публичных финансов;
- реализацией функций по формированию (например, через налоговые и иные административные органы), распределению (участие в бюджетном процессе, управление бюджетными средствами) и использованию (в роли главных распорядителей, распорядителей и получателей бюджетных средств) публичных денежных фондов государства (муниципальных образований);
- обладанием властными полномочиями, позволяющими издавать нормативные и индивидуальные акты, обязательные для других участников финансовых правоотношений;
- необходимостью действовать строго в рамках закона (принцип законности) и в публичных интересах.

Именно властный характер деятельности и оперирование значительными публичными ресурсами обуславливают специфику и повышенную значимость контроля за финансовой деятельностью публичной администрации.

2. Понятие, сущность, цели и принципы финансового контроля в отношении публичной администрации

Исходя из доктринальных подходов и современных вызовов в сфере публичного управления, финансовый контроль в отношении публичной администрации можно определить как интегрированную, многоуровневую систему нормативно-правового, организационного и методологического обеспечения, направленную на непрерывную верификацию и оценку законности, целесообразности, эффективности и результативности управленческих решений и операций, связанных с формированием, распределением, использованием и сохранностью публичных финансовых ресурсов и имущества, осуществляющую уполномоченными субъектами как внутри административных структур (внутренний контроль), так и независимыми органами (внешний контроль), с фундаментальной целью обеспечения финансовой дисциплины, предотвращения рисков злоупотреблений и неэффективного управления, а также гарантирования подотчетности органов публичной власти перед обществом и повышения доверия граждан к их деятельности по достижению общественно значимых целей.

Полагаем, что такая дефиниция отражает современное понимание и сущность финансового контроля не просто как карательного или ревизионного механизма, а как важнейшего института надлежащего публичного управления.

Исходя из предложенного определения финансового контроля в отношении публичной администрации можно выделить его *ключевые признаки*, среди которых:

- системность и интегрированность (то есть не разрозненность контрольных мероприятий, а их взаимосвязь в единую систему);
- многоуровневость (учитывается как внутренний, так и внешний контроль, их разная природа и задачи);
- непрерывность и оценочный характер (контроль — это не только постфактум констатации нарушений, но и постоянный процесс оценки, включающий элементы аудита эффективности и результативности);
- широкий объект (контроль охватывает не только операции с деньгами, но и управленческие решения, влияющие на публичные финансы и имущество);

¹⁶ Стахов А. И. Публичная администрация в Российской Федерации как субъект административного процесса / А. И. Стахов, Н. В. Ландерсон, Д. Г. Домрачев // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 4. С. 62–63. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(4).55-77. EDN: MXCHTN

- комплексная цель (контроль выходит за рамки простой проверки законности, включая целесообразность, экономичность, результативность, управление рисками);
- обеспечение подотчетности и укрепление общественного доверия, что является краеугольным камнем легитимности публичной власти в демократическом правовом государстве.

Таким образом, сущность финансового контроля в отношении публичной администрации заключается в сопоставлении фактического состояния финансовой деятельности администрации с установленными правовыми и плановыми параметрами, выявлении отклонений, их причин и виновных лиц, а также в принятии мер по их устранению и предупреждению.

В свою очередь, цели такого контроля следующие:

- обеспечение законности и правопорядка в финансовой сфере (гарантирование соблюдения бюджетного, налогового и иного законодательства, регулирующего публичные финансы, всеми участниками бюджетного процесса и получателями публичных средств);
- защита публичных финансовых интересов (обеспечение целевого и эффективного использования бюджетных средств и государственной (муниципальной) собственности);
- повышение качества публичного управления (содействие оптимизации процессов управления публичными финансами, повышению эффективности бюджетных расходов и достижению запланированных социально-экономических результатов деятельности публичной администрации);
- обеспечение прозрачности и подотчетности публичной администрации обществу (формирование объективной информации о состоянии публичных финансов и результатах деятельности органов власти для информирования общества, представительных органов, вышестоящих инстанций);
- информационно-аналитическая поддержка принятия решений (предоставление релевантной, достоверной и своевременной информации для корректировки финансовой политики, совершенствования бюджетного планирования и управления рисками);
- предупреждение, выявление и пресечение финансовых правонарушений, включая коррупционные проявления;
- повышение уровня финансовой дисциплины;
- обеспечение полноты и своевременности поступления доходов в бюджетную систему;
- оценка эффективности деятельности органов публичной администрации в финансовой сфере.

Наконец, исходя из существующих в юридической науке подходов к понятию и системе принципов государственного (муниципального) финансового контроля¹⁷, представляется целесообразным выделить следующие фундаментальные принципы его осуществления в отношении публичной администрации:

- законность (осуществление контроля строго в рамках правового поля, на основании и во исполнение норм законодательства, с соблюдением установленных процедур);
- независимость (функциональная, организационная и финансовая независимость органов (субъектов) контроля от проверяемых (подконтрольных) органов и должностных лиц публичной администрации, а также от неправомерного политического или административного влияния, обеспечивающая непредвзятость выводов и оценок);
- объективность и беспристрастность (формирование выводов и рекомендаций исключительно на основе достоверных, документально подтвержденных фактов и данных, исключая субъективизм, предвзятость или конфликт интересов со стороны контролеров);

¹⁷ См., например: Бочкарёва Е. А. О доктринальных проблемах финансового контроля / Е. А. Бочкарёва, Е. В. Вороненко // Право и практика. 2018. № 1. С. 171–177; Бочкарёва Е. А. Принципы финансового права как объект научных исследований // Финансовое право. 2020. № 8. С. 3–6. EDN: VEMOVR; Бочкарёва Е. А. К вопросу о принципах публичного финансового контроля // Очерки новейшей камералистики. 2022. № 3. С. 2–5. EDN: LWKLPI; Камилов А. Ш. Понятие и принципы государственного финансового контроля // Образование. Наука. Научные кадры. 2023. № 4. С. 136–138. DOI: 10.24412/2073-3305-2023-4-136-138. EDN: DCYOQP; Чуева А. С. К вопросу о публичном финансовом контроле в России и за рубежом / А. С. Чуева, А. О. Алимова // Очерки новейшей камералистики. 2022. № 4. С. 24–28. DOI: 10.31429/20785224_2022_4_24. EDN: KBOHFI; Шепелёва Д. В. Принципы внутреннего государственного финансового контроля // Право и государство: теория и практика. 2020. № 3. С. 126–130. EDN: OGZDMI

- системность и регулярность (осуществление контроля как постоянно действующей, планомерной и взаимосвязанной системы мероприятий, охватывающей все стадии бюджетного процесса и ключевые сферы управления публичными финансами);
- комплексность (охват контрольными мероприятиями всех существенных аспектов финансово-хозяйственной деятельности подконтрольных субъектов, включая не только законность, но и целесообразность, эффективность, результативность и экономность использования публичных ресурсов);
- профессионализм и компетентность (наличие у субъектов контроля необходимых знаний, навыков, квалификации и опыта для качественного выполнения контрольных функций, соблюдение профессиональной этики);
- гласность (открытость результатов контроля для общества и представительных органов власти (за исключением сведений, составляющих государственную или иную охраняемую законом тайну), обеспечивающая подотчетность как подконтрольных органов, так и самих контрольных структур);
- ответственность (неотвратимость ответственности как подконтрольных субъектов за выявленные нарушения финансовой дисциплины, так и субъектов контроля за достоверность, обоснованность и своевременность предоставляемых результатов и выводов);
- эффективность и действенность (ориентация контроля не только на выявление нарушений, но и на их предотвращение, устранение причин и условий, способствующих их совершению, а также на практическую реализацию рекомендаций по совершенствованию управления публичными финансами);
- риск-ориентированный подход (концентрация контрольных усилий на наиболее значимых и уязвимых с точки зрения финансовых нарушений и неэффективного использования ресурсов направлениях деятельности публичной администрации).

Перечисленная совокупность принципов формирует нормативно-ценностную основу для организации и осуществления действенного финансового контроля, способствующего повышению качества государственного и муниципального управления в финансовой сфере.

3. Классификация видов и форм финансового контроля в отношении публичной администрации

В настоящее время финансово-правовой науке известны несколько вариантов классификации видов, форм и методов финансового контроля, имеющих существенные отличия¹⁸.

Так, по времени проведения выделяют предварительный, текущий и последующий финансовый контроль. По субъектам — парламентский, президентский, правительственный, ведомственный (внутрисистемный), внутрихозяйственный (внутренний), внешний, судебный, общественный, прокурорский надзор. По объекту — бюджетный, налоговый, валютный, контроль за использованием государственной (муниципальной) собственности, контроль в сфере закупок и т. д. По методам проведения (формам) — проверка, ревизия, аудит, обследование, мониторинг, экспертиза, анализ финансово-хозяйственной деятельности, заслушивание отчетов и т. д.

Перечисленные традиционные виды (формы) финансового контроля, безусловно, сохраняют свою значимость по сей день. Каждый из них имеет свою специфику, нормативное регулирование и направлен на достижение определенных целей в общей системе обеспечения финансовой дисциплины публичной администрации. Однако динамика общественных отношений и новые вызовы требуют осмысления и формулирования новых, еще не получивших широкого научного признания и законодательного закрепления видов (форм) финансового контроля.

Размышляя над эволюцией механизмов контроля в условиях усложнения публичных финансов, цифровизации и возрастающих общественных ожиданий, а также основываясь на анализе современных

¹⁸ См., например: Григорьев А. Виды, формы и методы финансового контроля, их систематизация / А. В. Григорьев, А. Г. Самсонов // Журнал прикладных исследований. 2021. № 6-5. С. 412–418. DOI: 10.47576/2712-7516_2021_6_5_412. EDN: MDMBSL; Толкачев С. М. Финансовый контроль: сущность, виды, механизм функционирования / С. М. Толкачев, Ю. В. Казанцева // Инновационная экономика и общество. 2021. № 2 (32). С. 53–58; Чуева А. С. Финансовое право (общая часть). Краснодар, 2019. С. 77–83.

тенденций и пробелов в существующих системах, позволим себе гипотетически выделить следующие виды (формы) финансового контроля в отношении публичной администрации, которые с перспективой на будущее заслуживают дальнейшей научной разработки и потенциальной имплементации.

1. *Прогностически-алгоритмический публичный финансовый контроль*, сущность которого заключается в использовании технологий больших данных (Big Data)¹⁹, искусственного интеллекта (AI)²⁰ и машинного обучения (ML) для анализа огромных массивов финансовых и нефинансовых данных публичной администрации с целью выявления аномалий, нетипичных транзакций, потенциальных рисков нецелевого или неэффективного использования средств до их фактического наступления или на самых ранних стадиях.

2. *Результативно-ориентированный публичный финансовый контроль*, то есть контроль, сконцентрированный не столько на законности и целевом характере расходования средств, сколько на достижении конкретных общественно значимых результатов и оценке эффективности затрат в соотношении с полученными социальными, экономическими или иными эффектами.

3. *Системно-сетевой публичный финансовый контроль*, рассматривающий финансовые потоки и риски не на уровне отдельного ведомства или программы, а в контексте всей системы публичных финансов и взаимосвязей между различными акторами (разные уровни бюджета, государственные корпорации, фонды, получатели субсидий, контрагенты, международные организации).

4. *Партиципативно-цифровой публичный финансовый контроль*, реализация которого осуществляется посредством специализированных цифровых платформ, предоставляющих гражданам доступ к детализированной информации о публичных финансах и инструментам для анализа, обратной связи, а также сообщений о нарушениях и участия в обсуждении бюджетных приоритетов.

5. *Этико-поведенческий публичный финансовый контроль*, направленный не только на выявление уже совершенных нарушений финансовой дисциплины, но и на формирование этических стандартов поведения и антикоррупционной культуры у должностных лиц публичной администрации, а также на превентивное выявление и коррекцию поведенческих индикаторов, указывающих на повышенный риск совершения финансовых злоупотреблений.

Безусловно, представленные виды (формы) финансового контроля не являются взаимоисключающими и могут дополнять друг друга, формируя более гибкую, адаптивную и многоуровневую систему обеспечения законности, эффективности и результативности управления публичными финансами. Их развитие требует не только совершенствования правового регулирования, но и междисциплинарных исследований, технологических инноваций и изменения самой философии контроля — от карательно-констатирующей к превентивно-ориентированной и ценностно-направленной.

Полагаем, что дальнейшее научное осмысление этих концепций, их апробация в pilotных проектах и последующая институционализация могут стать важным шагом на пути повышения качества государственного управления и доверия общества к публичной администрации.

Помимо перспективных концепций, находящихся преимущественно на стадии теоретической разработки, современная контрольная практика активно пополняется новыми формами, которые уже получают нормативное закрепление и проходят практическую апробацию. Их возникновение детерминировано ростом запроса общества на транспарентность, цифровой трансформацией госуправления и необходимостью перехода к превентивным моделям контроля. В первую очередь речь идет об общественном финансовом контроле и финансовом мониторинге, которые органично дополняют традиционную систему. Так, общественный финансовый контроль эволюционирует от простого информирования («Бюджет для граждан») к интерактивному анализу (портал «Электронный бюджет») и прямому участию («инициативное бюджетирование»), повышая подотчетность власти. Финансовый мониторинг, в свою

¹⁹ Корева О. В. Технологии Big Data: преимущества и проблемы в использовании / О. В. Корева, К. В. Шамаева // V Арригиевские чтения на тему: «Путь России в будущий мировой порядок»: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Орел, 2023. С. 114–119.

²⁰ См.: Казанцева С. Ю. Практика применения и перспективы развития технологий искусственного интеллекта и робототехники в сфере финансового контроля / С. Ю. Казанцева, Д. А. Казанцев // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11. № 2. С. 553–564. DOI: 10.18334/vinec.11.2.112073. EDN: DLLGH

очередь, представляет собой систему непрерывного онлайн-наблюдения, позволяющую перейти от пост-контроля к превенции. Успешно апробированный в налоговой сфере, этот подход имеет высокий потенциал для масштабирования на контроль за госконтрактами и субсидиями. Развитие обеих форм отражает глобальный тренд на транспарентность, превентивность и риск-ориентированность в управлении публичными финансами.

4. Проблемы и пути совершенствования контроля за финансовой деятельностью публичной администрации

Анализ теории и правоприменительной практики финансового контроля в отношении публичной администрации позволяет выявить ряд существенных проблем, требующих решения.

Во-первых, недостаточная координация и дублирование полномочий.

На практике это приводит к тому, что один и тот же объект (например, учреждение, реализующее государственную программу) в течение года может быть проверен и региональной контрольно-счетной палатой, и Федеральным казначейством, и ведомственной службой. Такие проверки часто проводятся по разным методикам, что не только создает избыточную нагрузку, но и препятствует формированию целостной картины рисков.

В контексте решения данной проблемы особая роль принадлежит Счетной палате Российской Федерации, которая, обладая особым конституционно-правовым статусом высшего органа внешнего государственного аудита (контроля), призвана выступать не только главным аудитором федеральных ресурсов, но и методологическим и координационным центром всей системы публичного финансового контроля в стране. В то же время, несмотря на законодательно закрепленные полномочия по взаимодействию с региональными и муниципальными контрольными органами, ее координирующий потенциал используется не в полной мере. Взаимодействие носит фрагментарный характер, а стандарты Палаты не всегда обязательны для исполнения. Представляется, что ключевым решением должно стать усиление ее координирующей функции через расширение совместных проверок по нацпроектам, приятие большей нормативной силы ее стандартам и создание единой цифровой платформы для обмена данными. Это позволит выстроить эффективную вертикаль внешнего аудита, снизить дублирование и унифицировать подходы к контролю.

Во-вторых, формализм контроля.

В большинстве случаев контроль сводится к проверке формального соблюдения процедур и нормативных требований, без глубокого анализа эффективности и результативности использования публичных ресурсов. Аудит эффективности, хотя и декларируется как приоритетное направление, на практике всё еще занимает меньшую долю по сравнению с традиционным финансовыми аудитом и ревизиями.

Классический пример — проверка исполнения госконтракта. Контролер убеждается, что все акты подписаны, а средства перечислены в срок, но не оценивает, соответствует ли поставленный товар заявленному качеству и достигнута ли цель, ради которой заключался контракт. Как отмечает Счетная палата РФ, это особенно острая проблема для сферы строительства и IT, где миллиарды рублей тратятся с формальным соблюдением процедур, но без достижения конечного результата.

В-третьих, проблемы независимости и объективности, обусловленные тем, что органы ведомственного и внутреннего контроля, будучи частью самой административной системы, не всегда обладают достаточной независимостью для объективной оценки деятельности своего или подведомственных органов. В связи с чем имеют место риски корпоративной солидарности или давления со стороны руководства.

В-четвертых, сложности с реализацией результатов контроля и привлечением к ответственности.

Так, выявленные нарушения не всегда приводят к реальному устраниению недостатков и привлечению виновных должностных лиц к установленным видам юридической ответственности (дисциплинарной, административной, материальной, уголовной, бюджетной). Поэтому процедуры реализации

материалов контроля и взаимодействия контрольных органов с правоохранительными структурами, на наш взгляд, нуждаются в совершенствовании.

В-пятых, недостаточная развитость общественного контроля.

Несмотря на наличие законодательной базы, механизмы общественного контроля за финансовой деятельностью публичной администрации всё еще недостаточно эффективны и зачастую носят формальный характер, а доступ граждан и общественных организаций к необходимой информации ограничен.

В-шестых, сложность и фрагментарность правового регулирования, т. к. нормативная база, регулирующая все аспекты публичного финансового контроля, рассредоточена по множеству актов различной юридической силы, что затрудняет ее системное применение.

Наконец, в-седьмых, ограниченность ресурсов контролирующих органов.

Действительно, многие контрольные органы, особенно на региональном и муниципальном уровнях, испытывают дефицит квалифицированных кадров, современных информационно-аналитических инструментов и методик, что, как следствие, снижает качество и охват контрольных мероприятий. В связи с чем предлагаемые нами меры направлены не на увеличение объема работы контролеров, а на ее качественную переориентацию и оптимизацию. Представляется, что внедрение риск-ориентированного подхода, рекомендованного стандартами ИНТОСАИ, позволит сконцентрировать ограниченные кадровые и временные ресурсы на наиболее уязвимых и финансово емких направлениях, отказавшись от тотальных проверок операций с низким уровнем риска. Цифровизация и автоматический мониторинг (по примеру налогового контроля) могут взять на себя рутинные задачи, освободив инспекторов для проведения сложного аналитического аудита эффективности. Таким образом, речь идет не о том, чтобы работать больше, а о том, чтобы работать эффективнее.

Для решения обозначенных проблем и повышения эффективности контроля за финансовой деятельностью публичной администрации предлагаются следующие конкретные *предложения* по совершенствованию законодательства:

- императивно закрепить в ст. 268.1 Бюджетного кодекса РФ обязанность органов государственного (муниципального) финансового контроля проводить аудит эффективности в отношении реализации ключевых государственных программ и национальных проектов, а также установить обязательность применения методологии риск-ориентированного подхода при осуществлении контрольной деятельности;
- разработать и принять рамочный Федеральный закон «Об основах публичного финансового контроля в Российской Федерации», который призван унифицировать ключевой понятийный аппарат (включая definicii «финансового контроля», «финансового аудита», «мониторинга»); закрепить единую систему принципов, обязательную для всех субъектов контроля; создать действенные правовые механизмы для обязательной координации деятельности контрольных органов.

В целом преодоление выявленных в ходе настоящего исследования недостатков и обеспечение должной эффективности контроля в сфере публичных финансов требуют реализации системных мер, сгруппированных по следующим основным *направлениям*:

- совершенствование правового регулирования, которое видится в гармонизации законодательства о публичном контроле с законодательством об административных правонарушениях и уголовным законодательством в части установления ответственности за финансовые нарушения;
- оптимизация системы субъектов контроля путем внедрения действенных механизмов координации деятельности контрольных органов (например, создание единых координационных советов, обязательный обмен планами и результатами проверок), а также повышения роли и независимости органов внешнего государственного (муниципального) финансового контроля; придания стандартам Счетной палаты РФ квазиобязательного характера для региональных и муниципальных контрольно-счетных органов при проведении совместных и параллельных мероприятий, как это принято в лучших мировых практиках (например, в Германии);

- повышение качества контроля посредством обязательного внедрения аудита эффективности и стратегического аудита (оценки реализуемости долгосрочных государственных стратегий), как это предусмотрено подходами ОЭСР²¹;
- усиление механизмов реализации результатов контроля путем разработки четких процедур рассмотрения и обязательного реагирования подконтрольными объектами на представления и предписания контрольных органов; совершенствования механизмов взаимодействия контрольных органов с правоохранительными органами и органами прокуратуры; повышения неотвратимости ответственности должностных лиц публичной администрации за допущенные финансовые нарушения;
- развитие прозрачности и общественного контроля через расширение перечня финансовой информации, подлежащей обязательному опубликованию органами публичной администрации (включая данные о результатах контрольных мероприятий, с соблюдением установленных законом ограничений); создание реальных механизмов участия граждан и общественных организаций в мониторинге и контроле за расходованием бюджетных средств (например, через развитие «инициативного бюджетирования», общественных слушаний, онлайн-платформ).

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что существующая в Российской Федерации система контроля за финансовой деятельностью органов публичной власти, несмотря на формальную разветленность, демонстрирует недостаточную эффективность. Подтвердилась гипотеза о том, что основная проблема кроется не в отсутствии контроля как такового, а в его системных недостатках: правовой раздробленности, слабой координации и преобладании формально-процессуального подхода.

Ключевыми препятствиями на пути к эффективному контролю являются дублирование функций, ориентация на проверку «бумаг», а не реальных результатов, а также отсутствие единых методологических стандартов для всех субъектов контроля. Анализ практики показал, что это приводит к неэффективному расходованию не только бюджетных средств, но и ресурсов самих контрольных органов.

Дальнейшее развитие системы контроля должно идти по интенсивному пути. Для этого необходима реализация комплексных мер, центральное место среди которых занимает совершенствование правовой базы. Предлагается, в частности, внести в Бюджетный кодекс РФ императивные нормы об обязательном аудите эффективности по ключевым направлениям расходов, а также разработать рамочный Федеральный закон «Об основах публичного финансового контроля», который закрепил бы единые принципы, понятийный аппарат и, что самое важное, действенные механизмы координации деятельности контролеров на всех уровнях.

Реализация этих предложений позволит превратить финансовый контроль из преимущественно карательного инструмента в механизм превентивного управления рисками и повышения качества государственного управления. Это, в свою очередь, будет способствовать не только укреплению финансовой дисциплины, но и, что является стратегической целью, росту доверия общества к деятельности государственной администрации. Дальнейшие исследования целесообразно направить на разработку конкретных правовых стандартов для внедрения риск-ориентированного подхода и методик оценки результативности для различных сфер государственного управления.

Список источников

1. Бочкарева Е. А. О доктринальных проблемах финансового контроля / Е. А. Бочкарева, Е. В. Вороненко // Право и практика. 2018. № 1. С. 171–177. EDN: WAUPAD
2. Бочкарева Е. А. Принципы финансового права как объект научных исследований // Финансовое право. 2020. № 8. С. 3–6. DOI: 10.18572/1813-1220-2020-8-3-6. EDN: VEMOVR

²¹ ОЭСР (2019). Передовой опыт ОЭСР в области бюджетирования, ориентированного на результат. Париж: Издательство ОЭСР. DOI: <https://doi.org/10.1787/c90b0305-en>

3. Бочкарева Е. А. К вопросу о принципах публичного финансового контроля // Очерки новейшей камералистики. 2022. № 3. С. 2–5. DOI: 10.31429/20785224_2022_3_2. EDN: LWKLPI
4. Горбунова О. Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России. М.: Профобразование, 2003. 158 с. EDN: QQSVTT
5. Грачева Е. Ю. Правовые основы государственного финансового контроля: монография. Москва, 2000. 159 с.
6. Григорьев А. В. Виды, формы и методы финансового контроля, их систематизация / А. В. Григорьев, А. Г. Самсонов // Журнал прикладных исследований. 2021. № 6-5. С. 412–418. DOI: 10.47576/2712-7516_2021_6_5_412. EDN: MDMBSL
7. Запольский С. В. Теория финансового права. Научные очерки. М.: Российская академия правосудия, 2010. 372 с. EDN: PIQBOR
8. Зеленцов А. Б. Концепция публичной администрации в современном административном праве (сравнительно-правовое исследование) / А. Б. Зеленцов, О. А. Ястrebов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10, № 4. С. 626–654. DOI: 10.21638/spbu14.2019.402. EDN: XFYDAT
9. Исполнительная власть в Российской Федерации. Проблемы развития / И. Л. Бачило, А. А. Гришковец, И. С. Мелюхин и др. М.: Юристъ, 1998. 432 с.
10. Казанцева С. Ю. Практика применения и перспективы развития технологий искусственного интеллекта и робототехники в сфере финансового контроля / С. Ю. Казанцева, Д. А. Казанцев // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11, № 2. С. 553–564. DOI: 10.18334/vinec.11.2.112073. EDN: DLLGHI
11. Камилов А. Ш. Понятие и принципы государственного финансового контроля // Образование. Наука. Научные кадры. 2023. № 4. С. 136–138. DOI: 10.24412/2073-3305-2023-4-136-138. EDN: DCYOQP
12. Карасева М. В. Финансовое правоотношение: монография. Москва, 2001. 288 с.
13. Лазарев Б. М. Компетенция органов управления. М.: Юридическая литература, 1972. 280 с.
14. Лазарев Б. М. Государственное управление на этапе перестройки: монография. М.: Юридическая литература, 1988. 320 с.
15. Правосубъектность участников финансовых правоотношений и ее трансформация в условиях развития цифровой экономики / О. Ю. Бакаева, Е. Г. Беликов, М. А. Каткова и др. / Под общ. ред. Е. В. Покачалова, Е. Г. Беликова. М.: Русайнс, 2022. 236 с.
16. Советское административное право: государственное управление и административное право: монография / редкол.: Ю. М. Козлов, Б. М. Лазарев, А. Е. Лунев. М.: Юридическая литература, 1978. 357 с.
17. Стахов А. И. Публичная администрация в Российской Федерации как субъект административного процесса / А. И. Стахов, Н. В. Ландерсон, Д. Г. Домрачев // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 4. С. 55–77. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(4).55-77. EDN: MXCHTN
18. Студеникина М. С. Государственный контроль в сфере управления: проблемы надведомственного контроля. М.: Юридическая литература, 1974. 159 с.
19. Тихомиров Ю. А. Теория компетенции. М.: РГБ, 2006. EDN: QXAGRН
20. Толкачев С. М. Финансовый контроль: сущность, виды, механизм функционирования / С. М. Толкачев, Ю. В. Казанцева // Инновационная экономика и общество. 2021. № 2 (32). С. 53–58. EDN: JDCZMY
21. Чуева А. С. Финансовое право (общая часть); учебное пособие. Краснодар: КГУ, 2019. 143 с.
22. Чуева А. С. К вопросу о публичном финансовом контроле в России и за рубежом / А. С. Чуева, А. О. Алимова // Очерки новейшей камералистики. 2022. № 4. С. 24–28. DOI: 10.31429/20785224_2022_4_24. EDN: KBOHFI
23. Шепелева Д. В. Принципы внутреннего государственного финансового контроля / Д. В. Шепелева, О. В. Попова // Право и государство: теория и практика. 2020. № 3 (183). С. 126–129. EDN: OGZDMI

Об авторе:

Чуева Арина Сергеевна, доцент кафедры административного и финансового права Северо-Кавказского филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образо-

вания «Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева» (Краснодар, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; e-mail: arina.chuieva.81@mail.ru

References

1. Bochkareva, E. A., Voronenko, E. V. (2018) About the Doctrinal Problems of Financial Control. *Law and practice.* No. 1. Pp. 171–177. (In Russ.)
2. Bochkareva, E. A. (2020) Financial law principles as a research object. *Financial law.* No. 8. Pp. 3–6. (In Russ.)
3. Bochkareva, E. A. (2022) On the principles of public financial control. *Essays on the latest cameralistics.* No. 3. Pp. 2–5. (In Russ.)
4. Gorbunova, O. N. (2012) Financial law and financial monitoring in modern Russia: a popular scientific monograph. Moscow: *Elite.* 294 p. (In Russ.)
5. Gracheva, E. Y. (2000) Legal foundations of state financial control: monograph. Moscow. 159 p. (In Russ.)
6. Grigoriev, A. V. Samsonov, A. G. (2021) Types, forms and methods of financial control, their systematization. *Journal of Applied Research.* No. 6-5. Pp. 412–418. (In Russ.) DOI: 10.47576/2712-7516_2021_6_5_412
7. Zapsolsky, S. V. (2010) Theory of financial law: scientific essays. Moscow: *RGUP.* 372 p. (In Russ.)
8. Zelentsov, A. B., Yastrebov, O. A. (2019) The concept of public administration in modern administrative law (comparative legal research). *Bulletin of St. Petersburg University. Right.* Vol. 10, No. 4. Pp. 626–654. (In Russ.) DOI: 10.21638/spbu14.2019.402
9. Bachilo, I. L., Grishkovets, A. A., Melyukhin, I. S. [at al] (1998) Executive power in the Russian Federation. Problems of development. *Yuridist.* 432 p. (In Russ.)
10. Kazantseva, S. Yu., Kazantsev, D. A. (2021) The Practice of Applying and Prospects for The Development of Artificial Intelligence and Robotics Technologies in Financial Control. *Russian Journal of Innovation Economics.* Vol. 11, No. 2. Pp. 553–564. (In Russ.) DOI: 10.18334/vinec.11.2.112073
11. Kamilov, A. Sh. (2023) The concept and principles of state financial control. *Education. Science. Scientific staff.* No. 4. Pp. 136–138. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-3305-2023-4-136-138
12. Karaseva, M. V. (2001) Financial legal relations: monograph. Moscow. 283 p. (In Russ.)
13. Lazarev, B. M. (1972) Competence of management bodies. Moscow: *Yuridicheskaya literature.* 280 p. (In Russ.)
14. Lazarev, B. M. (1988) Public administration at the stage of perestroika: a monograph. *Yuridicheskaya literature.* 320 p. (In Russ.)
15. Bakayeva, O. Y., Belikov, E. G., Katkova, M. A. [et al] (2022) The legal personality of participants in financial legal relations and its transformation in the context of the development of the digital economy. Moscow, 236 p. (In Russ.)
16. Kozlov, Yu. M., Lazarev, B. M., Lunev, A. E. (1978) Soviet administrative law: public administration and administrative law: a monograph. *Yuridicheskaya literature.* 357 p. (In Russ.)
17. Stakhov, A. I., Landerson, N. V., Domrachev, D. G. (2021) Public administration in Russia as a subject of administrative procedure. *Law Enforcement Review.* Vol. 5, No. 4. Pp. 55–77. (In Russ.)
18. Studenikina, M. S. (1974) State control in the field of management: problems of supra-departmental control. *Yuridicheskaya literature.* 159 p. (In Russ.)
19. Tikhomirov, Yu. A. (2001) Theory of competence. Moscow. 351 p. (In Russ.)
20. Tolkachev, S. M., Kazantseva, Yu. V. (2021) Financial control: essence, types, mechanism of functioning. *Innovative economics and society.* No. 2 (32). Pp. 53–58. (In Russ.)
21. Chueva, A. S. (2019) Financial law (general part): textbook. Krasnodar: *KGU,* 143 p. (In Russ.)
22. Chueva, A. S., Alimova, A. O. (2022) On the issue of public financial control in Russia and abroad. *Essays on the latest cameralistics.* No. 4. Pp. 24–28. (In Russ.) DOI: 10.31429/20785224_2022_4_24
23. Shepeleva, D. V., Popova, O. V. (2020) Principles of internal state financial control. *Law and the State: theory and practice.* No. 3. Pp. 126–130. (In Russ.).

About the author:

Arina S. Chueva, Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the North Caucasus Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Lebedev Russian State University of Justice (Krasnodar, Russian Federation), PhD in Law, Associate Professor; e-mail: arina.chuieva.81@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Монополия Банка России на эмиссию денег: правовой аспект

Изотов Ю. Г.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)

E-mail: ygizotov@gmail.com

Аннотация

Введение. В исследовании проводится анализ юридических способов обеспечения монополии Банка России на эмиссию денег. Отмечается, что исследователи данного вопроса акцентировали свое внимание в основном на распределении эмиссионных полномочий между Банком России и коммерческими банками. Однако существует и второй аспект — ограничение оборота иностранных валют и денежных суррогатов на территории России. Изучение природы и логической взаимосвязи между способами обеспечения внутренней и внешней монополии Банка России составляет проблему исследования.

Методология и материалы. Цель исследования — провести анализ текущего правового регулирования монополии Банка России на эмиссию денег, выявить его недостатки и предложить пути их устранения. Методологию исследования составили общенаучные методы и специально-юридические методы (формально-догматический, исторический).

Результаты исследования и их обсуждение. Обосновывается агентская природа эмиссии денег коммерческими банками, что позволяет опровергнуть позицию относительно противоречия эмиссионной деятельности коммерческих банков положению ч. 1 ст. 75 Конституции РФ. Также обосновывается позиция относительно природы законного платежного средства, иностранной валюты и денежных суррогатов. Предлагается считать их денежными правовыми режимами, посредством которых государство препятствует осуществлению эмиссионной деятельности на территории России иностранным центральным банкам и частным лицам.

Выводы. Доказывается, что государство, регулируя монополию Банка России на эмиссию денег, исходит из цели такого регулирования — создания экономической ситуации, при которой только Банк России может эмитировать деньги на территории России. Для достижения этой цели законодатель одновременно ограничивает право всех национальных субъектов на эмиссию рубля и ограничивает оборот иностранных и частных валют на территории России. Поэтому монополию Банка России на эмиссию денег можно понимать в двух аспектах — внутреннем и внешнем соответственно. Выделение обоих аспектов позволяет заложить основу для дальнейших исследований в рамках каждого из них.

Ключевые слова: эмиссия денег, центральный банк, эмиссионное право; законное платежное средство, иностранная валюта, денежный суррогат.

Для цитирования: Изотов Ю. Г. Монополия Банка России на эмиссию денег: правовой аспект // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 4 (26). С. 142–156. EDN: LOMXAC

The article was submitted: 15.05.2025

The article approved after reviewing: 14.06.2025

The article accepted for publication: 12.08.2025

The Bank of Russia's Monopoly on Money Issue: Legal Aspects

Izotov Yu. G.

National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)

E-mail: ygizotov@gmail.com

Abstract

Introduction. This study analyzes the legal means of ensuring the Bank of Russia's monopoly on money issuance. It is noted that researchers have focused primarily on the distribution of issuing powers between the Bank of Russia and commercial banks. However, there is a second aspect — restrictions on the circulation of foreign currencies and monetary surrogates within Russia. The research objective is to study the nature and logical relationship between the methods of ensuring the Bank of Russia's domestic and foreign monopoly.

Methodology and materials. The purpose of this study is to analyze the current legal regulation of the Bank of Russia's monopoly on money issuance, identify its shortcomings, and propose ways to address them. The research methodology utilizes general scientific methods (analysis, synthesis, deduction, induction, etc.) and specific legal methods (formal-dogmatic and historical).

Research results and discussion. The agency nature of money issuance by commercial banks is substantiated, which allows us to refute the position that the issuing activities of commercial banks contradict the provisions of Part 1 of Article 75 of the Constitution of the Russian Federation. The article also substantiates the position regarding the nature of legal tender, foreign currency, and monetary surrogates. It is proposed to consider them as monetary legal regimes through which the state prevents foreign central banks and private individuals from issuing money in Russia.

Conclusions. It is demonstrated that the state, in regulating the Bank of Russia's monopoly on money issuance, proceeds from the goal of such regulation: creating an economic situation in which only the Bank of Russia can issue money in Russia. To achieve this goal, the legislator simultaneously restricts the right of all national entities to issue the ruble and limits the circulation of foreign and private currencies within Russia. Therefore, the Bank of Russia's monopoly on money issuance can be understood in two aspects — internal and external, respectively. Distinguishing both aspects allows for the foundation for further research within each.

Keywords: issue of money, central bank, emission right, legal tender, foreign currency, money substitute.

For citation: Izotov, Yu. G. (2025) The Bank of Russia's Monopoly on Money Issue: Legal Aspects. *Theoretical and Applied Law*. No. 4 (26). Pp. 142–156. (In Russ.)

Введение

Монополия центральных банков на эмиссию и управление национальной валютой — тема, хорошо изученная экономической и юридической науками. Однако существует большое количество теоретических и практических вопросов, которые не были рассмотрены или не получили четкого ответа в соответствующей литературе. Если монополию центральных банков с экономической точки зрения можно изучать во многом без учета национальных особенностей, то юридические исследования требуют учета национальной специфики, в первую очередь существующего правового регулирования, которым такая монополия обеспечивается. Именно особенности национальных правовых систем обеспечивают постоянную актуальность рассматриваемой темы, и именно они вызывают множество вопросов.

Другая особенность рассматриваемой темы — это ограниченное понимание монополии Банка России в трудах российских юристов. Обычно данный вопрос сводится к изучению распределения эмиссионных полномочий между государством, Банком России и коммерческими банками. Однако представляется, что распределение полномочий — это лишь один аспект монополии. Другой аспект заключается в ограничении оборота иностранных и частных валют на территории Российской Федерации. Иными словами, государство юридически ограничивает возможности граждан и юридических лиц использовать деньги иностранных центральных банков и частных лиц на своей территории. Такое ограничение также отвечает признакам монополии и потому должно рассматриваться в рамках данной темы.

Таким образом, вопрос правового обеспечения монополии Банка России на эмиссию денег разделяется на два подвопроса: проблему правового обеспечения внутренней монополии (распределение эмиссионных полномочий внутри страны) и проблему правового обеспечения внешней монополии (ограничение оборота иностранных и частных валют на территории страны). Каждому из указанных аспектов в этой статье посвящен отдельный раздел.

Методология и материалы

Цель исследования — провести анализ текущего правового регулирования монополии Банка России на эмиссию денег, выявить его недостатки и предложить пути их устранения.

Методологию исследования составили общенаучные и специально-юридические методы (формально-догматический и исторический).

Результаты исследования и их обсуждение

1. Внутренняя монополия Банка России на эмиссию денег

Монополия центральных банков на управление национальной валютой формировалась поэтапно. Изначально она принадлежала государству напрямую и представляла собой монетную регалию. Только государь мог распоряжаться выпуском дополнительных монет в обращение, а также количеством драгоценного металла в них.

Появление банкнот (изначально как расписок о принятии на хранение определенного количества монет) привело к тому, что коммерческие банки стали оказывать влияние на денежное обращение в стране. В тот недолгий период времени, когда банки придерживались системы полного резервирования, их влияние на денежное обращение оставалось незначительным. Однако после того как большая их часть перешла на систему частичного резервирования, эмиссионные полномочия фактически разделились между государством (оно выпускало монеты) и коммерческими банками (они эмитировали банкноты), причем валюта оставалась той же. Чрезмерная эмиссия банкнот нередко приводила к тому, что банки не могли выполнить все требования вкладчиков об обмене банкнот на монету, в результате чего система денежного обращения страны подвергалась серьезному испытанию как в плане банкнот (от них массово отказывались), так и монет (их сберегали до лучших времен). Экономика страны, в которой банки придерживались системы частичного резервирования, развивалась циклично — бумы сменялись рецессиями и депрессиями.

Чтобы сделать набеги на банки не такими разрушительными, банкиры предложили создать центральный банк или, что то же самое, кредитора последней инстанции, который мог бы эмитировать столько денег, сколько было нужно банкам для покрытия всех требований вкладчиков. Правительство же заинтересовало возможность практически безлимитного финансирования своих расходов за счет инфляционного налога, имманентно присущего данной системе.

Появление и распространение безналичных денег и отказ от золотого стандарта в XX в. изменили роли правительства, центрального банка и коммерческих банков в деле управления системой денежного обращения страны. Драгоценные металлы уступили место банкнотам, а банки стали эмитировать

безналичные деньги и резервировать уже банкноты, а не золотые монеты. В этот период правительства многих стран полностью уступили центральным банкам свои эмиссионные полномочия, а коммерческие банки после Великой депрессии были поставлены в подчиненное положение: их эмиссионные полномочия ограничивались ставкой резервирования и другими требованиями банковского законодательства.

В этой связи стоит отметить, что эмиссия безналичных денег всегда связана с деятельностью банков по привлечению наличных денег и выдаче кредитов, в каком-то смысле ее можно назвать побочным продуктом такой деятельности. Поэтому коммерческие банки с экономической точки зрения всегда эмитируют безналичные деньги, даже если в законодательстве это не упоминается.

В различных странах вопрос о распределении эмиссионных полномочий может разрешаться по-разному. Классической же стала модель монополии центрального банка страны на эмиссию наличных и безналичных денег. При этой модели эмиссионные полномочия коммерческих банков ограничены выпуском безналичных денег и соблюдением резервных требований. Такая модель была принята и в современной России, однако существуют вопросы ее правового закрепления.

Так, Конституция РФ закрепляет исключительное право Банка России на эмиссию денег в России независимо от их формы (ч. 1 ст. 75). Однако Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)¹ (далее — ФЗ «О Банке России») и подзаконные акты Центрального банка РФ предполагают возможность эмиссии безналичных денежных средств коммерческими банками. Это проявляется, например, в установлении ставки резервирования² и определении ее размера подзаконными актами Банка России³. Помимо этого, ст. 29 указанного федерального закона закрепляет монополию Банка России на эмиссию только наличных денег.

Существование данных правовых норм вызвано экономической необходимостью, поскольку безналичные деньги не могут не эмитироваться коммерческими банками. Когда экономический агент вносит наличные деньги в банк, тот эмитирует соответствующее количество безналичных денег, которые отражаются на счете клиента. Наличные же деньги изымаются из оборота. При системе частичного резервирования наличные деньги полностью не изымаются, а используются банком для кредитования других экономических агентов. Если для экономиста важен вопрос о размере денежной массы в обороте, то юристы обращают внимание на технические детали, а именно на фактическую эмиссию безналичных денег коммерческим банком при существовании на это юридического запрета.

Стоит отметить, что в юридической литературе распространено определение эмиссии как увеличения денег в обороте (экономический аспект)⁴. Однако рассматриваемая дискуссия (о распределении полномочий) ведется вокруг понимания эмиссии как простого выпуска новых денег, вне зависимости от их увеличения в обороте (технический аспект). Законодатель же легального определения эмиссии не дал, но оперирует термином «выпуск» (вне зависимости от последствий), что может говорить о техническом понимании эмиссии и расхождении юридической доктрины и законодательства, на которое она опирается.

Также возникает проблема несоответствия положений Федерального закона «О Банке России» и подзаконных актов ЦБ РФ ч. 1 ст. 75 Конституции РФ. Поскольку повлиять на экономическую природу эмиссии безналичных денег невозможно, дискуссия о юридическом закреплении такой эмиссии носит сугубо теоретический характер. В доктрине сформировалось несколько позиций о том, как разрешить данный юридический вопрос.

Например, Л. Л. Арзуманова проблему несоответствия правового регулирования эмиссии безналичных денег экономической реальности решает относительно просто. Она предлагает эмиссию безналич-

¹ Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

² Пункт 2 ст. 35, ст. 38 ФЗ «О Банке России».

³ Положение Банка России от 11.01.2021 № 753-П «Об обязательных резервах кредитных организаций». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: напр.: Лушникова М. В. Финансовое право: бюджетное, эмиссионное и валютное законодательство: комплекс учебно-методических материалов. Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 2004. С. 47; Финансовое право: учебник / отв. ред. Е. Ю. Грачева, О. В. Болтинова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2020. С. 580–581.

ных денег коммерческими банками не считать эмиссией в юридическом смысле, поскольку Конституция РФ ее запрещает⁵.

Существует также подход, в соответствии с которым предлагается ограничительное толкование положения ч. 1 ст. 75 Конституции РФ. Так, например, Л. Г. Ефимова, рассуждая о правовой природе криптовалют, отметила, что ч. 1 ст. 75 Конституции РФ предполагает монополию Банка России только на эмиссию наличных денег⁶. Но такой подход достаточно спорный. Во-первых, нарушаются приоритет формального толкования над системным⁷, в результате чего необоснованно сужается объем понятия «деньги». Во-вторых, нарушаются иерархия нормативных правовых актов: ученая предлагает толковать положение Конституции РФ исходя из содержания положений нижестоящих нормативных правовых актов.

В подобном ключе высказывался и А. Г. Братко. Ученый отмечает, что монополия Банка России распространяется только на эмиссию наличных денег. Данный вывод он обосновывает тем, что с экономической точки зрения эмиссия безналичных денег — это функция любой кредитной организации⁸. Несоответствия положений Федерального закона «О Банке России» Конституции РФ ученый не обнаруживает и замечает, что положения федерального закона только уточняют норму Конституции РФ⁹. Стоит согласиться с выводами А. Г. Братко относительно экономической природы эмиссии безналичных денег и с тем, что положение Конституции РФ сформулировано неудачно. Однако утверждать, что нормы ФЗ «О Банке России» уточняют положение Конституции РФ, нельзя, поскольку они не уточняют, а сужают его объем, что нарушает иерархию нормативных правовых актов и приоритет формального толкования над системным.

Высказывалось также мнение о незаконности эмиссии безналичных денег коммерческими банками. Так, Н. Р. Чебыкина в целях устранения противоречия между положениями Конституции РФ и ФЗ «О Банке России» предложила внести в последний изменения и закрепить, что исключительным правом на эмиссию безналичных денег обладает только Банк России¹⁰.

Представляется, что формальное противоречие между положениями Конституции РФ и ФЗ «О Банке России» не является критичным и не дает основания считать безналичную эмиссию коммерческими банками незаконной. Монополией на эмиссию рубля, действительно, обладает только Центральный банк РФ. Но при организации безналичного денежного обращения Банк России не может не вступать в отношения с коммерческими банками. Однако природа этих отношений носит публичный характер. Так, требования об обязательном резервировании части наличных денег и другие резервные требования устанавливаются Банком России, а коммерческие банки им обязаны подчиняться. Другими словами, коммерческие банки обладают возможностью эмиссии только в тех размерах, которые предоставил им Центральный банк РФ.

С технической точки зрения коммерческие банки действительно выпускают в оборот и изымают из него безналичные деньги, но с экономической и правовой точек зрения эта деятельность зависимая и ограниченная. Можно сказать, что в отношении эмиссии безналичных денег действует разрешительная система, а коммерческие банки выступают агентами Банка России по эмиссии безналичных денег.

Таким образом, с точки зрения содержания положения ФЗ «О Банке России» не противоречат положениям Конституции РФ, однако требуется внести уточнения в их формулировки. Так, например, ч. 1 ст. 75 Конституции следует сформулировать так:

«Денежной единицей в Российской Федерации является рубль. Введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются. Денежная эмиссия осуществляется исключительно

⁵ Арзуманова Л. Л. Система права денежного обращения как подотрасль финансового права Российской Федерации: монография / отв. ред. Е. Ю. Грачева. М.: Проспект, 2015. С. 65. EDN: HQWQNQ.

⁶ Цифровое право: учебник / под общ. ред. В. Б. Блажеева и М. А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. С. 385–386.

⁷ Алексеев С. С. Государство и право: учебное пособие. М.: Проспект, 2015. С. 135–136.

⁸ Братко А. Г. Теория банковского права: монография. М.: Проспект, 2014. С. 186–187.

⁹ Там же. С. 187.

¹⁰ Чебыкина Н. Р. Некоторые вопросы правового регулирования и осуществления банком России полномочий по денежной эмиссии // Омский научный вестник. 2006. № 3 (36). С. 196.

Центральным банком Российской Федерации. Безналичные деньги могут выпускаться иными кредитными организациями с разрешения и под контролем Центрального банка Российской Федерации».

Поскольку положение Конституции РФ в силу ее верховенства и сложного порядка внесения поправок изменить довольно трудно, формальное несоответствие может быть устранено посредством внесения изменений в ФЗ «О Банке России». Так, ч. 1 ст. 29 закона можно сформулировать следующим образом: «Эмиссия наличных денег (банкнот и монеты), организация их обращения и изъятия из обращения на территории Российской Федерации осуществляются исключительно Банком России. Безналичные деньги могут выпускаться иными кредитными организациями с разрешения и под контролем Банка России».

Как видно, это положение идентично тому, что предлагалось внести в ч. 1 ст. 75 Конституции РФ. Только в данном случае изменения в федеральный закон внести легче. Также добавление такой формулировки позволит достичь буквального соответствия существующему положению Конституции РФ, поскольку его смысл сводится не к техническим деталям, а к наделению эмиссионными полномочиями. Использование слова «выпуск» вместо «эмиссии» также позволит сгладить формальное несоответствие, при этом сохраняя содержание и смысл нормы.

Представляется, что разрешить дискуссию можно иначе и значительно проще. Так, если обратить внимание на то, что указанное положение федерального закона находится в главе «Организация наличного денежного обращения», то нетрудно понять, почему законодатель уделил внимание эмиссии наличных денег, а безналичные опустил. Тем не менее такая компоновка нормативного материала представляется неудачной и может быть исправлена путем реализации вышенназванных предложений.

Таким образом, внутренняя монополия Банка России на эмиссию рубля заключается в наделении Банка России исключительным правом эмитировать рубль. Основной проблемой правового регулирования внутренней монополии Банка России является несовершенство законодательной техники в вопросе регулирования эмиссии безналичного рубля, которое ведет к неопределенности правового статуса коммерческих банков в этой сфере. Представляется, что, несмотря на фактическую (техническую) эмиссию безналичных рублей коммерческими банками, юридически монополия Банка России не подрывается. Об этом свидетельствует зависимое положение коммерческих банков от Банка России, который устанавливает ограничения на эмиссию безналичных денег и тем самым ее контролирует. Отношения между Банком России и коммерческими банками являются публичными, и сами коммерческие банки можно рассматривать в качестве агентов Банка России по эмиссии безналичных рублей.

2. Внешняя монополия Банка России на эмиссию денег

Поэтапная монополизация центральными банками управления системой денежного обращения — это одна сторона рассматриваемой проблемы. Она касается в основном вопросов организации банковской системы и распределения полномочий между ее участниками. Другой аспект заключается в том, как государство ограничивает или исключает существование альтернативных систем денежного обращения на своей территории и тем самым формирует монополию центрального банка не по отношению к коммерческим банкам, а к другим системам денежного обращения.

В теории создать систему денежного обращения может любой экономический агент, будь то государство, банк, любая другая организация или гражданин. Однако на практике государства часто ограничивают такую возможность юридически. Чаще всего практикуется принцип «одна экономика — одна валюта», в соответствии с которым государство разрешает функционирование на своей территории только одной системы денежного обращения, например той, которой управляет национальный центральный банк. Функционирование других же систем государство ограничивает (деньги иностранных центральных банков) или же запрещает вовсе (частные деньги). Соответственно, возможны только три варианта реакции государства на системы денежного обращения. Первый — разрешение и (возможно) поощрение. Второй — ограничение. Третий — полный запрет. Каждый из трех вариантов соответствует денежным правовым режимам, которые устанавливаются государством по отношению к определенным системам

денежного обращения. Первому варианту соответствует режим законного платежного средства, второму — иностранной валюты, а третьему — денежного суррогата. Верное определение этих денежных правовых режимов и их формализация посредством правовых норм составляют отдельную правовую проблему.

Основной трудностью современной юридической доктрины является то, что такие финансово-правовые категории, как законное платежное средство, иностранная валюта и денежные суррогаты, воспринимаются как разновидности денег. Однако можно предложить и другой подход к их пониманию.

Как верно заметил в свое время Л. А. Лунц, гражданский оборот создает средства обращения, а государство — законное платежное средство¹¹. Несмотря на это, ученый рассматривал законное платежное средство как самостоятельный объект, он верно заметил разницу между деньгами как порождением экономики и законным платежным средством как порождением права.

Законное платежное средство — это исключительно правовое явление, вне права оно существовать не может. Деньги же могут существовать вне или вопреки воле законодателя. Даже законодатель это признает, когда вводит такую категорию, как денежный суррогат. В этой связи следует провести различие между такими экономическими категориями, как вид денег, их форма, а также денежными правовыми режимами; в литературе часто эти категории смешиваются.

Так, все деньги можно разделить на виды в зависимости от статуса эмитента. Можно выделить государственные деньги (их эмитент — правительство), деньги центральных банков (их эмитент — центральный банк) и частные деньги (эмитенты — частные лица). Существуют и другие разновидности, призванные отразить тот или иной экономический аспект (товарные, кредитные, фиатные, фидuciарные деньги и т. п.), но в данном случае важен статус эмитента. Вид денег отражает их определенный существенный признак, независимо от формы или отношения к ним государства. Например, рубль является деньгами центрального банка, независимо от формы — наличной, безналичной или цифровой. В то же время государство стремится сделать его конкурентоспособным по сравнению с другими валютами на национальном рынке и называет его законным платежным средством, тем самым обязуя все национальные лица принимать его для исполнения денежных обязательств.

Другой пример: биткойны и колионы. Это частные деньги, которые выпускаются и управляются консенсусом майнером (первые)¹² и гражданином М. Ю. Шляпниковым (вторые)¹³. Это частные лица, которые смогли создать системы денежного обращения, соответственно, и выпускаемые ими деньги тоже будут частными.

Форма денег характеризует их внешнее выражение, точнее — технические особенности их обращения. Наличные деньги обращаются посредством вручения монет и банкнот, безналичные — ведения записей по банковским счетам, цифровые — ведения записей в цифровом реестре. Как видно, наличные рубли, доллары, евро и другие валюты одинаковы с точки зрения особенностей их обращения, равно как безналичные их формы также равны между собой.

Категории «законное платежное средство», «иностранный валюта» и «денежный суррогат» отражают отношение государства к определенной денежной системе. Так, например, в России законным платежным средством может быть только рубль. Иностранной валютой признаются деньги, выпускаемые под контролем иностранных государств или иностранных центральных банков. Денежными суррогатами признаются все остальные деньги, например частные. В то же время существуют и другие примеры. Например, в Республике Сальвадор законным платежным средством признается доллар США и также на протяжении нескольких лет признавался биткойн¹⁴. Этот пример хорошо показывает, что законное платежное средство — это не какие-то определенные деньги, а денежный правовой режим, который имеет

¹¹ Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. Изд. 2-е, испр. М.: Статут, 2004. С. 30–31. EDN: QVSYJV

¹² Поппер Н. Цифровое золото: невероятная история Биткойна, или Как идеалисты и бизнесмены изобретают деньги заново / пер. с англ. М.: Вильямс, 2016. С. 46, 54–58.

¹³ Решение Егорьевского городского суда Московской области от 01.07.2015 по делу № 2-1125. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Статьи 1 и 7 Закона Сальвадора от 08.06.2021 № 57 «О биткойне». URL: <https://www.asamblea.gob.sv/leyes-y-decretos/decretos-por-anios/2021/0> (дата обращения: 31.01.2025).

релятивистскую природу, то есть отражает отношение государства к определенной системе денежного обращения.

Сделанные выводы показывают, что нельзя путать вид, форму денег и их правовой режим. Это разные категории, которые отражают определенный аспект функционирования систем денежного обращения, а не признаки или характеристики конкретных валют или денежных единиц. Поэтому следует подробнее рассмотреть природу денежных правовых режимов и особенности их правового регулирования, так как они напрямую связаны с обеспечением монополии Банка России на управление рублем.

Для начала следует дать определение денежному правовому режиму. Понятие «правовой режим» не имеет какого-либо общего понимания среди юристов. С. С. Алексеев понимал под ним «порядок регулирования, который выражен в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных связываний и создающих особую направленность регулирования»¹⁵. Таким образом, С. С. Алексеев на первое место выводил методы регулирования определенной сферы общественных отношений. Несколько позже автор сделал важное замечание, что правовой режим действует по отношению к субъективным правам, хотя часто применяется и формулировка «режим объекта»¹⁶. Правовой режим в отечественной литературе также понимается как система, воплощающая в себе особый порядок правового регулирования¹⁷. Немного уже трактуется данное понятие в иностранной литературе. Так, правовой режим в ней понимается как совокупность правил, политики и норм поведения по какому-либо вопросу¹⁸. Исходя из приведенных позиций, можно сделать вывод, что правовой режим — это относительно обособленная система правового регулирования общественных отношений, сформированная по отношению к определенному объекту.

Чтобы дать определение денежному правовому режиму, следует видоизменить приведенное выше определение с учетом объекта его регулирования. В данном случае денежный правовой режим — это относительно обособленная система правового регулирования общественных отношений по использованию определенной системы денежного обращения.

Далее можно изменить указанное определение для раскрытия сущности отдельных видов денежных правовых режимов, а именно: законного платежного средства, иностранной валюты и денежного суррогата. Определять последние следует с учетом отношения государства к различным системам денежного обращения (национальной, иностранным или частным).

Например, законное платежное средство можно определить как денежный правовой режим, в соответствии с которым все национальные лица и публично-правовые образования (резиденты) на территории Российской Федерации обязаны применять в расчетах между собой национальную валюту Российской Федерации (рубль).

Определения иностранной валюты и денежного суррогата связаны с определением законного платежного средства, поскольку в совокупности все три режима покрывают собой все возможные варианты отношения государства к определенным системам денежного обращения (разрешение (поощрение), ограничение и запрет соответственно). Поэтому определение иностранной валюты может звучать так: это денежный правовой режим, в соответствии с которым определяются правила использования денег, эмитированных иностранными центральными банками для исполнения обязательств между резидентами Российской Федерации, а также между ними и нерезидентами Российской Федерации.

Определение денежного суррогата строится по той же схеме, но может быть представлено в двух вариантах: применительно к абсолютному запрету, действующему сегодня в России, или же более абстрактно — как отношение к частным системам денежного обращения. Первый вариант определения таков: это денежный правовой режим, в соответствии с которым гражданам, юридическим лицам

¹⁵ Алексеев С. С. Теория права. М.: БЕК, 1995. С. 243.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Беляев Г. С. Правовой режим: понятие и признаки // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25, № 1. С. 288. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-281-293. EDN: BHEVED

¹⁸ Black's Law Dictionary. 9th ed., 2009. P. 1395.

и публичным правовым образованиям запрещается самостоятельно эмитировать деньги и использовать их в расчетах между собой. Второй вариант: это денежный правовой режим, в соответствии с которым определяются правила использования частных систем денежного обращения для исполнения обязательств между гражданами, юридическими лицами и публичными правовыми образованиями на территории Российской Федерации.

Приведенные определения отличаются абстрактностью, и в их основе лежит указание не на конкретные денежные единицы, а на системы денежного обращения в целом, что точнее соответствует логике законодателя и отражает отношение государства, которое направлено не на конкретные денежные единицы, а на валюты в целом. Данный подход также больше соответствует информационной теории денег, которая была воспринята финансовым правом (деньги рассматриваются как совокупность (валюта)), нежели цивилистический подход, который рассматривает деньги как самостоятельные объекты.

Основываясь на предложенных формулировках и общем взгляде на законное платежное средство, иностранную валюту и денежные суррогаты как на правовые режимы, а не свойство или разновидности денег, можно проанализировать существующее правовое регулирование в России, обеспечивающее внешнюю монополию Банка России на эмиссию денег.

Современное российское законодательство устанавливает, что все денежные обязательства между резидентами на территории России должны исполняться посредством использования рубля. Оборот иностранной валюты ограничен, а выпуск и использование денежных суррогатов запрещены. Законное платежное средство и иностранная валюта урегулированы наиболее детально, однако существуют вопросы, которые вызывают проблемы как теоретического, так и практического характера.

Первой особенностью правового регулирования указанных категорий является то, что, несмотря на их важность для всей экономической системы, они не закреплены на уровне Конституции РФ. Часть 1 ст. 75 закрепляет лишь внутреннюю монополию Банка России на эмиссию рубля. Положение о том, что официальной денежной единицей в России является рубль, означает лишь то, что Банк России может выпускать только его. Таким образом, Конституция РФ называет лишь национальную валюту и устанавливает монополию Банка России на ее эмиссию; отношения к другим валютам, которое является основой денежных правовых режимов, Конституция РФ не содержит.

Эту ситуацию можно трактовать двояко. С одной стороны, это недостаток правотворческой техники и правовой пробел, с другой — данный пробел можно рассматривать как делегирование законодателю возможности самостоятельно устанавливать денежные правовые режимы в зависимости от экономической ситуации. В этом проявляется гибкость Конституции РФ, поскольку в теории возможны как модель свободно конвертируемой валюты, так и неконвертируемой валюты. Федеральное законодательство более гибкое, нежели Конституция РФ, и вносить в него изменения проще.

Основной массив норм, устанавливающих денежные правовые режимы, представляют положения федеральных законов (Гражданского кодекса РФ, ФЗ «О Банке России», ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»). Такое оформление норм вызвано тем, что денежная эмиссия и валютное законодательство отнесены к исключительному ведению Федерации (п. «ж» ст. 71 Конституции РФ). Помимо того, только федеральным законом могут быть ограничены права граждан (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ), а денежные правовые режимы как раз и являются таким ограничением, поскольку создают препятствия для создания и использования альтернативной валюты. Однако соответствие цели такого ограничения — достаточно дискуссионный вопрос, поскольку монополию Банка России прямо нельзя связать с защитой ни основ конституционного строя, ни нравственности, ни здоровья, ни прав и законных интересов других лиц, ни обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Рубль назван законным платежным средством в п. 1 ст. 140 ГК РФ. Данное положение обязывает граждан и юридических лиц принимать его на всей территории Российской Федерации для исполнения денежных обязательств. Часть 2 ст. 317 конкретизирует это положение и устанавливает, что денежное обязательство может быть номинировано в другой валюте, но исполняться по-прежнему должно только в рублях.

Нормы ГК РФ в первую очередь направлены на разрешение частно-правовых споров между кредитором и должником по денежному обязательству. ГК РФ, в силу своей природы, не регулирует публично-правовые отношения и не может устанавливать административную или уголовную ответственность за нарушение этих положений. Единственным негативным последствием их нарушения, согласно ГК РФ, является просрочка кредитора в случае его отказа принимать исполнение долга в рублях.

Достоинство правового регулирования на уровне ГК РФ в том, что регулирование всех публично-правовых последствий нарушения режима законного платежного средства он делегирует валютному законодательству. Это верно как с практической, так и с теоретической точки зрения, поскольку монополия Банка России не может быть обеспечена исключительно частно-правовыми средствами. Помимо этого, ГК РФ, в совокупности с публично-правовыми актами, образует бинарную систему «если не законное платежное средство, то иностранная валюта», что исключает другие варианты (за исключением денежных суррогатов, о которых будет сказано далее).

ФЗ «О Банке России» также содержит положения о законном платежном средстве, но делает это крайне неудачно. Так, в ст. 27 указано, что официальной денежной единицей (валютой) является рубль. Введение других денежных единиц и выпуск денежных суррогатов запрещается. В данном случае опять устанавливается внутренняя монополия Банка России, однако внешняя установлена только в отношении денежных суррогатов, режим иностранной валюты не установлен. Этот закон содержит и другие положения, которые конкретизируют названные. Например, ст. 29 устанавливает, что:

«Эмиссия наличных денег (банкнот и монет), организация их обращения и изъятия из обращения на территории Российской Федерации осуществляются исключительно Банком России. Банкноты (банковские билеты) и монета Банка России являются единственным законным средством наличного платежа на территории Российской Федерации».

Статья 30 устанавливает:

«Банкноты и монета Банка России обязательны к приему по нарицательной стоимости при осуществлении всех видов платежей, для зачисления на счета, во вклады и для перевода на всей территории Российской Федерации».

Несмотря на то, что данные положения отражают суть режима законного платежного средства, законодатель опять ограничился лишь наличными рублями. Безналичные и цифровые рубли выведены за пределы регулирования этих положений. Такая особенность вызвала дискуссию в научных кругах о том, считать ли безналичные и цифровые рубли законным платежным средством.

На первый план снова выходит противоречие цивилистического и финансово-правового подхода к определению природы денег. Так, цивилист М. Л. Башкатов согласен с тем, что режим законного платежного средства распространяется только на банкноты и монеты Банка России. Ученый ссылается на положение ч. 1 ст. 75 Конституции РФ, но толкует рубль ёзко, то есть только как наличные деньги, а положение ст. 140 ГК РФ считает необоснованно расширенным и противоречащим Конституции РФ¹⁹. Такое узкое понимание рубля автор выводит из функционального содержания рубля, которое определено в ст. 30 ФЗ «О Банке России», следовательно, по мнению автора, «законная платежная сила обязательна имеет свой носитель, ведь иначе не ясно, чья собственная ценность нивелируется путем приобретения новой, выраженной в денежных единицах»²⁰. Ученый также указал на распространенное понимание безналичных денег как прав требования, что также вызывает сомнение в придании им правового режима законного платежного средства²¹.

Противоположную позицию занимают финансисты. Например, А. В. Турбанов справедливо критиковал подход цивилистов и указывал, что режим законного платежного средства распространяется на все формы рубля. Он говорил, что безналичными рублями можно точно так же погашать денежные обязательства, как и наличными, и был солидарен с Л. Г. Ефимовой, что «законное платежное средство может

¹⁹ Башкатов М. Л. Догматическая конструкция законного средства платежа // Вестник гражданского права. 2006. № 2. С. 42–43.

²⁰ Там же. С. 43.

²¹ Там же. С. 44.

передаваться посредством как наличных, так и безналичных расчетов. То есть способ расчетов не влияет на свойства денег или вид платежа»²².

Представляется, что безналичные рубли также являются законным платежным средством. Как и наличные рубли, безналичные также являются деньгами (формой рубля). Отношение законодателя к ним нетрудно определить: должник имеет право исполнить свое обязательство в безналичных рублях, и кредитор в случае отказа допускает просрочку; применение иностранных безналичных денег в этой ситуации ведет к нарушению положений валютного законодательства — можно заметить типичные черты режима законного платежного средства.

Возможно, спор между цивилистами и финансистами относительно приведенных положений ФЗ «О Банке России» решается опять же посредством отсылки к названию главы данного закона — «Организация наличного обращения», поэтому нетрудно понять, почему в ней не упоминаются безналичные рубли. Регулирование безналичного денежного обращения производится, следуя экономической традиции, через меры денежно-кредитной политики. Поэтому однозначно говорить о том, что в ст. 30 ФЗ «О Банке России» законодатель сформулировал позицию, что безналичные рубли не являются законным платежным средством, не приходится. Если же использовать системное толкование Конституции РФ, ГК РФ и ФЗ «О Банке России», то можно сделать вывод о том, что режим законного платежного средства распространяется на все формы рубля.

Денежный правовой режим иностранной валюты урегулирован наиболее подробно в ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле». В ч. 1 ст. 1 данного закона содержится определение иностранной валюты: другими словами, указываются те системы денежного обращения, на которые распространяется соответствующий денежный правовой режим.

Так, законодатель называет иностранной валютой:

1. Денежные знаки в виде банкнот, казначейских билетов, монеты, находящиеся в обращении и являющиеся законным средством наличного платежа на территории соответствующего иностранного государства (группы иностранных государств), а также изымаемые либо изъятые из обращения, но подлежащие обмену указанные денежные знаки (наличная иностранная валюта).

2. Средства на банковских счетах и банковских вкладах в денежных единицах иностранных государств и международных денежных или расчетных единицах (безналичная иностранная валюта).

3. Национальная денежная единица иностранного государства (группы иностранных государств), выпускаемая в цифровой форме национальным центральным банком иностранного государства (группы иностранных государств) или иным органом иностранного государства (группы иностранных государств), в функции которого входит выпуск таких денежных единиц, находящаяся в обращении и являющаяся законным средством платежа на территории соответствующего иностранного государства (группы иностранных государств) (цифровая иностранная валюта)²³.

Как видно, законодатель оперирует двумя категориями: формой денег и указанием на режим законного платежного средства в иностранном государстве. В данном случае явно прослеживается предпосылка формирования денежного правового режима как формы отношения государства к различным системам денежного обращения (в зависимости от эмитента). Поскольку законодатель не может запретить другим государствам выпускать деньги, но может ограничить их оборот на своей территории, он вынужден определять иностранную валюту через категорию законного платежного средства иностранного государства. Такой подход представляется верным, поскольку он соответствует бинарному отношению к системам денежного обращения.

Однако простым указанием на режим законного платежного средства в иностранном государстве ограничиться нельзя. Нужно учитывать также появление цифровых денег, как частных, так и денег центральных банков. В предыдущей версии закона (до 2023 г.) цифровые деньги не упоминались, хотя в некоторых государствах они уже стали законным платежным средством. Однозначно считать

²² Турбанов А. В. Цифровой рубль как законное платежное средство // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 1 (158). С. 61. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.056-065. EDN: ELROKH

²³ В законе цифровые деньги названы разновидностью безналичных. Здесь в методологических целях следует их разделить.

данный пробел негативным нельзя, поскольку были случаи признания законным платежным средством биткойна (Сальвадор). Если бы законодатель при редактировании закона ограничился только указанием на режим законного платежного средства и цифровую форму, то биткойн через законодательство Сальвадора стал бы не денежным суррогатом, а иностранной валютой, что противоречило бы отношению государства к частным деньгам. Поэтому представляется верным подход законодателя к регулированию цифровой формы иностранной валюты не только посредством указания на режим законного платежного средства, но и на правовой статус его эмитента — центральный банк иностранного государства.

Также можно было выбрать и другой подход к определению иностранной валюты. Например, указать, что:

«Иностранная валюта — это деньги, которые являются законным платежным средством на территории иностранного государства. Деньги, эмитированные частными лицами, не являются иностранной валютой».

Такой подход более экономный и отражает сущность правового режима иностранной валюты. Перечисление форм денег представляется избыточным.

Определению правового режима денежного суррогата посвящено лишь одно положение ст. 27 ФЗ «О Банке России», в соответствии с которым выпуск на территории Российской Федерации денежных суррогатов запрещается. Такое скучное правовое регулирование естественно привело к правовой неопределенности, в первую очередь относительно того, что считать денежным суррогатом.

В литературе встречается множество точек зрения на этот счет. Например, денежными суррогатами называли бонусы и баллы; финансовые инструменты: векселя, чеки, продовольственные карточки и многие другие объекты хозяйственного оборота²⁴.

Обычно анализ природы денежных суррогатов начинается с этимологии слова «суррогат» (заменитель денег), и на основе этого делается вывод, что денежный суррогат — это не деньги, а объект, который выполняет их функции. В данном случае очевидна методологическая ошибка — о природе явления судят по его названию. Если бы законодатель назвал соответствующие объекты по-другому, то применение соответствующего подхода привело бы к другим выводам, несмотря на то что явление осталось тем же.

Другая ошибка, которая является следствием названной, — это полное игнорирование отношения законодателя к данной категории объектов и прямо выраженного им абсолютного запрета. По верному замечанию О. М. Крылова, разрешенные объекты не могут считаться денежными суррогатами²⁵. Поэтому такие объекты, как ценные бумаги (векселя, чеки и др.), нельзя отнести к названной категории. Однако сложно согласиться с определением, предложенным О. М. Крыловым, что денежные суррогаты — это не деньги, но объекты, которые выполняют функции денег и используются в нарушение установленного для них правового режима²⁶.

Предложенное определение неполно, поскольку правовой режим этих объектов можно установить, только поняв их природу, а это снова отсылает нас к определению природы денежного суррогата. Кроме того, определять денежные суррогаты через отрижение («не деньги»), одновременно признавая их деньгами, противоречит экономической сути этого явления. Если же целью такого определения является указание на их роль как «заменителей» денег, то оно сводится лишь к этимологии термина «суррогат» и игнорирует установленный законодательством абсолютный запрет на их выпуск.

Помимо того, предложенное определение носит релятивистский характер: один и тот же объект права в зависимости от способа его использования может признаваться как легитимным, так и нелегитимным (денежным суррогатом). Подобная двойственность, однако, не раскрывает его подлинной юридической природы.

Представляется, что существующее правовое регулирование денежных суррогатов, несмотря на его скучность, отражает предложенный ранее подход рассматривать денежные правовые режимы как отно-

²⁴ Грачева Е. Ю. Актуальные проблемы финансового права: монография. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2019. С. 194.

²⁵ Крылов О. М. Денежный суррогат как правовая категория // Административное и муниципальное право. 2019. № 6. С. 43–44.

²⁶ Там же. С. 44.

шение государства к определенным системам денежного обращения. Так, государство может запретить частные системы денежного обращения, поскольку опасается конкуренции с ними или же стремится защитить граждан от использования ненадежных валют.

Под денежным суррогатом следует понимать денежный правовой режим, в соответствии с которым гражданам, юридическим лицам и публичным правовым образованиям (национальным лицам) запрещается самостоятельно эмитировать деньги, а также использовать их в расчетах.

Таким образом, внешняя монополия Банка России на эмиссию денег в Российской Федерации представляет собой ограничение оборота денег иностранных центральных банков и частных лиц. Проблема правового регулирования внешней монополии Банка России заключается в неверном определении природы таких финансово-правовых категорий, как законное платежное средство, иностранная валюта и денежный суррогат. Законодатель рассматривает их как самостоятельные объекты или разновидности денег, что порождает проблемы правоприменения, например, признание или непризнание безналичных рублей законным платежным средством. Представляется, что данные категории являются не разновидностями денег, а денежными правовыми режимами, которые формализуют отношение государства к различным системам денежного обращения. Так, режим законного платежного средства предполагает стимулирование использования национальной валюты и распространяется только на деньги, эмитированные Банком России (рубль). Эмитировать иностранную валюту отечественный законодатель запретить не может, но может ограничить ее оборот на территории России, что предполагает установление режима иностранной валюты. Эмиссию частных денег национальными частными лицами законодатель может запретить, что формализуется режимом денежного суррогата.

Выводы

В итоге можно сформулировать следующие выводы:

1. В России установлена монополия Банка России на эмиссию денег. Данная монополия носит юридический характер и является проявлением воли отечественного законодателя ограничить круг субъектов, которые могут эмитировать деньги на территории России. Можно выделить внутреннюю монополию и внешнюю.

2. Внутренняя монополия заключается в наделении Банка России исключительным правом эмитировать рубль. Все другие лица, как частные, так и публичные, не могут этого делать. Основной проблемой правового регулирования внутренней монополии Банка России является несовершенство законодательной техники в вопросе регулирования эмиссии безналичного рубля, которое ведет к неопределенности правового статуса коммерческих банков в данной сфере. Представляется, что, несмотря на фактическую (техническую) эмиссию безналичных рублей коммерческими банками, юридически монополия Банка России не подрывается. Об этом свидетельствует зависимое положение коммерческих банков от Банка России, который устанавливает ограничения на эмиссию безналичных денег и тем самым ее контролирует. Отношения между Банком России и коммерческими банками являются публичными, и сами коммерческие банки можно рассматривать в качестве агентов Банка России по эмиссии безналичных рублей.

3. Внешняя монополия заключается в ограничении обращения альтернативных рублю валют на территории России. Так, только деньги Банка России могут применяться для расчетов внутри страны. Деньги, эмитированные иностранными центральными банками, могут применяться в исключительных случаях, а частные — никогда. Данное отношение законодателя к различным системам денежного обращения формализуется посредством установления денежных правовых режимов законного платежного средства, иностранной валюты и денежного суррогата соответственно. Предложенное понимание данных финансово-правовых категорий позволяет разрешить существующие проблемы применения соответствующих положений законодательства, например, о признании безналичного рубля законным платежным средством.

Список источников

1. Алексеев С. С. Теория права: учебник. 2-е издание, перераб. и доп. М.: БЕК, 1995. 320 с. EDN: RLSTNL
2. Алексеев С. С. Государство и право: учебное пособие. М.: Проспект, 2015. С. 135–136.
3. Арзуманова Л. Л. Система права денежного обращения как подотрасли финансового права Российской Федерации. М.: Проспект, 2015. 126 с. EDN: HQWQNZ
4. Башкатов М. Л. Догматическая конструкция законного средства платежа // Вестник гражданского права. 2006. Т. 6, № 2. С. 42–64.
5. Беляева Г. С. Правовой режим: понятие и признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25, № 1. С. 281–293. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-281-293. EDN: BHEVED
6. Братко А. Г. Теория банковского права: монография. М.: Проспект, 2018. 520 с.
7. Грачева Е. Ю. Актуальные проблемы финансового права: монография. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2022. 208 с.
8. Крылов О. М. Денежный суррогат как правовая категория // Административное и муниципальное право. 2019. № 6. С. 41–49. DOI: 10.7256/2454-0595.2019.6.31342. EDN: QJHVKZ
9. Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве / 2-е изд., испр. М.: Статут, 2004. 350 с. EDN: QVSYJV
10. Лушникова М. В. Финансовое право: бюджетное, эмиссионное и валютное законодательство: комплекс учебно-методических материалов. Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 2004. 60 с.
11. Поппер Н. Цифровое золото: невероятная история Биткойна, или Как идеалисты и бизнесмены изобретают деньги заново / пер. с англ. М.: Вильямс, 2016. 360 с.
12. Турбанов А. В. Цифровой рубль как законное платежное средство // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 1 (158). С. 56–65. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.056-065. EDN: ELROKH
13. Финансовое право: учебник / отв. ред. Е. Ю. Грачева, О. В. Болтинова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2020. С. 580–581. DOI: 10.31085/9785392314829-2020-624
14. Чебыкина Н. Р. Некоторые вопросы правового регулирования и осуществления банком России полномочий по денежной эмиссии // Омский научный вестник. 2006. № 3 (36). С. 193–196.

Об авторе:

Изотов Юрий Германович, аспирант аспирантской школы по праву Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация); e-mail: ygizotov@gmail.com
SPIN-код: 2516-1469
ORCID: 0009-0005-5592-1055

References

1. Alekseev, S. S. (1995) Theory of Law. BEK Publishing House. 302 p. (In Russ.)
2. Alekseev, S. S. (2015) State and Law. Prospect. Pp. 135–136. (In Russ.)
3. Arzumanova, L. L. (2015) The System of Money Circulation Law as a Sub-Sector of Financial Law of the Russian Federation. Prospect. 126 p. (In Russ.)
4. Bashkatov, M. L. (2006) Dogmatic Construction of Legal Tender. Bulletin of Civil Law. No. 2. Pp. 42–64. (In Russ.)
5. Belyaeva, G. S. (2021) Legal Regime: The Concept and Features. RUDN Journal of Law. Vol. 25, No. 1. Pp. 281–293. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-281-293
6. Bratko, A. G. (2014) Theory of Banking Law. Prospect. 520 p. (In Russ.)
7. Gracheva, E. Yu. (2019) Actual problems of financial law. NORMA: INFRA-M. 208 p. (In Russ.)
8. Krylov, O. M. (2019) Money Substitute as a Legal Category. Administrative and municipal law. No. 6. Pp. 41–49. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0595.2019.6.31342

9. Lunts, L. A. (2004) Money and monetary obligations in civil law. 2nd ed., corrected. *Statut*. 350 p. (In Russ.)
10. Lushnikova, M. V. (2004) Financial law: budgetary, emission and currency legislation. *Yaroslavl State University*. 60 p. (In Russ.)
11. Popper, N. (2016) Digital gold: the incredible story of Bitcoin. *Williams Publishing*. 360 p.
12. Turbanov, A. V. (2024) The Digital Ruble as a Legitimate Means of Payment. *Actual Problems of Russian Law*. Vol. 19, No. 1 (158). Pp. 56–65. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.056-065 (In Russ.)
13. Gracheva, E. Yu., Boltinova, O. V. (eds) (2020) Financial law. *Prospect*. 624 p. DOI: 10.31085/9785392314829-2020-624 (In Russ.)
14. Chebykina, N. R. (2006) Some issues of legal regulation and implementation of powers of the Bank of Russia on money emission. *Omsk Scientific Bulletin*. No. 3 (36). Pp. 193–196. (In Russ.)

About the author:

Yuri G. Izotov, postgraduate student of the Doctoral School of Law, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation); e-mail: ygizotov@gmail.com

SPIN-код: 2516-1469

ORCID: 0009-0005-5592-1055

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

EDN: JPTDAB

Дата поступления статьи: 09.01.2025

Дата поступления рецензии: 12.02.2025

Дата принятия статьи к публикации: 12.08.2025

Альтернативные *lex rei sitae* способы регулирования трансфера права собственности в международном частном праве

Олейников М. А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)

E-mail: maoleynokov@hse.ru

Аннотация

Введение. Господствующим способом регулирования трансфера права собственности на движимые вещи по международным сделкам является коллизионная привязка *lex rei sitae*. Однако ее использование в условиях мобильного конфликта неэффективно. Автономия воли в вопросах трансфера вещных прав представляет собой весьма дискуссионный инструмент.

Методология и материалы. Целью статьи является оценка потенциала альтернативных *lex rei sitae* коллизионных привязок в качестве способов определения вещного статута, а также рассмотрение подходов, основанных на отходе от регулирования трансфера права собственности на движимую вещь по международным сделкам в пользу регулирования риска ее случайной гибели. Методологическую основу исследования составляют аналитический метод, а также такие специально-юридические методы, как историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-юридический. В ходе исследования рассмотрены работы зарубежных авторов, как из стран общего права, так и из континентального, а также работы отечественных авторов.

Результаты исследования и их обсуждение. Личный закон собственника вещи нельзя признать эффективным способом определения вещного статута, так как само понятие «личный закон» понимается в различных юрисдикциях по-разному. Закон места совершения сделки не соответствует современным реалиям, а также создает обширное пространство для злоупотреблений со стороны недобросовестных участников оборота. Переход риска случайной гибели может являться эффективным инструментом регулирования международных сделок, связанных с приобретением движимых вещей, однако круг подобных ситуаций существенно ограничен.

Выводы. В статье резюмируется, что ни один из рассмотренных в статье способов регулирования трансфера права собственности не является эффективным решением. Следовательно, необходимо искать альтернативные варианты, например, внедрять вещно-правовую автономию воли. Вместе с тем автор признает, что указанное решение является сложным и его внедрение требует усилий.

Ключевые слова: международные сделки, трансфер права собственности, мобильный конфликт, коллизионное регулирование, личный закон собственника, закон места совершения сделки, риск случайной гибели.

Для цитирования: Олейников М. А. Альтернативные *lex rei sitae* способы регулирования трансфера права собственности в международном частном праве // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 4 (26). С. 157–168. EDN: JPTDAB

The article was submitted: 09.01.2025

The article approved after reviewing: 12.02.2025

The article accepted for publication: 12.08.2025

Alternative to *Lex Rei Sitae* Means of Regulating the Transfer of Property Rights in Private International Law

Oleynikov M. A.

National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)

E-mail: maoleynokov@hse.ru

Abstract

Introduction. The dominant way to regulate the transfer of ownership on movable property in international transactions is the *lex rei sitae*. However, the use of this connecting factor in conditions of mobile conflict is ineffective. Party autonomy in the real property law is a very controversial tool.

Methodology and materials. The purpose of the article is to assess the potential of alternative to *lex rei sitae* ways to define a real statute, as well as to consider approaches based on moving away from regulating the transfer of ownership on movables in international transactions in favor of regulating the risk of its accidental death. The methodological basis of the research is the analytical method, as well as special legal methods such as historical-legal, comparative-legal, formal legal. The research examines the works of foreign authors, both from common law and continental countries, as well as the works of domestic authors.

Results of the research and their discussion. The personal law of the owner cannot be recognized as an effective way to define a real statute due to the concept of "personal law" is understood differently in different jurisdictions. The law of the place of transaction does not correspond to modern realities, and also creates a vast space for abuse by unfair parties. The risk of accidental death can be an effective tool for regulating international transactions related to the acquisition of movables, however the range of such situations is significantly limited.

Conclusion. In conclusion, the article summarizes that none of the methods of regulating the transfer of ownership discussed in the article is an effective solution. Consequently, it is necessary to look for alternative options, for example, to introduce the substantive and legal autonomy of the will. However, the author acknowledges that this solution is complex and its implementation requires effort.

Keywords: international transactions; transfer of ownership; conflict mobile; conflict of laws regulation; personal law of owner; law of the place of transaction; risk of accidental loss.

For citation: Oleynikov, M. A. Alternative to *Lex Rei Sitae* Means of Regulating the Transfer of Property Rights in Private International Law. *Theoretical and Applied Law*. No. 4 (26). Pp. 157–168. (In Russ.)

Введение

Право собственности имеет основополагающее значение в правопорядке любого государства. Приобретение права собственности предопределяет возникновение у лица целого комплекса прав и обязанностей, лежащих как в области частного, так и публичного права. В связи с этим национальные правопорядки уделяют значительное внимание регулированию момента возникновения и прекращения этого права. Сделки по трансферу права собственности, совершаемые в рамках конкретного национального правопорядка и по его нормам, не сталкиваются с существенными трудностями при их реализации.

При совершении международных сделок, связанных с трансфером права собственности на движимые вещи, ситуация коренным образом меняется, так как при перемещении вещи через границу несколько национальных правопорядков начинают претендовать на регулирование вопросов переноса

права собственности. В целях определения вещного статута, включающего вопросы порядка возникновения и прекращения права собственности, используется коллизионная привязка *lex rei sitae*. По мнению Ю. Базедова, рассматриваемая коллизионная привязка является наиболее распространенным в современном мире способом регулирования частноправовых отношений, связанных с вещными правами¹.

Вместе с тем в некоторых случаях *lex rei sitae* не является эффективным средством разрешения вопросов трансфера права собственности по международным сделкам. Как отмечает Р. Сакко, национальные правопорядки могут требовать различные юридические составы для трансфера права собственности. В каких-то правопорядках для такого трансфера достаточно одного элемента, например факта заключения соглашения. В других, напротив, для перехода титула сторонам требуется юридический состав в виде заключения соглашения и передачи вещи². Следовательно, при перемещении вещи из национального правопорядка, требующего более сложный юридический состав, в национальный правопорядок, который выставляет меньше требований для признания трансфера состоявшимся, использование коллизионной привязки *lex rei sitae* приводит к тому, что собственником вещи будет признаваться другое лицо.

Унифицированное материальное регулирование трансфера права собственности на международном уровне до настоящего момента не создано, а его потенциальное создание представляется чрезвычайно затруднительным. В качестве исключения следует выделить Общие условия поставок товаров между организациями стран-членов СЭВ 1968/1988 гг. (далее — ОУП СЭВ), предметом регулирования которых были вопросы перехода права собственности на движимые вещи. Вместе с тем после прекращения деятельности СЭВ в 1991 г. указанный документ фактически не используется.

Одним из вариантов преодоления проблематики коллизионной привязки *lex rei sitae* в современной доктрине предлагается использование автономии воли в вещном праве. Эта идея сводится к тому, что стороны международной сделки вправе своим соглашением выбрать правопорядок, который будет регулировать момент возникновения и прекращения права собственности.

Вместе с тем признание допустимости автономии воли в регулировании указанных элементов вещного статута предопределяет возникновение целого комплекса вопросов. Центральной проблемой является действие выбранного сторонами права, применимого к трансферу права собственности, против третьих лиц. Европейские исследователи занимают крайне жесткую позицию, которая сводится к тому, что обсуждение автономии воли в вещном праве не имеет какого-либо смысла без решения вопроса о ее действии в отношении третьих лиц³. В современной российской доктрине вопрос допустимости автономии воли в вещном праве также обсуждается. Например, в своем диссертационном исследовании Т. С. Любарская высказывает позицию, согласно которой выбранное сторонами право в ряде случаев может иметь эффект против третьих лиц⁴. Однако предложенное решение не является универсальным и оставляет обширное пространство для дискуссии.

Более того, даже не принимая во внимание теоретические проблемы автономии воли в вещном праве, следует признать тот факт, что ее допущение в принципе не является широко распространенным решением. Круг правопорядков, в которых оно закреплено и используется, весьма узок. В качестве примера государств, где автономия воли в вопросах трансфера вещных прав признается на нормативном уровне, можно привести Швейцарию, Россию, Китайскую Народную Республику, Бахрейн, однако указанный перечень не является исчерпывающим. Таким образом, автономия воли в настоящий момент не может претендовать на роль универсального инструмента регулирования вопросов возникновения и прекращения права собственности на движимость.

Целесообразно изучить альтернативные способы регулирования переноса права собственности по международным сделкам. Эти способы следует разделить на две группы. Во-первых, необходимо

¹ См.: Базедов Ю. Автономия воли в регулировании международных отношений / пер. с англ. Ю. М. Юмашева. М.: Норма, 2022. С. 54.

² См.: Сакко Р. Переход права собственности на движимое имущество в свете сравнительного права. М., 2008. С. 163–164.

³ См.: Van der Weide J. Party Autonomy in Dutch International Property Law // Party Autonomy in International Property Law / Westrik R., Van der Weide J. (ed.). Munich, 2011. Р. 55.

⁴ См.: Любарская Т. С. Автономия воли при определении вещного статута в международном частном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2020. EDN: NSLNAА

проанализировать альтернативные *lex rei sitae* коллизионные привязки, которые могут использоваться для определения вещного статута, регулирующего трансфер права собственности на движимые вещи, например, личный закон или место совершения сделки. Во-вторых, следует рассмотреть решения, предполагающие отход от регулирования трансфера права собственности в пользу детальной регламентации вопросов перехода риска гибели движимой вещи и исполнения обязанности по передаче вещи. В качестве примера можно привести Конвенцию Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (далее — Венская конвенция 1980 г.), а также правила Incoterms.

Методология и материалы

Целью статьи является оценка потенциала альтернативных *lex rei sitae* коллизионных привязок в качестве способов определения вещного статута, а также рассмотрение подходов, основанных на отходе от регулирования трансфера права собственности на движимую вещь по международным сделкам в пользу регулирования риска ее случайной гибели.

В исследовании использован аналитический метод, который необходим для выявления системно-значимых связей и закономерностей исследуемых явлений. Специально-юридические методы также были использованы в ходе проведения настоящего исследования. Одним из них является историко-правовой метод, использование которого связано с тем, что в статье рассматриваются подходы к регулированию трансфера права собственности в исторической ретроспективе. Сравнительно-правовой метод тоже является одним из основных методов, использованных в настоящей работе, так как в исследовании анализируются подходы к регулированию трансфера права собственности на примере различных правопорядков, а также выявляются сильные и слабые стороны каждого из подходов. Формально-юридический метод позволил исследовать положения юридических документов, логически их осмысливать и интерпретировать в контексте настоящего исследования.

Основную часть источников исследования составляет исследовательская литература. Рассмотрен обширный круг доктринальных источников, включающий в себя работы как отечественных, так и зарубежных исследователей из стран общего и континентального права, а также работы отечественных авторов. Нормативно-правовые акты и иные акты были проанализированы в целях изучения практической реализации доктринальных положений.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Личный закон как способ определения вещного статута

Одним из старейших вариантов регулирования вещного статута движимой вещи коллизионным методом является его определение на основе личного закона ее собственника. Как указывает М. Вольф, подход «собственность следует за лицом» был разработан в Средние века итальянскими статуариями, а также последователями данной школы в других европейских правопорядках⁵. Впоследствии произошел отказ от определения вещного статута движимой вещи на основе личного закона собственника в пользу коллизионной привязки *lex rei sitae*. В связи с этим представляется целесообразным проанализировать причины того, почему личный закон собственника не смог стать эффективным средством регулирования вопросов трансфера права собственности на движимые вещи.

Первая проблема личного закона как инструмента регулирования трансфера права собственности состоит в том, что подходы различных правопорядков к определению личного закона существенным образом отличаются. Одним из вариантов является определение личного закона в соответствии с гражданством физического лица. Такой подход используется в соответствующих положениях ГК РФ⁶, в ме-

⁵ См.: Вольф М. Международное частное право. М., 1948. С. 540.

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 03.12.2001. № 49. Ст. 4552.

ждународном частном праве подавляющего числа стран СНГ, а также в некоторых европейских государствах, например, в Венгрии, Германии и Нидерландах⁷.

В качестве альтернативного варианта определения личного закона предлагается принцип «домициля», то есть места постоянного проживания лица. Такой подход используется как в правопорядках, относящихся к системе общего права, так и в целом ряде других правопорядков, например, в Китае, Швейцарии, Корейской Народной Демократической Республике⁸. В англо-американской литературе обращают внимание также и на тот факт, что само понятие «домициля» в системе общего права и континентальной правовой семьи отличается⁹. Следовательно, использование такого подхода требует изучения регулирования личного закона в конкретном правопорядке, а иногда даже и юридической доктрины.

Еще более затруднительным представляется использование личного закона в трансграничных коммерческих отношениях. Это связано с тем, что существует целый ряд подходов к определению личного закона юридического лица. Классическим подходом является теория инкорпорации, однако существуют и иные теории, такие как теория контроля, теория места деятельности, теория оседлости. В настоящий момент все указанные подходы находят свое отражение в законодательствах тех или иных государств.

Таким образом, личный закон не может быть признан эффективным способом регулирования трансфера права собственности на движимые вещи. В различных правопорядках конкретные коллизионные привязки, в соответствии с которыми определяется личный закон, отличаются друг от друга. Более того, сложности добавляет также и необходимость решения интерперсональных коллизий. Это приводит к тому, что определение вещного статута движимой вещи становится мало предсказуемым, так как метод его определения варьируется, а следовательно, требует изучения регулирования каждого конкретного правопорядка. Эта проблема актуальна как для сторон сделки, так и для третьих лиц.

Идея «всё свое ношу с собой», лежащая в основе регулирования трансфера права собственности на движимое имущество, по замечанию М. Вольфа, не отражает реального положения дел¹⁰. Такая формула прикрепления была актуальна в древности, когда люди перемещали всё свое личное имущество вместе с собой. В современном мире имущество лица, как правило, находится в разных юрисдикциях.

От использования личного закона в качестве способа определения правопорядка, регулирующего трансфер права собственности по сделкам, отказались и правопорядки системы общего права, которые последовательно поддерживали его существенно дольше, чем континентальные правопорядки¹¹. Например, в США одним из основополагающих документов, содержащих коллизионное регулирование, является Второй свод законов о конфликте законов (далее — Restatement II). Restatement II не является нормативно-правовым актом, однако представляет собой один из самых авторитетных и актуальных актов мягкого права, который зачастую используется судами наравне с законом.

В соответствии с положениями Restatement II право, регулирующее трансфер права собственности для сторон, определяется условиями конкретной ситуации и устанавливается в соответствии с принципом наиболее тесной связи, если оно не выбрано сторонами. Однако большее значение придается месту нахождения вещи. В отношении третьих лиц трансфер права собственности на движимые вещи осуществляется по праву, которое было бы применено судом штата, где имущество находилось в момент осуществления такого трансфера¹². Таким образом, Restatement II последовательно проводит коллизионную привязку *lex rei sitae*. С. Симеонидис (S. Symeonides) отмечает, что Restatement II несколько смягчил положения Restatement I, который еще жестче проводил подход, основанный на праве места нахождения вещи¹³.

⁷ См.: Международное частное право. Сборник национальных кодификаций / Сост. и ред. В. В. Плеханов. М.: Статут, 2021. С. 206, 268–269, 542–546.

⁸ Там же. С. 391, 697, 1019.

⁹ См.: Baxter I. F. G. Conflicts of Law and Property // McGill Law Journal. 1964. Vol. 10. No. 1. Pp. 11–12.

¹⁰ См.: Вольф М. Международное частное право. М., 1948. С. 543.

¹¹ Там же. С. 541.

¹² American Law Institute. Restatement of the Law: Second: Conflict of Laws, 2d. American Law Institute Publishers, 1971.

¹³ См.: Symeonides S. Choice of law. New York, 2016. P. 584.

Вместе с тем следует признать, что в ряде случаев личный закон может быть эффективным средством регулирования трансфера прав на движимое имущество. М. Вольф, рассматривая эволюцию английского права, указывает на то, что, например, вопросы универсального правопреемства продолжали регулироваться личным законом собственника, несмотря на отход английского права в пользу *lex rei sitae* при регулировании трансфера права по сделкам¹⁴. Указанный подход сохраняется до настоящего момента в подавляющем числе правопорядков. В качестве примера можно привести положения статьи 1224 ГК РФ, которые устанавливают, что отношения по наследованию определяются по праву страны, где наследодатель имел последнее место жительства¹⁵. Однако некоторые правопорядки признают допустимость автономии воли в рассматриваемом случае. Наиболее яркий пример — положения швейцарского законодательства¹⁶. Таким образом, в случае, когда имеет место трансфер права собственности на целый ряд движимых вещей, которые могут быть расположены в разных юрисдикциях, целесообразно регулировать его личным законом, что позволит использовать один правопорядок.

2. Место совершения сделки как способ определения вещного статута

В качестве еще одного варианта определения вещного статута коллизионным методом выступает коллизионная привязка права места совершения сделки. На первый взгляд, подобное решение обеспечивает куда большую предсказуемость регулирования рассматриваемого вопроса, чем *lex rei sitae*, так как место совершения уже заключенной сделки не может измениться, а также позволяет обойти проблемы, рассмотренные в ходе анализа *lex personalis* как способа определения вещного статута.

Детализированное регулирование вещного статута в части трансфера права собственности по трансграничным сделкам впервые появилось в советском праве в 1977 г., когда были внесены соответствующие изменения в Основы гражданского законодательства СССР 1961 г. (далее — Основы 1961 г.)¹⁷. В соответствии с положениями статьи 126 Основ 1961 г. трансфер права собственности на вещь по внешнеторговой сделке осуществлялся по праву места ее совершения. Аналогичные положения содержали и Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. (далее — Основы 1991 г.)¹⁸. Таким образом, положения указанных нормативно-правовых актов являлись в некотором роде уникальными, так как критерий, положенный в основу коллизионной привязки, не был типичным.

Однако, несмотря на некоторую уникальность регулирования, установленного Основами 1961 г. и Основами 1991 г., его следует оценить критически. А. В. Асосков указывает, что в условиях усложнения торгового оборота на международном уровне место совершения сделки приобретает случайный характер. В качестве примера приводится заключение международной сделки в транзитном зале аэропорта, а также различия в подходах к признанию договора заключенным в системе общего и континентального права¹⁹. Следовательно, место совершения сделки не отражает какой-либо реальной связи частноправового отношения с тем или иным правопорядком.

Коллизионная привязка права места совершения сделки представляется спорным решением и при его анализе через призму обеспечения защиты интересов третьих лиц. Проблема может потенциально возникнуть даже в том случае, если стороны сделки, предполагающей трансфер права собственности на движимую вещь, не стремились каким-либо образом причинить вред третьим лицам. Это обусловлено тем, что для определения момента перехода права собственности трети лица должны достоверно знать место, где была совершена сделка. Однако лица, не являющиеся участниками сделки, такой информацией, как правило, не обладают. В современных условиях развития телекоммуникационных средств связи

¹⁴ См.: Вольф М. Международное частное право. М., 1948. С. 542.

¹⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 03.12.2001. № 49. Ст. 4552.

¹⁶ См.: Плеханов В. В. Международное частное право. Сборник национальных кодификаций. М., 2021. С. 1032.

¹⁷ Закон СССР от 8 декабря 1961 г. «Об утверждении основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» (в ред. от 05.06.1977) // Гарант. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77678612/paragraph/10887:4> (дата обращения: 05.10.2024).

¹⁸ Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1) // Гарант. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/3961641/paragraph/81301:3> (дата обращения: 05.10.2024).

¹⁹ См.: Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств [Электронное издание]. М., 2012. С. 356–359. EDN: SDTYBT

сделки совершаются без физического присутствия их участников²⁰. Таким образом, третьи лица лишены возможности объективно установить такое место.

В том случае, если сделка, предполагающая трансфер права собственности на движимую вещь, целинаправленно совершается сторонами с намерением причинить ущерб третьим лицам (например, как можно скорее перенести право собственности на вещь, чтобы лишить кредиторов возможности обратить на нее взыскание), то рассматриваемая коллизионная привязка демонстрирует крайнюю неэффективность. Сторонам сделки достаточно заключить ее на территории того государства, чей правопорядок отвечает их целям. Следовательно, коллизионная привязка места совершения сделки, с одной стороны, не препятствует злоупотреблениям, за которые критикуется автономия воли в вещном праве²¹, а с другой — ограничивает автономию воли сторон.

Более того, регулирование перехода права собственности на движимые вещи по праву места совершения сделки, являющейся основанием к соответствующему трансферу, даже в период действия Основ 1961 г. и Основ 1991 г. не являлось универсальным решением. Это связано с тем, что сфера применения указанных нормативно-правовых актов на практике была существенно уже, чем это может показаться на первый взгляд.

Центральным документом, регулирующим трансграничные сделки, в советский период были ОУП СЭВ. Опыт торгового взаимодействия в советский период свидетельствует о том, что значительное число трансграничных коммерческих операций осуществлялось именно между государствами-членами СЭВ. ОУП СЭВ регулировали в том числе и вопросы возникновения права собственности, перехода риска применительно к разным способам поставки товара²². С учетом наличия столь подробного материально-правового регулирования момента возникновения права собственности использование рассматриваемых коллизионных норм Основ 1961 г. и Основ 1991 г. просто не требовалось.

Законодательства государств на постсоветском пространстве отошли от использования коллизионной привязки права места совершения сделки, являющейся основанием к соответствующему трансферу, в пользу других коллизионных привязок, например, права места нахождения имущества или права, применимого к сделке. В национальных законодательствах подход, установленный Основами 1961 г. и Основами 1991 г., сохраняется только в Гражданском кодексе Республики Беларусь²³.

Однако критикуемое решение можно обнаружить в некоторых международных документах, например, в п. 4 ст. 38 Минской Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам²⁴. С учетом того, что Минская конвенция была принята в 1993 г., сохранение критерия права места совершения сделки в целях определения момента возникновения права собственности на движимые вещи явилось некоторой инерцией советского регулирования. К настоящему моменту Минская конвенция 1993 г. прекратила свое действие между участниками Кишиневской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г. Однако положения п. 4 ст. 41 Кишиневской конвенции 2002 г. сохраняют места совершения сделки в качестве критерия для выбора правопорядка, регулирующего вопросы трансфера права собственности²⁵. Вместе с тем новых актов, использующих критерий права места совершения сделки, не появляется, а данный подход уходит в прошлое.

²⁰ См.: Годунов В. Н., Мещанова М. В. Частное право Республики Беларусь: история становления, развитие и перспективы совершенствования // Частное право в странах бывшего ССР: итоги 30-летия: сборник статей / Исследовательский центр частного права имени С. С. Алексеева при Президенте РФ; под ред. Л. Ю. Михеевой. М.: Статут, 2022. С. 182.

²¹ См.: Плеханов В. В. Переход права собственности по договору международной купли-продажи товаров: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. EDN: NQINV

²² Общие условия поставок товаров между организациями стран-членов СЭВ 1968/1988 гг. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901868676> (дата обращения: 07.10.2024).

²³ Гражданский кодекс Республики Беларусь // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218> (дата обращения: 13.10.2024).

²⁴ Минская Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам // Кодекс. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900189> (дата обращения: 13.10.2024).

²⁵ Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам // Кодекс. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901898597> (дата обращения: 12.11.2024).

Таким образом, место совершения сделки не является адекватной заменой *lex rei sitae*. Использование подобного решения представляется спорным на теоретическом уровне, так как предполагает использование правопорядка, не имеющего какого-либо отношения к трансферу права собственности, а также порождает целый комплекс вопросов, требующих решения.

3. Регулирование риска случайной гибели движимой вещи как альтернатива регулированию трансфера права собственности в международных сделках

Целый ряд документов, регулирующих международные сделки, связанные с трансфером права собственности на движимые вещи, отражает полный отказ от регулирования трансфера права собственности в пользу детального регулирования вопросов перехода риска. Такой подход нашел свое отражение в Венской конвенции 1980 г., а также правилах Incoterms.

В римском праве риск случайной гибели вещи переходил на ее покупателя с момента заключения между продавцом и покупателем договора купли-продажи²⁶. Следствием подобного решения являлось то, что обязанность покупателя по оплате покупной цены сохранялась и в случае гибели приобретаемой вещи. В связи с тем, что подобное решение не обеспечивало баланс интересов сторон, европейские правопорядки в ходе своего развития поставили переход риска случайной гибели вещи в зависимость от момента трансфера права собственности²⁷. В качестве примера можно привести ст. 1138 Французского гражданского кодекса (далее — ФГК). В соответствии с указанной статьей ФГК риск случайной гибели вещи переходит на покупателя при передаче вещи, которая, в свою очередь, презюмируется состоявшейся в момент заключения договора купли-продажи²⁸. Германское гражданское уложение (далее — ГУ) в § 446 также предусматривает переход риска случайной гибели вещи на покупателя с момента ее передачи²⁹, которая, по германскому праву, наряду с обязательственной сделкой и вещным договором входит в юридический состав, необходимый для возникновения права собственности, и является его завершающим элементом.

В условиях обусловленности перехода риска случайной гибели вещи трансфером права собственности на нее возникает вопрос, каким образом регулирование перехода риска может являться альтернативой регулированию трансфера права собственности в международных сделках. Реализация такого подхода требует исключения зависимости перехода риска от трансфера права собственности.

Д. В. Дождев указывает на то, что риск случайной гибели должен переходить не в момент перехода права собственности, а в соответствии с синаллагматической структурой установленного между сторонами обязательства³⁰. В качестве примера приводятся положения ст. 458 и 459 ГК РФ, в соответствии с которыми указанный риск переходит с момента исполнения продавцом обязанности по предоставлению приобретенной покупателем вещи. Например, сторонами может быть согласовано, что указанная обязанность исполняется, когда товар подготовлен к передаче и индивидуализирован на складе продавца. В этом случае риск переходит на покупателя вне зависимости от того, что передача вещи не состоялась.

Синаллага́ма представляет собой инструмент обеспечения равенства встречных предоставлений сторон в рамках обязательственных отношений³¹. В описанном выше случае обязательство по предоставлению вещи исполняется в оговоренный сторонами момент, а именно в момент подготовки вещи к передаче на складе продавца. Таким образом, переход риска случайной гибели вещи обусловлен не моментом трансфера права собственности на нее либо ее передачей, а фактом исполнения продавцом обязательств, предусмотренных соглашением.

²⁶ См.: Дождев Д. В. Возложение риска на покупателя в классической купле-продаже // О собственности: сборник статей к юбилею К. И. Сколовского / Сост. М. А. Ерохова. М.: Статут, 2015. С. 104.

²⁷ Там же. С. 106.

²⁸ Code Napoleon 1804. The Civil Code Index. URL: https://www.napoleon-series.org/research/government/code/book3/c_title03.html#section2a (дата обращения: 22.11.2024).

²⁹ Bürgerliches Gesetzbuch. Bundesamt für Justiz. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/index.html> (дата обращения: 23.11.2024).

³⁰ См.: Дождев Д. В. Возложение риска на покупателя в классической купле-продаже // О собственности: сборник статей к юбилею К. И. Сколовского / Сост. М. А. Ерохова. М., 2015. С. 160.

³¹ См.: Кнельц А. М. Синаллага́ма в договоре и обязательства: сборник работ выпускников РШЧП имени С. С. Алексеева при Президенте РФ: в 2 т. / сост. и отв. ред. А. В. Егоров и А. А. Новицкая. Т. 1: Общая часть. М., 2018. С. 203.

В предмет регулирования Венской конвенции 1980 г., являющейся основным международным нормативным актом в области международной поставки товаров, входят вопросы перехода риска случайной гибели вещи. В качестве одной из ее принципиальных особенностей М. А. Церковников выделяет тот факт, что момент перехода риска случайной гибели не связан с трансфером права собственности³². С учетом взаимообусловленности этих вопросов, характерных для правопорядков романо-германской семьи, отказ Венской конвенции 1980 г. от регулирования момента перехода права собственности подтверждает доводы М. А. Церковникова. Положения ст. 67–69 указанной Конвенции регулируют проблематику перехода риска случайной гибели вещи путем описания конкретных ситуаций с учетом того, каким образом были сформулированы обязательства между сторонами³³. Венская конвенция 1980 г. является весьма успешной попыткой построения регулирования момента перехода риска случайной гибели вещи в соответствии с синаллагматической структурой, принятой на международном уровне.

Отдельное внимание необходимо обратить также и на положения свода торговых обычаяев Incoterms — «настольной книги» участников международных сделок, связанных с поставкой товаров. Вопросы определения момента исполнения обязательств и момента перехода риска являются центральным аспектом правил Incoterms (International Commercial Terms). В соответствии с положениями правил Incoterms указанные моменты определяются сторонами в зависимости от выбранного базиса поставки и вообще не связаны каким-либо образом друг с другом, а следовательно, могут иметь место в различное время³⁴. Таким образом, правила Incoterms более последовательно продвигают идею о том, что переход риска случайной гибели вещи обусловлен исключительно фактом исполнения продавцом обязательств в соответствии с достигнутым соглашением сторон.

Однако вопрос момента перехода риска случайной гибели вещи по международным сделкам принципиально не имеет какого-либо значения для третьих лиц. Их интерес, как правило, состоит в обращении взыскания на вещь для удовлетворения своих требований к покупателю или продавцу вещи. В этой ситуации определяющее значение имеет тот факт, кому принадлежит указанная вещь по праву собственности. Следовательно, в контексте интересов третьих лиц каким-либо образом обойти необходимость регулирования проблематики трансфера права собственности в международных сделках не представляется возможным.

Более того, через призму отношений сторон сделки распределение риска случайной гибели вещи является эффективным решением только в ситуациях, когда вещь погибла или была повреждена в силу каких-либо внешних факторов, то есть у продавца изначально не было намерения совершать недобросовестные действия. В противном случае вопрос того, на ком лежит риск случайной гибели вещи, теряет всяческий смысл. Например, до момента трансфера права собственности продавец может установить какое-либо обременение на вещь, что, безусловно, будет затрагивать интересы покупателя. В этом случае снова возникает необходимость определения момента трансфера права собственности.

Таким образом, регулирование риска случайной гибели движимой вещи не является универсальной альтернативой регулированию трансфера права собственности в международных сделках. Рассматриваемое решение эффективно лишь в ограниченном числе ситуаций.

Выводы

В заключение необходимо отметить, что такие способы выбора правопорядка, определяющего вещный статут, который регулирует, в том числе, и трансфер права собственности, как личный закон собственника вещи и место совершения сделки, не могут выступать в качестве адекватной альтернативы

³² См.: Церковников М. А. Приобретение права собственности на движимые вещи посредством соглашения: французский и российский опыт // Вестник гражданского права. 2009. № 3. С. 102–141.

³³ Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров // United Nations Commission on International Trade Law. URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1056999-cisg-e-book-r.pdf> (дата обращения: 02.10.2024).

³⁴ Incoterms® 2020. ICC rules for the use of domestic and International trade terms. ICC Publication No. 723E. ICC Services Publications Department 33-43 avenue du President Wilson 75116 Paris, France, 2019.

коллизионной привязки *lex rei sitae*. Выявленные в рамках настоящей статьи недостатки перевешивают потенциальные преимущества каждого из указанных выше способов.

Регулирование вопросов трансфера права собственности в соответствии с личным законом собственника вещи не является эффективным решением, так как коллизионные привязки, реализующие его в законодательствах различных государств, отличаются. Более того, даже в том случае, когда рассматриваемый вопрос регулируется в различных правопорядках одной коллизионной привязкой, ее понимание может быть отличным. Следовательно, использование личного закона не позволяет обеспечить необходимый уровень единобразия в регулировании и при использовании на практике требует глубокого изучения подхода каждого правопорядка. Личный закон как формула прикрепления, регулирующая вопросы трансфера вещных прав, не прошла проверку временем. Об этом свидетельствует эволюция ряда правопорядков, рассмотренных в рамках настоящей статьи.

Определение момента перехода права собственности в соответствии с правом места совершения сделки представляется устаревшим решением, так как не отвечает современным реалиям и возможностям заключения сделок без фактического присутствия сторон в одной юрисдикции. Это приводит к тому, что использование рассматриваемой коллизионной привязки теряет какой-либо смысл, так как она не отражает действительную связь правопорядка с отношениями сторон. Более того, указанное решение открывает обширное пространство для злоупотреблений сторон в отношении третьих лиц, так как им достаточно обеспечить свое нахождение в конкретной юрисдикции для применения положений ее правопорядка, которые позволяют сторонам получить необходимые правовые преимущества.

Подход к регулированию международных сделок, предполагающий смещение фокуса внимания с момента трансфера права собственности на вопросы момента исполнения обязательства сторон и перехода риска, в ряде случаев может быть эффективным регулятором отношений сторон в международных сделках, связанных с трансфером права собственности на движимые вещи. Вместе с тем перечень ситуаций, в которых описанное решение показывает целесообразность своего использования, существенным образом ограничен. Указанное решение не имеет какого-либо эффекта в отношении третьих лиц, а потому проблематика, возникающая относительно защиты движимой вещи от обращения на нее взыскания ими, сохраняется. Регулирование посредством момента перехода риска не защищает стороны также и в том случае, если одна из сторон осознанно пошла на недобросовестные действия.

Таким образом, ни коллизионная привязка *lex rei sitae*, ни один из рассмотренных в настоящей статье способов регулирования международных сделок, в ходе осуществления которых происходит передача права собственности на движимые вещи, не позволяет создать комплексного и эффективного регулирования рассматриваемой проблематики. Следовательно, фокус внимания исследователей следует сосредоточить на поиске альтернативных вариантов. Одним из таких вариантов может стать обширное внедрение положений, позволяющих сторонам своим соглашением определять правопорядок, регулирующий момент возникновения права собственности на движимую вещь. Вместе с тем автономия воли в вопросах трансфера вещных прав представляет собой крайне сложный инструмент, внедрение которого требует скоординированных усилий юридической доктрины, законодателя и участников коммерческого оборота.

Список источников

1. Асоксов А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 640 с. EDN: SDTYBТ
2. Базедов Ю. Автономия воли в регулировании международных отношений / Пер. с англ. Ю. М. Юматшева. М.: Норма, 2022. 136 с.
3. Вольф М. Международное частное право. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1948. 702 с.
4. Годунов В. Н. Частное право Республики Беларусь: история становления, развитие и перспективы совершенствования / В. Н. Годунов, М. В. Мещанова // Частное право в странах бывшего СССР: итоги

- 30-летия: сборник статей / Исследовательский центр частного права имени С. С. Алексеева при Президенте РФ; под ред. Л. Ю. Михеевой. М.: Статут, 2022. С. 152–190.
5. Дождев Д. В. Возложение риска на покупателя в классической купле-продаже // О собственности: сборник статей к юбилею К. И. Скловского / Сост. М. А. Ерохова. М.: Статут, 2015. С. 103–161.
 6. Кнельц А. М. Синаллагма в договоре // Договоры и обязательства: сборник работ выпускников РШЧП при ИЦЧП имени С. С. Алексеева при Президенте РФ: в 3 т. / сост. и отв. ред. А. В. Егоров и А. А. Новицкая. Т. 1: Общая часть. М.: ИЦЧП им. С. С. Алексеева при Президенте РФ, 2018. С. 187–229.
 7. Любарская Т. С. Автономия воли при определении вещного статута в международном частном праве: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, 2020. 214 с. EDN: NSLNAA
 8. Международное частное право. Сборник национальных кодификаций / сост. и ред. В. В. Плеханов. М.: Статут, 2021. 1112 с.
 9. Плеханов В. В. Переход права собственности по договору международной купли-продажи товаров: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2008. 185 с. EDN: NQINV
 10. Сакко Р. Переход права собственности на движимое имущество в свете сравнительного права // Вещные права: система, содержание, приобретение: сб. науч. тр. в честь проф. Б. Л. Хаскельберга / под ред. Д. О. Тузова. М.: Статут, 2008. 464 с.
 11. Церковников М. А. Приобретение права собственности на движимые вещи посредством соглашения: французский и российский опыт // Вестник гражданского права. 2009. № 3. С. 102–141.
 12. Baxter I. F. G. Conflicts of Law and Property. McGill Law Journal. 1964. Vol. 10. No. 1. Pp. 1–37.
 13. Symeonides S. Choice of law. [Electronic edition]. New York: Oxford University Press, 2016. 785 p.
 14. Van der Weide J. Party Autonomy in Dutch International Property Law // Party Autonomy in International Property Law / Westrik R., Van der Weide J. (ed.). Munich: European law publishers GmbH, 2011. Pp. 41–58.

Об авторе:

Олейников Михаил Антонович, аспирант департамента правового регулирования бизнеса факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация); e-mail: maoleynokov@hse.ru

References

1. Asoskov, A. V. (2012) Conflict regulation of contractual obligations. *M-Logos* (In Russ.)
2. Bazelow, J. (2022) Party autonomy in the regulation of international relations. *Norma*.
3. Vol'f, M. (1948) Private International Law. Moscow, State Publishing House of Foreign Literature. (In Russ.)
4. Godunov, V. N., Meshchanova, M. V. (2022) Private law of the Republic of Belarus: the history of formation, development and prospects for improvement. In: Mikheeva L. Y. (eds.) Private law in the countries of the former USSR: the results of the 30th anniversary: collection of articles / Research Center of Private Law named after S. S. Alekseev under the President of the Russian Federation. Moscow, Statute. Pp. 152–190. (In Russ.)
5. Dozhdev, D. V. (2015) Assigning risk to the buyer in a classic sale and purchase. In: About property: A collection of articles for the anniversary of K. I. Sklovsky. Moscow, Statute, pp. 103–161. (In Russ.)
6. Knel'c, A. M. (2018) Synallagma in the contract. In: Egorov A. V., Novitskaya A. A. (eds.) Contracts and obligations: Collection of works by graduates of the RSHP at the S. S. Alekseev Research and Development Center under the President of the Russian Federation: in 2 volumes. Vol. 1: General part. Moscow, S. S. Alekseev Research and Development Center under the President of the Russian Federation (In Russ.)
7. Lyubarskaya, T. S. (2020) Autonomy of the will in determining the statute of real property in private international law: dissertation of PhD in law. Moscow State University named after M. V. Lomonosov. Faculty of Law (In Russ.)

8. Private international law. Collection of national codifications (2021) // V. V. Plekhanov (ed.). *Statut* (In Russ.)
9. Plekhanov, V. V. (2008) Transfer of ownership under the contract of international sale of goods: dissertation of PhD in law. *Moscow State Law Academy* (In Russ.)
10. Sakkо, R. (2008) Transfer of ownership of movable property in the light of comparative law. In: Tuzov D. O. (eds.) Real rights: system, content, acquisition: collection of scientific tr. in honor of prof. B. L. Haskelberg. *Statute* (In Russ.)
11. Tserkovnikov, M. A. (2009) Acquisition of ownership of movable property through an agreement: French and Russian experience. *Bulletin of Civil Law*. No. 3. Pp. 102–141. (In Russ.)
12. Baxter, I. F. G. (1964) Conflicts of Law and Property. *McGill Law Journal*. Vol. 10, No. 1. Pp. 1–37.
13. Symeonides, S. (2016) Choice of law. *Oxford University Press*.
14. Van der Weide, J. (2011) Party Autonomy in Dutch International Property Law. In: Westrik R., Van der Weide J. (eds.). Party Autonomy in International Property Law. *Munich, European law publishers GmbH*. Pp. 41–58.

About the author:

Mikhail A. Oleynikov, graduate student of the School of Legal Regulation of Business of the Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation); e-mail: maoleynokov@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Исполнение судебных актов в упрощенном производстве: проблемы защиты добросовестных ответчиков

Бурнос Е. Н.^{1,*}, Ошуева В. В.^{1,}**

¹ Общество с ограниченной ответственностью «Векави Групп» (Краснодар, Российская Федерация)

* E-mail: enburnos@yandex.ru

** E-mail: vekavi@internet.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена детальному исследованию особенностей рассмотрения дел в порядке упрощенного производства в арбитражном процессе. Авторы анализируют изменения законодательства, которые нацелены на повышение эффективности этого института. Для иллюстрации динамики числа дел, рассмотренных в упрощенном порядке, приводятся статистические данные, демонстрирующие постепенное снижение количества таких дел.

Методология и материалы. Исследование основано на анализе российского законодательства, судебной практики, а также научной юридической литературы. В качестве методологической базы используются статистический метод исследования и системный подход, позволяющие выявить проблемные моменты исполнения судебных актов в упрощенном производстве со стороны добросовестных ответчиков.

Результаты исследования и их обсуждение. В исследовании авторами рассмотрены ключевые преимущества упрощенного производства, такие как сокращение сроков рассмотрения дел, снижение судебных издержек и повышение доступности правосудия. Однако особое внимание уделено возникающим проблемам, связанным с немедленным исполнением судебных актов, принятых в рамках данной процедуры, что может создавать сложности для добросовестных ответчиков. В статье обосновывается необходимость исключения положений о немедленном исполнении судебных актов из арбитражного процессуального законодательства. Этот шаг определен авторами как необходимое направление для осуществления защиты интересов добросовестных участников процесса, предотвращение необоснованных взысканий и значительное снижение рисков для ответчиков.

Выводы. Авторы предлагают пересмотреть порядок исполнения судебных актов, принятых в результате рассмотрения дел в упрощенном порядке, с учетом анализа текущей практики и выявленных проблем. Определено, что предлагаемые меры позволят сохранить баланс между интересами истца и ответчика, обеспечить справедливый характер судебного разбирательства и укрепить доверие к судебной системе, нивелируя возможности для злоупотреблений. Авторы подчеркивают необходимость дальнейшего исследования и совершенствования порядка исполнения судебного акта, принятого по результатам рассмотрения дела в упрощенном порядке. Результаты исследования могут быть полезны для практикующих юристов, а также для разработки законодательных инициатив в области арбитражного процесса.

Ключевые слова: арбитражный процесс, упрощенное производство, баланс интересов сторон, злоупотребления процессуальными правами, исполнение судебных актов.

Для цитирования: Бурнос Е. Н., Ошуева В. В. Исполнение судебных актов в упрощенном производстве: проблемы защиты добросовестных ответчиков // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 4 (26). С. 169–182. EDN: JQYRVF

The article was submitted: 23.02.2025
The article approved after reviewing: 22.04.2025
The article accepted for publication: 01.09.2025

Enforcement of Judicial Acts in Simplified Proceedings: Problems of Protecting Bona Fide Defendants

Burnos E. N.^{1,*}, Oshueva V. V.^{1,**}

¹ Limited Liability Company "Vekavi Group" (Krasnodar, Russian Federation)

* E-mail: enburnos@yandex.ru

** E-mail: vekavi@internet.ru

Abstract

Introduction. The article is devoted to a detailed study of the features of the consideration of cases in simplified proceedings in the arbitration process. The authors analyze legislative changes that are aimed at improving the effectiveness of this institution. To illustrate the dynamics of the number of cases dealt with in a simplified manner, statistical data are provided showing a gradual decrease in the number of such cases.

Methodology and materials. The study is based on an analysis of Russian legislation, judicial practice, as well as scientific legal literature. The statistical research method and a systematic approach are used as a methodological basis to identify problematic aspects of the execution of judicial acts in simplified proceedings by bona fide defendants.

Research results and their discussion. In the study, the authors examined the key advantages of simplified proceedings, such as shorter case processing times, lower court costs, and increased accessibility to justice. However, special attention is paid to emerging problems related to the immediate execution of judicial acts adopted under this procedure, which may create difficulties for bona fide defendants. The article substantiates the need to exclude provisions on the immediate execution of judicial acts from the arbitration procedural legislation. This step is defined by the authors as a necessary direction for the protection of the interests of bona fide participants in the process, the prevention of unjustified penalties and a significant reduction in risks for the defendants.

Conclusions. The authors propose to review the procedure for the execution of judicial acts adopted as a result of the consideration of cases in a simplified manner, taking into account the analysis of current practice and identified problems. It is determined that the proposed measures will help maintain a balance between the interests of the plaintiff and the defendant, ensure the fair nature of the trial and strengthen trust in the judicial system, eliminating the opportunities for abuse. The authors emphasize the need for further research and improvement of the procedure for the execution of a judicial act adopted based on the results of a simplified case review. The results of the study can be useful for practicing lawyers, as well as for the development of legislative initiatives in the field of arbitration.

Keywords: arbitration process, simplified proceedings, balance of interests of the parties, abuse of procedural rights, enforcement of judicial acts.

For citation: Burnos, E. N., Oshueva, V. V. Enforcement of Judicial Acts in Simplified Proceedings: Problems of Protecting Bona Fide Defendants. *Theoretical and Applied Law*. No. 4 (26). Pp. 169–182. (In Russ.)

Введение

Дела в порядке упрощенного производства рассматриваются арбитражным судом в соответствии с общими правилами искового производства, установленными Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации¹ (далее — АПК РФ), с учетом особенностей, предусмотренных гл. 29 АПК РФ.

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

Концептуально гл. 29 АПК РФ действует еще в редакции изменений, внесенных Федеральным законом от 25.06.2012 № 86-ФЗ², с учетом законов, вносящих изменения в указанную главу «точечно»³. Эти изменения были обусловлены значительным сокращением дел, рассматриваемых в порядке упрощенного производства по правилам гл. 29 АПК РФ, что указывало на недостаточную эффективность этого института. Как отмечает Н. Г. Галковская, «о практически полном забвении данного института свидетельствовали статистические данные: за период с 2006 по 2010 г. доля дел, рассмотренных в порядке упрощенного производства, значительно уменьшилась»⁴.

В пояснительной записке к указанному закону было подчеркнуто, что «в период с 2006 по 2010 г. количество таких дел сократилось с 73 119, что составляло 6,7 % от общего количества рассмотренных арбитражными судами дел, до 8506 или 0,7 % от общего количества рассмотренных дел. То есть за последние 5 лет доля дел, рассмотренных в порядке упрощенного производства, уменьшилась практически в девять с половиной раз». Также было отмечено, что увеличение нагрузки на судей «препятствует полному и всестороннему рассмотрению дела в разумный срок и выполнению задач арбитражного судопроизводства»⁵.

В пояснительной записке указывалось, что законопроект был разработан ВАС РФ как одна из мер, направленных на реализацию поручения Президента Российской Федерации от 05.12.2010 № Пр-3520, касающегося оптимизации нагрузки на судей. Кроме того, авторы законопроекта отмечали, что совершенствование упрощенного производства направлено на достижение следующих целей: минимизацию судебных издержек участников дела, в том числе за счет отсутствия необходимости личного присутствия на судебных заседаниях и возможности ознакомления с документами через удаленный доступ; сокращение сроков рассмотрения отдельных категорий дел. Обращалось внимание, что реализация этих целей позволит существенно повысить доступность правосудия.

После принятия законопроекта судебная статистика в первом полугодии 2013 г. показала взрывной рост количества дел, рассмотренных в упрощенном порядке, по отношению к количеству таких же дел в первом полугодии 2012 г. — в 9,5 раз⁶. В 2013 г. доля дел, рассмотренных по упрощенной процедуре, по отношению к предыдущему отчетному периоду выросла в среднем с 5,0 до 37,5 %, а в восьми судах этот показатель составил 50–60 % (арбитражные суды Республики Марий Эл, Кабардино-Балкарской Республики, Удмуртской Республики, Республики Хакасия, Забайкальского края, Кировской, Костромской и Ульяновской областей)⁷.

В 2014 г. в Государственной Думе была высоко оценена эффективность упрощенного производства. Как отмечено в п. 24.1 Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, «за прошедшее время рассмотрение дел в порядке упрощенного производства доказало свою эффективность. В 2013 г. по результатам рассмотрения дел в порядке упрощенного производства обжаловано только 4,2 % из всех решений судов, лишь в 0,4 % случаев жалобы признаны обоснованными»⁸.

² Федеральный закон от 25.06.2012 № 86-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием упрощенного производства» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 26. Ст. 3439.

³ См.: в частности, Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 49 (часть I). Ст. 7523; Федеральный закон от 25.12.2023 № 667-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 1 (часть I). Ст. 48.

⁴ Галковская Н. Г. Результаты реформы упрощенного производства в арбитражном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 382. С. 144–151. EDN: SEWNEN

⁵ Законопроект № 528836-5 «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием упрощенного производства» // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/528836-5> (дата обращения: 15.02.2025).

⁶ Справка основных показателей работы арбитражных судов Российской Федерации в первом полугодии 2012-2013 гг. // Федеральные арбитражные суды. URL: https://arbitr.ru/storage/images/0C249E49F_EB271B714075874E74490C1_4.pdf (дата обращения: 15.02.2025).

⁷ Аналитическая записка к статистическому отчету о работе арбитражных судов в Российской Федерации в 2013 году // Федеральные арбитражные суды. URL: https://arbitr.ru/storage/images/BA56B_64409E63370CC61FE1DCC99CB8anzap.pdf (дата обращения: 15.02.2025).

⁸ Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1)) // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172071/ff3e7a1026aa9c96a9ab5f776bd0718ea67d5c43/?ysclid=m7eslmpoe5448954650 (дата обращения: 16.02.2025).

Методология и материалы

Методологическую основу настоящего исследования составляют общенаучные и специальные методы, а именно: системный подход, статистический метод, способы толкования норм права и комплексного изучения юридической практики.

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных ученых в области частного права (И. В. Решетникова, Н. Г. Галковской, М. Л. Скуратовского, О. С. Киреевой и др.). Нормативная база статьи представлена отечественным законодательством. К эмпирической составляющей настоящего исследования следует отнести материалы опубликованной судебной практики.

Результаты исследования и их обсуждение

Актуальная судебная статистика дел, рассмотренных в порядке упрощенного производства по АПК РФ

С целью полного и всестороннего изучения темы исследования авторы провели анализ статистики дел, рассмотренных в порядке упрощенного производства по АПК РФ в первой инстанции за период с 2017 года по I полугодие 2024 года, а также статистику дел, рассмотренных по жалобам на решения, вынесенные при рассмотрении дел в порядке упрощенного производства по АПК РФ в апелляционных и кассационных инстанциях за период с 2021 года по I полугодие 2024 года. Указанные данные были сформированы в таблицах 1 и 2 на основании официальной информации, опубликованной на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации⁹.

Статистика свидетельствует о постепенном снижении в период с 2020 по 2023 г. количества дел, рассмотренных в упрощенном порядке.

Приведенная статистика указывает на то, что процент отмененных решений, вынесенных при рассмотрении дел в порядке упрощенного производства по АПК РФ, остается стабильно невысоким начиная с 2021 г. Однако, несмотря на это, количество обоснованных жалоб находится на достаточно высоком уровне применительно к количеству конкретных хозяйствующих субъектов (более 5 тыс. жалоб ежегодно).

Указанные данные, кроме того, определяют и проблематику заявленной темы исследования.

Таблица 1

**Статистика дел, рассмотренных в порядке упрощенного производства
по АПК РФ в первой инстанции**

Год	Рассмотрено дел	Доля от общего числа рассмотренных гражданских дел	Вынесено решений	Прекращено производство	Заключено мировое соглашение
За I полугодие 2024	251 453	Определение доли для анализа статистики корректно только по данным за отчетный год	223 352	24 264	Данные отсутствуют
2023	496 608	45,6 %	444 324	45 010	3328
2022	521 260	47,5 %	463 351	49 453	3355
2021	532 376	48 %	476 383	45 775	3217
2020	557 926	47,8 %	451 853	Данные отсутствуют	Данные отсутствуют
2019	670 671	57,4 %	536 097	Данные отсутствуют	Данные отсутствуют
2018	633 536	55 %	523 573	Данные отсутствуют	Данные отсутствуют
2017	624 109	53 %	548 555	Данные отсутствуют	Данные отсутствуют

Источник: составлено авторами.

⁹ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 19.02.2025).

Таблица 2

Статистика дел, рассмотренных по жалобам на решения, вынесенные при рассмотрении дел в порядке упрощенного производства по АПК РФ в апелляционных и кассационных инстанциях

Год	Апелляционная инстанция			Кассационная инстанция	
	Рассмотрено дел (в том числе в % от кол-ва решений в суде 1-й инстанции)	Вынесено решений		Рассмотрено дел (в том числе в % от кол-ва решений рас- смотренных дел в апелляции)	Вынесено решений
		всего			
		об отмене	об изменении	об отмене	об изменении
За I полугодие 2024	16 349	1715	630	Данные отсутствуют	
2023	37 977 (8,5 %)	5421 (1,2 %)		4640 (12,2 %) 330	354 (0,9 %) 24
2022	43 875 (9,5 %)	3990 1431		5904 (13,5 %) 399	408 (1 %) 9
2021	44 213 (9,2 %)	5854 (1,3 %) 4314 1540		4783 (10,8 %) 300	319 (0,8 %) 19
		5403 (1,1 %) 4221 1182			

Источник: составлено авторами.

Постановка проблемы

В научной литературе высказываются мнения как о преимуществах, так и недостатках упрощенного производства, в том числе в арбитражном процессе. Среди преимуществ можно выделить сокращение сроков рассмотрения дел, минимизацию судебных издержек лиц, повышение доступности правосудия, оптимизацию судебной нагрузки.

Так, И. В. Решетников подчеркивает, что «любые общественные отношения характеризуются не только своим постоянным развитием, но и стремлением к упрощению уже сложившихся правоотношений, что повышает эффективность их регулирования, способствуя, в свою очередь, обеспечению своевременной защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Это приобретает особую значимость в арбитражном процессе, поскольку разрешаемые арбитражными судами споры связаны с предпринимательской и иной экономической деятельностью, а поэтому время разрешения конфликтов в таких спорах играет не последнюю роль»¹⁰.

Н. Г. Галковская акцентирует внимание на том, что «важным также является то обстоятельство, что данная процедура выполняет и такую функцию, как повышение правовой грамотности и правовой культуры участников хозяйственного оборота, в частности прививает осознание необходимости надлежащего использования своих процессуальных прав и выполнения обязанностей, например в части раскрытия доказательств заявленных в суд требований перед другими лицами, участвующими в деле, до начала судебного заседания или в пределах срока, установленного судом. Превентивный потенциал упрощенного производства также призван дисциплинировать участников экономического оборота, способствовать их более ответственному отношению к долгам, примирения и иных способов урегулирования конфликтов, связанных с задолженностью»¹¹. И далее она приходит к выводу, что новая редакция гл. 29 АПК РФ представляет собой первые значимые шаги законодателя по установлению ответственности за

¹⁰ Решетникова И. В. Концепции стремительно развивающегося российского арбитражного процесса (к 10-летию принятия АПК РФ) // Вестник гражданского процесса. 2012. № 5. С. 17–32. EDN: PEWXOB

¹¹ Галковская Н. Г. Результаты реформы упрощенного производства в арбитражном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 382. С. 144–151. EDN: SEWNEN

ненадлежащее исполнение процессуальных обязанностей, что способствует организации экономического правосудия на высоком профессиональном уровне в соответствии с мировыми стандартами.

Однако упрощенное производство имеет и свои недостатки, которые также обсуждаются в научном сообществе. Так, М. Л. Скуратовский указывает, что «нельзя идти на нарушение принципов, как это сделал законодатель в отношении так называемого упрощенного производства в арбитражном процессе (ст. 227 и 228 АПК РФ), отобрав у лиц, участвующих в деле, право быть услышанным в заседании, да и еще применив сомнительный цифровой критерий отнесения дел, подлежащих рассмотрению в заочном производстве, да еще и не оставив права выбора судьям формы рассмотрения дела»¹².

В настоящем же исследовании авторы уделяют отдельное внимание проблемам, связанным с немедленным исполнением судебного акта, принятого по результатам рассмотрения дела в упрощенном порядке, который, по мнению исследователей, можно считать «процессуальной ловушкой» для добросовестного ответчика.

Результаты исследования

Согласно АПК РФ, решение арбитражного суда первой инстанции, принятое в общем порядке или в порядке упрощенного производства, является судебным актом, который разрешает дело по существу (ч. 2 ст. 15, ч. 1 ст. 167, ч. 1 ст. 229 АПК РФ).

По общему правилу решение арбитражного суда первой инстанции вступает в законную силу по истечении месячного срока со дня его принятия, если не подана апелляционная жалоба. Если апелляционная жалоба подана, решение вступает в законную силу после принятия постановления арбитражного суда апелляционной инстанции, если оно не отменено или не изменено (ч. 1 ст. 180 АПК РФ). Решение арбитражного суда приводится в исполнение после его вступления в законную силу (ч. 1 ст. 182 АПК РФ).

Однако решение арбитражного суда по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, вступает в законную силу по истечении 15 дней со дня его принятия, если не подана апелляционная жалоба. Если составляется мотивированное решение, оно вступает в законную силу по истечении срока для подачи апелляционной жалобы. В случае подачи апелляционной жалобы решение вступает в законную силу со дня принятия постановления арбитражным судом апелляционной инстанции. При этом решение подлежит немедленному исполнению вне зависимости от факта подачи апелляционной жалобы (ч. 2 ст. 182, ч. 3 ст. 229 АПК РФ).

Таким образом, по данной категории дел законодатель разделил порядок вступления решения суда в законную силу и порядок его исполнения¹³.

Причем необходимо обратить внимание на то, что эта особенность возникла в АПК РФ не случайно, а обусловлена тем, что законопроект № 528836-5 был подготовлен, как следует из пояснительной записки к нему, «с учетом положений Директивы Европейского союза о процедуре рассмотрения малых исков¹⁴, вступившей в действие 1 января 2009 г.» (далее — Директива), согласно которой решение суда вступает в силу несмотря на любое возможное обжалование. При этом проверка его обоснованности не требуется.

Следует обратить внимание, что Директива адресована государствам — членам Европейского Союза. Российская Федерация членом ЕС не является.

Полагаем, что «российская специфика» при «заимствовании» положений Директивы путем их включения в АПК РФ не была учтена, эта проблема более детально будет рассмотрена далее.

¹² Скуратовский М. Л. Подготовка дела к судебному разбирательству в арбитражном суде первой инстанции. М.: Волтерс Клювер, 2007. С. 117.

¹³ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.06.2023 № Ф08-4812/2023 по делу № А32-1190/2018 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=193002&ysclid=m7hmaeh1d409021979#doZBddUEmBoA7ZOH> (дата обращения: 16.02.2025).

¹⁴ Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза ЕС 861/2007 от 11.07.2007 об учреждении европейской процедуры регулирования споров с небольшой суммой иска. (Текст перевода официально опубликован не был; текст Регламента на английском языке опубликован в Официальном Журнале № L 199. 31.7.2007. С. 1–22) // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/2569689/?ysclid=m7eufrz3gk481076797> (дата обращения: 15.02.2025).

Основным процессуальным последствием немедленного исполнения судебного решения является выдача исполнительного листа истцу сразу после вынесения судебного акта (ч. 3 ст. 319 АПК РФ).

Как разъяснено в п. 46 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве»¹⁵, арбитражный суд выдает исполнительный лист взыскателю по его ходатайству независимо от подачи в суд заявления о составлении мотивированного решения или подачи апелляционной жалобы.

Аналогичное разъяснение положений ст. 229 АПК РФ ранее содержалось в п. 23 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 08.10.2012 № 62 «О некоторых вопросах рассмотрения арбитражными судами дел в порядке упрощенного производства»¹⁶.

Вопрос о незаконности выдачи исполнительного листа в рамках упрощенного производства зачастую ставится сторонами при оспаривании судебных актов. Суды вышестоящих инстанций неоднократно разъясняли правомерность выдачи исполнительного листа даже в случае оспаривания решения суда первой инстанции^{17, 18}, в том числе со ссылкой на п. 24.10 действующей в арбитражных судах Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)¹⁹ (далее — Инструкции), а также отсутствие оснований для отзыва исполнительного листа по правилам, установленным ст. 319 АПК РФ²⁰.

Из совокупности положений ч. 3 ст. 229, ч. 1 ст. 318, ч. 1, 2 ст. 182 АПК РФ следует, что предусмотренное ими немедленное исполнение судебных актов, принятых в порядке упрощенного производства, предполагает автоматическое приведение их в исполнение сразу после принятия — выдачу исполнительного листа с возможностью предъявления его к исполнению независимо от процедуры обжалования и вступления судебного акта в законную силу. При этом указанные законоположения не регламентируют сроки совершения исполнительных действий (ст. 36 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»²¹ (далее — Федеральный закон № 229-ФЗ)), с которыми и должны соотноситься устанавливаемые в исполнительном производстве сроки добровольного исполнения²².

Следует учитывать, что, если исполнительный лист предъявлен взыскателем непосредственно в банк должника, данное обстоятельство исключает возможность прекращения исполнительного производства судебным приставом в соответствии с правилами ст. 43 Федерального закона № 229-ФЗ.

По мнению О. С. Киреевой, «введение законодателем такой процедуры как „упрощенное производство“ обусловило повышение доступности правосудия, оптимизацию судебной нагрузки, упрощение и ускорение судопроизводства по отдельным категориям дел и, как следствие, минимизацию судебных издержек участников процесса»²³.

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 6.

¹⁶ Постановление Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 № 62 «О некоторых вопросах рассмотрения арбитражными судами дел в порядке упрощенного производства» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 12.

¹⁷ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21.10.2024 № Ф09-5238/24 по делу № А50-7830/2024 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=do_c&base=AUR&n=269598&ysclid=m7hmuiwwk1811089189#Vq0CddUgxRbtTEkp (дата обращения: 16.02.2025).

¹⁸ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.10.2024 № Ф05-21711/2024 по делу № А40-299105/2023 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.02.2025).

¹⁹ Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159645/6167671afb19add0f28344262189451a74f3092b/?ysclid=m7euncfazh131440008 (дата обращения: 16.02.2025).

²⁰ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28.06.2022 № Ф07-8543/2022 по делу № А56-24480/2021 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASZ&n=265551&ysclid=m7hm9gr18494226385#BkCddUnSLPIWUIY> (дата обращения: 16.02.2025).

²¹ Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849.

²² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.04.2024 № Ф05-6922/2024 по делу № А40-196632/2023 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?r_eq=doc&base=AMS&n=521016&ysclid=m7hmzkn0184685710#C60DddUeoKTwUp1q (дата обращения: 16.02.2025).

²³ Киреева О. С. Значимость упрощенного производства в арбитражном процессе // Аллея науки. 2019. Т. 1. № 11 (38). С. 496–501. EDN: HIQUKA

Полагаем, указанное мнение о минимизации судебных издержек участников процесса, с учетом внесенных в налоговое законодательство изменений²⁴, потеряло свою актуальность. Так, с 8 сентября 2024 г. увеличены размеры государственной пошлины, включая государственную пошлину за подачу апелляционной жалобы, которая теперь составляет для индивидуальных предпринимателей 10 000 руб., а для юридических лиц — 30 000 руб.²⁵, в связи с чем «цена защиты права получается весьма ощутимой»²⁶.

Необходимо учитывать и судебные издержки, связанные с оплатой юридических услуг, при подготовке и подаче апелляционной жалобы. Так, например, в соответствии с Рекомендациями по вопросам определения размера вознаграждения при заключении соглашения на оказание юридической помощи на 2025 г., утвержденными Решением Совета адвокатской палаты Ставропольского края 15 января 2025 г.²⁷, стоимость составления апелляционной жалобы адвокатом составит от 40 000 руб., если он принимал участие в рассмотрении дела в суде 1-й инстанции, и от 60 000 руб., если не принимал, с учетом необходимости ознакомления с материалами дела. При этом стоимость участия адвоката в качестве представителя доверителя в арбитражном суде 1-й инстанции — от 60 000 руб.

Усматривается, что указанные изменения существенно повлияли на экономические аспекты судопроизводства, включая размер судебных расходов. В результате участники судебного процесса сталкиваются с таким размером государственной пошлины за подачу апелляционной жалобы и стоимости услуг адвоката (представителя), что ставит под сомнение утверждение о снижении издержек для участников спора.

Также следует включать в расчет то, что ответчики по данной категории дел несут иные финансовые издержки.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 227 АПК РФ с 5 января 2024 г. в порядке упрощенного производства подлежат рассмотрению дела по исковым заявлениям о взыскании денежных средств, если цена иска не превышает для юридических лиц 1 200 000 руб., а для индивидуальных предпринимателей — 600 000 руб.²⁸ И такие размеры требований дел, с нашей точки зрения, уже трудно назвать малозначительными, сравнивая их с ранее установленными суммами, которые были ниже в 1,5 раза.

С учетом положений ч. 3 ст. 229 АПК РФ вне зависимости от законности судебного акта, вынесенного в рамках гл. 29 АПК РФ, а также факта его оспаривания в апелляционном порядке, выдается исполнительный лист с последующей процедурой взыскания с ответчика денежных средств, размер которых является значительным для субъектов бизнеса, и применения в отношении должника в рамках исполнительного производства мер принудительного исполнения²⁹, в том числе обращения взыскания на имущество, наложения ареста на имущество (включая денежные средства) и т. п.

Из практики усматривается, что совершение указанных действий судебным приставом-исполнителем может фактически «заблокировать» деятельность юридического лица или предпринимателя, что объективно может повлечь существенные убытки для ответчика. Также нельзя не учитывать исполнительский сбор³⁰, который по искам, указанным в п. 1 ч. 1 ст. 227 АПК РФ, может достигать 84 000 руб. в отношении юридического лица и 42 000 руб. для индивидуального предпринимателя.

²⁴ Садовская Т. Д. Правовое регулирование уплаты государственной пошлины в контексте изменений законодательства о налогах и сборах / Т. Д. Садовская, Ж. Г. Попкова // Законы России: опыт, анализ, практика. 2025. № 3. С. 7–13. EDN: VGGDVB

²⁵ Федеральный закон от 08.08.2024 № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4955.

²⁶ Бурнос Е. Цена защиты права получается весьма ощутимой, особенно для физлиц // <https://www.kommersant.ru/doc/6905800> (дата обращения: 15.02.2025).

²⁷ Рекомендации по вопросам определения размера вознаграждения при заключении соглашения на оказание юридической помощи на 2025 год // Адвокатская палата Ставропольского края. URL: <https://apsk.fparf.ru/documents/chamber/resheniya-soveta-apsk/rekomendatsii-po-voprosam-opredeleniyazmerra-voznagrazhdeniya-pri-zaklyuchenii-soglasheniya-2025/> (дата обращения: 15.02.2025).

²⁸ Федеральный закон от 25.12.2023 № 667-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 1 (часть I). Ст. 48.

²⁹ Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849.

³⁰ В соответствии с частью 3 статьи 112 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» исполнительский сбор устанавливается в размере семи процентов от подлежащей взысканию суммы или стоимости взыскиваемого имущества, но не менее одной тысячи рублей с должника-гражданина или должника — индивидуального предпринимателя и десяти тысяч рублей с должника-организации.

Еще в 2017 г. А. Р. Шайдуллина, Г. И. Хайруллина, Е. Н. Чуракова применительно к упрощенному порядку отмечали, что «подобная система даст возможность быстрее, оперативнее рассматривать дела, а это означает, что уменьшится нагрузка на судей. Наравне с применением упрощенной процедуры следует также тщательно подходить к защите и сохранению гарантий прав организаций и индивидуальных предпринимателей»³¹.

По мнению Ю. С. Юсиковой, «несмотря на то, что упрощенное производство уменьшает временные и материальные затраты сторон на изучение дел, но в общем оно сохраняет требования состязательности при изучении дела, а также значимость учета мнений обеих сторон»³².

Как справедливо отмечают В. А. Субочева, В. М. Енгалычева и С. А. Япрынцева, «упрощенное судопроизводство в арбитражном процессе должно исключить нарушения в сфере основополагающих прав участников процесса»³³.

Н. А. Громошина подчеркивает, что «упрощенные процедуры не должны ущемлять гарантии правосудия»³⁴. В ее работе обосновывается тезис о том, что упрощение процесса должно сочетаться с сохранением ключевых принципов судопроизводства, таких как состязательность и законность.

Актуальная арбитражная практика свидетельствует, что суды продолжают допускать нарушения в сфере основополагающих прав участников процесса, а также игнорировать мнение ответчика при рассмотрении дел в упрощенном порядке, что снижает гарантии прав добросовестных ответчиков в арбитражном процессе в случае предъявления необоснованных исков.

Так, например, в производстве Арбитражного суда города Москвы находилось дело № A40-199009/2024 по исковому заявлению ГУП «Московский метрополитен» к ООО «Автолидер» о взыскании задолженности по договору. В соответствии с резолютивной частью решения суда по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, 10 декабря 2024 года исковые требования удовлетворены в полном объеме. Ответчик в предусмотренный законом срок подал заявление о составлении мотивированного решения суда по указанному делу. В тексте мотивированного решения суд обращал внимание на то, что неисполнение процессуальных обязанностей лицами, участвующими в деле, влечет за собой для этих лиц предусмотренные АПК РФ последствия. В установленном порядке ответчик не представил отзыв по существу заявленных требований. Суд пришел к выводу, что на основании п. 1 ст. 70 АПК РФ обстоятельства, на которые ссылается сторона в обоснование своих требований и возражений, считаются признанными другой стороной.

Однако, удовлетворяя исковые требования и указывая на отсутствие отзыва ответчика, суд не учел, что из материалов электронного дела следует, что 10.10.2024 исковое заявление было принято к производству, 25.10.2024 истец подал ходатайство об уточнении размера исковых требований, 28.10.2024 зарегистрирован отзыв ответчика на исковое заявление, и только 10.12.2024 принятая резолютивная часть решения.

В отзыве на исковое заявление, поданном в установленный срок, ответчик выражал мотивированные возражения относительно существа заявленных требований, то есть оспаривал предъявленный истцом иск. Однако доводы отзыва ответчика по непонятным причинам судом при вынесении судебного акта не учтены, в судебном акте не описаны и им не дана мотивированная оценка. Более того, усматривается, что суд сделал ошибочный вывод о процессуальном бездействии ответчика и отсутствии в материалах электронного дела отзыва на исковое заявление.

³¹ Шайдуллина А. Р. Проблемы упрощенного производства в арбитражном процессе / А. Р. Шайдуллина, Г. И. Хайруллина, Е. Н. Чуракова // Академическая публицистика. 2017. № 10. С. 171–179. EDN: ZSGNHZ

³² Юсикова Ю. С. Упрощенное производство в арбитражном процессе // Аллея науки. 2018. Т. 8. № 11 (27). С. 739–743. EDN: YXIBFJ

³³ Субочева В. А. Особенности производства и рассмотрения дел в порядке упрощенного производства в арбитражном процессе / В. А. Субочева, В. М. Енгалычева, С. А. Япрынцева // Юридическая гносеология. 2023. № 4. С. 101–105. EDN: PCTCQM

³⁴ Громошина Н. А. Упрощенное производство в арбитражном процессе сквозь призму принципов процессуального права // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2023. № 4. С. 37–43. EDN: PKRYCQ

В данном случае упрощенное «электронное правосудие»^{35, 36} дало сбой.

При этом следует учитывать, что неуказание мотивов отклонения или принятия доводов участника спора является таким нарушением норм процессуального права, которое с высокой степенью вероятности может привести к принятию неправильного акта правосудия. Исключить эту вероятность можно только путем изложения мотивов отклонения (принятия) доводов и надлежащей правовой оценки этих доводов и соответствующих мотивов, чего судом первой инстанции сделано не было. В результате вынесенного судебного акта уже 30.01.2025 судом выдан исполнительный лист, который получен истцом 10.02.2025.

Добросовестный ответчик, в свою очередь, оплатив государственную пошлину в размере 30 000 руб. и услуги юриста, подал апелляционную жалобу, в которой указал на допущенные судом первой инстанции нарушения, с надеждой на пересмотр дела по существу. Суд апелляционной инстанции без оценки доводов ответчика в удовлетворении апелляционной жалобы отказал³⁷.

В целом судебная практика свидетельствует о том, что упрощенное производство может способствовать злоупотреблениям со стороны недобросовестных истцов.

Так, зачастую в упрощенном порядке рассматриваются споры о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на произведение (фотографии, патенты и т. п.). Причем часть таких дел инициирована, например, «серийными истцами»³⁸ и «патентными троллями»³⁹.

Истцы, заявляя незначительные ко взысканию суммы компенсации, рассчитывают на то, что ответчикам будет экономически нецелесообразно оспаривать эти требования, как в суде первой инстанции, так и в апелляционной инстанции. В большинстве случаев ответчику дешевле оплатить взысканную судом сумму, чем тратить средства на оплату юридических услуг и государственную пошлину.

Также с целью использования упрощенного порядка судебного разбирательства истцы могут дробить и умышленно занижать исковые требования (например, подавать исковые заявления за разные периоды задолженности, в том числе с истечением срока давности), тем самым допуская несоблюдение формы добросовестного поведения⁴⁰.

В нашей судебной практике появились и совсем неординарные кейсы. Так, зафиксированы случаи, когда мошенники используют реквизиты действующих юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Эти реквизиты указываются в рекламной рассылке и при заключении договоров с контрагентами. Учитывая онлайн-взаимодействие, стороны заключают договоры в электронном виде, что позволяет мошенникам фальсифицировать подписи и печати. Оплатив аванс мошенникам, но не получив товар (работу, услугу), потерпевшие обращаются с исками к реальному лицу, чьи реквизиты были указаны в договоре.

Например, на портале Infotrans.by⁴¹ 12 августа 2024 г. была размещена следующая информация: «Информация о ненадлежащем исполнении договорных обязательств ООО российской компанией «Вагосервис» — перед иностранным предприятием «Градалогистик» (резидент Республики Беларусь). Указанная компания активно ведет себя на белорусском транспортном рынке, предлагая услуги по предоставлению железнодорожного подвижного состава и оплате провозных платежей (письмо от ООО

³⁵ См.: Балашов А. Н. Развитие электронных технологий в гражданском судопроизводстве / А. Н. Балашов, Н. Г. Ефремова // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 8. С. 8–12. EDN: WGEKV8

³⁶ См.: Пономаренко В. А. К вопросу о модернизации судебно-арбитражной процессуальной формы в свете изменений АПК РФ и концепции электронного правосудия // Российский юридический журнал. 2013. № 2. С. 146–152. EDN: QAZWFB

³⁷ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.03.2025 по делу № А40-199009/24 09АП-8205/2025 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/e860904d-1332-415e-9862-f422f2e95d86> (дата обращения: 22.03.2025).

³⁸ См.: Ворожевич А. С. Патентный троллинг: сущность, история, правовые механизмы борьбы // Закон. 2013. № 9. С. 68–79. EDN: RDFSVF

³⁹ См.: Синицын С. А. Злоупотребление правом: от общего к частному (на примере патентных прав) // Вестник гражданского права. 2022. № 6. С. 55–97. EDN: TLRXOC

⁴⁰ Бурнос Е. Н., Ошуева В. В. Дробление и увеличение размера исковых требований как форма недобросовестного поведения: отдельные вопросы правоприменения // Юридическая гносеология. 2024. № 5. С. 54–66. EDN: ODTSCV

⁴¹ Infotrans.by: ассоциация интермодальных перевозок и логистики «АИПЛ». Белорусский новостной транспортно-логистический портал. URL: https://infotrans.by/2024/08/12/informaciya-o-nenadlezhashhem-ispolnenii-dogovornyh-obyazatelstv-ooo-vago_nservis-rf/ (дата обращения: 15.02.2025).

«Вагонсервис» здесь). После получения предоплаты фактически услуги не оказываются, возврат денежных средств не производится».

С аналогичной ситуацией «спуфинга» (от английского spoof — «обман, подделка») в гражданско-правовых отношениях столкнулся и российский предприниматель-перевозчик, который в настоящее время в постоянном режиме получает досудебные претензии и отслеживает иски о взыскании денежных средств, перечисленных истцами мошенникам (например, дела № А40-21986/25-29-205, А40-40715/2025). Судебные акты по этим делам, в том числе с кодом доступа к электронному делу, предпринимателю не направляются, поскольку мошенники в реквизитах указывали адрес налоговой, а не предпринимателя.

В связи с чем в большинстве случаев предприниматели узнают о подобного рода исках и вынесенных судебных актах только после получения от приставов через портал «Госуслуги» информации о возбуждении исполнительного производства, в том числе по решениям, принятым в рамках упрощенного производства.

Важно также указать, что даже в случае отмены судебного акта, вынесенного в рамках гл. 29 АПК РФ, ответчику необходимо совершить ряд процессуальных действий, чтобы восстановить нарушенные права.

В постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 21.06.2011 № 16731/2010 сформулирована правовая позиция, согласно которой применительно к ч. 7 ст. 319 АПК РФ возможен отзыв исполнительного листа и в иных случаях, не обозначенных в данной норме права⁴².

Поскольку АПК РФ не содержит положений, регламентирующих порядок возврата исполнительного листа (по которому не возбуждено исполнительное производство), выданного на основании отмененного впоследствии судебного акта, такой исполнительный документ подлежит отзыву арбитражным судом применительно к положениям ч. 7 ст. 319 АПК РФ, если он не возвращен в суд взыскателем⁴³. Аналогичные положения содержатся в п. 17.29 Инструкции.

Из указанного пункта следует, что в случае изменения, частичной отмены, отмены решения суда первой инстанции и принятия по делу нового судебного акта об удовлетворении иска (требования) суд первой инстанции, рассматривавший дело по существу, выдает новый исполнительный лист. Выданный ранее исполнительный лист должен быть возвращен в арбитражный суд (отозван арбитражным судом) и погашен в порядке, предусмотренном п. 17.17 Инструкции.

В связи с чем в случае отмены решения суда первой инстанции судом апелляционной инстанции должен быть также рассмотрен вопрос о прекращении взыскания по отмененному судебному акту апелляционным судом. Если такой вопрос судом апелляционной инстанции не рассмотрен, то спорный исполнительный лист должен быть отозван судом первой инстанции и погашен. Данные требования распространяются и на дубликат исполнительного листа⁴⁴.

В случае, если по отозванному исполнительному листу частично или полностью было произведено исполнение, у ответчика возникает необходимость в подготовке и подаче заявления о повороте исполнения судебного акта, которое в силу п. 15 ст. 333.21 Налогового кодекса Российской Федерации⁴⁵ подразумевает оплату госпошлины в размере 10 000 руб. и юридических услуг. Представляется необходимым с учетом внесенных в НК РФ изменений о госпошлинах, а также повышения максимальных порогов для упрощенного производства, с целью недопущения фактов злоупотребления права со стороны истцов, соблюдения принципов законности и справедливости усовершенствовать процессуальный регламент упрощенного производства.

⁴² Постановление Президиума ВАС РФ от 21.06.2011 № 16731/10 по делу № А07-11126/2008-Г-ЮИР // Вестник ВАС РФ. 2011. № 10.

⁴³ См.: например, Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 28.11.2019 № Ф08-9213/2019 по делу № А53-3396/2017; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.07.2024 № 13АП-17367/2024 по делу № А56-42907/2021/сд.1; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.10.2021 № 13АП-26503/2021 по делу № А56-33200/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁴ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 24.05.2021 № Ф08-1658/2021 по делу № А32-23973/2012 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=167411&ysclid=m7hnbrsw32262584526#ABOFddUTCBKbge1> (дата обращения: 19.02.2025).

⁴⁵ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 118-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 32. Ст. 3340.

Выводы

Еще в 2012 г. Э. М. Мурадьян отмечала, что «изменения гл. 29 АПК РФ носят основательный характер и в целом заслуживают оценки как прогрессивные и своевременные, однако это не исключает их дальнейшего совершенствования. Например, в новелле ч. 2 ст. 229 АПК РФ „Решение по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, подлежит немедленному исполнению“ представляется необходимой оговорка о возможном исключении из данного правила, без чего нормальная судебная практика не обойдется»⁴⁶.

Полагаем, что с учетом доводов, приведенных в настоящем исследовании, необходимо пересмотреть подход к порядку исполнения судебного акта, принятого по результатам рассмотрения дела в упрощенном порядке.

Считаем, что на эффективности работы данного института не отразится исключение из АПК РФ (ч. 1 ст. 182, ч. 3 ст. 229) положений о немедленном исполнении судебного акта. Так, если ответчик будет занимать пассивную процессуальную позицию, то по истечении пятнадцати дней со дня вынесения решения истец получит возможность заявить о выдаче исполнительного листа и в дальнейшем взыскать с ответчика присужденную сумму через банк или службу судебных приставов.

В свою очередь, предлагаемое изменение, не снижая процессуальных гарантий истца, позволит защитить добросовестных участников арбитражного процесса от необоснованных взысканий, значительных судебных издерек и убытков, исключить ситуации, когда недобросовестный истец мог бы использовать этот механизм для получения преимущества перед ответчиком до полного вступления решения суда в силу.

Таким образом, предлагаемые изменения направлены на обеспечение баланса между интересами истца и ответчика, гарантируют соблюдение процессуальных прав обеих сторон и способствуют укреплению доверия к судебной системе.

Список источников

1. Балашов А. Н. Развитие электронных технологий в гражданском судопроизводстве / А. Н. Балашов, Н. Г. Ефремова // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 8. С. 8–12. EDN: WGEKVB
2. Бурнос Е. Н. Дробление и увеличение размера исковых требований как форма недобросовестного поведения: отдельные вопросы правоприменения / Е. Н. Бурнос, В. В. Ошуева // Юридическая гносеология. 2024. № 5. С. 54–66. EDN: ODTSCV
3. Ворожевич А. С. Патентный троллинг: сущность, история, правовые механизмы борьбы // Закон. 2013. № 9. С. 68–79. EDN: RDFSVF
4. Галковская Н. Г. Результаты реформы упрощенного производства в арбитражном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 382. С. 144–151. EDN: SEWNEN
5. Громошина Н. А. Упрощенное производство в арбитражном процессе сквозь призму принципов процессуального права // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2023. № 4. С. 37–43. EDN: PKRYCQ
6. Киреева О. С. Значимость упрощенного производства в арбитражном процессе // Аллея науки. 2019. Т. 1. № 11 (38). С. 496–501. EDN: HIQUKA
7. Мурадьян Э. М. Ординарное судебное решение // ЭЖ-Юрист. 2012. № 31. С. 133–134.
8. Пономаренко В. А. К вопросу о модернизации судебно-арбитражной процессуальной формы в свете изменений АПК РФ и концепции электронного правосудия // Российский юридический журнал. 2013. № 2. С. 146–152. EDN: QAZWFB
9. Решетникова И. В. Концепции стремительно развивающегося российского арбитражного процесса (к 10-летию принятия АПК РФ) // Вестник гражданского процесса. 2012. № 5. С. 17–32. EDN: PEWXOB

⁴⁶ Мурадьян Э. М. Ординарное судебное решение // ЭЖ-Юрист. 2012. № 31. С. 133–134.

10. Садовская Т. Д. Правовое регулирование уплаты государственной пошлины в контексте изменений законодательства о налогах и сборах / Т. Д. Садовская, Ж. Г. Попкова // Законы России: опыт, анализ, практика. 2025. № 3. С. 7–13. EDN: VGQDVB
11. Синицын С. А. Злоупотребление правом: от общего к частному (на примере патентных прав) // Вестник гражданского права. 2022. № 6. С. 55–97. EDN: TLRXOC
12. Скуратовский М. Л. Подготовка дела к судебному разбирательству в арбитражном суде первой инстанции. М.: Волтерс Кluвер, 2007. 375 с.
13. Субочева В. А. Особенности производства и рассмотрения дел в порядке упрощенного производства в арбитражном процессе / В. А. Субочева, В. М. Енгалычева, С. А. Япрынцева // Юридическая гносеология. 2023. № 4. С. 101–105. EDN: PCTCQM
14. Шайдуллина А. Р. Проблемы упрощенного производства в арбитражном процессе / А. Р. Шайдуллина, Г. И. Хайруллина, Е. Н. Чуракова // Академическая публицистика. 2017. № 10. С. 171–179. EDN: ZSGNHZ
15. Юсикова Ю. С. Упрощенное производство в арбитражном процессе // Аллея науки. 2018. Т. 8. № 11 (27). С. 739–743. EDN: YXIBFJ

Об авторах:

Бурнос Екатерина Николаевна, партнер-учредитель общества с ограниченной ответственностью «Векави Групп», кандидат юридических наук; e-mail: enburnos@yandex.ru

Ошуева Виктория Владимировна, партнер-учредитель общества с ограниченной ответственностью «Векави Групп»; e-mail: vekavi@internet.ru

References

1. Balashov, A. N., Efremova, N. G. (2016) Development of electronic technologies in civil proceedings. *Arbitration and Civil Procedure*. No. 8. Pp. 8–12. (In Russ.)
2. Burnos, E. N., Oshueva, V. V. (2024) Splitting and increasing the size of claims as a form of unfair behavior: selected issues of law enforcement. *Legal Epistemology*. 2024. No. 5. Pp. 54–66. (In Russ.)
3. Vorozhevich, A. S. (2013) Patent trolling: the essence, history, and legal mechanisms of struggle. *Law*. No. 9. Pp. 68–79. (In Russ.)
4. Galkovskaya, N. G. (2014) Results of the reform of simplified proceedings in arbitration. *Tomsk University Journal*. No. 382. Pp. 144–151 (In Russ.)
5. Gromoshina, N. A. (2023) Simplified proceedings in the arbitration process through the prism of the principles of procedural law. *Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District*. No. 4. Pp. 37–43. (In Russ.)
6. Kireeva, O. S. (2019) The importance of simplified proceedings in the arbitration process. *Alley of Science*. No. 11 (38). Pp. 496–501. (In Russ.)
7. Muradyan, E. M. (2012) Ordinary Judgment. *EZH-Jurist*. No. 31. Pp. 133–134 (In Russ.)
8. Ponomarenko, V. A. (2013) On the issue of modernization of judicial and arbitration procedural form in light of changes of the APC of the RF and the conception of “E-Justice”. *Russian Juridical Journal*. No. 2. Pp. 146–152. (In Russ.)
9. Reshetnikova, I. V. (2012) Concept of rapidly growing Russian commercial (“arbitrazh”) procedure (the 10th anniversary of the adoption of the commercial (“arbitrazh”) procedure code). *Herald of Civil Procedure*. No. 5. Pp. 17–32. (In Russ.)
10. Sadovskaya, T. D., Popkova, Zh. G. (2025) Legal regulation of payment of state duty in the context of changes in legislation on taxes and fees. *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2025. No. 3. Pp. 7–13. (In Russ.)
11. Sinitsyn, S. A. (2022) Abuse of right: from general to specific (by the example of patent rights). *Bulletin of Civil Law*. No. 6. Pp. 55–97. (In Russ.)

12. Skuratovsky, M. L. (2007) Preparation of the case for trial in the arbitration court of the first instance. *Volters Kluver*. 375 p. (In Russ.)
13. Subocheva, V. A., Engalicheva, V. M., Yapravitseva, S. A. (2023) Features of the production and consideration of cases in the simplified procedure in the arbitration process. *Legal Epistemology*. No. 4. Pp. 101–105. (In Russ.)
14. Shaidullina, A. R., Khairullina, G. I., Churakova, E. N. (2017) Problems of simplified proceedings in the arbitration process. *Academic Journalism*. No. 10. Pp. 171–179. (In Russ.)
15. Yusikova, Yu. S. (2018) Simplified proceedings in the arbitration process. *Alley of Science*. No. 11 (27). Pp. 739–743. (In Russ.)

About the authors:

Ekaterina N. Burnos, founding partner Limited Liability Company “Vekavi Group”, PhD in Jurisprudence; e-mail: enburnos@yandex.ru

Victoria V. Oshueva, founding partner Limited Liability Company “Vekavi Group”; e-mail: vekavi@internet.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare that there is no conflict of interest.

EDN: KAMBFY

Дата поступления статьи: 14.04.2025

Дата поступления рецензии: 25.06.2025

Дата принятия статьи к публикации: 30.09.2025

Проблема квалификации отступлений от норм УПК РФ: «допустимая погрешность» или существенное нарушение?

Чобитько М. Б.

Челябинский областной суд (Челябинск, Российская Федерация)

E-mail: masjanti33@gmail.com

Аннотация

Введение. В статье рассматривается сфера нарушений уголовно-процессуального закона как неотъемлемый и постоянный элемент уголовно-процессуальной деятельности. Исследуются положения о нарушениях УПК РФ в структуре российского правового регулирования во взаимосвязи с научными работами, посвященными этой области. Приводятся статистические данные, указывающие на преобладание нарушений УПК РФ в качестве основания отмены судебных решений по уголовным делам. Автор обращает внимание на неизученность и непопулярность этого предмета юридического исследования, что не позволяет изменить существующее положение, обусловленное большим количеством отмен судебных решений по данному основанию.

Методология и материалы. Используя метод функционального анализа нормативных актов в совокупности с наблюдениями некоторых исследователей и судебной практикой, автор выявляет основные подходы к природе уголовно-процессуальных нарушений, которые для целей настоящей статьи определяются как правовое явление.

Результаты исследования и их обсуждение. Автор отмечет некоторые закономерности в выявлении участниками уголовного судопроизводства процессуальных нарушений в виде цепочки процессуальных действий: декларирование заинтересованной стороной версии — проверка судом версии о наличии нарушения — констатация либо опровержение. Выделяются два вида декларирования процессуальных нарушений: процессуальное и ревизионное, применительно к субъекту, который выдвигает версию: сторона по делу либо суд. Признание нарушений производится в процессуальном и ревизионном порядке теми правоприменителями, которые наделены правом вынесения итоговых решений.

Выводы. Формулируя выводы, автор выделяет теоретическую и практическую стороны в проблеме работы над нарушениями уголовного судопроизводства. Деятельность правоприменителей по признанию процессуальных нарушений в делах и производствах предлагается регламентировать в качестве предмета процессуального доказывания.

Ключевые слова: нарушение уголовно-процессуального закона, судебная ошибка, техническая ошибка в судебном решении.

Для цитирования: Чобитько М. Б. Проблема квалификации отступлений от норм УПК РФ: «допустимая погрешность» или существенное нарушение? // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 4 (26). С. 183–194. EDN: KAMBFY

The Problem of Qualifying Deviations from the Norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: “Permissible Error” or a Substantial Violation?

Chobitko M. B.

Chelyabinsk Regional Court (Chelyabinsk, Russian Federation)

E-mail: masjanti33@gmail.com

Abstract

Introduction. The article examines the sphere of violations of the criminal procedure law as an integral and permanent element of criminal procedure activity. The provisions on violations of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in the structure of Russian legal regulation are examined in connection with scientific works devoted to this area. Statistical data are provided indicating the prevalence of violations of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation as grounds for the cancellation of court decisions in criminal cases. The author draws attention to the lack of study and unpopularity of this subject of legal research, which does not allow changing the current situation, due to the large number of cancellations of court decisions on this basis.

Methodology and materials. Using the method of functional analysis of normative acts in conjunction with the observations of some researchers and judicial practice, the author identifies the main approaches to the nature of criminal procedural violations, which for the purposes of this article are defined as a legal phenomenon.

Results and discussion. The author notes some patterns in the identification of procedural violations by participants in criminal proceedings in the form of a chain of procedural actions: declaration of a version by an interested party — verification by the court of the version about the presence of a violation — confirmation or refutation. There are two types of declaration of procedural violations: procedural and revisional, applicable to the subject that puts forward the version: a party to the case or the court. Recognition of violations is carried out in a procedural and audit procedure by those law enforcement officers who are empowered to make final decisions.

Conclusions. In formulating conclusions, the author highlights the theoretical and practical aspects of the problem of working on violations of criminal proceedings. It is proposed to regulate the activities of law enforcement officers in recognizing procedural violations in cases and proceedings as a subject of procedural evidence.

Keywords: violation of the criminal procedure law, a miscarriage of justice, technical error in the court decision.

For citation: Chobitko, M. B. The Problem of Qualifying Deviations from the Norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: “Permissible Error” or a Substantial Violation? *Theoretical and Applied Law*. No. 4 (26). Pp. 183–194. (In Russ.)

Введение

Наряду с неправильным применением уголовного закона, нарушения уголовно-процессуального закона выступают наиболее частой причиной отмены судебных решений¹. Однако, как показывает судебная статистика, существенные нарушения УПК РФ приводят к отмене судебных решений по уголов-

¹ Матейкович М. С., Бостаниди В. К., Сентякова Е. С. Нарушения уголовного и уголовно-процессуального законов при рассмотрении уголовных дел мировыми судьями // Мировой судья. 2022. № 12. С. 11.

ным делам значительно чаще, чем происходят отмены по другим правовыми основаниям. К примеру, судебная коллегия по уголовным делам Челябинского областного суда в 2023 и 2024 гг. рассмотрела дела в отношении 8224 и 8690 лиц соответственно. Из них отменено 349 судебных решений, из которых ввиду несоответствия выводов суда отменено 28 и 103 решения, ввиду неправильного применения уголовного закона — 34 и 23, а по причине существенного нарушения УПК РФ — 209 и 223 решения соответственно², что составляет более 50 % от общего числа. Судебная статистика апелляционного рассмотрения уголовных дел по Российской Федерации за 2023 и 2024 гг. показывает схожие сведения. Так, из 135 674 и 129 826 рассмотренных дел из-за существенного нарушения уголовно-процессуального закона отменено (изменено) 10 617 и 9282 дел, по причине несоответствия выводов суда — 1898 и 1973, из-за нарушения уголовного закона — 1664 и 1803³. Такое соотношение чисел показывает, что отмена судебных решений по причине существенных нарушений уголовно-процессуального закона выступает доминирующей причиной так называемого «брата в судебных решениях».

Раскрывая подобного рода сведения, всегда следует помнить, что констатация судами нарушений норм уголовно-процессуального закона в конкретном уголовном деле носит строго индивидуальный характер. По этой причине наличие нарушения в деле, которое послужило основанием вмешательства в судебное решение, не является гарантией того, что признаки схожего нарушения в другом деле повлекут те же самые правовые последствия и суд примет ровно такое же решение. Такие случаи не свидетельствуют о рассогласованности судебной практики, поскольку в каждом случае отмены приговора или иного решения имеет значение контекст, объем нарушенных прав участников, наличие других сопутствующих нарушений (несоответствие выводов суда, нарушение уголовного закона) и т. д., то есть определенное стечание обстоятельств. В этой связи сфера уголовно-процессуальных нарушений представляет отдельный интерес в изучении, так как простые методы не дадут ответа на вопрос об их сущности.

Необходимость исследования уголовно-процессуальных нарушений правового явления интересна тем, что при погружении в эту сферу попытки определить юридическую сущность нарушений УПК РФ, как правило, заходят в тупик. Авторы диссертационных исследований часто сводят их правовую природу к области правонарушений, то есть «деянию, совершенному в форме действия или бездействия»⁴, «вновьному противоправному деянию»⁵ и т. д., что явно ограничивает границы понимания и не позволяет решить проблему их распространенности в делах и производствах. Кроме того, исследование уголовно-процессуальных нарушений с позиции стороннего наблюдателя, не вовлеченного в уголовно-процессуальную деятельность, безусловно, снижает уровень профессиональной заинтересованности, однако не дает внятного представления о мотивации правоприменителя, сознательно или несознательно отступившего от предписаний уголовно-процессуального закона, который не отличается гибкостью. По этой причине в юридических исследованиях, проведенных в учебных аудиториях, не следует подвергать отчаянной критике правоприменителей (следователей, адвокатов, судей), не всегда соблюдающих требования УПК РФ в той мере, в какой это видится зрителю, а стоит предпринять попытку занять их позицию в разрешении сложных, порой кажущихся неразрешимыми процессуальных вопросов.

Еще одна особенность изучения нарушений УПК РФ заключается в том, что их анализ в рамках конкретного производства дает возможность погрузиться в предмет изучения с его «изнаночной стороны», то есть увидеть не фасад, а нелицеприятную процедурную сторону, с которой сталкиваются правоприменители в своей ежедневной работе, о которой говорить публично не всегда принято.

В данной статье речь ведется только о тех нарушениях УПК РФ, которые допускают участники уголовного судопроизводства, наделенные правом осуществлять правосудие в пределах своих полномо-

² Официальная статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Отчет по работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке за 12 месяцев 2023 г. и 12 месяцев 2024 г. (Челябинский областной суд).

³ Официальная статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел в апелляционном порядке за 12 месяцев 2023 г. и 12 месяцев 2024 г.

⁴ Ширванов А. А. Нарушения закона в уголовном процессе Российской Федерации и их правовые последствия: автореф. дисс. д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 21–22.

⁵ Москвина Т. А. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона и средства их выявления, устранения и предупреждения в уголовном процессе России: дисс. канд. юрид. наук. Ярославль, 1997. С. 24.

чий, а именно разрешать уголовные дела по существу, то есть определять ход производства по делу и принимать итоговые судебные решения. Безусловно, сфера процессуальных нарушений столь обширна, что в ней могут выступать и другие лица, способные влиять на процедуру уголовного судопроизводства. Однако следует остановиться на той части проблемы, которая позволит показать основную структуру сферы процессуальных нарушений и обозначить ее главные проблемы.

Методология и материалы

При работе над статьей применялись статистический метод и метод функционального анализа источников права, судебной практики и научных работ, посвященных нарушениям уголовного судопроизводства. При постановке выводов о структуре предмета исследования использовались логический метод и метод синтеза выявленных в результате анализа источников права в совокупности с судебной практикой закономерностей в признании правоприменителями нарушений уголовного судопроизводства.

Результаты исследования и их обсуждение

При анализе уголовно-процессуального закона и связанных с ним нормативных актов видно, что они не содержат норм, напрямую регулирующих выявление и устранение нарушений УПК РФ. Как правильно отмечают исследователи, понятие нарушений уголовно-процессуальных норм и формы их проявления в законе не сформулированы⁶. Также необходимо отметить, что отсутствуют и теоретические исследования, которые бы комплексно объясняли это явление и давали сколько-нибудь ценные разъяснения относительно глубинных проблем, связанных с наличием множества нарушений уголовно-процессуального закона, которое декларируется⁷ буквально в каждом уголовном деле.

Конституционные положения, в качестве основного правового ориентира, прямо не регулируют сферу нарушений уголовно-процессуального закона, и только ч. 2 ст. 50 Конституции РФ оговаривает, что при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. Представляется, что данное положение ориентирует правоприменителя на сегмент деятельности, относящийся к сфере доказательственного права, который, исходя из формулировки конституционных положений, должен определять четкие требования закона о получении доказательств и критерии признания таких доказательств недопустимыми, полученными с нарушением закона. Вместе с тем такие границы нормативно не очерчены, что вызывает одну из проблем, связанных с нарушением уголовно-процессуального закона, и оставляет большой простор для усмотрения правоприменителей.

В УПК РФ нарушения определяются в качестве оснований для изменения или отмены приговора или иного судебного решения. Его главным и единственным нормативно закрепленным свойством является *существенность*. Однако если для апелляционной инстанции это явление представлено в виде существенных нарушений уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или ограничения гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения (ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ), то для кассационной и надзорной инстанций это существенные нарушения уголовного и/или уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела (ст. 401.15 УПК РФ и ч. 1 ст. 412.9 УПК РФ). Тем самым суд апелляционной инстанции, констатируя наличие процессуального нарушения, обязан обосновать влияние данного процессуального нарушения на права участников и вынесение законного решения, в то время как суд кассационной инстанции, ввиду неопределенности положений ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ, такой обязанностью не ограничен, и «практически

⁶ Мичурин О. В., Мичурин В. С. Нарушения уголовно-процессуальных норм, их причины и пути преодоления // Российский следователь. 2023. № 9. С. 22.

⁷ В данном случае автор, применительно к процедуре выявления процессуального нарушения *декларирование – обоснование – проверка – подтверждение*, отмечает, что практически в каждом уголовном деле или производстве участниками отмечается наличие процессуальных нарушений, которые не подтверждаются судом или вышестоящим судом.

любое нарушение при судебном рассмотрении уголовного дела можно трактовать как повлиявшее на исход дела, так и не повлиявшее»⁸.

Соответственно, при анализе норм УПК РФ о его нарушениях представляется необходимым руководствоваться именно положениями ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ, которые дают развернутое представление о том, какие конкретно нарушения УПК РФ следует считать основаниями для признания судебного решения незаконным. Опирая условной шкалой от 1 до 10, где 1 — это несущественные нарушения, например техническая ошибка в судебном решении в виде неправильного указания даты составления процессуального документа, а 10 — нарушение права на защиту путем лишения юридической помощи защитника, когда его участие обязательно, видно, насколько нарушения УПК РФ неоднородны и различны по степени возможных последствий. Таким образом, основополагающим аспектом для понимания юридической природы нарушений УПК РФ выступает дискуссия об их правовой природе, которая представлена в виде бинарной оппозиции понятий существенности либо несущественности, устранимости либо неустранимости, а также возможности или невозможности при их наличии постановить итоговое судебное решение.

Кроме того, нарушения норм УПК РФ являются двигателем изменений уголовно-процессуального закона. Если раньше проведение судебного разбирательства в суде первой инстанции с участием подсудимого в режиме видео-конференц-связи считалось процессуальным нарушением в виде несоблюдения принципа непосредственности, то теперь с 29 декабря 2022 г.⁹ это является ординарным процессуальным действием при наличии согласия подсудимого, технической возможности и соблюдения всех требований уголовно-процессуального закона.

Дискуссионным является вопрос о правовой сущности нарушений уголовно-процессуального закона. В отсутствие нормативного регулирования необходимо обратиться к некоторым научным исследованиям юридической природы уголовно-процессуальных нарушений. Наиболее значимые работы по изучению нарушений уголовно-процессуального закона относятся к периоду правового регулирования УПК РСФСР. Однако с указанного времени подход к пониманию нарушений уголовно-процессуального закона несколько изменился, что в первую очередь объясняется сменой правового содержания критерия их существенности.

С принятием Конституции Российской Федерации в 1993 г. были обозначены основные права и свободы, которые защищаются путем опосредованного влияния положений конституции на уголовное судопроизводство. Так существенность процессуальных нарушений стала отождествляться с нарушением фундаментальных конституционных прав индивида: права на защиту, доступ к правосудию, законный состав суда, использование родного языка и т. д. Кроме того, подход к нарушениям уголовно-процессуального закона для проверки их устранимости или неустранимости изменился с введением в 2012 г. апелляционного порядка рассмотрения дел в судах субъектов Российской Федерации. Не каждое допущенное процессуальное нарушение стало основанием для признания всей процедуры уголовного судопроизводства незаконной, отмены и направления дела на новое разбирательство, поскольку суды апелляционной инстанции были наделены теми же правами при отправлении правосудия, что и суды первой инстанции.

Изменение подхода к пониманию юридической сущности нарушений уголовно-процессуального закона можно проследить в определениях, которые приводятся в научных исследованиях различных периодов. В работе Л. А. Воскобитовой, датированной 1979 г., была предпринята попытка дать всеобъемлющую характеристику существенным нарушениям уголовно-процессуального закона, которые обозначены как «совершённые в любой стадии уголовного процесса любым способом нарушения прав участников процесса; порядка получения доказательств; пределов компетенции органов и должностных лиц,

⁸ Халиков А. Н. Правовая неопределенность кассационного судопроизводства по уголовным делам («черный ящик кассации») // Российский судья. 2022. № 10. С. 38.

⁹ См.: В Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» введена ст. 241.1 УПК РФ об участии в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи // Российская газета. № 2. 10 января 2023 г.

осуществляющих уголовный процесс; последовательности движения и порядка перехода дела из одной стадии в другую; требований, предъявляемых к процессуальным документам и иных норм УПК, которые помешали всесторонне, полно и объективно рассмотреть дело, иным путем привели к вынесению незаконного, необоснованного приговора, постановлений, определений или порождают обоснованные, неустранимые сомнения в их правосудности»¹⁰. В более позднем исследовании, но проведенном уже после принятия Конституции РФ Т. А. Москвина относит нарушения УПК РФ к сфере деликтов и полагает, что «процессуальное правонарушение — это виновное противоправное действие (действие или бездействие), совершающееся в сфере уголовного судопроизводства его субъектами, причинившее или могущее причинить вред правоприменительному процессу в виде недостижения поставленных перед ним задач, не согласующихся с требованиями Конституции РФ, международных договоров РФ, общепризнанных принципов и норм международного права, УПК, иных законов, норм уголовного, уголовно-процессуального и иных отраслей права»¹¹. Определение А. А. Ширванова, приведенное уже после введения в действие УПК РФ, рассматривает нарушения уголовно-процессуального закона как «действия, выразившиеся в несоблюдении норм (нормы) уголовно-процессуального права, совершенного субъектом уголовно-процессуальных правоотношений в форме действия либо бездействия, в любой стадии уголовного судопроизводства, причинившего вред правоприменительному процессу»¹².

Предполагается, что в советский период, для которого было характерно линейное и последовательное восприятие реальности от несовершенного к совершенному, процессуальные нарушения воспринимались как нечто противоестественное, что нужно изжить из существующей практики. Для приведенного исследования Л. А. Воскобитовой, помимо восприятия нарушений УПК как недопустимого явления правовой действительности, характерно отсутствие критериев и абсолютное усмотрение в признании тех или иных ограждений (допущенных на любой стадии уголовного судопроизводства) в качестве существенных нарушений уголовно-процессуального закона. Кроме того, маркировка нарушений уголовно-процессуального закона клеймом «деликт» существенно снижает область исследования, поскольку только незначительная часть нарушений влечет правовые последствия, по которым несет ответственность непосредственно правоприменитель. Исходя же из логики этого исследователя, констатация выявленного нарушения должна сопровождаться сопутствующим решением о судьбе правоприменителя, его допустившего. К такому выводу может прийти только юрист, далекий от практической деятельности, поскольку определение, данное Т. А. Москвиной, мало чем отличается от определения преступления. Оно будет приемлемым только в том случае, если его включить в Особенную часть УПК РФ, дополнив санкцией.

Вызывают интерес исследования нарушений уголовного судопроизводства последних лет, которые затрагивают проблемные аспекты правоприменения, в том числе соблюдения «непрерывности совещательной комнаты»¹³, конкретности и определенности формулировки предъявленного обвинения¹⁴, которые обосновываются исследователями в качестве фундаментальных нарушений. Несмотря на «фрагментирование» исследовательской деятельности по глобальной нерешенной проблеме процессуальных нарушений, само наличие таких исследований способствует решению актуальных проблем, поскольку помогает сформулировать понимание текущих задач, связанных с практической работой, выбрать стратегию и т. д.

Пожалуй, и другие исследования не отражают реальное положение вещей и практический подход правоприменителей к нарушениям уголовно-процессуального закона, осуществляемый в режиме непрерывной правоприменительной деятельности. Допускается, что исследования не получили практического применения по причине того, что они излишне криминализируют сферу уголовно-процессуальных

¹⁰ Воскобитова Л. А. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основания к отмене приговоров: дисс. канд. юрид. наук. М., 1979. С. 34.

¹¹ Москвина Т. А. Указ. соч. С. 24–25.

¹² Ширванов А. И. Указ. соч. С. 13–14.

¹³ См.: Романенко Н. В. Несоблюдение тайны совещания судей как существенное нарушение уголовно-процессуального закона // Администратор суда. 2025. № 2. С. 35.

¹⁴ См.: Максимова Т. Ю., Маркова Т. Ю. Признание судом обвинения как неконкретного и его последствия // Адвокатская практика. 2025. № 2. С. 26.

нарушений, проводя знак равенства между понятиями нарушение УПК — правонарушение, несмотря на то что лишь малая часть подтвержденных нарушений уголовно-процессуального закона имеют признаки деликта.

Другой важной проблемой является то, что исследователи отмечают наличие нарушения в конкретном деле *ipso facto*, когда его наличие следует констатировать исходя из самого содержания судебных решений, их выявивших. Таким образом, оставлен без внимания юридический аспект о наделении того или иного явления в правоприменении признаками нарушения уголовно-процессуального закона, поскольку, исходя из общего содержания приведенных выше исследований, нарушение неотделимо от самого процессуального действия, его допустившего, и связано с ним, то есть изначально существует в правовой природе. Однако такой подход представляется более чем спорным.

Процесс выявления нарушений уголовно-процессуального закона — часть правоприменения и, подобно оценке доказательств или установления виновности, является более сложным процедурным аспектом.

Наличие либо отсутствие нарушения устанавливается, как правило, в порядке ревизии, то есть проверки того или иного процессуального решения уполномоченным на то участником уголовного судопроизводства. В досудебных производствах таким правом наделены специальные должностные лица — прокурор, руководитель органа дознания, руководитель следственного органа. Выявление процессуальных нарушений осуществляется судом *первого порядка* — рассматривающим дело по существу в качестве суда первой инстанции, выявившим процессуальное нарушение, допущенное в ходе досудебного производства, либо судом *второго порядка*, рассматривающим дело в апелляционном, кассационном и надзорном производствах, которые наделены процессуальным правом выявлять процессуальные нарушения, допущенные как в досудебном производстве, так и судами нижестоящего уровня. При этом наиболее серьезная нагрузка в проверке на предмет процессуальных нарушений возлагается на апелляционную инстанцию в качестве суда второго порядка, который в каждом случае нарушения норм УПК РФ должен проверить, насколько они были существенными¹⁵. Однако указание на наличие существенного нарушения уголовно-процессуального закона (его декларирование) не является гарантией того, что такое указание будет подтверждено и станет причиной отмены судебного решения. Это применимо к позиции как должностного лица, так и суда, выявившего процессуальное нарушение.

Как было сказано, при анализе каждого судебного производства, проводимого по правилам УПК РФ, вопрос о нарушениях уголовно-процессуального закона ставится всегда, когда имеет место составительный спор участничащих сторон. Подвергаются проверке в таких случаях на предмет законности и соблюдения норм УПК РФ не только итоговые решения (приговоры и постановления), но и судебные решения, принятые в рамках процедуры судебного контроля (досудебные производства, производства исполнения приговоров, выдачи для уголовного преследования и т. д.). В данном случае имеет значение интерпретация тех или иных фактов, которые одновременно могут выступать в качестве установленного нарушения, либо такие нарушения декларирует сторона по делу, но их не подтверждает суд. Эти сведения находят свое отражение в описательно-мотивировочных частях судебных решений, где суд приводит доводы сторон и дает им юридическую оценку.

Наличие признаков нарушения уголовно-процессуального закона не сразу и не в каждом случае является основанием для отмены или изменения судебного решения. До тех пор пока нарушение уголовно-процессуального закона и его существенный характер не были выявлены и подтверждены, суждения об их наличии являются версияй. В данном случае можно говорить о *декларативном* характере нарушения уголовно-процессуального закона и его двух разновидностях. *Первое*, когда по делу сторонами обвинения или защиты отмечается наличие в деле существенных нарушений уголовно-процессуального закона для их оценки судом в качестве основания изменения или отмены судебного решения. *Второе*, когда суд первого порядка (то есть выявивший нарушение) декларирует его в качестве основания для вынесения соответствующего судебного решения, находящегося в его производстве.

¹⁵ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. Ю. Девятко, Г. И. Загорский, М. Г. Загорский и др.; под науч. ред. Г. И. Загорского. М.: Проспект, 2016. С. 1021.

Дальнейшая цепочка процессуальных действий выглядит следующим образом: суд проверяет доводы и версию о наличии нарушения уголовно-процессуального закона, а также его существенность, что отражает в решении. В том случае, если такое решение вступает в законную силу, процессуальное нарушение можно считать *подтвержденным*. Такой порядок можно условно обозначить как *процессуальное декларирование* нарушения уголовно-процессуального закона.

В другом случае судом второго порядка (апелляционным, кассационным, надзорного уровня) в ревизионном порядке проверяется решение нижестоящего суда. При выявлении процессуального нарушения, допущенного в досудебном производстве либо судом нижестоящего уровня, суд отражает наличие такого нарушения, дает ему оценку на предмет существенности и выносит соответствующее судебное решение, как правило, об отмене. В таком случае имеет место **ревизионное декларирование** нарушения уголовно-процессуального закона.

Таким образом, наличие или отсутствие процессуального нарушения всегда устанавливается только вступившим в законную силу судебным решением, установившим его первично или в ревизионном порядке, и нарушение уголовно-процессуального закона только в таком случае будет являться *подтвержденным* и повлечет правовые последствия.

Причин, по которым участники декларируют по делу наличие нарушений, множество. Нарушения УПК РФ на досудебной стадии следователями и дознавателями, а в судебной стадии — судьями, как правило, обусловлены:

- сложностью применения ряда уголовно-процессуальных норм (например, соблюдения права на защиту при противодействии обвиняемого и защитника, умышленном затягивании сроков давности привлечения к уголовной ответственности);
- отсутствием критериев применения ряда положений УПК РФ (например, проверка в производствах судебного контроля обоснованности причастности и обвинение в совершении преступления в связи с осуществлением предпринимательской деятельности);
- оценочным характером, а также различными интерпретациями одних и тех же правовых ситуаций как существенного нарушения либо «допустимой погрешности» в ординарном применении процессуальных норм (например, обоснование приговора суда доказательствами, которые не были исследованы судом первой инстанции, которые на практике чаще всего восполняются судом апелляционной инстанции);
- различным подходом в правоприменительной следственной и судебной практике, а также различным подходом судов к последствиям, которые влекут допущенные процессуальные нарушения.

Нередки случаи, когда, проводя проверку доводов стороны в качестве декларируемого существенного нарушения, суд первого порядка дает оценку и констатирует отсутствие нарушения уголовно-процессуального закона с приведением соответствующих мотивов. Однако в порядке ревизии производится переоценка выводов суда первого порядка, и вышестоящий суд подтверждает нарушение уголовно-процессуального закона со всеми вытекающими последствиями.

К примеру, *кассационным определением Седьмого кассационного суда общей юрисдикции был отменен приговор и апелляционное определение Челябинского областного суда по уголовному делу в отношении четырех фигурантов, осужденных по преступлениям, связанным с совершением должностных преступлений сотрудниками правоохранительных органов, а также преступлений против правосудия, в том числе фальсификации доказательств и обвинения лица в совершении особо тяжкого преступления, совмещенного с искусственным созданием доказательств обвинения*. В данном деле участниками декларировалось нарушение права на защиту в качестве существенного нарушения уголовно-процессуального закона, о котором было известно участникам, которое прошло процедуру проверки. При этом как суд первой инстанции, так и суд апелляционной инстанции указали и не подтвердили наличие процессуального нарушения, обусловленного тем, что интересы обвиняемых по делу при производстве предварительного расследования представляли адвокаты, являющиеся близкими родственниками, при котором один защитник был отведен от участия в деле, а другой продолжит исполнять свои обязанности. В своем решении суд кассационной инстанции отметил, что

допущенное судом первой инстанции нарушение уголовно-процессуального закона оставлено апелляционной инстанцией без внимания, тем самым подтверждается наличие существенного нарушения уголовно-процессуального закона в качестве единственного основания для двух судебных решений и возвращении дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции¹⁶. В данном случае имеет место ревизионное декларирование и подтверждение процессуального нарушения судом кассационной инстанции, при этом необходимо отметить, что такая оценка производится в решении, уже вступившем в законную силу, и решением, вступающим в законную силу немедленно.

Как справедливо отметил А. Н. Халиков, анализируя предусмотренные законом основания для изменения или отмены решений судами кассационной инстанции, «правовая определенность кассационного механизма уголовного судопроизводства требует юридической детализации»¹⁷. Такая детализация представляется возможной при наличии критериев, которые бы определяли границы отступлений от предписаний уголовно-процессуального закона. Требование о декларировании в деле процессуальных нарушений и проведении проверки по каждому из них определит алгоритм действия правоприменителей, который исключит произвольное оперирование сферой уголовно-процессуальных нарушений.

С учетом сложившейся практики нарушения уголовно-процессуального закона следует рассматривать как сопутствующее явление уголовно-процессуальной деятельности и особую область правоприменения, которая включает в себя как нарушения УПК РФ, которые влияют на законность и обоснованность судебных решений, так и нарушения, которые неказываются на устойчивости судебного акта. Констатация конкретного нарушения УПК РФ осуществляется исключительно уполномоченным на то субъектом уголовного судопроизводства, наделенным таким правом в соответствии с УПК РФ (прокурором, начальником следственного органа и судом), на основании формально-определенного процессуального решения, обязательного к исполнению, не отмененного судом первой инстанции или вышестоящим судом, которое устанавливает существенность нарушения либо несущественность, в зависимости от его влияния на права участников уголовного судопроизводства и в зависимости от конкретных обстоятельств дела.

Работа с версиями о нарушениях уголовно-процессуального закона порой представляет сложность ввиду неупорядоченности процедуры, обязанностей участвующих лиц и оформления результатов. Для того чтобы проверка наличия либо отсутствия процессуального нарушения в деле представляла собой определенную структуру, для начала представляется необходимым установить два обязательных требования. *Первое* — это определить обязанность декларирующей стороны обосновать существенный характер допущенного процессуального нарушения и привести тому доказательства. *Второе* — установить посредством проверки версий наличие процессуального нарушения в качестве одного из обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу, предусмотренных ч. 1 ст. 73 УПК РФ.

Негативные последствия нарушений УПК РФ для следователей и дознавателей выражаются в форме возвращения уголовных дел прокурором для устранения недостатков рассмотрения судом, а также постановления судами оправдательных приговоров по причинам нарушений, допущенных на стадии досудебного производства. Для судей — в виде отмены судебных решений. Кроме того, различные интерпретации нарушений уголовно-процессуального закона, мотивы, по которым были допущены нарушения и последствия, нередко выступают основанием для привлечения к дисциплинарной, административной и уголовной ответственности.

Для судей нарушения требований УПК РФ нередко являются причиной дисциплинарных взысканий, в зависимости от того, подпадают ли допущенные нарушения под признаки дисциплинарного проступка. При этом органы судейского сообщества при определении виновности или невиновности судьи руководствуются критерием судебной ошибки.

К примеру, *решением Квалификационной коллегии судей Архангельской области от 21 сентября 2023 г. судья К. была привлечена к дисциплинарной ответственности за нарушение требований ст. 255 УПК РФ, предусматривающей предельный срок содержания под стражей подсудимого, обвиня-*

¹⁶ Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23 ноября 2021 года № 77-5336/2021.

¹⁷ Халиков А. Н. Указ. соч. С. 39.

емого в совершении преступлений небольшой и средней тяжести, что повлекло необоснованное содержание под стражей сверх предельного срока. Как было установлено коллегией, допущенные судьей нарушения [уголовно-процессуального закона] не могут быть признаны судебной ошибкой, поскольку являются очевидными¹⁸.

Как правило, наличие нарушений УПК РФ подтверждается судебными актами вышестоящего суда, однако само наличие нарушений нередко констатируется вышестоящим судом как объективное, но не приводит к отмене ввиду того, что не повлекло существенного нарушения прав участников. Такие случаи возможны, если дело рассмотрено в закрытом судебном заседании, в нарушение требований ст. 241 УПК РФ, при отсутствии тому оснований, но в остальном решение суда является верным. Но даже в том случае, если допущенные нарушения не способны повлиять на судьбу принятого судебного решения (приговора), ни одно процессуальное нарушение не должно оставаться без внимания и необходима система ответственности, которая будет предусматривать меры воздействия на нарушителей, независимо от того, повлияло нарушение на принятое судебное решение или нет. Тем самым определение характера нарушения, степени его существенности и устранимости выступает основанием адекватного на него реагирования.

Выводы

При изучении обзоров судебной практики и судебной статистики видно, насколько нарушения правоприменителями норм уголовно-процессуального закона оказывают значительное влияние на уголовное судопроизводство в целом и человеческие судьбы в частности. Это предмет, по поводу которого ведутся споры в следственных кабинетах и залах судебных заседаний, следователи и судьи анализируют каждый шаг с целью их избежать, а адвокаты строят вокруг них тактику защиты своих клиентов. Ничто так не увеличивает общую продолжительность уголовного судопроизводства, как отмена приговоров и других решений с направлением дел на новое судебное разбирательство, что порой требует нескольких лет. Представляется, что это явление заслуживает большего внимания, чем многие другие области изучения, поскольку определение критериев допустимой погрешности нарушений уголовно-процессуального закона способно снизить объем повторного рассмотрения уголовных дел, исключить нарушение разумных сроков, исключить необоснованные отказы в удовлетворении ходатайств на стадии досудебного производства и т. д.

Подводя итоги сказанному, следует выделить две стороны проблемы, связанной с работой над нарушениями уголовного судопроизводства. Первая — это *теоретическая*, или проблема изучения, поскольку последние годы данное направление юристы обходят стороной как тему, недостойную внимания, возможно, по причине ее некоторой сомнительности для предмета юридической науки и угрозы оправдания нарушений в качестве выводов изучения, что в определенной степени неизбежно. По этой же причине имеющиеся исследования авторов относительно юридической природы нарушений УПК РФ не учитывают нарушения уголовно-процессуального закона в качестве одной из составляющих науки уголовного процесса. Можно согласиться и расценивать их как «наиболее нетерпимые проявления»¹⁹, однако нельзя не признать, что нарушения были раньше, есть сейчас и с высокой долей вероятности будут допускаться правоприменителями в будущем.

Другая сторона — *практическая*, она заключается в том, что в сфере нарушений уголовного судопроизводства степень усмотрения правоприменителя относительно признания или непризнания нарушения доведена до абсолютной, порой абсурдной степени. Если сфера судебного усмотрения и должна быть ограничена, то именно в свободном признании нарушений уголовного судопроизводства. В случае установления критериев существенности и несущественности, наличия обязательной процедуры проверки версий просматривается перспектива подчинить эту сферу четким правилам правоприменения и снизить объем подтвержденных нарушений в уголовных делах.

¹⁸ Вестник высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. 2024. № 3 (95). С. 6–9.

¹⁹ Воскобитова Л. А. Указ. соч. С. 6.

Наконец, важно то, какое отношение будет складываться у практиков вокруг сферы процессуальных нарушений и как именно правоприменители будут выстраивать процессуальную логику относительно процедурных недостатков, безмерное количество которых можно усмотреть в каждом деле. Будет ли являться разумной с позиции целесообразности отмена судебного решения и направление дела на новое рассмотрение, если с высокой долей вероятности решение после нового рассмотрения будет аналогичным по своему общему содержанию и выводам? В любом случае представляется необходимым формирование нового подхода к нарушениям УПК РФ, их классификации, критериям определения их существенности и влияния на законность решения, в котором они допущены. Однако такое переосмысление должно учитывать особенности УПК РФ в его современном виде, а также запросы и требования общества в сфере отправления правосудия. И если медицинские работники признают объективное наличие болезней и изучают их для поиска методов лечения, то и процессуальные нарушения не должны вызывать ученых и практиков их объективного отрицания в качестве предмета научного исследования.

Список источников

1. Воскобитова Л. А. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основания к отмене приговоров: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 1979. 185 с. EDN: NPQNAR
2. Максимова Т. Ю. Признание судом обвинения как неконкретного и его последствия / Т. Ю. Максимова, Т. Ю. Маркова // Адвокатская практика. 2025. № 2. С. 21–26. DOI: 10.18572/1999-4826-2025-2-21-26. EDN: XXMTKT
3. Матейкович М. С. Нарушения уголовного и уголовно-процессуального законов при рассмотрении уголовных дел мировыми судьями / М. С. Матейкович, В. К. Бостаниди, Е. С. Сентякова // Мировой судья. 2022. № 12. С. 11–16. DOI: 10.18572/2072-4152-2022-12-11-16. EDN: LPQQLO
4. Мичурин О. В. Нарушения уголовно-процессуальных норм, их причины и пути преодоления / О. В. Мичурин, В. С. Мичурин // Российский следователь. 2023. № 9. С. 21–25. DOI: 10.18572/1812-3783-2023-9-21-25. EDN: HVMJZV
5. Москвитина Т. А. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона и средства их выявления, устранения и предупреждения в уголовном процессе России: дисс. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 1997. 271 с. EDN: NLIIMH
6. Романенко Н. В. Несоблюдение тайны совещания судей как существенное нарушение уголовно-процессуального закона // Администратор суда. 2025. № 2. С. 34–38. DOI: 10.18572/2072-3636-2025-1-34-38. EDN: UFAMMS
7. Халиков А. Н. Правовая неопределенность кассационного судопроизводства по уголовным делам («черный ящик кассации») // Российский судья. 2022. № 10. С. 35–39.
8. Ширванов А. А. Нарушения закона в уголовном процессе Российской Федерации и их правовые последствия: автореф. дисс. д-ра юрид. наук. М., 2005. 60 с. EDN: NJUCVT

Об авторе:

Чобитько Максим Борисович, судья Челябинского областного суда (Челябинск, Российская Федерация), кандидат юридических наук; e-mail: masjanti33@gmail.com

References

1. Voskobitova, L. A. (1979) Significant violations of the criminal procedure law as grounds for the reversal of sentences. 186 p. (In Russ.)
2. Maksimova, T. Yu., Markova, T. Yu. (2025) Recognition of an Indictment as Unclear by The Court and Its Consequences. *Advocate practice*. No. 2. Pp. 21–26. DOI: 10.18572/1999-4826-2025-2-21-26 (In Russ.)
3. Mateykovich, M. S., Bostanidi, V. K., Sentyakova, E. S. (2022) Violations of criminal and criminal procedure laws in review of criminal cases by justices of the peace. *Magistrate Judge*. No. 12. Pp. 11–16. DOI: 10.18572/2072-4152-2022-12-11-16 (In Russ.)

4. Michurina, O. V., Michurin, V. S. (2023) Violations of criminal procedural rules, their causes and remedies. *Russian investigator.* No. 9. Pp. 21–25. DOI: 10.18572/1812-3783-2023-9-21-25 (In Russ.)
5. Moskvitina, T. A. (1997) Significant violations of the criminal procedural law and means of their identification, elimination and prevention in the criminal process of Russia. *Yaroslavl.* 271 p. (In Russ.)
6. Khalikov, A. N. (2022) Legal uncertainty of cassation proceedings in criminal cases (“black box of cassation”). *Russian Judge.* No. 10. Pp. 35–39. (In Russ.)
7. Romanenko, N. V. (2025) Failure to observe secrecy of the judges’ conference as a material violation of the criminal procedure law. *Court Administrator.* No. 2. Pp. 34–38. DOI: 10.18572/2072-3636-2025-1-34-38 (In Russ.)
8. Shirvanov, A. A. (2005) Violations of the law in the criminal process of the Russian Federation and their legal consequences. 60 p. (In Russ.)

About the author:

Maksim B. Chobitko, judge of the Chelyabinsk Regional Court (Chelyabinsk, Russian Federation), PhD in Jurisprudence; e-mail: masjanti33@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

EDN: КИНОНВ

Дата поступления статьи: 19.09.2025

Дата принятия статьи к публикации: 01.11.2025

Российский правовой реализм: новая парадигма осмысления права и средство преодоления кризиса в праве?

Рецензия на книгу: Тонков Е. Н. Российский правовой реализм

Нижник Н. С.

Санкт-Петербургский университет МВД России (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

E-mail: n.nishnik@bk.ru

Аннотация

Статья посвящена монографии Е. Н. Тонкова «Российский правовой реализм» (серия: Толкование источников права) — первого на русском языке комплексного исследования методологии, основ и эволюции российского правового реализма. Российский правовой реализм получил признание научной общественности наравне с американским, скандинавским, французским, немецким, итальянским правовым реализмом. В монографии представлена правовая концепция социологического направления, стремящаяся объединить достоинства современных вариантов естественного права и позитивизма, найти эффективные средства преодоления препятствий общественному развитию от юридического формализма. Сделан вывод о том, что характеристика российского правового реализма как социоюридического и социально-психологического феномена, оригинальность подходов к его исследованию, актуальность поднятых в монографии проблем регулирования общественных отношений — свидетельства развития научного направления, вклада Е. Н. Тонкова в исследование правовой реальности и поиск путей преодоления разрыва между догмами классической теории права и юридической практикой.

Ключевые слова: российский правовой реализм, советский правовой реализм, источники права, толкование права, правопорядок, ветви власти.

Для цитирования: Нижник Н. С. Российский правовой реализм: новая парадигма осмысления права и средство преодоления кризиса в праве? Рецензия на книгу: Тонков Е. Н. Российский правовой реализм // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 4 (26). С. 195–207.

EDN: КИНОНВ

Тонков Е. Н. Российский правовой реализм: монография. СПб.: Алетейя, 2024. 454 с.

Russian Legal Realism: A New Paradigm for Understanding Law and a Means of Overcoming the Legal Crisis? Book Review: E. N. Tonkov, Russian Legal Realism

Nizhnik N. S.

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (St. Petersburg, Russian Federation)
E-mail: n.nishnik@bk.ru

Abstract

This article is devoted to E. N. Tonkov's monograph, "Russian Legal Realism" (series: Interpretation of the Sources of Law), the first comprehensive study in Russian of the methodology, foundations, and evolution of Russian legal realism. Russian legal realism has received recognition from the academic community on par with American, Scandinavian, French, German, and Italian legal realism. This monograph presents a legal concept from a sociological perspective, seeking to combine the advantages of modern versions of natural law and positivism and to find effective means of overcoming the obstacles to social development posed by legal formalism. It is concluded that the characterization of Russian legal realism as a socio-legal and socio-psychological phenomenon, the originality of the approaches to its study, and the relevance of the problems of regulating social relations raised in the monograph are evidence of the development of this scientific field, E. N. Tonkov's contribution to the study of legal reality and the search for ways to bridge the gap between the dogmas of classical legal theory and legal practice.

Keywords: Russian legal realism, Soviet legal realism, sources of law, interpretation of law, legal order, branches of government.

For citation: Nizhnik, N. S. (2025) Russian Legal Realism: A New Paradigm for Understanding Law and a Means of Overcoming the Legal Crisis? Book review: Tonkov, E. N. Russian Legal Realism. *Theoretical and Applied Law*. No. 4 (26). Pp. 195–207.

Введение

Современная теория права в XXI в. обогащена активным развитием правового реализма, предлагающего особый, отличающийся от юридического позитивизма и юснатурализма подход к осмыслинию права. Претендую на статус новой парадигмы в юриспруденции, правовой реализм, по мнению его сторонников, способен преодолеть кризис в современной теории права, обусловленный отрывом теоретических конструкций от проблем практической юриспруденции, и предложить перспективный путь, ориентированный на решение актуальных проблем юридической практики.

Исходя из того, что право неотделимо от его применения, а понимание права невозможно вне контекста применения правовых норм, правовой реализм рассматривает право в том виде, в котором оно существует, а не в том, каким оно должно быть, и вносит таким образом «важный вклад в преодоление пропасти между догмами классической теории права и юридической практикой»¹.

В теоретической юриспруденции свое место уже закрепили американский и скандинавский варианты правового реализма, укрепляет свои позиции и российский правовой реализм. Сущности и истории становления правового реализма в России и посвящена недавно вышедшая в свет монография Е. Н. Тонкова «Российский правовой реализм».

¹ Честнов И. Л. Реалистично о правовом реализме: рецензия на монографию: Тонков Е. Н., Тонков Д. Е. Правовой реализм. СПб.: Алетейя, 2022. 464 с. // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 12. С. 145. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.145-153. EDN: PURFIY

См. также: Честнов И. Л. 1) Практическая, человекоцентристская юриспруденция — выход из тупика догматизации права // Энциклопедия права или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания: материалы Седьмых философско-правовых чтений памяти акад. В. С. Нерсесянца / отв. ред. В. Г. Графский. М.: Норма, 2013. С. 46–57. EDN: SHNBXH; 2) Практический поворот в современной философии права // Российский журнал правовых исследований. 2017. Т. 4. № 1. С. 69–77.

Российский правовой реализм — научно-исследовательская программа в современной юриспруденции

На русском языке феномен «российский правовой реализм» был охарактеризован Е. Н. Тонковым в разделах «Российский правовой реализм и его влияние на концепцию толкования»² и «Опыт толкования закона в России: формирование концепции»³ монографии, посвященной толкованию закона, а также в разделе «Российский правовой реализм» коллективной монографии «Постклассическая онтология права»⁴. Обоснование российского правового реализма в качестве самостоятельного феномена наравне с американским и скандинавским правовым реализмом⁵ явилось важным вкладом Е. Н. Тонкова в развитие постсовременной юридической науки и получило международное признание, свидетельством которого было включение статьи о российском правовом реализме в авторитетную всемирную энциклопедию философии права и социальной философии *Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy*⁶.

Феномену «российский правовой реализм» была посвящена Всероссийская научно-теоретическая конференция «Постклассические исследования права», состоявшаяся 30 мая 2025 г. в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации на тему «Перспективы правового реализма».

Монография Е. Н. Тонкова «Российский правовой реализм» опубликована издательством «Алетейя» в серии «Толкование источников права». В этой серии в течение последних десяти лет издано более тридцати монографий, посвященных современной теории права, многие из которых вызвали интерес научной общественности и получили публичное одобрение⁷.

«Российский правовой реализм» Е. Н. Тонкова — первая на русском языке монография, посвященная характеристике философско-правовой концепции, основанной на актуализации правоприменительных процедур, психологическом восприятии фактичности права, отрицании избыточной метафизики, вступающей в противоречие с эмпирическими наблюдениями исследователя, — отечественной кон-

² Тонков Е. Н. Российский правовой реализм и его влияние на концепцию толкования // Толкование закона в Англии. СПб., 2013. С. 274–287.

³ Тонков Е. Н. Опыт толкования закона в России: формирование концепции // Толкование закона в Англии. СПб., 2013. С. 227–245.

⁴ Тонков Е. Н. Российский правовой реализм // Постклассическая онтология права / под ред. И. Л. Честнова. СПб., 2016. С. 417–508.

⁵ Тонков Е. Н. 1) Толкование закона в дискурсе российского правового реализма // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России, Самара, 21–22 июня 2013 года / гл. ред. Р. А. Ромашов. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2014. С. 238–242; 2) Влияние правового реализма на российское право // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики: материалы Международной научно-практической межведомственной конференции, Самара, 16–17 июня 2016 года / Под общей редакцией А. А. Вотинова. Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2016. С. 639. EDN: WFOTXL; 3) Историческая перспектива российского правового реализма // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. Т. 15. № 6. С. 27–45. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-6-tonkov; 4) Источники права в «российском правовом реализме» // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 11. С. 96–104. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.75.11.096-104. EDN: GFMBHY; 5) История формирования социалистического правового реализма // Философия права в условиях глобальных социальных трансформаций: сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 11 июня 2022 года / под ред. Д. А. Пашенцева и А. А. Дорской. Саратов: Саратовский источник, 2022. С. 133–145. EDN: JSNDD5; 6) Ценность правового реализма для транзитивного общества // XVI Международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы — 2024: Парадоксальность морали и моральные парадоксы: проблемы и решения»: материалы конференции, Санкт-Петербург, 21–23 ноября 2024 года. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2024. С. 277–278; 7) Коммуникация и дисコミュникация в российском правовом реализме // Российской юстиции. 2025. № 5. С. 44–51. DOI: 10.52433/01316761_2025_05_44. EDN: IOOWWU; 8) Доктрина российского правового реализма как обоснование экспериментального регулирования // Юридическая техника. 2025. № 19. С. 424–430. EDN: QYSMVK

⁶ Tonkov D. E., Tonkov E. N. Legal Realism, Russian // Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy / ed. by M. Sellers, S. Kirste. Dordrecht, 2023. Pp. 1982–1988.

⁷ Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Государство и право: современное состояние, перспективы развития // Государство и право. 2017. № 2. С. 111–117. EDN: YHQDDV; Честнов И. Л. Реалистично о правовом реализме: рецензия на монографию: Тонков Е. Н., Тонков Д. Е. Правовой реализм. СПб.: Алетейя, 2022. 464 с. // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 12. С. 145–153; Нижник Н. С. В продолжение дискуссии о толковании права: интерпретация в контексте постклассических юридических исследований // Государство и право. 2024. № 9. С. 232–236. DOI: 10.31857/S1026945224090215. EDN: BLMNGT; Нижник Н. С., Савельева М. В. Юридическая наука в России: особенности современного состояния и перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1. С. 34–50. DOI: 10.31857/S1026945224030215. EDN: ZMZLJO; Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Юридическая наука в России как фактор социальных трансформаций современности // Государство и право. 2024. № 3. С. 202–208; Сидоренко Н. С., Нижник Н. С. Политико-правовая мысль как объект современных научных исследований // История государства и права. 2024. № 7. С. 41–49.

цепции правового реализма, обосновывающей особый цивилизационный путь России, который требует всестороннего философско-правового анализа в методологических реалиях XXI в.

Структура монографии включает три раздела («Методологические аспекты», «Реалистический подход к правопорядку», «Развитие концепции»), объединяющие 13 глав, библиографические списки и глоссарий по теме.

Российский правовой реализм как социоюридический и социально-психологический феномен

Описывая интенциональность и культуральность правовых исследований, Е. Н. Тонков характеризует правовой реализм как философско-правовую концепцию, акцентирующую внимание на значении правоприменительных процедур и психологического восприятия фактичности права. Значимыми анализаторами права считаются эмпирические наблюдения правоприменителя, по сравнению с которыми логические выводы из метафизических текстов оцениваются как менее точные.

Российский правовой реализм как тип правовой культуры прошел различные этапы формирования, его составляющая — социалистический правовой реализм — сложилась в советской России и продолжает фрагментарно действовать по настоящее время.

Концепция «российский правовой реализм», по мнению Е. Н. Тонкова, отвечает требованиям к новаторским правовым теориям, критериями которых автор считает:

- актуальность нового подхода к пониманию правовых явлений;
- системность, проявляющуюся как встроенность в уже существующую парадигму мышления;
- простоту и понятность, позволяющие объяснить максимально широкий спектр закономерностей неограниченному кругу лиц;
- предсказательность (эвристичность) — наличие инструментов (гносеологических моделей), позволяющих предвидеть новые факты и правоотношения;
- проверяемость, осуществляемую через анализ соотношения причин, действий, следствий и предполагающую как опровергаемость и фальсифицируемость, так и возможность корректировки теоретических выводов;
- праксеологическую значимость.

Представляет интерес обращение Е. Н. Тонкова к вопросам, характеризующим аксиологический скептицизм и критическое мышление в праве. Важной особенностью современного правопорядка автор считает избирательность действий правоприменителей и релятивизм их оценок, обусловленные тем, что «результат свободного усмотрения правоприменителя зачастую зависит не от характера действий фигуранта и размера причиненного им вреда, а от его социально-политического статуса, типа отношений с субъектами публичной власти, административного ресурса и финансовых возможностей»⁸. Материальное и процессуальное законодательство в сфере публичных правоотношений содержит большое количество оценочных категорий, позволяющих, в зависимости от их толкования исполнительной и судебной властями, возбуждать или не возбуждать преследование, арестовывать или не арестовывать человека и его имущество, приостанавливать, прекращать или продолжать производство по делу. На примерах из юридической практики автор показывает, как широкие пределы усмотрения нередко используются правоприменителями в личных и корпоративных целях: правоприменитель, учитывая отсутствие общедоступного и обоснованного стандарта доказывания, в схожих правовых ситуациях может принимать диаметрально противоположные решения. «Непредсказуемость действий судьи для обычных людей преподносится как норма современного судопроизводства, якобы предполагающая свободу судебского усмотрения. На этом фоне пропагандируется мнение о том, что любое решение суда, вступившее в законную силу, является справедливым»⁹. Но отрижение предсказуемости судебного решения негативно отражается на стабильности социальных взаимосвязей, способствует злоупотреблению

⁸ Тонков Е. Н. Российский правовой реализм. С. 44–45.

⁹ Там же. С. 45.

правом и превышению должностных полномочий со стороны недобросовестных сотрудников силовых ведомств. Е. Н. Тонков утверждает, что борьба с прецедентным типом мышления, заявления о том, что не существует одинаковых дел, противоречат принципам классификации деяний и типизации действий, установленных законодателем и нормативно интерпретированных высшими судебными инстанциями¹⁰.

Автор доказывает, что действующие в современном судопроизводстве модели толкования права позволяют наполнять абстрактные аксиологические категории материальных и процессуальных норм удобным содержанием, — по желанию правопримениеля, ограниченному лишь волей его начальника. Вывод о том, что разрыв между идеальным долженствованием и реально осуществляющей правоприменительной деятельностью требует внимания к тем источникам права, которые недооценены сегодня, представляется обоснованным.

Характеризуя постклассическое понимание права, Е. Н. Тонков в монографии обращает внимание на условность темпоральных классификаций, эвристические функции постклассики, разрыв между «правом в книгах» и «правом в жизни», релятивизм современной юриспруденции. Рассматривая право как результат и способ жизнедеятельности людей, порождающей субъективные права и обязанности, он подчеркивает, что право — это форма взаимодействия, позволяющая субъекту реализовать приемлемые в конкретных ситуациях источники права.

Автор исследует соотношение двух сторон правовой реальности: «права в книгах» (совокупности нормативных актов) и «права в жизни» (корпуса правоприменительных решений). Право Е. Н. Тонков характеризует как многоаспектное явление, состоящее из неравноценных по значимости правил, подчеркивая, что оставление без внимания всей палитры воздействий на правоотношения может привести к бесперспективным юридическим стратегиям и непредсказуемым результатам. По его мнению, избыточное внимание к «праву в книгах» при игнорировании правоприменительных тенденций дезориентирует изучающих книги, делает их неподготовленными к практической деятельности. Необходимостью является учет наравне с текстуализированными нормами права и реалий правовой действительности — «права в жизни» — организационных особенностей публичной власти, культуральных доминант, религиозных традиций, политических доктрин, юридической практики, корпоративных норм гражданских сообществ и силовых ведомств, деловых обыкновений предпринимателей и иных факторов, организующих социальный порядок. «Право в жизни» может существенно отличаться от «права в книгах» по различным причинам, которые Е. Н. Тонков подробно описывает в монографии.

Наиболее ярко изменение подходов к толкованию права, по мнению автора, проявилось на рубеже XX–XXI вв. при трансформации социалистического типа управления в государственно-монополистический. В качестве иллюстрации Е. Н. Тонков приводит ситуацию, сложившуюся в период пандемии COVID-19, когда административный контроль государства за перемещениями и контактами людей для многих стал очевидностью¹¹.

Человеческие взаимодействия всё в большей степени перемещаются в Интернет, где становятся достоянием контролирующих ведомств. Доминирующие тенденции правового развития, юридические коммуникации, паттерны мышления катастрофически изменяются; идеи модернизма, постмодернизма, пост-постмодернизма и метамодернизма завоевывают новых сторонников.

Ссылаясь на труды И. Л. Честнова, автор отмечает, что поиск новой реалистической, объект-ориентированной онтологии отражает сущность пост-постмодернизма, который представлен в том числе концепциями «спекулятивного реализма» Г. Хармана, «реалистической» онтологии общества, основанной на концепции «кассамбляжа» М. Делланда, энактивизма как варианта конструктивистской эволюционной эпистемологии¹². Многие правовые конструкты прошлого, подчеркивает Е. Н. Тонков, не находят места в современной эпохе постправды, где разрыв между «буквой закона» и юридическими практиками увеличивается, достигая в некоторых правоприменительных актах полного противоречия между законом

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 53–54

¹² Честнов И. Л. Теория права в эпоху пост-постмодерна // В поисках теории права / под ред. Е. Г. Самохиной, Е. Н. Тонкова. СПб., 2021. С. 49. EDN: ERQUE

и его толкованием. Право может формироваться и действовать независимо от государственной власти: праксеологический подход позволяет не ограничиваться нормативными актами, изложенными в письменных текстах, но находить и оценивать иные источники права. Правоприменитель следует собственным интересам, подбирая для обоснования нужного результата релевантные нормы и практики.

Как интерпретационный принцип в праве Е. Н. Тонков рассматривает релятивизм, демонстрирующий зависимость мнений и действий субъекта от многих факторов, в том числе от типа правопонимания, профессиональной (цеховой) принадлежности и иных контекстуальных обусловленностей. Особенности политico-правового развития постиндустриальных обществ в XX–XXI вв., по мнению автора, свидетельствуют об исторической детерминированности юридических доктрин и контингентности корпоративных практик. Релятивистский подход позволяет связать несколько концепций в удобных для правоприменителей пропорциях, предоставляя философско-правовые обоснования выносимым решениям. Выводы о том, что классификации вариантов релятивизма неизменно содержат социальную, эпистемологическую и моральную формы, применительно к праву приобретают особую актуальность при их дальнейшем осмыслении в соотношении с принципами плюрализма и универсализма.

Представляет интерес глава монографии «Источники права в реалистической парадигме: широкий подход»¹³, в которой Е. Н. Тонков, признавая наличие в современной юридической науке методологических дискуссий о способах и теоретических моделях толкования источников права, подчеркивает, что понятие «источник права» — одно из ключевых в теории права, но общепринятой трактовки дефиниции нет: смысл понятия определяется в зависимости от типа правопонимания автора. Каждый источник права существует в имманентных ему формах, взаимодействует с другими источниками в онтологическом и формально-юридическом дискурсах. Источники права действуют одновременно в пределах взаимосвязанных правовых систем. Автор подчеркивает, что в силу исторических, политических, геоклиматических и иных особенностей некоторые из источников могут вообще не использоваться, другие применяться крайне редко, а третьи — являться основными способами выражения нормативности. Нередко социум испытывает одновременное влияние нескольких источников права, кумулятивное воздействие которых усиливает правовую тенденцию.

Е. Н. Тонков полагает, что одновременно существуют различные источники нормативности с разным родовым и видовым соотношением, которые он классифицирует, выделяя в качестве источников нормативности: правовые обычаи; правовые мифы; религиозные тексты; мораль; индивидуальные нормативные системы личности (включая разум, правосознание, интуитивное право, индивидуальные ценности); корпоративные нормы; договоры нормативного содержания; акты поселений и муниципальных образований; нормы политических партий; нормы «косвободительных» движений; нормы преступных сообществ; юридическую практику; прецедент; прецедент толкования; акты международного права; науку; правоприменительные доктрины; формы непосредственного волеизъявления населения; нормативные правовые акты органов государства¹⁴.

Отдельного обсуждения заслуживает концепция индивидуальной нормативной системы личности, организующей целесообразную деятельность субъекта¹⁵, которая рассматривается автором как важный источник права. Индивидуальную нормативную систему Е. Н. Тонков характеризует как основу принятия юридически значимых решений каждым человеком¹⁶. Вряд ли можно согласиться с формулировкой предложенной автором дефиниции «индивидуальная нормативная система», учитывая, что социальная норма — правило, принятое в обществе, в социальной группе. Но аргументы, приведенные автором, заслуживают внимания. Е. Н. Тонков подчеркивает, что «норма, устанавливаемая субъектом, отражает уже существующие социальные статусы и, в свою очередь, влияет на формирование новой действительности. В пространстве конкурирующих нормативных систем различных субъектов реальными становятся

¹³ Тонков Е. Н. Российский правовой реализм. С. 65–136.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 87–98.

¹⁶ Там же. С. 92.

только те команды, которые человек дает себе. Индивидуальная норма — это прежде всего предписание для самого себя. Норма другого не станет обязательной, если у нас не будет внутреннего основания соблюдать ее. Индивидуальная нормативная система основывается на уже существующей нормативной среде, изменяется сообразно эмпирическим наблюдениям, личным интересам, экономическим условиям, становясь выводным социально-психологическим и правовым знанием»¹⁷. Акцент на значении человеческого измерения правовой реальности представляется обоснованным. «Нормативная система формируется каждым человеком с момента рождения посредством признания уже существующих норм, их модификации и создания новых. Конфликт интерпретаций правил поведения, разногласия личности с обществом и государством преодолеваются путем выработки индивидуальных правил, которые человек предпочитает соблюдать даже в случае их несовпадения с законодательством и правилами социума»¹⁸.

Изучая современный реализм, Е. Н. Тонков справедливо отмечает, что в гуманитарных науках реализм понимается по-разному¹⁹. Это вызывает методологические трудности у исследователей. С учетом того, что реализм развивается в различных областях знаний с неодинаковым соотношением инструментов отражения объективированной действительности, следует различать философский, политический, социологический, антропологический, интуитивный, юридический и другие подходы к пониманию феномена²⁰. Юридическая трактовка реализма применяется для обозначения жизни такой, как она есть, без идеализации и приукрашивания. При этом следует не упускать из внимания то, что при анализе реализма разные науки делают акцент на разном, а в условиях собственного развития могут изменять свою исследовательскую оптику. В постклассической социальной философии, например, реализм значительно отличается от классического реализма: реальным считается то, что воспринимается как реальное. Реальностью жизни воспринимаются не сами по себе вещи, люди, действия людей и их последствия, а социальные значения, интериоризируемые в личностные смыслы, которыми наделяются вещи, люди, действия, последствия. Они и образуют господствующие социальные представления, «которые лежат в основе юридического означивания некоторых социальных явлений и процессов, в основе сконструированной и постоянно воспроизводимой практиками людей — носителей статусов субъектов права — правовой реальности»²¹.

Российский правовой реализм о правопорядке и контингентности толкования права

Раскрывая сущность реалистического подхода к правопорядку, Е. Н. Тонков описывает контингентность толкования права — вариативность толкования правовых норм в процессе правоприменения в зависимости от субъекта толкования и его целей. Автор характеризует стадии толкования, особенности эволюции подходов к толкованию, модели толкования в контексте классического и постклассического подходов, критерии познания эффективности правовых норм через их толкование, объекты толкования в условиях современности, специфику толкования права в эпоху постправды.

Подчеркивая, что социальные конструкты субъекта публичной власти в эпоху постправды по сравнению с субъектом права, не обладающимластной компетенцией, имеют разные возможности, автор утверждает, что теоретические обоснования формального равенства всех пользователей права основываются на законодательстве и догматических предпосылках его единообразного применения, а в реальной жизни отстаивание прав представителями разных слоев населения связано и с различными интеллектуальными и материальными затратами, и со сложившимися особенностями правопорядка.

¹⁷ Там же. С. 87.

¹⁸ Там же. С. 94.

¹⁹ Тонков Е. Н., Тонков Д. Е. Правовой реализм. СПб., 2022. С. 9–10; Тонков Д. Е. Правовой реализм: американское и скандинавское направления. М., 2021. С. 5. EDN: NTCR IX

²⁰ Тонков Е. Н. Российский правовой реализм. С. 137–169.

²¹ Честнов И. Л. Реалистично о правовом реализме: рецензия на монографию: Тонков Е. Н., Тонков Д. Е. Правовой реализм. СПб.: Алетейя, 2022. 464 с. // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 12. С. 147–148.

Несмотря на то что декларируемый антропоцентристский подход рассматривает человека в качестве центра правовой системы, реально происходит его обезличивание, выхолащивание специфических компетенций. Е. Н. Тонков утверждает, что социальная реальность свидетельствует о недостижимости фактического равенства между носителями различных групп населения.

В контексте российского правового реализма Е. Н. Тонков предлагает критерии различия феноменов права и правопорядка. Правопорядок автор рассматривает как право, реализуемое через институты публичной власти, признанное большей частью населения. В структуру правопорядка исследователь включает: 1) корпус норм, текстуализированных в разнообразных источниках, обязательных к применению для референтных сообществ; 2) совокупность правоприменительных актов, вынесенных полномоченными субъектами; 3) правоотношения между всеми субъектами, осознаваемые ими как нормативные факты; 4) образовательные программы учебных заведений, воспроизводящих новых юристов, повышающих квалификацию уже существующих, с преподавателями и их текстами, передающими слушателям свои типы правопонимания; 5) научные доктрины, произведенные и обоснованные учеными и научными школами, формирующие смысловую и содержательную стороны юридических знаний; 6) правоприменительные доктрины; 7) законодательные и правоприменительные институты, включая режимные объекты, персонал, оборудование, технику, оружие, статусный авторитет, корпоративные методы и инструменты реализации права²².

Особое значение Е. Н. Тонков придает кросс-коммуникации и взаимосвязи (взаимозависимости) между институтами правопорядка, оказывающими прямое воздействие на правоприменительную доктрину, на принятие ситуативных нормативных правовых актов и вынесение конвенциально детерминированных решений²³.

Анализируя постсоветское право, автор обосновывает вывод о сосуществовании в правовой действительности множества реально сложившихся и функционирующих правопорядков. Е. Н. Тонков утверждает, что «право следует рассматривать как результат и способ реального взаимодействия людей, порождающего субъективные права и обязанности. Человек — актор права, он в состоянии формировать условия своей будущей жизни, способен активно воздействовать на природу и других людей, рассматривая окружающую действительность с точки зрения своих интересов»²⁴.

Важным для реалистического измерения права Е. Н. Тонков считает оценку состояния публичной власти и ее влияния на правотворчество и правоприменение. Автор предлагает преодолеть догматическое разделение публичной власти на три ветви, предложенное много веков назад в исторических условиях, существенно отличающихся от современных, и обосновывает деление власти на элементы, в перечень которых кроме трех классических ветвей вошли и четыре современных: 4) доминирующее религиозное сообщество, 5) (правящая) политическая партия, 6) институт «сильного» президента, 7) структуры гражданского общества вместе с неправительственными средствами массовой информации²⁵. Идея автора о семи ветвях публичной власти небесспорна, но автор предпринимает попытку аргументировать предложенные теоретические конструкции.

Российский правовой реализм как российская научная школа

Особый интерес представляют главы монографии, посвященные становлению и развитию российского правового реализма. Е. Н. Тонков обратил внимание на вопросы, касающиеся возникновения термина «российский правовой реализм» и подходы к его пониманию в современной науке; выявил круг мыслителей, которые внесли вклад в формирование российского правового реализма, осуществляя исследования правовой реальности в Российской империи, в эмиграции, в советской России, в Российской Федерации и за ее пределами.

²² Тонков Е. Н. Российский правовой реализм. С. 224.

²³ Там же. С. 225.

²⁴ Тонков Е. Н., Тонков Д. Е. Правовой реализм. СПб.: Алетейя, 2022. С. 9–10.

²⁵ Тонков Е. Н. Российский правовой реализм. С. 327.

Формирование российского правового реализма Е. Н. Тонков связывает с Петербургской школой философии права, психологической школой права Л. И. Петражицкого. В конце XIX — начале XX в. оформилась единая школа юридической мысли — российский правовой реализм, представлявшая собой совокупность идей о праве в контексте социологических и психологических подходов к пониманию права в России.

Охарактеризовать российский правовой реализм как российскую научную школу автору позволили различные аргументы:

1. В российской мысли оформленся подход к рассмотрению теории права как к явлению культуры, отличавшийся от господствовавшего в то время позитивистского понимания права как системы правовых норм.
2. Была обоснована необходимость эмпирических исследований сущности права и его влияния на общество.
3. Был разработан понятийно-категориальный аппарат, позволявший описывать правовую действительность в России.
4. Сторонники российского правового реализма принадлежали к российской юридической школе, несмотря на развитие своих идей за пределами России²⁶.

Исследования в рамках российского правового реализма опирались на методологический плюрализм, включавший использование достижений психологии, социологии, антропологии, биологии, экономики и других наук, в связи с чем развитие идей о необходимости изменить подход к праву в сторону более реалистичного шло в нескольких — социологическом и психологическом — направлениях.

Несмотря на признание того, что представители Петербургской школы философии права во главе с Л. И. Петражицким сыграли важную роль в становлении российского правового реализма, Е. Н. Тонков подчеркивает, что круг ученых, чья научная и практическая деятельность формировала российский правовой реализм в начале XX в., более широк. При этом нет оснований отождествлять всю Петербургскую школу философии права или психологическую школу права Л. И. Петражицкого с российским правовым реализмом, как неверно рассматривать все социологические и психологические подходы в российской правовой мысли конца XIX — начала XX в. правовым реализмом. Е. Н. Тонков считает, что российский правовой реализм конца XIX — начала XX в. опережал свое время.

Формирование основ концепции российского правового реализма в Российской империи Е. Н. Тонков связывает с научной деятельностью П. В. Деларова, Б. А. Кистяковского, М. М. Ковалевского, Н. М. Коркунова, С. А. Муромцева, Е. Н. Трубецкого, Б. Н. Чicherина, а также тех, кто в России и за ее пределами продолжал рассматривать действенность права, опираясь на традиции российского правового реализма конца XIX — начала XX в. В их числе: Г. К. Гинс, Г. Д. Гурвич, А. Н. Круглевский, М. Я. Лазерсон, Г. А. Ландау, П. И. Люблинский, Л. И. Петражицкий, М. А. Рейнер, А. Л. Саккетти, П. А. Сорокин, Н. С. Тимашев.

Выявляя основные этапы и закономерности становления и развития правового реализма, автор выносит на обсуждение вопрос об оправданности рассмотрения в дискурсе правового реализма марксистских идей, адаптированных для революционных преобразований в России В. И. Лениным, И. В. Сталиным, А. Я. Вышинским, Н. И. Бухариным, Е. Б. Пашуканисом, П. И. Стучкой, Ф. Э. Дзержинским, Л. П. Берия, Л. Д. Троцким и другими сторонниками активной роли личности в истории. Е. Н. Тонков делает вывод о том, что интуитивное право вождей и их апологетов становилось основным источником права, формирующим правопорядок вопреки естественно-правовым представлениям о справедливости, позитивным нормам и устоявшимся традициям²⁷. Советские подходы к праву сформировали реалистический тип советского (постсоветского) правопорядка, в котором акторы юридической практики способны обеспечивать устойчивость своих паттернов даже в случаях их явного несоответствия декларативным нормам справедливого порядка.

²⁶ Тонков Е. Н. Историческая перспектива российского правового реализма // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2020. Т. 15. № 6. С. 27–45.

²⁷ Тонков Е. Н. Российский правовой реализм. С. 317.

Изучение советского периода развития правового реализма справедливо представляется Е. Н. Тонкову чрезвычайно важным, прежде всего потому, что современное состояние правопорядка во многом определяется прошлым. Концепция российского правового реализма объясняет причины несовпадения «права в жизни» с «правом в книгах» в современной России и предоставляет методологические инструменты для прогнозирования эволюции правопорядка.

Важной составляющей научной новизны монографии является биобиблиография российских правовых реалистов и их предшественников²⁸. Е. Н. Тонков представил биографические и библиографические сведения, касающиеся исследователей XIX–XX вв., номинирующихся в список российских правовых реалистов.

Автор подчеркнул, что творчество в сфере права включает не только создание научных текстов, но распространяется и на правоприменительную практику. Некоторые юристы (В. И. Ленин, И. В. Сталин, Ф. Э. Дзержинский, Л. П. Берия), по мнению Е. Н. Тонкова, были незаслуженно исключены из авторства правопорядка.

В монографии впервые представлен список российских правовых реалистов и их предшественников XIX–XX вв., в который вошли: Н. Н. Алексеев, Л. П. Берия, Г. Н. Бренев, Н. И. Бухарин, В. С. Войтинский, И. С. Войтинский, А. Я. Вышинский, С. И. Гессен, Г. К. Гинс, Г. Д. Гурвич, П. В. Деларов, Ф. Э. Дзержинский, Ч. Г. С. Знамеровский, Г. А. Иванов, В. В. Ивановский, И. А. Ильин, Б. А. Кистяковский, М. М. Ковалевский, Н. М. Коркунов, А. Н. Круглевский, Я. М. А. Курчевский, М. Я. Лазерсон, Г. А. Ландау, Е. В. Ланде, В. И. Ленин, П. И. Люблинский, Я. М. Магазинер, П. Е. Михайлов, С. А. Муромцев, Г. А. Нанейшвили, П. И. Новгородцев, Е. Б. Пашуканис, Л. И. Петражицкий, А. Подгурецкий, И. П. Разумовский, М. А. Рейснер, А. Л. Сакетти, К. Н. Соколов, П. А. Сорокин, И. В. Сталин, П. И. Стучка, Н. С. Тимашев, Л. Д. Троцкий, Е. Н. Трубецкой, С. Л. Франк, Б. Н. Чичерин, А. С. Ященко.

Представленный Е. Н. Тонковым список российских правовых реалистов может стать предметом дискуссии, но его подготовка — важный вклад в исследование истории российского правового реализма.

Биобиблиографическая информация о представителях российского правового реализма XIX–XX вв. дополнена списком трудов отечественных и зарубежных мыслителей современности, развивающих идеи российского правового реализма²⁹.

Заключение

Российский правовой реализм, предлагающий подход к осмыслинию права, существенно отличающийся от юридического позитивизма и юснатурализма, в условиях современности получил новое звучание. Одним из шагов его развития стала монография Е. Н. Тонкова «Российский правовой реализм», автор которой полагает, что именно в рамках парадигмы правового реализма могут быть найдены средства преодоления кризиса в современной теории права, способы устранения отрыва теории права от практической юриспруденции.

Монография Е. Н. Тонкова «Российский правовой реализм» представляет собой объективацию российского правового реализма в отечественной науке. Обоснование российского правового реализма в качестве самостоятельного феномена наравне с американским, скандинавским, французским, немецким, итальянским правовым реализмом — вклад автора в развитие юридической науки. Представленная правовая концепция объединяет достоинства современных вариантов естественного права и позитивизма, предлагает эффективные средства преодоления препятствий общественному развитию, исходящему от юридического формализма.

Характеристика российского правового реализма как социоюридического и социально-психологического феномена, оригинальность подходов к его исследованию, актуальность поднятых в монографии проблем регулирования общественных отношений — свидетельства развития научного направления,

²⁸ Там же. С. 366–405.

²⁹ Там же. С. 411–442.

вклада Е. Н. Тонкова в исследование правовой реальности и в поиск путей преодоления разрыва между догмами классической теории права и юридической практикой.

Список источников

1. Нижник Н. С. В продолжение дискуссии о толковании права: интерпретация в контексте постклассических юридических исследований // Государство и право. 2024. № 9. С. 232–236. DOI: 10.31857/S1026945224090215. EDN: BLMNGT
2. Нижник Н. С. Государство и право: современное состояние, перспективы развития / Н. С. Нижник, Л. А. Нудненко // Государство и право. 2017. № 2. С. 111–117. EDN: YHQDDV
3. Нижник Н. С. Юридическая наука в России как фактор социальных трансформаций современности / Н. С. Нижник, Л. А. Нудненко // Государство и право. 2024. № 3. С. 202–208. DOI: 10.31857/S1026945224030215. EDN: ZMZLJO
4. Нижник Н. С. Юридическая наука в России: особенности современного состояния и перспективы развития / Н. С. Нижник, М. В. Савельева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1. С. 34–50.
5. Сидоренко Н. С. Политико-правовая мысль как объект современных научных исследований / Н. С. Сидоренко, Н. С. Нижник // История государства и права. 2024. № 7. С. 41–49.
6. Тонков Д. Е. Правовой реализм: американское и скандинавское направления. М., 2021. 232 с. EDN: NTCRIX
7. Тонков Е. Н. Влияние правового реализма на российское право // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики: материалы Международной научно-практической межведомственной конференции, Самара, 16–17 июня 2016 года / под общ. ред. А. А. Вотинова. Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2016. С. 639–644. EDN: WFOTXL
8. Тонков Е. Н. Доктрина российского правового реализма как обоснование экспериментального регулирования // Юридическая техника. 2025. № 19. С. 424–430. EDN: QYSMVK
9. Тонков Е. Н. Историческая перспектива российского правового реализма // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. Т. 15. № 6. С. 27–45. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-6-tonkov
10. Тонков Е. Н. История формирования социалистического правового реализма // Философия права в условиях глобальных социальных трансформаций: сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 11 июня 2022 г. / под ред. Д. А. Пашенцева и А. А. Дорской. Саратов: Саратовский источник, 2022. С. 133–145. EDN: JSNDSS
11. Тонков Е. Н. Источники права в «российском правовом реализме» // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 11 (75). С. 96–104. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.75.11.096-104. EDN: GFMBHY
12. Тонков Е. Н. Коммуникация и дискоммуникация в российском правовом реализме // Российская юстиция. 2025. № 5. С. 44–51. DOI: 10.52433/01316761_2025_05_44. EDN: IOOWWU
13. Тонков Е. Н. Опыт толкования закона в России: формирование концепции // Толкование закона в Англии. СПб., 2013. С. 227–245.
14. Тонков Е. Н. Правовой реализм / Е. Н. Тонков, Д. Е. Тонков. СПб.: Алетейя, 2022. 464 с.
15. Тонков Е. Н. Российский правовой реализм // Постклассическая онтология права / под ред. И. Л. Честнова. СПб., 2016. С. 417–508.
16. Тонков Е. Н. Российский правовой реализм. СПб.: Алетейя, 2024. 454 с.
17. Тонков Е. Н. Российский правовой реализм и его влияние на концепцию толкования // Толкование закона в Англии. СПб., 2013. С. 274–287.
18. Тонков Е. Н. Толкование закона в дискурсе российского правового реализма // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России, Самара,

- 21–22 июня 2013 года / гл. ред. Р. А. Ромашов. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2014. С. 238–242. EDN: UYNPPRH
19. Тонков Е. Н. Ценность правового реализма для транзитивного общества // XVI Международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы — 2024: Парадоксальность морали и моральные парадоксы: проблемы и решения»: материалы конференции, Санкт-Петербург, 21–23 ноября 2024 года. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2024. С. 277–278.
 20. Честнов И. Л. Практическая, человекоцентристская юриспруденция — выход из тупика догматизации права // Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания: материалы Седьмых философско-правовых чтений памяти акад. В. С. Нерсесянца / отв. ред. В. Г. Графский. М.: Норма, 2013. С. 46–57. EDN: SHNBXH
 21. Честнов И. Л. Практический поворот в современной философии права // Российский журнал правовых исследований. 2017. Т. 4. № 1. С. 69–77.
 22. Честнов И. Л. Реалистично о правовом реализме: рецензия на монографию: Тонков Е. Н., Тонков Д. Е. Правовой реализм. СПб.: Алетейя, 2022. 464 с. // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 12 (193). С. 145–153. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.145-153. EDN: PURFIY
 23. Честнов И. Л. Теория права в эпоху пост-постмодерна // В поисках теории права / под ред. Е. Г. Са-мохиной, Е. Н. Тонкова. СПб.: Алетейя, 2021. 286 с. EDN: ERQULE
 24. Tonkov, D. E., Tonkov, E. N. (2023) Legal Realism, Russian. *Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy*. Dordrecht. Pp. 1982–1988.

Об авторе:

Нижник Надежда Степановна, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор; e-mail: n.nishnik@bk.ru

References

1. Nizhnik, N. S. (2024) In Continuation of the Discussion on the Interpretation of Law: Interpretation in the Context of Postclassical Legal Studies. *State and Law*. No. 9. Pp. 232–236. DOI: 10.31857/S1026945224090215 (In Russ.)
2. Nizhnik, N., Nudnenko, L. (2017) State and Law: Modern State and Prospects of Development. *State and Law*. No. 2. Pp. 111–117. (In Russ.)
3. Nizhnik, N., Nudnenko, L. (2024) Legal Science in Russia as a Factor of Social Transformations of Modernity. *State and Law*. No. 3. Pp. 202–208. DOI: 10.31857/S1026945224030215 (In Russ.)
4. Nizhnik, N. S., Savelyeva, M. V. (2024) Legal Science in Russia: Features of the Current State and Development Prospects. *Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of internal affairs of Russia*. No. 1. Pp. 34–50. (In Russ.)
5. Sidorenko, N. S., Nizhnik, N. S. (2024) Political and Legal Thought as an Object of Modern Scientific Research. *History of the State and Law*. No. 7. Pp. 41–49. (In Russ.)
6. Tonkov, D. E. (2021) Legal Realism: American and Scandinavian Trends. 232 p. (In Russ.)
7. Tonkov, E. N. (2016) The Influence of Legal Realism on Russian Law. In: Votinov, A. A. (eds) The Penal System at the Current Stage: Interaction of Science and Practice: Proceedings of the International Scientific and Practical Interdepartmental Conference, Samara, June 16–17, 2016. Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service, 2016. Pp. 639–644. (In Russ.)
8. Tonkov, E. N. (2025) The Doctrine of Russian Legal Realism as a Justification for Experimental Regulation. *Legal Technology*. No. 19. Pp. 424–430. (In Russ.)
9. Tonkov, E. N. (2020) Historical perspective of Russian legal realism. *Proceedings of the Institute of State and law of the RAS*. Vol. 15. No. 6. Pp. 27–45. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-6-tonkov (In Russ.)

10. Tonkov, E. N. (2022) History of the Formation of Socialist Legal Realism. In: Pashentsev, D. A., Dorskaya, A. A. (eds) Philosophy of Law in the Context of Global Social Transformations: A Collection of Scientific Articles Based on the Results of the All-Russian Forum of Legal Historians, St. Petersburg, June 11, 2022. *Saratov Source*. Pp. 133–145. (In Russ.)
11. Tonkov, E. N. (2020) Sources of Law In “Russian Legal Realism”. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. No. 11 (75). Pp. 96–104. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.75.11.096-104 (In Russ.)
12. Tonkov, E. N. (2025) Communication and Discommunication in the Russian Legal Realism. *Rossiyskaya Yustitsiya*. No. 5. Pp. 44–51. DOI: 10.52433/01316761_2025_05_44 (In Russ.)
13. Tonkov, E. N. (2013) Experience of Interpreting the Law in Russia: Formation of the Concept. In: Tonkov, E. N. *Interpreting the Law in England*. Pp. 227–245. (In Russ.)
14. Tonkov, E. N., Tonkov, D. E. (2022) Legal Realism. *Aleteya*. 464 pp. (In Russ.)
15. Tonkov, E. N. Russian Legal Realism. Chestnov, I. L. (2016) Postclassical Ontology of Law. Pp. 417–508. (In Russ.)
16. Tonkov, E. N. (2024) Russian Legal Realism. *Aleteya*. 454 p. (In Russ.)
17. Tonkov, E. N. (2013) Russian Legal Realism and Its Influence on the Concept of Interpretation. In: Tonkov, E. N. *Interpretation of the Law in England*. Pp. 274–287. (In Russ.)
18. Tonkov, E. N. (2014) Interpretation of the Law in the Discourse of Russian Legal Realism. In: Romashov R. A. (eds.) Legal Science and Practice: Almanac of Scientific Works of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, June 21–22, 2013. Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Pp. 238–242. (In Russ.)
19. Tonkov, E. N. (2024) “The Value of Legal Realism for a Transitional Society”. In: XVI International Conference “Theoretical and Applied Ethics: Traditions and Prospects 2024: The Paradoxicality of Morality and Moral Paradoxes: Problems and Solutions”: Conference Proceedings, St. Petersburg, November 21–23, 2024. *Publishing and Printing Association of Higher Educational Institutions*. Pp. 277–278. (In Russ.)
20. Chestnov, I. L. (2013) Practical, Human-Centered Jurisprudence: A Way Out of the Deadlock of Law Dogmatization. In: Grafsky V. G. (eds) Encyclopedia of Jurisprudence or Integral Jurisprudence? Problems of Study and Teaching: Proceedings of the Seventh Philosophical and Legal Readings in Memory of Academician V. S. Nersesyants. *Norma*. Pp. 46–57. (In Russ.)
21. Chestnov, I. L. (2017) Practical turn in Contemporary Philosophy of Law. *Russian journal of legal studies*. Vol. 4. No. 1 (10). Pp. 69–76. (In Russ.)
22. Chestnov, I. L. (2022) On legal realism in a realistic manner. Monograph review. Tonkov E. N., Tonkov D. E. Legal realism (St. Petersburg: Aleteya. 2022. 464 p.). *Lex Russica*. Vol. 75. No. 12 (193). Pp. 145–153. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.145-153 (In Russ.)
23. Chestnov, I. L. (2021) The Theory of Law in the Post-Postmodern Era. In: Samokhina E. G. (eds), Tonkov, E. N. Search of a Theory of Law. *Aleteya*. 286 p. (In Russ.)
24. Tonkov, D. E., Tonkov, E. N. (2023) Legal Realism, Russian. *Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy*. Dordrecht. Pp. 1982–1988.

About the author:

Nadezhda S. Nizhnik, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (St. Petersburg, Russian Federation); Doctor of Science (Jurisprudence), Professor; e-mail: n.nishnik@bk.ru

«Верховенство права, справедливость и будущее демократии»: обзор XXXI Всемирного конгресса Международной ассоциации по философии права и социальной философии в Сеуле

Тонков Е. Н.^{1,*}, Тонков Д. Е.^{2,**}

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления) (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

² Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Российская Федерация)

* E-mail: e.tonkov@mail.ru

** E-mail: d.tonkov@inno.mgimo.ru

Аннотация

Введение. В статье представлен обзор XXXI Всемирного конгресса Международной ассоциации по философии права и социальной философии (IVR) с заглавной темой «Верховенство права, справедливость и будущее демократии», который состоялся 7–12 июля 2024 г. в Сеуле (Республика Корея) на площадках Университета Сунгсиль.

Методология и материалы. Авторы-участники указали сведения по организаторам и программе, привели приветственные слова и пленарные выступления, проанализировали основные и дополнительные секции, составившие наиболее продуктивные и дискуссионные части работы конгресса.

Результаты исследования и их обсуждение. Особое внимание обращено на российскую основную секцию и участие отечественных представителей в прошедшем форуме, собравшем свыше 700 человек, в том числе ведущих мировых исследователей теории, философии и социологии права, таких как Б. Бикс, К. Гюнтер, С. Кирсте, М. Крайгер, П. Кьяссони, П. Миндус, К. Папагеоргиу, Д. Постема, М. Селлерс, Ф. Шаур и др. Показано содержание специальных панелей, представлены тезисы докладов лауреатов премий IVR: книжной премии за выдающиеся достижения в области философии права и социальной философии (вручена Д. Постеме) и книжной премии имени Элис Тэй в области теории права (вручена Д. Диксон). Подробно описано одно из центральных событий конгресса, которым стала презентация первого печатного издания Энциклопедии IVR.

Выводы. В завершение обзора подведены итоги конгресса, главным из которых стала сохраняющаяся значимость международных контактов внутри научного сообщества, стремящегося к поиску путей разрешения существующих глобальных и региональных конфликтов. Явная нацеленность на сопряжение теории и практики прослеживается сквозь всю насыщенную программу конгресса, подтверждая современный запрос на реалистичность установок при обсуждении правовых, философских и социальных проблем. Отмечено, что следующий конгресс, традиционно проходящий каждые два года, будет организован в 2026 г. в Стамбуле (Турция) с темой «Право перед лицом меняющихся проблем мира».

Ключевые слова: философия права, социальная философия, всемирный конгресс IVR, верховенство права, справедливость, демократия, правовой реализм.

Для цитирования: Тонков Е. Н., Тонков Д. Е. «Верховенство права, справедливость и будущее демократии»: обзор XXXI Всемирного конгресса Международной ассоциации по философии права и социальной философии в Сеуле // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 4 (26). С. 208–220. EDN: KNHBUV

The article was submitted: 01.09.2025

The article approved after reviewing: 28.09.2025

The article accepted for publication: 07.11.2025

"The Rule of Law, Justice and the Future of Democracy": Review of the XXXI World Congress of the International Association for Philosophy of Law and Social Philosophy in Seoul

Tonkov E. N.^{1,*}, Tonkov D. E.^{2,}**

¹ Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (North-West Institute of Management) (Saint Petersburg, Russian Federation)

² Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

* E-mail: e.tonkov@mail.ru

** E-mail: d.tonkov@inno.mgimo.ru

Abstract

Introduction. The article presents the review of the XXXI World Congress of the International Association for Philosophy of Law and Social Philosophy (IVR) with the main theme "The Rule of Law, Justice and the Future of Democracy", which took place on July 7–12, 2024 in Seoul (Republic of Korea) at the sites of Soongsil University.

Methodology and materials. The authors-participants provided information on the organizers and the program, congratulatory remarks and plenary presentations, analyzed Special Workshops and Working Groups that formed the most productive and debatable part of the congress.

Results of the study and their discussion. Special attention is paid to the Russian Special Workshop and the participation of Russian representatives in the forum, which brought together over 700 scholars, including the world's leading researchers in the theory, philosophy and sociology of law, such as B. Bix, K. Günter, S. Kirste, M. Krygier, P. Chiassoni, P. Mindus, K. Papageorgiou, G. Postema, M. Sellers, F. Schauer and others. The content of Special Panels is shown and the abstracts of the IVR prize laureates are presented: the IVR book prize for outstanding achievements in the field of philosophy of law and social philosophy (G. Postema) and Alice Tay book prize in legal theory (J. Dickson). One of the central events of the congress is depicted in detail, which was the presentation of the first printed edition of the IVR Encyclopedia.

Conclusions. At the end of the review the results of the congress were outlined, the main of which was the continuing importance of international contacts within the scientific community seeking to find ways to resolve existing global and regional conflicts. The evident focus on combining theory and practice can be traced through the entire eventful program of the congress, confirming the modern demand for realistic attitudes when discussing legal, philosophical and social issues. It is also noted that the next congress, traditionally held every two years, will be organized in 2026 in Istanbul (Türkiye) with the main theme "Law in the Face of the Changing Problems of the World".

Keywords: philosophy of law, social philosophy, IVR world congress, rule of law, justice, democracy, legal realism.

For citation: Tonkov, E. N., Tonkov, D. E. (2025) "The Rule of Law, Justice and the Future of Democracy": Review of the XXXI World Congress of the International Association for Philosophy of Law and Social Philosophy in Seoul. *Theoretical and Applied Law*. No. 4 (26). Pp. 208–220. (In Russ.)

1. Организаторы и программа конгресса

С 7 по 12 июля 2024 г. в Университете Сунгсиль (англ. *Soongsil University*) в Сеуле (Республика Корея) прошел **XXXI Всемирный конгресс Международной ассоциации по философии права и социальной философии** (англ. *International Association for Philosophy of Law and Social Philosophy*, нем. *Internationale Vereinigung für Rechts- und Sozialphilosophie*; далее — Международная ассоциация, IVR), которая ведет свою историю с 1909 г. и была основана интернациональным составом ученых, в том числе российскими представителями¹. Всемирный конгресс Международной ассоциации (англ. *IVR World Congress*), несмотря на первоначальные планы проведения в 2023 г. в Буэнос-Айресе (Аргентина), традиционно прошел через два года после предыдущего конгресса, организованного в 2022 г. в Бухаресте (Румыния)².

Заглавная тема конгресса — «Верховенство права, справедливость и будущее демократии» (англ. *The Rule of Law, Justice and the Future of Democracy*), подчеркнула ключевые идеи философии права и социальной философии. Организационный комитет стремился обратить внимание на недостатки формального толкования верховенства права и дополнить его идеальным элементом, акцентировав незыблемость справедливости даже при отсутствии писанных правовых норм. Организаторы предложили поразмышлять над будущим демократии в условиях ускоряющегося развития высокотехнологичного общества: обмен мнениями среди широкого круга представителей разных стран, регионов и континентов позволяет сформировать «потенциальные интеллектуальные ресурсы» для следующих поколений³.

Общее зарегистрированное **количество участников конгресса составило 732 человека**, самыми многочисленными были делегации ученых из Австрии, Аргентины, Бразилии, Великобритании, Германии, Италии, Испании, Китайской Народной Республики, Нидерландов, Польши, Португалии, Республики Корея, Сербии, Соединенных Штатов Америки, Хорватии, Чехии, Швейцарии, Швеции и Японии. Также в конгрессе очно и дистанционно участвовали исследователи из Австралии, Бельгии, Боснии и Герцеговины, Венгрии, Греции, Грузии, Ирландии, Канады, Латвии, Мексики, России, Турции, Финляндии, Франции, Чили и других государств.

В ходе пленарного заседания и работы секций выступили многие **ведущие мировые исследователи** философии права и социальной философии, в том числе Брайан Бикс (*Brian Bix*), Клаус Гюнтер (*Klaus Günther*), Стефан Кирсте (*Stephan Kirste*), Мартин Крайгер (*Martin Krygier*), Пьерлуиджи Кьяссони (*Pierluigi Chiassoni*), Маттиас Малмэнн (*Matthias Mahlmann*), Патрисия Миндус (*Patricia Mindus*), Джон Михайл (*John Mikhail*), Ульфрид Нойманн (*Ulfrid Neumann*), Константинос Папагеоргиу (*Konstantinos Papageorgiou*), Джеральд Постема (*Gerald Postema*), Мортимер Селлерс (*Mortimer Sellers*), Фредерик Шауэр (*Frederick Schauer*), Мауро Замбони (*Mauro Zamboni*).

Рабочая программа конгресса имела следующие структурные части: 7 пленарных выступлений, 156 секций конгресса (126 основных и 30 дополнительных), 2 выступления лауреатов премий IVR (книжной премии и премии молодому ученому), 3 специальных панели (президента IVR, о гендере и праве, а также по региональным секциям), прием в честь первого печатного издания Энциклопедии IVR, а также собрание глав национальных секций и генеральная ассамблея IVR. Преобладающим рабочим языком на мировом форуме стал английский, однако отдельные секции допускали использование немецкого, корейского, испанского, португальского, китайского и других языков.

Культурная программа состояла из торжественных приемов на открытии и закрытии конгресса, отдельного дня для экскурсий по достопримечательностям Республики Корея и концертов, позволяющих участникам форума познакомиться с корейскими фольклором и современными музыкальными трендами.

¹ См.: официальный интернет-сайт Международной ассоциации по философии права и социальной философии: IVR website and blog. URL: <https://ivronlineblog.wordpress.com> (дата обращения: 07.07.2025).

² См.: подробнее: Тонков Д. Е., Тонков Е. Н. «Справедливость, Сообщество и Свобода»: обзор XXX Всемирного конгресса Международной ассоциации по философии права и социальной философии (IVR 2022) // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2022. Т. 17. № 6. С. 206–226.

³ См.: сайт Всемирного конгресса в Сеуле: The 31st World Congress of the International Association for Philosophy of Law and Social Philosophy. URL: <https://ivr2024.org/> (дата обращения: 07.07.2025).

2. Приветственные слова и пленарные выступления

Теплые и дружественные приветственные слова были высказаны президентом Международной ассоциации **Маттиасом Малманным**, профессором Цюрихского университета (Швейцария), экс-президентом Международного уголовного суда (2009–2015 гг.) **Сан-Хен Соном** (*Sang-Hyun Song*), профессором Сеульского национального университета (Республика Корея), президентом Корейского общества права **Ки-Су Ли** (*Ki-Su Lee*), профессором Университета Корея (Республика Корея), президентом Корейской ассоциации профессоров права **Хон-Сик Чо** (*Hong-Sik Cho*), профессором Сеульского национального университета (Республика Корея), президентом Университета Сунгсиль **Бомсик Джаном** (*Beomsik Jang*), профессором указанного университета (Республика Корея), представителем организационного комитета IVR 2024 **Джин-Сук Юн** (*Jin-Sook Yun*), профессором Университета Сунгсиль (Республика Корея).

Пленарную часть конгресса открыл **Мартин Крайгер** (*Martin Krygier*), профессор права и социальной теории Университета Нового Южного Уэльса (Австралия), докладом «**«Двигая стойки ворот: от верховенства права к сдержанной власти»**». М. Крайгер начал выступление с образа стоек ворот в игровых видах спорта: важно знать, какие они и где находятся, ведь цель игры — забросить мяч в пространство между ними. В зависимости от меняющихся условий, погоды, соперника, техники и т. п. игроки учатся приспособливать свое снаряжение, тактику и стратегию к достижению поставленной цели. А если это не срабатывает, они пробуют что-то другое. М. Крайгер отметил, что стратегическая цель юридической деятельности видится не всегда ясно. Философы права начинают с того, что выделяют каноническую совокупность правовых норм, форм, процедур, институтов, — и почтительно «приправляют» ее ставшим почти культовым «верховенством права». Но если верховенство права — это, согласно новозеландскому философу права Д. Уолдрону, «концепция решения», то разумнее начать с установления той задачи, которую эта концепция должна решить, и спросить: что поможет нашему решению. Простая расстановка приоритетов (траекторий движения), которую поняли бы все футbolисты, болельщики и даже дети, в профессиональных дискуссиях о верховенстве права обычно размыта, поэтому требуется интеллектуальный разворот в постановке проблемы. Поскольку большинство практикующих юристов и философов права являются профессионалами своего дела, к ним, взрослым людям, должно прийти осознание значения верховенства права.

Клаудина Орунесу (*Claudina Orunesu*), профессор методологии научных исследований и доцент теории права Национального университета Мар-дель-Плата (Аргентина), в докладе «**«Верховенство права, судебное разбирательство и невидимое право»**» подчеркнула распространенную точку зрения о том, что конституционная демократия, воплощающая идеалы прав человека и самоуправления, тесно переплетена с концепцией верховенства права. Верховенство права основывается на принципе, согласно которому власть и то, как с ее помощью принимаются институциональные решения, должны соответствовать определенным критериям для предотвращения ее произвольного осуществления. Несмотря на то что конкретный набор требований и их проявления в демократических рамках могут быть истолкованы по-разному, следует выделить общую черту: даже в самых строгих интерпретациях верховенство права требует судебного вмешательства для обеспечения его соблюдения. Более того, сами судебные решения должны соответствовать рассматриваемому идеалу. Профессор указала на распространенную практику принятия судебных решений с использованием того, что можно назвать «невидимым правом», — норм, прямо не провозглашенных нормативными органами для разрешения дел.

Майкл Сэндел (*Michael Sandel*), профессор государственного управления Гарвардского университета (США), выступил дистанционно (в формате заранее записанного интервью и последующих ответов на вопросы аудитории) с темой «**«Демократия сегодня»**». По его мнению, демократия во всем мире переживает кризис, граждане испытывают разочарование в связи с ненадлежащей функциональностью демократических институтов и «пустотой» публичного дискурса. Это разочарование частично вызвано ростом неравенства в доходах и имущественном положении за последние десятилетия. Вера в то, что успех человека обусловлен его личными заслугами, в то время как те, кто «остался позади», заслужива-

ют своей участи, проистекает из принципа меритократии и рыночного фундаментализма, что приводит к политическому гневу и поляризации мнений.

Ян Джо Квон (*Young Jo Kwon*), судья Верховного суда Республики Корея, в докладе **«Динамичный характер толкования права и роль судебной власти»** акцентировал проявление верховенства права в контексте конкретных судебных дел: толкование права служит связующим звеном, где абстрактные правовые принципы пересекаются с реалиями человеческого существования, часто представленными в виде судебных дел. Толкование служит каналом, с помощью которого право и общество вступают в диалог и работают сообща для достижения социальной справедливости в реальной жизни. Я. Д. Квон подчеркнул, что для судей толкование всегда является динамичным процессом.

Жюли Саада (*Julie Saada*), профессор философии Парижского института политических исследований (Франция), в докладе **«Три диалектики прав человека»** проанализировала права человека с исторической и нормативной точек зрения, сосредоточив внимание на характеризующих их трех диалектических течениях. Докладчик подчеркнула взаимозависимость гражданско-политических и социально-экономических прав. Диалектика априорной продуктивности прав человека относится к историческому и интеллектуальному движению, кульминацией которого стала Французская революция в области прав человека и гражданина. В то время как индивидуальные права провозглашались противоположными суперенным, именно абсолютизация власти суперена привела к тому, что коллективные средневековые правовые формы были трансформированы в пользу индивидуализации прав человека. Таким образом, субъективные права были созданы в результате возникновения категории отдельного лица, т. е. субъекта, права которого стали противопоставляться публичной власти, и путем преобразования власти, которая предоставила индивидуальные права субъектам.

Завершили пленарную часть **Юко Камишима** (*Yuko Kamishima*), профессор философии Азиатско-Тихоокеанского Университета Рицуэмэйкан (Япония), с докладом **«Гендерное равенство и политический либерализм Ролза: наши общие устремления»** и **Мария Гран-Фарли** (*Maria Grahn-Farley*), приглашенный профессор и исследователь Гётеборгского университета (Швеция), с докладом **«Ребенок, которого слышат, но который не может высказаться»**.

3. Основные и дополнительные секции

Работа большинства участников конгресса традиционно была организована в виде основных секций, т. н. «специальных воркшопов» (англ. *Special Workshops, SW*), тематику которых предлагали сами участники, и дополнительных секций / рабочих групп (англ. *Working Groups, WG*), образованных организаторами конгресса из индивидуальных заявок. Для конгресса IVR 2024 было сформировано **126 основных секций и 30 дополнительных секций**, на которых обсуждались как общие вопросы философии права и социальной философии, так и узконаправленные отраслевые исследования.

Отдельные секции были посвящены обсуждению вышедших после предыдущего конгресса (IVR 2022) **научных изданий**, например: монографии **Хорхе Эмилио Нуñеса** (*Jorge Emilio Núñez*), лектора Городского университета Манчестера (Великобритания), «Космополитизм, государственный суверенитет и международное право и политика: теория»⁴ 2024 г.; монографии **Иоанны Туркохорити** (*Ioanna Tourkochoriti*), доцента Балтиморского университета (США), «Свобода выражения: революционные корни американской и французской юридической мысли»⁵ 2022 г.; монографии **Маттиаса Малманна** «Сознание и права: история, этика, право и психология прав человека»⁶ 2023 г. и др.

Значительный интерес у участников конгресса вызвала **основная секция «Философия права и юридическая практика»**, дискуссия на которой продолжалась три дня. Организаторами секции выступили **Боян Спаич** (*Bojan Spaic*) и **Джульетта Агустина Рабанос** (*Julieta Agustina Rabanos*),

⁴ Núñez, J. E. (2024) *Cosmopolitanism, State Sovereignty and International Law and Politics: A Theory*. London, N.Y., Routledge. 216 p.

⁵ Tourkochoriti, I. (2022) *Freedom of Expression: The Revolutionary Roots of American and French Legal Thought*. ASCL Studies in Comparative Law Series. Cambridge, Cambridge University Press. 296 p.

⁶ Mahlmann, M. (2023) *Mind and Rights: The History, Ethics, Law and Psychology of Human Rights*. Cambridge, Cambridge University Press. 300 p.

доцент и постдок Белградского университета (Сербия). Основополагающими темами философии права на секции были обозначены логика, язык и рациональность, несмотря на то, что размышления об их практической значимости редки и бессистемны. Продолжительными дискуссиями были отмечены и другие **основные секции**: «Сможет ли верховенство права пережить затмение естественного права?», «Юридическая методология в Корее», «Добротели и пороки верховенства права», «Юридические позиции», «Гражданское неповиновение в демократическом конституционном государстве», «Право и эмоции», «Метафизика в теории права», «Теоретизирование протеста и правовая мобилизация», «Неравенство против верховенства права, справедливости и демократии по Аристотелю», «Междисциплинарная аргументация и пограничное балансирование», «Права человека / конституционные права и практическое знание».

На дополнительных секциях обсуждались следующие темы: «Верховенство права», «Право и права», «Гендер и право», «Философия уголовного права», «Право и социальная среда», «Теория процесса», «Методология права», «Право и технология», «Теория права», «Социальная философия», «Право и демократия».

Вызвавшая наиболее широкий отклик практическая актуальность философии и теории права была поддержана, среди прочих, **основной секцией «Разновидности правового реализма — методологические перспективы для истинной общей теории права**, которую организовали **Дамир Банович** (Damir Banović), доцент Сараевского университета (Босния и Герцеговина), **Марио Крешич** (Mario Krešić), доцент Загребского университета (Хорватия), и **Марек Якубец** (Marek Jakubiec), доцент Ягеллонского университета (Польша). Секция была ориентирована на исследование правового реализма как теории, движения и практики, все три направления которого развивались по-разному и имеют разные названия в научных работах. Подходы правового реализма стремятся, в частности, к тому, чтобы точнее объяснить право как социальный феномен, применяя методы и результаты социальных и естественных наук. Если признать тезис о том, что право имеет двойственную природу — нормативную и социологическую, то правовой реализм способствует лучшему пониманию обоих аспектов его сущности, используя различные способы.

Основными докладчиками на секции были: **Цампика Таралли** (Tsampika Taralli) из Эдинбургского университета (Великобритания) с темой «Натурализация концептуальный анализ»; **Дэн Прил** (Dan Priel) из Йоркского университета (Канада) с темой «Конкурирующие правовые реализмы»; **Клаудия Уиттл** (Claudia Wittl) из Института Макса Планка по изучению преступности, безопасности и права (Германия) с темой «Натуралистическая теория права: как ответить на нормативные вопросы, используя эмпирические данные»; **Ивана Тукац** (Ivana Tušak) из Университета Осиека имени Йосипа Юрая Строссмаера (Хорватия) с темой «Переосмысливая взаимосвязь между юридической мыслью Германа У. Канторовича и американским правовым реализмом»; **Евгений Никандрович Тонков** и **Дмитрий Евгеньевич Тонков** с темой «Методология российского правового реализма в диахронной перспективе»; **Дамир Банович**, один из организаторов секции, с темой «Правовой конвенционализм и натурализация в праве — могут ли правила признания быть натурализованы?»; **Марио Крешич**, также один из организаторов секции, с темой «Правосознание и правовой реализм».

4. Российская основная секция

Представители отечественной науки в лице авторов настоящего обзора организовали единственную российскую основную секцию IVR 2024 г. — **«Эволюция российского правового реализма в теории и практике: имперский, советский и современный периоды»**, ставшую продолжением основной секции IVR 2022 г. «Правовой реализм в России». В секции приняли участие исследователи из России, Казахстана, Германии и Польши. Целью секции было обсуждение специфических характеристик российской версии правового реализма, включая ее концептуальную связь с американским, скандинавским и другими вариантами реализма с начала XX в. до настоящего времени. В ходе докладов, вопросов и дискуссии были рассмотрены различные точки зрения ме-

ждународной науки на предложенную Е. Н. Тонковым в 2012 г. концепцию «российского правового реализма».

В качестве предварительного материала для дискуссии организаторами секции был составлен **англоязычный обзор заявленной темы «Российский правовой реализм: основы»⁷**, состоящий из разделов «Общая информация», «Глобальный контекст», «Истоки», «Представители и современные исследования», «Дальнейшее развитие». Значительное внимание было уделено анализу книги «Российский правовой реализм»⁸ 2018 г., редакторами которой выступили польские ученые Бартуш Брожек (*Bartosz Brożek*), Юлия Станек (*Julia Stanek*) и Ежи Стельмач (*Jerzy Stelmach*). В авторский коллектив вошли, в том числе, Андрей Васильевич Поляков (Санкт-Петербургский государственный университет), Елена Владимировна Тимошина (Санкт-Петербургский государственный университет), Михаил Валерьевич Антонов (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»). Также на секции были обсуждены монографии «Правовой реализм»⁹ 2022 г. и «Российский правовой реализм»¹⁰ 2024 г.

Евгений Никандрович Тонков выступил с темой **«Концептуальное единство российского правового реализма на протяжении веков»**, где проанализировал исторически обусловленные тенденции в развитии российского права. Е. Н. Тонков обозначил, что российский правовой реализм берет свое начало со времен Петра I (1700-е гг.), сформировался в послереволюционной России (с 1917 г.) и продолжает действовать в XXI в. Широкое понимание источников права, идея интуитивного права, индивидуальная нормативная система и другие теоретические построения в сочетании с практическими аспектами правового механизма стимулируют реалистичное понимание прошлых, настоящих и будущих правовых явлений. По мнению Е. Н. Тонкова, интеллектуальное наследие Льва Иосифовича Петражицкого и его сторонников является частью «российского правового реализма», но не его синонимом. Идеи Л. И. Петражицкого рассматриваются в качестве основы концепции российского правового реализма в начале XX в., тогда как предшествующие социологические и психологические концепции конца XIX в. целесообразнее считать концептуальной предтечей, не входящей в реалистическую юриспруденцию в строгом смысле термина. Советские подходы к праву следует признать развитием российской реалистической концепции в теоретическом и практико-ориентированном плане с их значительным влиянием на современный правопорядок.

Дмитрий Евгеньевич Тонков в теме **«Связь раннего советского правового реализма с американскими и скандинавскими аналогами»** отметил, что российские, американские и скандинавские правовые реалисты первой половины XX в. имели разную национальную историю, однако были нацелены на преодоление правового формализма и понимание права как социально-психологического феномена. Д. Е. Тонков подчеркнул значение зависимости юриспруденции от неюристов, влияние правовой доктрины на практику и pragmatism юридических методов в правовых культурах США, скандинавских стран и СССР в период между Первой и Второй мировыми войнами. Американский, скандинавский, российский и другие варианты правового реализма явились радикальной реакцией на формализм устаревших правовых догм в условиях изменившегося экономического и политического порядка. Несмотря на то что идеологический контекст формирования новой правовой парадигмы наиболее отчетливо проявился в российском правовом реализме, все исследуемые реалистические движения объединяет понимание роли права в качестве посредника между «книжным правом» и практическими человеческими потребностями.

Марина Артюровна Королева-Тонкова (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова и Женевский университет) темой **«Патернализм в российской правовой традиции»** на исторических примерах обосновала наличие патерналистских связей между российским

⁷ Tonkov, E., Tonkov, D. (2024) Russian Legal Realism: Basics. XXXI World Congress of the International Association for Philosophy of Law and Social Philosophy (IVR 2024). Special Workshop 055 “Evolution of Russian Legal Realism in Theory and Practice: Imperial, Soviet and Modern”, 09th July 2024, Soongsil University, Seoul. 21 p. Available at: https://www.academia.edu/130235261/Russian_Legal_Realism_Basics_IVR_2024_SW_055

⁸ Brożek, B., Stanek, J., Stelmach, J. (eds.) (2018) Russian Legal Realism. Law and Philosophy Library. Vol. 125. Cham, Springer. XI, 176 p.

⁹ Тонков Е. Н., Тонков Д. Е. Правовой реализм. Серия: Pax Britannica. СПб.: Алетейя, 2022. 464 с.

¹⁰ Тонков Е. Н. Российский правовой реализм. Серия: Толкование источников права. СПб.: Алетейя, 2024. 454 с.

государством и гражданами, в том числе показала устойчивое стремление отечественного правопорядка к сохранению традиционных гендерных различий в общественной и частной сферах жизни. Среди прочего, М. А. Королевой-Тонковой была отмечена десятикратная диспропорция в соотношении правителей-мужчин и правителей-женщин, наблюдающаяся в тысячелетней российской государственности: в основном правителями были мужчины, тогда как самый «женский» период пришелся на XVIII в., когда женщины правили Россией около 80 лет. Докладчиком было проанализировано закрепление лаконичных прозвищ у правителей как национальной социально-психологической черты, а также приведены примеры позитивных и негативных последствий различного регулирования прав и обязанностей мужчин и женщин на протяжении российской истории.

Антон Борисович Дикин (Высшая школа права Университета Максута Нарикбаева, Казахстан) в теме **«Междуд натурализмом и юридической интерпретацией: современные дебаты о природе правого реализма»** обратился к «натуралистическому повороту» в современной реалистической юриспруденции и к интерпретации эпистемологических аргументов У. В. О. Куайна. Как отметил А. Б. Дикин, одним из наиболее значимых факторов, лежащих в основе эволюции правовой эпистемологии в этом направлении, стало влияние идей и аргументов классического правового реализма на объяснение правовой реальности и сущности права. Критика традиционной юриспруденции в рамках правового реализма подчеркивает отличие анализа сущности права от реальной практики судопроизводства и принятия судебных решений в рамках концепций юридического позитивизма. Кроме того, популярность идей натурализации в юридической эпистемологии во второй половине XX в. связана с многочисленными противоречиями в объяснении объективности и нормативной природы права, которые позволяют в русле классических философско-правовых концепций сформировать представление о единой и логически замкнутой системе правовых норм, способных всесторонне влиять на практику правоприменения (Г. Кельзен, Г. Л. А. Харт). В своем выступлении А. Б. Дикин уделил специальное внимание творчеству Б. Лейтера, который попытался проанализировать реальную практику судопроизводства в контексте правового реализма.

Другими участниками секции были **Марина Леонидовна Давыдова** (Волгоградский государственный университет) и **Софья Викторовна Коваль** (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»). После выступлений Е. Н. Тонкова, Д. Е. Тонкова, М. А. Королевой-Тонковой и А. Б. Дикина дискуссия вместе с присутствующими на секции исследователями из Германии и Польши затронула влияние идей Л. И. Петражицкого на формирование и развитие российского правового реализма, было обсуждено дальнейшее исследование реалистической юриспруденции в России, а также взаимообусловленность теоретических размышлений и практической деятельности.

5. Специальные панели

Специальная панель «Региональные секции» включала в себя два основных выступления. Первым докладчиком стал **Яньлинь Ду** (Yanlin Du), профессор Цзилиньского университета (Китайская Народная Республика), с темой **«Китайская интерпретация судебной беспристрастности и справедливости»**, где была отмечена связь указанных феноменов с китайской модернизацией верховенства права. Для Китая, имеющего богатую культурную традицию, в частности, «онтологии эмоций» и «лояльности и всепрощения», цифровые технологии обеспечили такой уровень беспристрастности и справедливости, который не только предоставляет новейшие ресурсы для размышлений о внутренних ограничениях западного варианта модернизации верховенства права, но и является глубоким идеологическим вдохновением для китайского народа. Такой подход, по мнению Я. Ду, позволяет преодолеть теоретическую предпосылку «дихотомии эмоций и разума» и переосмыслить верховенство права подходящим для национальной ситуации в Китае образом со следующим выводом: «никаких колебаний» при столкновении с эмоциями.

Вторым докладчиком выступил **Роналду Порто Маседу мл.** (Ronaldo Porto Macedo Jr.), профессор Университета Сан-Паулу (Бразилия), который в докладе **«Витгенштейн, петлевая эпистемо-**

логия и право» подчеркнул значимость мыслей Л. Витгенштейна для теории права XX в.: от его влияния на интеллектуальную среду Венской школы, логический позитивизм и, в некоторой степени, на идеи Г. Кельзена до решительной критики концепции нормы права, что было подмечено Г. Л. А. Хартом. Особый интерес вызвали философские заметки Л. Витгенштейна 1950–1951 гг., опубликованные в 1969 г. под заголовком «О достоверности». Р. П. Маседу мл. исследовал сформированные последним этапом жизни Л. Витгенштейна, особенно в части «петлевой эпистемологии», пути понимания юридической эпистемологии, в том числе решения по преодолению некоторых классических споров между универсалистами и релятивистами, фундаменталистами и контекстуалистами. Докладчик предложил обратиться к современным авторам, таким как Р. Дворкин, чьи идеи могли бы получить дополнительное обоснование.

Специальная панель президента IVR была посвящена дискуссии о демократии в период военных конфликтов, охвативших многие регионы мира за последние несколько лет, и имела общее название **«Демократия во время войны и мира»**. Президент IVR **Маттиас Малманн** предложил рассмотреть на панели опасности и перспективы для демократии в текущих кризисных условиях. На панели выступили, среди прочих: **Амалия Амайя** (*Amalia Amaya*), профессор Эдинбургского университета (Великобритания) и исследователь Мексиканского национального автономного университета (Мексика), с докладом «Демократия и братство»; **Джон Михайл**, профессор Джорджтаунского университета (США), с докладом «Размышления о демократии, войне и правах человека»; представитель организационного комитета IVR 2024 **Джин-Сук Юн** с докладом «Демократия в Корее на краю истории».

6. Премии IVR

Одним из центральных событий на конгрессе стало вручение **книжной премии IVR** (англ. *IVR Book Prize*) **за выдающиеся достижения в области философии права и социальной философии**, совершенные в период с предыдущего конгресса. Престижной награды Международной ассоциации¹¹ был удостоен **Джеральд Постема** (*Gerald Postema*), почетный профессор Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле (США), за монографию **«Верховенство права: природа, ценность и жизнеспособность верховенства права»**¹². В своем обращении к участникам конгресса, озаглавленном **«Мы переживаем глобальную рецессию в верховенстве права»**, Д. Постема подчеркнул мрачные показатели ежегодного индекса верховенства права и процитировал слова пророка Исаии против общественной культуры, которые могут быть направлены, по мнению лауреата премии IVR, ко многим современным обществам. Когда речь заходит о верховенстве права, мы, по его мнению, живем во времена, в которых всё перевернулось вверх дном: нападки на основные институты и нормы верховенства права защищаются во имя самого верховенства права. Д. Постема посчитал, что философы и теоретики права должны отреагировать на это не легким релятивизмом или неловкой покорностью судьбе, а серьезными, продолжительными размышлениеми: ученые способны вместе попытаться создать более надежную основу для идеала верховенства права, которую будет возможно использовать не только для выявления злоупотреблений и манипуляций, но и для противодействия им.

Лауреатом премии IVR — **книжной премии им. Элис Тэй**¹³ (англ. *Alice Tay book prize*) **в области теории права** стала **Джули Диксон** (*Julie Dickson*), профессор Оксфордского университета (Великобритания), за книгу **«Разъясняя право»**¹⁴. В данном труде Д. Диксон рассматривает следующие вопросы, относящиеся к методологии и философии права: каковы цели философии права; к решению каких вопросов ей следует стремиться; как философам права можно подходить к своему предмету и взаимодействовать с ним, а также какие ограничения налагаются на них при этом; каковы критерии

¹¹ Книжная премия IVR была организована совместно с Американской ассоциацией юридической и социальной философии (*The American Association of Legal and Social Philosophy, AMINTAPHIL*).

¹² См.: Postema, G. J. (2023) *Law's Rule: The Nature, Value, and Viability of the Rule of Law*. Oxford, Oxford University Press. 394 p. Обсуждению данной работы также была посвящена одна из основных секций конгресса (SW 113).

¹³ Элис Эр-Сун Тэй (*Alice Erh-Soon Tay*, 1934–2004) — австралийский юрист, правовед, специалист в области сравнительного права, в 1998–2004 гг. была президентом Австралийской комиссии по правам человека (*Australian Human Rights Commission*).

¹⁴ Dickson, J. (2022) *Elucidating Law*. Oxford Legal Philosophy Series. Oxford, Oxford University Press. 208 p.

успешности теорий права и как мы узнаем, соблюdenы ли они; возможен ли прогресс в философии права. Лауреат премии IVR утверждает, что ученым следует придерживаться подхода, который Д. Диксон называет «косвенно-оценочной философией права» (англ. *Indirectly Evaluative Legal Philosophy*). Этот особый подход может помочь понять аспекты природы права, избегая при этом преждевременного или неуместного рассмотрения права как неотъемлемо ценного с моральной точки зрения. Право, по ее мнению, есть мощный, системный и институционализированный социальный инструмент, который следует понимать в соответствии с его спецификой.

7. Энциклопедия IVR

Краеугольным событием конгресса стала презентация первого **печатного издания Энциклопедии IVR¹⁵** (далее также — «Энциклопедия»), которая с 2017 г. существует в электронном виде на интернет-сайте¹⁶ издательства «Спрингер» (*Springer*). Особенностью Энциклопедии признана открытость к широкому кругу предлагаемых для обсуждения вопросов: авторами-составителями Энциклопедии стали **669 ученых** со всех концов света с охватом **833 тем** философии права и социальной философии. При подготовке к печати Энциклопедия была разделена на **15 секций**, которые отражают логику составления издания: «Наука права и социальные науки», «Правовые методы», «Социальная философия», «Формальная структура права», «Правовые системы», «Теория прав», «Правовые институты», «Справедливость», «Свобода и равенство», «Общее благо», «Правовая этика», «Прикладная философия права», «История философии права и социальной философии», «Современная философия права» и «Школы права».

Энциклопедия IVR является результатом многолетнего планирования, напряженной работы и сотрудничества участников конгрессов Международной ассоциации. Концепция этого грандиозного проекта возникла на XXI конгрессе IVR в Лунде (Швеция) в 2003 г., затем на XXV конгрессе IVR во Франкфурте-на-Майне (Германия) в 2011 г. были определены главные редакторы Энциклопедии: **Мортимер Селлерс**, профессор Университетской системы Мэриленда и глава Центра международного и сравнительного права Балтиморского университета (США), бывший глава американской секции IVR, редактор двух серий издательства «Спрингер», и **Стефан Кирсте**, профессор Зальцбургского университета (Австрия), бывший глава немецкой секции IVR.

Свой вклад в составление англоязычной Энциклопедии внесли **три российских исследователя**: **Михаил Валерьевич Антонов** с темой «Стучка, Петр Иванович»¹⁷, **Дмитрий Евгеньевич Тонков** и **Евгений Никандрович Тонков** с темой «Правовой реализм, российский»¹⁸. Интерес к российскому правовому наследию проявился во множественном обращении авторов Энциклопедии к отечественным (или имеющим отечественное происхождение) мыслителям: в дополнение к П. И. Стучке, специальное внимание отведено, например, Михаилу Александровичу Бакунину, Евгению Викторовичу Булыгину, Георгию Давидовичу Гурвичу, Петру Алексеевичу Кропоткину, Владимиру Ильичу Ленину, Евгению Брониславовичу Пащуканису, Льву Иосифовичу Петражицкому, Льву Николаевичу Толстому, Льву Давидовичу Троцкому и др. Тематика правового реализма в Энциклопедии раскрывается, помимо российского, через американское, французское, скандинавское, болонское, генуэзское и современное направления.

Преимуществом Энциклопедии стал не только глобальный охват ее участников, но и стремление к дальнейшему расширению круга затронутых тем. Несмотря на попытку указать в первом издании наиболее важные темы, редакторы специально подчеркивают, что энциклопедический труд никогда не мо-

¹⁵ Sellers M., Kirste S. (eds.) (2023) Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy. Dordrecht, Springer Nature B.V. LVI, 3677 p.

¹⁶ SpringerNature Link. Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy. URL: <https://link.springer.com/reference-work/10.1007/978-94-007-6519-1> (дата обращения: 07.07.2025).

¹⁷ Antonov, M. (2023) Stuchka, Pyotr Ivanovich. In: Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy. Sellers M., Kirste S. (eds). Dordrecht, Springer Nature B.V. Pp. 3384–3386.

¹⁸ Tonkov, D. E., Tonkov, E. N. (2023) Legal Realism, Russian. In: Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy. Sellers M., Kirste S. (eds). Dordrecht, Springer Nature B.V. Pp. 1982–1988.

жет считаться полностью завершенным и содержать весь перечень вопросов философии права и социальной философии: в следующих изданиях дополнительное внимание будет уделено менее известным правоведам и философам, представляющим интерес для отдельных регионов планеты.

Главные редакторы Энциклопедии пригласили новых авторов к направлению своих предложений для включения большего количества тем в следующие издания.

8. Итоги и следующий конгресс в Стамбуле

Всемирный конгресс IVR в Сеуле наглядно показал настрой теоретиков и практиков из разных стран во взаимном обмене идеями и эмпирическим материалом для исследований. Подобное стремление в беспрецедентно изменяющемся мире подчеркнуло **важность глобальных международных коммуникаций в науке**, несмотря на тенденции к регионализации теоретических и практических знаний. Репрезентативность ученых из множества правовых культур позволила конструктивно обсудить не только указанные в заглавной теме конгресса абстрактные понятия «верховенство права», «справедливость» и «демократия», но и прислушаться к практическим аргументам за ту или иную позицию по наиболее животрепещущим вопросам сегодняшнего дня.

Связь теории и практики становится в современной юридической науке необходимостью, подкрепляющей происходящие в других гуманитарных сферах деятельности человека процессы: среди прочего, иллюстративен наибольший интерес к основной секции конгресса, которая попыталась соединить философию права с юридической практикой. Следует отметить также фокус пленарных выступлений на междисциплинарность научных изысканий и динамичность толкования права, позволяющих объяснить не только юридические и философские, но также экономические, политические, психологические, социальные и другие феномены, категории, институты. В этом дискурсе актуализируется запрос на реалистическую юриспруденцию, отражающую действительность права, прогнозирующую развитие частных и публичных правоотношений, оказывающую воздействие на происходящие в социальной жизни явления.

Заметным формальным результатом конгресса стало избрание **нового президента IVR**: данной части удостоилась глава организационного комитета IVR 2024 — **Джин-Сук Юн**, сменив на этом посту Маттиаса Малманна¹⁹. Также были избраны вице-президенты (представители Франции, Бразилии, Японии и Турции) и члены исполнительного комитета IVR, среди которых есть представители Австралии, Аргентины, Испании, Италии, Китайской Народной Республики, Колумбии, Мексики, Хорватии, Швейцарии и других стран. Следующий **XXXII Всемирный конгресс IVR пройдет с 28 июня по 3 июля 2026 г. в Стамбуле (Турция) в Университете Кадыр Хас**. Его заглавная тема — **«Право перед лицом меняющихся проблем мира»**²⁰. Регистрация на конгресс доступна с 1 сентября 2025 г. по 15 июня 2026 г.

Прошедший в Сеуле конгресс Международной ассоциации метко характеризует корейская поговорка «После дождя земля становится крепче» (кор. “비 온 뒤에 땅이 굳어진다”), согласуясь с настроем мирового ученого сообщества искать пути разрешения накопившихся глобальных и региональных противоречий, а также продолжать диалог в условиях конфликтов в разных сферах бытия. Право является важным элементом культурной коммуникации, сохраняя статус одной из «мощных движущих сил всемирного исторического процесса»²¹: конгрессы IVR вызывают много откликов, свидетельствующих о востребованности подобного формата международного научного общения.

¹⁹ Президентом Международной ассоциации, как правило, становится глава организационного комитета прошедшего в конкретной стране конгресса. Обычно подобная смена происходит каждые четыре года, однако из-за пандемии COVID-19 М. Малманн был президентом IVR пять лет: с конгресса 2019 г. в Люцерне (Швейцария). Почетными президентами данной ассоциации являлись и являются Хосе Брито (Jose Brito, Португалия), Рикардо Гибург (Ricardo Guibourg, Аргентина), Герман Кленнер (Hermann Klenner, Германия), Ульфрид Нойманн (Ulfrid Neumann, Германия), Мортимер Селлерс (Mortimer Sellers, США), Карл Веллман (Carl Wellman, США) и Энрико Паттаро (Enrico Pattaro, Италия).

²⁰ См.: интернет-сайт Всемирного конгресса в Стамбуле: The 32nd World Congress of the International Association for Philosophy of Law and Social Philosophy. URL: <https://ivr2026istanbul.org> (дата обращения: 07.07.2025).

²¹ Разуваев Н. В. Право в контексте всемирно-исторического процесса // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 2 (24). С. 6.

В конгрессе 2024 г. зарегистрировалось большее количество российских ученых (пять человек при учете российских аффилиаций), чем в 2022 г. (два человека), что статистически свидетельствует о постепенном возвращении отечественной традиции участия в международных дискуссиях о теории права, философии права, социальной философии. Мы надеемся на **возрождение полноценной российской секции Международной ассоциации**, главами которой в разное время были выдающиеся отечественные правоведы Владик Сумбатович Нерсесянц и Владимир Георгиевич Графский. Конгресс IVR 2026 будет проходить в Стамбуле — городе на стыке Европы и Азии, что будет способствовать поиску компромисса между противоречащими мнениями ученых разных частей света и окажет плодотворное влияние на развитие отечественной и мировой философско-правовой мысли.

Список источников / References

1. Разуваев Н. В. Право в контексте всемирно-исторического процесса // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 2 (24). С. 6–8. EDN: XCIIPAP / Razuvaev, N. V. (2025) Law in the Context of the Global Historical Process. *Theoretical and Applied Law*. No. 2 (24). Pp. 6–8. (In Russ.)
2. Тонков Д. Е., Тонков Е. Н. «Справедливость, Сообщество и Свобода»: обзор XXX Всемирного конгресса Международной ассоциации по философии права и социальной философии (IVR 2022) // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2022. Т. 17. № 6. С. 206–226. DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-6-d.tonkov-e.tonkov. EDN: GYCZOE / Tonkov, D. E., Tonkov, E. N. (2022) “Justice, Community and Freedom”: Review of the XXX World Congress of International Association for Philosophy of Law and Social Philosophy (IVR 2022). *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. Vol. 17, No. 6. Pp. 206–226. DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-6-d.tonkov-e.tonkov (In Russ.)
3. Тонков Е. Н. Российский правовой реализм. Серия: Толкование источников права. СПб.: Алетейя, 2024. 454 с. / Tonkov, E. N. (2024) Russian legal realism. Interpretation of the sources of law Series. St. Petersburg, Aletheia. 454 p. (In Russ.)
4. Тонков Е. Н., Тонков Д. Е. Правовой реализм. Серия: Pax Britannica. СПб.: Алетейя, 2022. 464 с. EDN: YCYXLH / Tonkov, E. N., Tonkov, D. E. (2022) Legal realism. Pax Britannica Series. St. Petersburg, Aletheia. 464 p. (In Russ.)
5. Antonov, M. (2023) Stuchka, Pyotr Ivanovich. In: Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy. Sellers M., Kirste S. (eds). Dordrecht, Springer Nature B.V. Pp. 3384–3386. DOI: 10.1007/978-94-007-6519-1
6. Brožek, B., Stanek, J., Stelmach, J. (eds.) (2018) Russian Legal Realism. Law and Philosophy Library. Vol. 125. Cham, Springer. XI, 176 p. DOI: 10.1007/978-3-319-98821-4
7. Dickson, J. (2022) Elucidating Law. Oxford Legal Philosophy Series. Oxford, Oxford University Press. 208 p. DOI: 10.1093/oso/9780198727767.001.0001
8. Mahlmann, M. (2023) Mind and Rights: The History, Ethics, Law and Psychology of Human Rights. Cambridge, Cambridge University Press. 300 p. DOI: 10.1017/9781316875520
9. Núñez, J. E. (2024) Cosmopolitanism, State Sovereignty and International Law and Politics: A Theory. London, N.Y., Routledge. 216 p. DOI: 10.4324/9781003318231
10. Postema, G. J. (2023) Law’s Rule: The Nature, Value, and Viability of the Rule of Law. Oxford, Oxford University Press. 394 p. DOI: 10.1093/oso/9780190645342.001.0001
11. Sellers, M., Kirste, S. (eds.) (2023) Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy. Dordrecht, Springer Nature B.V. LVI, 3677 p. DOI: 10.1007/978-94-007-6519-1
12. Tonkov, D. E., Tonkov, E. N. (2023) Legal Realism, Russian. In: Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy. Sellers, M., Kirste, S. (eds). Dordrecht, Springer Nature B.V. Pp. 1982–1988. DOI: 10.1007/978-94-007-6519-1
13. Tonkov, E., Tonkov, D. (2024) Russian Legal Realism: Basics. XXXI World Congress of the International Association for Philosophy of Law and Social Philosophy (IVR 2024). Special Workshop 055 “Evolution

- of Russian Legal Realism in Theory and Practice: Imperial, Soviet and Modern”, 09th July 2024, Soongsil University. *Seoul*. 21 p. Available at: https://www.academia.edu/130235261/Russian_Legal_Realism_Basics_IVR_2024_SW_055_.
14. Tourkochoriti, I. (2022) Freedom of Expression: The Revolutionary Roots of American and French Legal Thought. ASCL Studies in Comparative Law Series. Cambridge, *Cambridge University Press*. 296 p. DOI: 10.1017/9781009042789

Об авторах:

Тонков Евгений Никандрович, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доцент кафедры теории и истории права и государства, кандидат юридических наук, адвокат; e-mail: e.tonkov@mail.ru

Тонков Дмитрий Евгеньевич, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения, кандидат юридических наук; e-mail: d.tonkov@inno.mgimo.ru

About the authors:

Evgenii N. Tonkov, North-West Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor of the Theory and History of Law and State Department, barrister; e-mail: e.tonkov@mail.ru

Dmitrii E. Tonkov, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Legal Studies; e-mail: d.tonkov@inno.mgimo.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare that there is no conflict of interest.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

2025. № 4 (26)

Директор

издательско-полиграфического центра

Е. Ю. КНЯЗЕВ

Ответственный редактор

И. Е. ВИЛЬМАН

Корректор

М. П. КУЛИКОВА

Верстка

Т. П. ОЛОНОВА

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Н. В. Разуваев, доктор юридических наук

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации

ИЗДАТЕЛЬ

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Свидетельство Роскомнадзора о регистрации СМИ

ЭЛ № ФС 77-77212 от 08.11.2019

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки; входит в Единый государственный перечень научных изданий (Белый список).

Журнал распространяется бесплатно.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Теоретическая и прикладная юриспруденция» обязательна.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В. О., 8-я линия, д. 61.

E-mail: ph-sziv@ranepa.ru, vilman-i@ranepa.ru

Тел.: (812) 335-94-72, (812) 335-42-10

Выход в свет 18.12.2025.

Сайт журнала: <https://www.taljournal.ru>.

16+

Макет подготовлен издательско-полиграфическим центром Северо-Западного института управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В. О., д. 61.

Тел. (812) 335-94-97

THEORETICAL AND APPLIED LAW

2025. № 4 (26)

Chief of the publishing and printing centre

KNYAZEV E. YU.

Publishing editor

VILMAN I. E.

Proofreader

KULIKOVA M. P.

Layout designer

OLONOVA T. P.

Chief Editor

RAZUVAEV N. V., Doctor of Science (Jurisprudence)

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

PUBLISHER

North-Western Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

Certificate of registration in the mass media

ЭЛ № ФС 77-77212 at 08.11.2019

The magazine is distributed free.

Editorial opinion may not coincide with the point of the view of the authors of published materials.

When reprinting, a reference to the journal "Theoretical and Applied Law" is required.

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE:

61 Eighth Line of the Vasilevsky Island, Saint Petersburg, 199004 Russian Federation

E-mail: ph-sziu@ranepa.ru, vilman-ie@ranepa.ru

Tel.: (812) 335-94-72, (812) 335-42-10

Publication date 18.12.2025.

Website: <https://www.taljournal.ru>.

16+

The layout was prepared by the publishing and printing center of the North-Western Institute of Management of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (RANEPA)

61 Eighth Line of the Vasilevsky Island, Saint Petersburg, 199004 Russian Federation

Tel. (812) 335-94-97